КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

10
FEB 26 1926
LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

СОДЕРЖАНИЕ:

К переговорам В. Н. Коковцова о займе 1905—1906 г.г.— С. Ю. Витте, французская пресса и русские займы.— Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана. —Экономическое положение России перед революцией.— Протоколы заседаний ЦИК 1-го созыва после Октября. —Из дневника ген. Селивачева.—Из дневника А. Д. Протопопова.—М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири.— Из дневника К. Н. Романова.— 14 декабря 1825 г. в письмах Нессельроде.—Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге (1913 г.).—Корф и Герцен.—Инструкции Алексеевскому равелину.— Рептильный фонд (1914—1916 г.г.).— Увольнение Н. Н. Романова от верховного командования и др.

ЦЕНТРАРХИВ
1925

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. К переговорам В. Н. Коковцова о займе 1905—1906 г.г. Сообщил *В. А. Романов*. . . . . 3—37
2. С. Ю. Витте, французская печать и русские займы. Сообщил *Е. В. Тарле* . . 38
3. Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. *А. М. Забмчковский*. . . . . 42—56
4. Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана. *И. Рейснер*. . . . 57—69
5. Экономическое положение России перед революцией. Предисловие *М. Н. Покровского* . . . . . 70—71
   1. Записка М. В. Родзянко . . . . . 72—89
   2. Записка В. Степанова . . . . . 89—97
6. Протоколы заседаний ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва после октября . . 98—137
7. Из дневника ген. В. И. Селивачева (окончание) . . . . . 138—174
8. Из дневника А. Д. Протопопова. Сообщил *И. И. Тоболин* . . . . . 175—183
9. М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири. Сообщил *В. П. Полевский*. . . 184—216
10. Из дневника в. к. Константина Николаевича (18 апр.—31 дек. 1862 г.). Предисловие *Д. А. Горбова* и примечания *Н. Д. Чулкова* . . . . . 217—260
11. 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Несельроде. Сообщила *В. Е. Сыроечковская* . . . . . 261—285
12. Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге (1913 г.). Предисловие *Вел. Полевого* . . . . . 286—299

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

13. Письмо кн. Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска 1-й Государственной Думы. Сообщил *А. С.* . . . . . 300—304
14. К. П. Романов в характеристике Д. Т. Лиевен. Сообщил *Б. Сыроечковский*. 305—308
15. М. Корф в полемике с Герценом. Сообщил *В. Е. Сыроечковский* . . . . 308—317
16. Стихотворение декабриста. Сообщил *В. Е. Якушкин* . . . . . 317—319
17. Песня декабристов. Сообщил *В. Е. Якушкин* . . . . . 319—321
18. Инструкции по Алексеевскому равелину С.-Петербургской (Петропавловской) крепости. Сообщил *Н. И. Сидоров* . . . . . 321—327
19. Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости. Сообщил *Н. И. Сидоров*. 328—331
20. Рентальный фонд 1914—1916 г. г. Сообщил *И. И. Тоболин* . . . . . 332—342
21. Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего. Сообщил *С. Иванов* . . . . . 342—343

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ТРЕТИЙ (ДЕСЯТЫЙ)

1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 45081.
Гиз № 14707. Тир. 4000

К ПЕРЕГОВОРАМ КОКОВЦОВА О ЗАЙМЕ В 1905—1906 Г.Г.

Публикуемые ниже документы относятся к тому критическому периоду в борьбе между царской властью и революционным движением 1905—6 г.г., когда на карту была поставлена судьба золотой валюты и вообще финансов бывш. Российской монархии. Вступив в войну с Японией с бюджетом, рассчитанным на мирное течение событий, и со свободной наличностью государственного казначейства в 381 миллион рублей, русское правительство выходило из войны, в августе 1905 г., без «свободной наличности», с двумя краткосрочными заграничными займами (французским 1904 г. и германским 1905 г.) на сумму около 500 миллионов рублей, с расстраивающимся поступлением налогов последнего квартала бюджетного 1905 года и с перспективою неизбежности, если не придет помощь со стороны, — превысить эмиссионное право Государственного банка и прекратить размен.

После Портсмутского договора можно было сколько угодно толковать о том, что к моменту выхода из войны Россия как раз-то и достигла на манчжурском театре необходимой мощи для продолжения войны и победного ее окончания. Для русского правительства беда была в том, что к этому у него не было финансовых средств и никакой возможности добыть их на заграничном рынке. В настроение этого последнего (тут приходится считаться лишь с французским) 1905 год внес заметную перемену. Если в апреле 1904 года с него можно было взять 282 миллиона рублей, из $6^1/_2{}^0/_0$ действительных, а в октябре-ноябре того же года можно было колебаться — брать или не брать заем, предложенный Лионским Кредитом [1]), то в феврале 1905 г., в самые дни мукденской катастрофы, французские банкиры в Петербурге, в нарушение всех заведенных правил, отобедав накануне у министра финансов, на другой день не явились к подписанию контракта [2]).

Как ни серьезно было чувство обиды, испытанное при этом русским министерством, события шли своим чередом, и к лету этого года вопрос о займе встал вновь, — на этот раз уже с русской стороны, — во время портсмутских перегово-

---

[1]) Переписка октября—ноября 1904 г., относящаяся к этому эпизоду, будет опубликована Центрархивом в особом сборнике документов о русских финансах в 1904—1906 г.г.

[2]) Оставление русскими Мукдена совершилось 25 февраля, условия контракта с банкирами были окончательно установлены 27-го, обед у Коковцова состоялся 28-го, и на 1 марта, в 11 час. утра, назначено было подписание контракта. В ночь с 28-го на 1-е банкиры получили приказ от своих учреждений не подписывать контракта и вернуться в Париж (письмо Коковцова к Нелидову от 10/23 мая 1905 г.).

ров. Едва успел Витте высадиться на берегу Америки, как ему уже напоминали (19 июля), чтобы он «на обратном пути в Париже настаивал на необходимости займа, как единственном способе не толкать нас на финансовые безрассудства» [1]). Между тем «со всеми, с кем приходилось (Витте) говорить за границею, чувствовалось, что при настоящем настроении достать денег за границею более чем трудно». Дело усложнялось до чрезвычайности тем, что «это настроение основано не только на внешнем (нашем), но, пожалуй, еще более на внутреннем положении» [2]). Иными словами, летом 1905 г. вопрос ставился о том, кому в России больше всего поверит финансовая Европа, без которой обойтись было никак невозможно. Витте выглядел в этот момент единственно подходящей для этого политической фигурой. Еще до портсмутского успеха решен был вопрос о предоставлении ему, «с учреждением Думы», «общего руководства и объединения деятельности отдельных министерств», и Коковцов, министр финансов, обратился к Витте с просьбой «взять на себя труд подготовить почву для новых займов в Америке и Франции», сам отказываясь от непосредственного ведения этого тонкого дела и предоставляя себя заранее в полное распоряжение Витте [3]). Два дня спустя ту же просьбу к Витте Коковцов передавал от имени Николая II, который, де, «придает особое значение личному воздействию» Витте [4]).

Тем временем мирные переговоры подходили к благополучному концу, и 18 августа Витте сообщал, что к нему приезжал Вандерлиб «говорить о займе на случай мира» и спрашивал, не желает ли Коковцов, чтобы он, Витте, занялся выяснением главных оснований займа [5]). А 27 августа состоялся деловой разговор Витте и с самим Морганом. Морган предложил свое участие в международном займе для России, совместно с Англией, Германией и Францией, и выразил готовность лично приехать в Европу или прислать своего представителя для переговоров с банкирами и вступить в предварительные переговоры с Коковцовым [6]). Когда, таким образом, лед тронулся, Коковцов заговорил о желательности своей поездки в Париж для свидания с Моргановским представителем [7]). Эта поездка намечалась на 10-е числа октября, но октябрьские события исключили возможность поездки, а затем и Коковцов вынужден был уйти из министерства финансов после назначения Витте премьером. Проездом в Париже Витте выяснил (тел. 9/22 сентября) возможность, в виду окончания японской войны, двух кредитных комбинаций: 1) либо международного займа в 1.800 миллионов франков, 2) либо французского займа в 900 миллионов фр. Любопытно, что тогда, в начале сентября, Витте ни словом не упоминал о неизбежности отсрочки займа в виду франко-германского конфликта в Марокко и, наоборот, советовал «делать операцию скорее, особенно если ограничиться одною Францией» [8]). О дальнейшем знаем лишь, что

---

[1]) Телеграмма Коковцова Витте от 19 июля 1905 г.
[2]) Тел. Витте Ламздорфу от 1/14 августа из Портсмута.
[3]) Тел. Коковцова Витте от 3/16 августа.
[4]) Тел. Коковцова Витте от 5/18 августа.
[5]) Тел. Витте Коковцову от 18/31 августа.
[6]) Тел. Витте Коковцову от 27 августа/9 сентября.
[7]) Тел. Коковцова Витте от 29 августа/11 сентября.
[8]) Тел. Витте Коковцову от 9/22 сентября.

в начале октября в Петербурге состоялся съезд представителей банков у Коковцова, но ход и результаты этих октябрьских совещаний остаются пока нам неизвестными [1]).

Между тем «уже в ноябре месяце 1905 года положение денежного обращения стало весьма критическим», и Витте специально поручил двум членам комитета финансов (Коковцову и Шванебаху) следить за ходом операций с золотом и вообще операций Государственного банка. Так как «положение все ухудшалось», то Витте предложил Коковцову съездить в Париж попробовать сделать заем, хотя и знал, что до разрешения мароккского кризиса заем невозможен. Коковцов был в Париже в 20-х числах декабря, переговорил с Рувье (премьер-министром), но ему был дан известный Витте заранее отрицательный ответ. Коковцову удалось только получить 100 миллионов рублей авансом в счет будущего займа от банкиров, с которыми еще сам Витте проездом из Америки вел переговоры о том [2]).

Публикуемые документы, — переписка, связанная с поездкой, день за днем отражающая ход переговоров и рисующая действительно совсем нависшую над правительством Витте опасность государственного банкротства, а также подробный отчет, представленный Коковцовым по возвращении комитету финансов, — взяты целиком из особого дела «секретарской части» общей канцелярии министра финансов за 1905 г., № 4, «по поездке статс-секретаря Коковцова в Париж в декабре 1905 — январе 1906 г.г.» [3]). Как уже ранее опубликованная в Красном Архиве (т. IV) переписка между Коковцовым и Нецлином, относящаяся к ходу реализации известного «большого» займа 1906 г., так и эти документы представляют тот интерес, что рисуют во всех подробностях, и на этот раз, — поскольку переписка шла от русских к русским же, — с полною откровенностью, как связь судеб Российской монархии с настроениями французского денежного рынка, так и этот самый рынок в лице т. наз. haute finance. Haute finance состоял не более как из десятка банковых дельцов, на характеристику которых Коковцов не пожалел красок в своем отчете. Этими документами бесповоротно устанавливается тот факт, что судьба монархии в ее борьбе с революцией — непосредственно после московского восстания — висела на волоске и целиком была в руках этой haute finance. Только самые откровенные и ничем не прикрашенные объяснения Коковцова о положении дела с русской валютой побудили ее внять просьбам правительства Витте и выдать аванс, который дал Витте возможность дотянуть до конца мароккского кризиса и получить заем до созыва Думы.

100 миллионов, выговоренные Коковцовым в Париже, только-только поспели, чтобы покрыть быстро увеличивавшийся недостаток золота в Государственном банке: на 23 декабря нехватало золота 47 миллионов, а уже на 1 января ожидался недостаток в 80 миллионов. Что касается французского правительства, то оно, по свидетельству Коковцова, готово было оказать всякое содействие его миссии. Зато собственно финансовые круги держались «крайне неблагоприятно», в виду «отсутствия всяких шансов на то, что публика теперь пойдет на заем». Они не принимали на себя никакого «формального обязательства заключить долгосрочный

---

[1]) Имеются лишь телеграммы о приезде, напр., представителей Мендельсона и бр. Бэринг от 1/14 октября.

[2]) Витте, Воспоминания, II, стр. 180 и 181.

[3]) Хранится во 2 Отделении Экономической Секции Е. Г. А. Ф. в Ленинграде.

заем через короткий двухмесячный срок»; более того, Коковцов не был уверен, что «эти господа» не принесут к учету разом выпускаемых краткосрочных обязательств «при каком-либо политическом инциденте». Это уже деталь, что Коковцов объяснял такое отношение банкиров их... «крайней финансовой необразованностью». Когда угроза прекращением размена со всеми вытекающими отсюда «для интересов иностранных владельцев наших фондов» последствиями была передана Витте в Париж через Коковцова 25 декабря в категорической форме, — аванс был все-таки дан. На деле это предрешало вопрос и о займе.

Б. Романов.

Телеграмма Витте Мендельсону (в Берлин) и Нецлину (в Париж)

от 13 декабря 1905 г. [1]).

Срочно. Его пр-во статс-секретарь Коковцов, снабженный широкими полномочиями, едет в ближайшее время за границу по делу чрезвычайной важности. Прошу телеграфировать мне, где и когда может он с вами встретиться.

Витте.

Телеграмма Нецлина Витте

из Парижа, 13/26 декабря 1905 г., 12 ч. 25 м. дня [2]).

Телеграмму получил. Буду в распоряжении вашего пр-ва и статс-секретаря Коковцова, где и когда хотите. Телеграфируйте инструкции.

Нецлин.

Телеграмма Нецлина Витте

из Парижа, 14/27 декабря 1905 г., 7 ч. 55 м. веч. [3]).

Подтверждаю вчерашнюю телеграмму и позволяю себе прибавить, что, основываясь на некоторых указаниях, я думаю, было бы предпочтительнее иметь первый разговор не в Париже и не в Берлине.

Нецлин.

Из частного письма Бенкендорфа Ламздорфу

из Лондона от 2/15 декабря 1905 г. [4]).

Путешествие лорда Ревельстока в Петербург и причины этого путешествия поссорили дом Бэринга с Ротшильдами и всеми еврей-

---

[1]) Перевод с француз. — Отправлена в 12½ ч. ночи. Текст писан рукой Коковцова.

[2]) Перевод с франц.

[3]) Перевод с французского.

[4]) В деле сохранился перевод этой «выписки» из письма Бенкендорфа.

скими банкирскими домами в Англии и Америке. Для дома, о котором идет речь, это дело весьма серьезное. Впрочем, в конце концов, они знали, что делали. Важнее для нас то обстоятельство, что Ротшильды твердят повсюду, что Ревельсток скомпрометировал Лондонский Сити, что русский кредит в настоящее время стоит очень низко, но будет восстановлен немедленно по разрешении еврейского вопроса, каковое неминуемо: тогда, по их словам, они, де, Ротшильды, будут заведывать русскими делами, и мы будем обращаться к ним, а не к Бэрингам. Хуже всего, на мой взгляд, то, что во всем этом есть некоторая правда. В решительную минуту мы примем во внимание наши собственные интересы и ничего более. Однако следует это сделать весьма ловко, иначе весь влиятельный Лондонский Сити, в настоящее время столь к нам благоприятно относящийся, от нас отвернется. Пожертвовать Ревельстоком было бы, на мой взгляд, большою политическою ошибкою, а может быть, и финансовою. Мне кажется поэтому, что было бы полезно, если бы министр финансов [1]) мог при случае обнадежить Ревельстока. Он держал себя в отношении банкиров с необычной энергией, и влияние его простирается высоко и далеко.

Письма Витте к Рувье, кн. Бюлову и парижскому и лондонскому Ротшильдам [2]).

1.

Рувье.

Дорогой коллега.

Близко следя за делами внутреннего положения (дружественной и союзной Франции) России, вы осведомлены, конечно, обо всех особенностях того брожения, которое нарушило покойное течение жизни моей родины. Не настало еще, конечно, время подводить итоги этого движения или предсказывать мельчайшие подробности грядущих событий. Но уже и теперь я твердо верую в то, что порядок будет восстановлен и что здоровый организм русского народа, глубоко преданного своему монарху, переживет тяжелый кризис современного брожения и что государственный строй России сохранится непоколебленным.

Но, чтобы обеспечить лучшее и, смею думать, близкое будущее, необходимо предупредить и устранить этот кризис, который, гибельно действуя на экономическое положение России, неизбежно распространится и за пределы ее. Я разумею — кризис финансовый. Этот вопрос глубоко интересует императорское правительство, и его величеству, моему августейшему повелителю, благоугодно было возло-

[1]) Коковцова после 17 октября сменил в «кабинете Витте» И. П. Шипов.

[2]) Собственноручные наброски писем, рукою Коковцова, от 15 декабря 1905 г. к 1) Рувье, 2) кн. Бюлову, 3) парижскому Ротшильду, 4) лондонскому Ротшильду.

жить на своего статс-секретаря, члена государственного совета, д. т. с. Коковцова, недавно занимавшего пост министра финансов, поручение отправиться за границу с целью принятия возможных мер к устранению неблагоприятных последствий современного финансового положения России. Статс-секретарь Коковцов снабжен его величеством всеми необходимыми полномочиями.

Я позволяю себе горячо рекомендовать его пр-во г. Коковцова вашему доброму вниманию и надеюсь, что непосредственные ваши с ним сношения помогут вам уяснить себе всесторонне современное положение России и дадут вам возможность оказать дружественной стране ту могущественную поддержку, которая столь же необходима для ее блага, как и для взаимной пользы обоих народов, соединенных в одно общее целое во имя мира и культуры.

Вспоминая с особенным удовольствием нашу последнюю встречу в Париже, я прошу вас, дорогой коллега, верить чувствам моих искреннего уважения и глубокой преданности.

2.

К н. Б ю л о в у.

Дорогой князь.

Близко следя за делами внутреннего положения России, вы осведомлены, конечно, обо всех особенностях того брожения, которое нарушило покойное течение жизни моей родины. Не настало еще, конечно, время подводить итоги этого движения или предсказывать мельчайшие подробности грядущих событий. Но уже и теперь я твердо верую в то, что порядок будет восстановлен и что здоровый организм русского народа, глубоко преданного своему монарху, переживет тяжелый кризис современного брожения и что государственный строй России сохранится непоколебленным.

В этом убеждают меня в особенности печальные события последних дней в Москве, непреложно доказывающие то, что революционное движение ограничено в своем напряжении и не может противостоять силе, направленной на его подавление.

Но, чтобы обеспечить лучшее и, смею думать, близкое будущее, необходимо предупредить и устранить этот кризис, который, гибельно действуя на экономическое положение России, неизбежно распространится и за пределы ее. Я разумею — кризис финансовый. Этот вопрос глубоко интересует императорское правительство, и его величеству, моему августейшему повелителю, благоугодно было возложить на своего статс-секретаря, члена государственного совета, д. т. с. Коковцова, недавно занимавшего пост министра финансов, поручение отправиться за границу с целью принятия возможных мер к устранению неблагоприятных последствий современного финансового поло-

жения России Статс-секретарь Коковцов снабжен его величеством всеми необходимыми полномочиями.

Я позволяю себе горячо рекомендовать его пр-во г. Коковцова вашему доброму вниманию и надеюсь, что непосредственные ваши с ним сношения помогут вам уяснить себе всесторонне современное положение России и дадут вам возможность оказать возложенной на статс-секретаря Коковцова миссии ту поддержку, которая одна бесспорно может только обеспечить ее полный успех.

Если бы, по объяснении с ст.-секр. Коковцовым, вы, мой дорогой князь, признали полезным для поддержания благоприятных результатов этой исключительной важности миссии испросить для него у его величества, вашего августейшего повелителя, честь личной аудиенции, то я мог бы только поздравить его с этой милостью.

Мне остается только возобновить в моей благодарной памяти мое недавнее с вами свидание и выразить уверенность в том, что издавна внушенные вами мне чувства неизменного уважения могут только возрасти и окрепнуть в будущем.

От всей души поздравляю вас с наступившим новым годом и желаю, чтобы он принес вам полное счастье.

3.

Парижскому Р о т ш и л ь д у
(спросите в кред. канцелярии, как его зовут).

Дорогой барон.

Чувство искренней дружбы, которое соединяло меня в течение многих лет с вашим покойным отцом, и глубокая симпатия, которую я питаю лично к вам и вашему дому, некогда стоявшему в столь близком соприкосновении с делами русского государственного кредита, побуждают меня обратить ваше внимание на то, что, по повелению его императорского величества государя императора, в настоящее время прибыл в Париж статс-секретарь его величества, член государственного совета, д. т. с. Коковцов, недавно занимавший пост министра финансов России. — Снабженный его величеством широкими полномочиями, ст.-секр. Коковцов имеет поручение уяснить политическим кругам современное внутреннее положение моей родины и принять, если это окажется возможным, необходимые меры к предупреждению и устранению тех финансовых затруднений, с которыми могла бы встретиться Россия, как с последствием недавно оконченной войны и переживаемых внутренних волнений.

Едва ли мне следует говорить вам, что мне было бы особенно отрадно узнать, что ваш дом, пользующийся столь заслуженной известностью, нашел возможным на этот раз выступить в активной роли содействием моей родине в устранении ее финансовых затруднений.

Я скажу вам только, что такое участие было бы столь же желательно как в интересах русского кредита вообще, так и в интересах самой Франции, так, наконец, и в тех особых интересах, которые всегда были столь справедливо ограждаемы вашею фирмою.

Выражая мою уверенность в том, что личное ваше знакомство с статс-секретарем Коковцовым, которого я вам рекомендую самым горячим и дружеским образом, оставит в вас самое лучшее воспоминание, — я прошу вас верить моему искреннему к вам уважению.

4.

Лондонскому Ротшильду.

Дорогой лорд.

Вы, без сомнения, близко следите за всем, что переживает в настоящее время Россия в ее внутреннем положении. Весьма серьезное само по себе народное брожение, охватившее некоторые местности обширной империи, представляется, вероятно, еще более грозным на большом расстоянии, которое отделяет вас от моего отечества. Далекий от мысли в чем-либо уменьшить силу и значение этого движения, я выражаю, однако, мою твердую уверенность в том, что Россия выйдет победительницей из переживаемой ею смуты и что недалеко тот день, когда здравый разум русского народа, глубоко преданного своему монарху, переработает и победит вместе с правительством то поверхностное брожение, которое, при всей его кажущейся силе, не успело пустить глубоких корней в многомиллионной массе русского народа.

Но одновременно с борьбой против внутренних смут императорское правительство озабочено в настоящее время принятием таких мер, которые могли бы предупредить гибельные последствия финансового кризиса, как последствия войны и переживаемых внутренних беспорядков. В этих видах его имп. велич., моему августейшему повелителю, благоугодно было командировать за границу с особыми полномочиями своего статс-секретаря, члена госуд. совета, д. т. с. Коковцова. Ст.-секр. Коковцов предполагает посетить Лондон, если вы, милорд, по получении этого письма сочтете удобным уведомить его о вашем желании и готовности войти в непосредственные с ним сношения, как с целью уяснить себе истинное положение вещей в России в финансовом и общественном положении, так и в выработке мер, которые могли бы обеспечить восстановление правильного финансового положения, нарушенного войной и внутренними беспорядками.

Позволю себе высказать личное мое мнение, что участие ваше в этом деле первейшей важности представляло бы значение далеко не для одной России. Его последствия могут быть оценены только позже, когда, прекратив беспорядки и вернув Россию на путь мирного

труда, имп. правит. предпримет те преобразования своего внутреннего строя, которые находятся в связи с новыми условиями ее жизни.

Прошу вас, мой лорд, верить чувствам неизменного моего уважения и глубокой преданности.

Телеграмма Шипова Рафаловичу

в Париж от 16 декабря ст. ст. 1905 г. [1]).

Его пр-во статс-секретарь Коковцов едет в Париж по делу чрезвычайной важности. Прибудет понедельник вечером норд-экспрессом. Прошу оказать ему всякое содействие.

Шипов.

Телеграмма Шипова Голубеву

в Берлин от 16 декабря ст. ст. 1905 г. [2]).

Статс-секретарь Коковцов едет по высочайшему повелению за границу. Прошу предупредить посла о предполагаемом посещении статс-секретарем Коковцовым Берлина и оказать последнему всякое содействие.

Шипов.

Телеграмма Шипова Голубеву

в Берлин от 18/31 декабря 1905 г.

Статс-секретарь Коковцов выехал в субботу, 17 декабря ст. ст., 6 вечера. В Берлине не остановится, встретьте его в поезде, передайте ему следующую депешу, шифрованную его шифром. Нецлин телеграфирует от 30 декабря следующее: Утин телеграфировал сегодня утром Петрококино, что понедельник статс-секретарь Коковцов будет здесь. Я боюсь нескромности. Позволяю себе настаивать, что его прибытие сюда преждевременно; напротив, я предлагаю встретить статс-секретаря Коковцова где угодно, кроме Берлина.

Шипов.

Телеграмма Вуича Коковцову

от 19 декабря 1905 года/1 января 1906 г., 6 час. 30 м. веч. [3]).

Москве беспорядки подавлены. На железных дорогах приняты самые решительные меры, и там, где движение прервано, будет восстановлено. Надеюсь, что строгие, решительные меры, по крайней мере временно, устранят волнения. Вообще проходит (sic) значительно лучше сравнительно с временем, когда вы уезжали.

Вуич.

---

[1]) Перевод с франц.

[2]) В. Я. Голубев — агент м-ва финансов в Берлине.

[3]) Н. И. Вуич, помощник управл. делами совета министров.

Телеграмма Львова Дорлиаку

в Париж от 19 декабря 1905 г. [1]).

Соллогуб [2]) из Риги сообщает успокоительные известия. Там движение на дорогах постепенно восстанавливается. Чухнин [3]), на основании сообщения транспорта «Днестр», от 17 октября доносит, что в Новороссийске анархия, пластуны отказались ехать. Вероятно, сведения преувеличены. Для успокоения Бахмутского района приняты самые энергичные меры. В Москве успокоение продолжается. На бирже успокоение. Спрос на валюту сократился. Иностранное отделение [4]) сегодня полтора миллиона.

Львов.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Парижа от 20 декабря 1905 г./2 января 1906 г.

Для сведения вашего и графа Витте сообщаю: Рувье еще не мог видеть, он на охоте. Виделся с некоторыми банкирами, настроение которых весьма пессимистическое, хотя биржа здесь очень крепнет. Без прямого поощрения правительства они не пойдут. Посол делает, что может, и даже отложил отъезд в Ниццу. Опасаюсь, что Рувье едва ли выступит решительно. Увидим. Инцидент с телеграммой Нецлина исчерпан.

Коковцов.

Письмо Шипова Сольскому

от 20 декабря 1905 г.

Отпуск.

Милостивый государь, граф Дмитрий Мартынович [5]).

Имею честь покорнейше просить ваше сиятельство о назначении в возможно ближайший срок заседания комитета финансов для обсуждения современного положения денежного обращения, дабы подготовить заранее все меры на случай, если попытка лица, командированного за границу, не увенчается успехом [6]).

---

[1]) Е. Д. Львов — директор канцелярии министерства финансов; Дорлиак — чиновник особ. поручений, ездивший с Коковцовым за границу.

[2]) Соллогуб — генерал-губернатор Прибалтийского края.

[3]) Командующий Черноморским флотом.

[4]) Иностранное отделение особенной канцелярии по кредитной части.

[5]) Д. М. Сольский — председатель комитета финансов.

[6]) Документов по этому заседанию комитета финансов во 2 отд. Экономич. секции не имеется.

Дело это особенно срочно и потому, что оставление указа об эмиссионном праве Государственного банка нераспубликованным возможно лишь на самый короткий срок.

Примите уверение в глубоком почтении и искренней преданности покорного слуги.

(Подписал) *И. Шипов.*

Телеграмма Львова Дорлиаку

в Париж от 20 декабря 1905 года.

Москве, Риге, Либаве, Одессе затруднительное положение торговли, промышленности. Придется оказать помощь. Беспорядки как будто слабее. Биржа крепка. Продажа валюты еще сократилась. Тон газет все более враждебен Витте. Уведомьте о получении телеграммы.

Львов.

Телеграмма Дорлиака Львову

из Парижа от 21 декабря 1905 г.

Две телеграммы получил. Первое свидание с Рувье состоится сегодня вечером.

Дорлиак.

Телеграмма Вуича Коковцову

в Париж от 20 декабря 1905 г./2 янв. 1906 г. 10 ч. 10 м. веч.

Здешний корреспондент Леру систематически неверно изображает положение России в газете «Матэн». Эфрон советует его выслать, полагая, что это не только не вызовет негодования, но будет одобрено во Франции. Прошу вашего мнения.

Вуич.

Телеграмма Коковцова Вуичу

из Парижа от 21 декабря 1905 г./3 января 1906 г. вечером.

Корреспонденции Леру не производят здесь впечатления на лиц серьезных. Высылка его, по мнению посла и моему, придаст лишь ему значение, которого он не имеет. Можно было бы вызвать его и пригрозить высылкой в случае непрекращения посылки неправильных сведений.

Коковцов.

Телеграмма Коковцова гр. Витте

из Парижа от 21 декабря 1905 г./3 января 1906 г.

Только что имел беседу с Рувье. Думаю, успел уяснить всю необходимость операции и значение ее для нас, французских держателей русских бумаг и самой Франции. Рувье обещал немедленно же войти

в сношение с банкирами, сказавши, что сделает все, чтобы внушить им недостающую им энергию. Рувье нашел необходимым, чтобы я явился к президенту республики и выяснил ему весь вопрос. Дальнейшее свидание с Рувье назначено в пятницу, в конце дня. Остающееся время употреблю на объяснения с банкирами, весьма мало подготовленными вообще к быстрым действиям. Успеху моего трудного положения могло бы значительно содействовать получение мною права заявить Рувье конфиденциально, что в Марокккском вопросе Франция может рассчитывать на моральную поддержку России в смысле влияния ее на Германию [1]). К этому вопросу Рувье возвращался дважды. Крайне обяжете, дав мне в этом немедленно ответ, дабы я мог его иметь в пятницу, днем.

Коковцов.

Телеграмма гр. Витте Коковцову

в Париж от 4 января 1906 г., 8 ч. 26 м. веч.

Вашу телеграмму доложил государю императору. Его величество находит желательным, чтобы вы представились президенту Лубэ. Что касается Марокккского вопроса, то с высочайшего соизволения можете передать Рувье, что императорское правительство окажет моральную поддержку в смысле влияния на германское правительство. Вообще, его величество, в виду дружественных и союзнических отношений, готов всегда оказывать поддержку французскому правительству. Министр иностранных дел еще раньше получения вашей телеграммы дал инструкции, соответствующие интересам Франции, нашим уполномоченным, о чем известил французского посланника Камбона в Мадриде.

Граф Витте.

Телеграмма Львова Дорлиаку

в Париж от 22 декабря 1905 года.

Прошу доложить статс-секретарю Коковцову. Покотилов [2]) сообщает: с конца ноября по начало декабря в Манчжурии была забастовка железной дороги, произошло несколько пожаров, затем успокоилось, и ничего особенно тревожного не было. Сильный недостаток

---

[1]) Англо-французским соглашением 8 апреля 1904 г. Марокко было признано входящим в сферу влияния Франции, что вызвало протест со стороны Германии и демонстративное посещение Марокко Вильгельмом II в 1905 г. В сентябре 1905 г., когда Витте, возвращаясь из Портсмута, заговорил с Рувье о займе, нельзя было серьезно о нем говорить: «Марокккский кошмар» вызывал опасения войны, и французское правительство приступило уже к военным приготовлениям. См. Витте, том I, стр. 370 и сл.

[2]) Д. Д. Покотилов — агент м-ва финансов в Пекине, затем русский посол в Китае.

денег у всех, даже Харитоненко и Нечаев-Мальцев испытывают затруднения. Совокупность общих известий указывает на политическое успокоение. Продажи валюты хотя ослабли, но продолжаются.

Львов.

Телеграмма Коковцова гр. Витте

из Парижа от 24 декабря 1905 г./6 января 1906 г.

Положение дела сейчас таково. Все банкиры единогласно и самым решительным образом заявляют о полной невозможности совершения немедленно настоящей кредитной операции, безразлично в форме ли долгосрочного консолидированного займа, или займа на срок от 6 до 10 лет. Причины две: первая — недоверие к нашему внутреннему положению, не взирая на начинающееся успокоение, и отсутствие всяких шансов на то, что публика теперь пойдет на заем; другая, не меньшая, — опасение столкновения с Германией из-за Марокко. В финансовых и административных кругах опасения гораздо большие, нежели можно судить по газетам. Уверяют, что Германия делает приготовления на границе, и Франция готовится на всякий случай. Серьезные люди, конечно, не верят в войну, но настроение публики беспокойное. Прибавлю от себя еще третью причину, едва ли не самую главную, — трусливость банкиров, отсутствие между ними единства и крайняя финансовая необразованность. Тем не менее правительство оказывает на них очень сильное давление. После моего приема у президента Лубэ, продолжавшегося целый час, было заседание совета министров, именем которого действует Рувье, только что меня принявший. Его мнение, что только после успокоения в России и разрешения Марокккского вопроса значительный заем окажется возможным, например, месяца через два. Но так как нам ждать нельзя, то намечается пока, хотя и смутно, возможность получения от банкиров аванса в счет займа, примерно в 100 миллионов рублей. Подробностей никаких сообщить еще не могу, но, конечно, не допущу условий, опасных в смысле возврата в неподходящую минуту. Прошу вас высказать принципиальный взгляд. Отношение Ротшильдов пока неясное. Главною же помехою является Лионский Кредит. Сегодня вечером снова увижусь с Рувье.

Коковцов.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Парижа от 24 декабря 1905 г./6 января 1906 г.

Прошу ознакомиться с подробною депешей, посланной сейчас графу Витте, и высказать ваше откровенное мнение.

Коковцов.

Телеграмма гр. Витте Коковцову

в Париж от 25 декабря 1905 г./7 января 1906 г.

По Марокккскому вопросу — лично убежден—дело это уладится, и германский император никогда не решится на войну. Я еще переговорю с министром иностранных дел и государем, и если было бы возможно заключить заем при условии успокоительного заявления со стороны Германии, вероятно, мы могли бы достигнуть этого в той или иной форме. Относительно внутреннего положения я надеюсь на постепенное, по крайней мере в ближайшие месяцы, успокоение. По вопросу о займе нам мог бы помочь только немедленный заем или аванс не менее 100 милл. рублей под заем будущий и если будет какая-либо гарантия, что впоследствии от такого займа банкиры не откажутся при благоприятном решении Марокккского вопроса и неухудшения дел в России, и если, кроме того, краткосрочные обязательства Германии будут отсрочены хотя бы [на] полгода. В противном случае полученные сто миллионов Франции придется отдать Германии, и это нашего положения не улучшит. В таком случае, может быть, лучше прямо решить прекратить размен. Но предупредите французское правительство и банкиров, что при прекращении размена мы не будем в состоянии оградить интересы иностранных владельцев наших фондов.

Витте.

Телеграмма Шипова Коковцову

в Париж от 25 декабря 1905 г./7 января 1906 г.

Телеграмма, подписанная Витте, составлена сообща. Угрозу в конце ее считаю, однако, аргументом весьма опасным. 100 милл. рублей даже при отсрочке немецких бонов мало на два месяца, как с казначейской, так и с золотой точек зрения. Но лучше их получить, ибо выигрыш даже короткого времени даст нам хотя слабые шансы. Важно настроение еврейских домов. Не пугают ли они Лионский Кредит, у которого, повидимому, недавно в провинции было в роде массового востребования на почве связанности средств в России.

Шипов.

Телеграмма Львова Дорлиаку

в Париж от 25 декабря 1905 года.

Успокоение как будто продолжается. С окраин вестей мало. Отлив сберегательных касс Петербурге, Москве, центре прекратился, окраинах продолжается. Доклад росписи 1906 год составлен кратко. В нем высказано: роспись 1905 года, несмотря на неблагоприятность последних месяцев, будет исполнена обыкновенному бюджету, ве-

роятно, без дефицита. 250 миллионов чрезвычайных расходов будут отнесены на 400 миллионов разрешенных выпуску краткосрочных обязательств, остаток коих, 150 миллионов, на выкуп Мендельсоновских обязательств. Обыкновенные расходы 1906 года покрываются обыкновенными доходами. 481 милл. чрезвычайных предположено покрыть кредитными операциями. Оговорено, что доходы оправдаются, если смута прекратится. Продолжение беспорядков может потребовать дополнительных чрезвычайных ассигнований. Денежному обращению отмечена опасность сокращения золота, увеличения кредитных в обороте. В заключение надежда, что затруднения временны, пробудят энергию деятельных элементов, сменятся, как обыкновенно, периодом оживления, чему поспособствует уравнение перед законом всех подданных. Товарищем министра финансов назначен Чистяков.

Львов.

Телеграмма гр. Витте Коковцову

в Париж от 25 декабря 1905 г./7 января 1906 г.

Обратите внимание на «Матэн». Опять эта пасквильная газета очень вредит вашей миссии, распуская крайне тревожные сведения.

Витте.

Телеграмма Коковцова гр. Витте

из Парижа от 26 декабря 1905 г./8 января 1906 г.

Статья «Матэн» мне известна; этой газете здесь не придают большого значения в виду явного пристрастия. Заметка ее едва ли принесет мне вред, так как на следующий день в «Тан» [1]) появилось официозное сообщение в смысле моей последней подробной телеграммы. Вопрос о французской печати обсужден с Рафаловичем, и по возвращении я изложу мой взгляд. Высказано, между прочим, мнение о желательности попытаться привлечь на нашу сторону корреспондента «Матэн» Леру деньгами. Лично я этого не разделяю. Разговор, появившийся в сегодняшнем «Тан», состоялся по настоятельной просьбе посольства.

Коковцов.

Телеграмма Коковцова гр. Витте

из Парижа от 26 декабря 1905 г./8 января 1906 г.

Рувье имел дважды разговор с представителем дома Ротшильдов, в лице одного из молодых людей, а именно Джемса, пользующегося репутацией наиболее способного из всех; остальные двое больны и в отъезде. Рувье советовал настойчиво, в интересах Франции и ее

[1]) Temps.

политического положения, чтобы банкирский дом Ротшильдов принял участие в новой операции. Им обещана была первенствующая роль; несмотря на это, по сношении с остальными представителями дома, Джемс Ротшильд ответил решительным отказом, мотивировав его чисто еврейским вопросом. Рувье заявлял даже о готовности президента республики лично обратиться с тем же заявлением, но и это не помогло. Сегодня и завтра остальные банкирские дома должны собраться для обсуждения возможности упомянутой мною авансовой операции. — Общее настроение продолжает быть для нас крайне неблагоприятным. Тем не менее обожду завтрашнего собрания, которое должно решить, стоит ли мне оставаться долее, или предпочтительно в интересах достоинства России вернуться домой. Все указанные вами разъяснения мною сделаны в самой решительной форме и отлично поняты французским правительством. К сожалению, его влияние, особенно на Лионский Кредит, совершенно ничтожно, хотя этот банк сегодня настроен менее отрицательно, чем первые дни.

Коковцов.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Парижа от 26 декабря 1905 г./8 января 1906 г.

Для решения вашего и графа Витте сообщаю. Бесполезные переговоры последнего времени выясняют дело приблизительно так: предлагаются две комбинации — одна, заключающаяся в простом открытии государственному казначейству или Государственному банку металлического кредита в 100 миллионов рублей, с тем, чтобы под этот кредит мог быть совершен выпуск бумажек для расходования их в России, но без права фактического пользования этим кредитом для расходов за границею. За такой кредит банкиры или не получили бы никаких процентов, или воспользовались бы только небольшой комиссией за оказанную любезность. При заключении займа кредит фактически был бы закрыт, а выпущенные билеты оправданы суммою, поступившею от займа. — Вторая комбинация заключается в том, чтобы повторить буквально всю последнюю комбинацию с Мендельсоном, т.-е. получить фактически 100 миллионов рублей из $5^1/_2\%$ годовых и той же комиссии, при факультативном праве переучета краткосрочных обязательств в Государственном банке. Окончательный срок может быть продлен до 11 месяцев. Опасность этой комбинации ясна и заключается в возможности переучета в самом близком будущем, хотя предъявленные обязательства и будут уплачены полученным золотом. Формального обязательства заключить долгосрочный заем через короткий двухмесячный срок банкиры не принимают, но вместе с министерством уверены, что при разрешении вопроса о Марокко и отсутствии новых катастроф в России заем вполне возможен. Выгоды обеих комбинаций сводятся к тому, чтобы не прекращать размена сейчас, а попытаться отсрочить решение, в виду возможности

займа. Прошу немедленного ответа, так как пребывание мое становится тягостным и даже излишним. Рувье продолжает оказывать всякую поддержку, но банковые сферы настроены чрезвычайно неблагоприятно. Особенно настоятельно прошу указать, возможно ли итти на повторение последней Мендельсоновской комбинации, или лучше итти открыто на прекращение размена. От права переучета векселей в Государственном банке банкиры, вероятно, не откажутся, но с этими господами, менее, чем с Мендельсоном, нет уверенности в том, что они не принесут разом этих обязательств при каком-либо политическом инциденте. Ответ прошу дать категоричный и без промедления. Также мне необходимо знать точную цифру, на какую сумму истекли уже сроки Мендельсоновских векселей, сколько заменено новыми и сколько погашено наличным золотом. Сообщите точный текст соглашения с Мендельсоном относительно процентов и комиссии. Если получу отрицательный ответ от вас и графа Витте, хотел бы выехать не позже четверга. Поездка в Лондон до выяснения политической обстановки совершенно излишня. Нужно будет ехать и, конечно, другому лицу, если окажется возможным подготовить настоящий заем. Особенно тяжко мне, что пресловутые друзья и союзники, кичащиеся своим богатством, допускают даже в Мендельсоновской форме всего 100 миллионов рублей.

Коковцов.

Телеграмма Шипова Коковцову

в Париж от 27 декабря ст. ст. 1905 г.

Лучше согласиться на Мендельсоновскую комбинацию. Хорошо бы увеличить сумму. Одиннадцать месяцев, конечно, лучше краткого срока. Желательно кредитовать Государственному банку хотя часть суммы немедленно, так как эмиссионное право на исходе. Истекли сроки прежних Мендельсоновских векселей на 32 миллиона 400 тысяч марок. Учтены новые векселя на $33^1/_2$ миллиона марок. Точный текст соглашения с Мендельсоном относительно процентов и комиссии телеграфирую шифром Мендельсона.

Шипов.

Телеграмма Шипова Коковцову

в Париж от 27 декабря 1905 г./9 января 1906 г. [1]).

Условия Мендельсоновских векселей определены обменом писем между министром финансов и Мендельсоном и К-о в следующих пунктах: новые векселя будут на срок в 9 месяцев. Покупателям будет предоставлено $5^1/_2{}^0/_0$ в год интереса и $1^0/_0$ комиссии. Банкирскому дому Мендельсона будет назначено комиссионных за поме-

[1]) Перевод с франц.

щенные им векселя $^1/_2{}^0/_0$, но в случае, если векселя будут учтены Государственным банком, то дом должен вернуть казначейству часть своей комиссии pro rata temporis [1]).

Шипов.

Телеграмма гр. Витте Коковцову

в Париж от 27 декабря 1905 г. [2]).

В дополнение телеграмме министра финансов. Французское правительство, пользуясь переговорами о займе, всячески старается понудить нас их поддержать не только на Марокккской конференции, но и непосредственно у германского императора. В этом отношении мы оказали ему большое содействие, и даже предполагается воздействовать на императора. Но я боюсь, что едва отношения Франции к Германии улучшатся, то тогда французы будут уклоняться от займа, ссылаясь на наше внутреннее положение. Не опасаетесь ли вы, что предложенная французскими банкирами операция на 100 миллионов рублей, по образцу Мендельсоновской, повредит операции Мендельсона. Не осторожнее ли ранее обменяться с последним взглядами. Впрочем, предоставляю это вашему усмотрению.

Витте.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Парижа от 28 декабря 1905 г./10 января 1906 г.

Надеюсь кончить дело на Мендельсоновском основании. Часть суммы будет кредитована немедленно. Важный вопрос — о печати, которая развращена в конец, и если не будет оплачена, то начнет кампанию против нас, чего допускать нельзя в виду необходимости теперь же подготовлять почву для настоящего займа. Полагаю необходимым на этот месяц назначить, вместо обычных 100 тысяч франков, двойную сумму и обещать несколько повышенный кредит в течение следующих двух месяцев, пока не решится вопрос о займе. Ответ прошу телеграфировать прямо Рафаловичу. Надеюсь выехать в Берлин в пятницу. Буду еще телеграфировать. Немалые трудности представляет еще вопрос гербового сбора. Надеюсь, однако, его уладить, придавши обязательствам форму векселя со второй подписью Государственного банка. Для нас это безразлично, а здесь, кажется, на это пойдут.

Коковцов.

---

[1]) Т.-е. в зависимости от срока учета. Напр., если учет произведен через $4^1/_2$ месяца (срочность векселей—9 месяцев), то Мендельсон возвращает казначейству $^1/_4{}^0/_0$.

[2]) Собственноручный набросок рукою Витте.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Парижа от 29 декабря 1905 г./11 января 1906 г.

Сейчас подписываю контракт на 100 миллионов рублей по Мендельсоновскому образцу. Завтра утром выезжаю Берлин, остановлюсь Континенталь-отель. Копию контракта пришлю из Берлина. Если не случится чего-либо особенного у нас и во внешней политике, думаю, что совершение настоящего займа через $1^1/_2$—2 месяца можно считать обеспеченным. Большего, по совести, достигнуть было невозможно. Известите графа Витте.

Коковцов.

Телеграмма Нецлина Шипову

из Парижа от 29 декабря 1906 г. [1]).

Рад сообщить вашему превосходительству, что переговоры счастливо окончены, и принести вам мои поздравления. По поручению Коковцова, я посылаю вам все документы сегодня вечером.

Нецлин.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Парижа от 30 декабря 1905 г./12 января 1906 г.

Для сокращения времени просил Нецлина выслать вам немедленно почтою все документы. Среди них найдете образец краткосрочного обязательства, как он должен быть отпечатан. Цифры будут вписываться от руки по получении указаний банкиров через пять дней. Подпись Вебера, в виду могущей быть многочисленности обязательств можно сделать грифом, а бланковые надписи Государственного банка поручить от имени банка нескольким лицам. — Сейчас выезжаю Берлин.

Коковцов.

Телеграмма Шипова Коковцову

в Берлин 31 декабря 1905 г.

Поздравляю вас новым годом и окончанием тяжелого дела, которое дает надежду пережить самое тяжелое время.

Шипов.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Берлина 1 января 1906 г.

Благодарю за память; буду очень рад, если мои усилия окажутся полезными вам и общему русскому делу. Поздравляю новым годом и вас, надеюсь выехать понедельник или вторник.

Коковцов.

---

[1]) Перевод с франц.

Телеграмма Шипова Коковцову

в Берлин от 1/14 января 1906 г.

Из ваших телеграмм я понял, что некоторая сумма выручки краткосрочных векселей кредитована немедленно. Могу ли я показать на баланс Государственного банка 50 миллионов рублей за границей? Это крайне необходимо.

Шипов.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Берлина от 1/14 января 1906 г.

Показать сейчас 50 миллионов рублей на баланс Государственного банка нельзя, так как после моего отъезда Парижа с французскими банкирами происходят по телеграфу сношения, заставляющие выждать показанием на баланс еще несколько дней.

Коковцов.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Берлина от 2/15 января 1906 г.

Возникшие пустые недоразумения устранены. Счет казны будет кредитован в Париже с сего 15 числа нов. ст. по мере фактического размещения векселей, о чем Нецлин будет немедленно вас извещать Полагаю совершенно возможным теперь же показать по счетам, как поступившею, необходимую вам сумму в 50 миллионов рублей. Сейчас еду представляться императору. Надеюсь выехать домой вечером. Переговорами с Мендельсоном в общем доволен, но страшно устал. Передайте графу Витте.

Коковцов.

Телеграмма гр. Витте Коковцову

в Берлин от 2/15 января 1906 г.

По балансу на 23 декабря нехватает золота 47 миллионов, а на 1 января, по предположениям, — свыше 80 миллионов. Можно ли считать, что выручка по краткосрочным векселям получена? Если нет — придется выпустить указ о расширении эмиссионной операции Государственного банка. Завтра днем будет заседание финансового комитета. Мы ожидаем немедленного определенного ответа.

Витте.

Телеграмма Коковцова гр. Витте

из Берлина от 2/15 января 1906 г.

Ответ французов вполне удовлетворительный. Я телеграфировал министру финансов о том, что половину суммы можно показать поступившею, но полагаю, что показание всей суммы или 80 милл. было бы

не вполне осторожно, ибо реализация обязательств потребует известного времени. Расширение эмиссионной операции произведет неблагоприятное впечатление, которого следует избегать, особенно до размещения обязательств во Франции. Эта мера к тому же ослабит произведенное мною впечатление о необходимости совершения настоящего займа. Мои оппоненты постоянно указывали мне на строгость нашего эмиссионного закона и возможность его исправления. Я постоянно возражал, указывая на искусственность такой меры в настоящее время. Если усматриваете крайнюю настоятельность, лучше показать авансом значительную часть обязательств, чем расширить эмиссионное право. С Мендельсоном обо многом условился. Возвращаюсь домой.

Коковцов.

Телеграмма Нецлина Коковцову

из Парижа от 3/16 января 1906 года, 8 час. 50 м. вечера [1]).

Размещение проходит удовлетворительно. Почти половина обеспечена вчера и сегодня.

Нецлин.

Отчет Коковцова комитету финансов [2]).

Особые условия, среди которых мне пришлось исполнить возложенное на меня поручение, и самое свойство этого поручения побуждают меня изложить на письме достигнутые мною результаты и те соображения, которыми они оправдываются. Такое изложение представляется мне полезным и даже необходимым не только для того, чтобы министру финансов и комитету финансов были понятны причины, побудившие принять то или иное решение, но в особенности для того, чтобы на основании этих соображений ныне же был установлен порядок дальнейших действий, устраняющий в будущем ту неопределенность, среди которой мне пришлось действовать.

Комитет финансов припомнит, бесспорно, что с самого начала возникновения вопроса о необходимости командирования меня за границу с целью совершения новой кредитной операции я высказался совершенно отрицательно по поводу возникшего предположения и не видел никаких шансов на возможность успешного его выполне-

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) *Пометка рукою Коковцова.* «Усердно прошу вас, многоуважаемый Лев Фабианович [Дорлиак.—*Ред.*], приказать переписать мой отчет и отстукать его в количестве экземпляров, равном числу членов финансового комитета. Мне прошу доставить 2 экземпляра. Чего не разберете — спросите меня. — Всегда ваш В. Коковцов.—11/I 1906 г.» Отчет сохранился в рукописи, частью писанной рукой Дорлиака, частью Коковцова.

ния. Я изложил мои соображения с полной откровенностью и определительностью, а также и перед его императорским величеством, так как почитал своей обязанностью устранить в будущем всякие нарекания, которые могли бы быть на меня возложены, если бы в результате моей неуспешности пришлось бы принять финансовые меры, гибельные для нашего денежного обращения и особенно тяжелые для нашего государственного кредита. Если тем не менее я счел для себя обязательным подчиниться желанию комитета финансов и воле государя императора, то только потому, что исполнением возложенного на меня поручения достигалась одна бесспорно существенная задача: политические и финансовые сферы, наиболее заинтересованные в устойчивости русского кредита, каковыми представляются сферы Парижа и Берлина, могли быть во всей подробности ознакомлены мною с истинными причинами, побуждающими русское правительство снова и притом спешно прибегать к внешнему кредиту, и, следовательно, сферы эти были бы во всяком случае предупреждены о результатах неуспешности поисков, если бы таковая окончательно последовала, и были бы поэтому лишены возможности упрекать нас впоследствии в том, что они не были во время предупреждены.

В пользу такой именно постановки дела меня убеждали главным образом те полномочия, которые были мне предоставлены г. председателем совета м-в и подтверждены затем с полной ясностью его императорским величеством и которые заключались в том, что мне разрешено было представить финансовое положение России в моих объяснениях как перед заинтересованными представителями финансовых сфер, так и перед главнейшими политическими деятелями в его неприкрашенной форме и не стесняться изложением неизбежных его последствий, как для самой России, так и для не менее того заинтересованных кругов за границею.

Мое отрицательное отношение к возложенному на меня поручению вытекало главным образом из соображений двоякого рода. С одной стороны, внутреннее положение России от октября месяца минувшего года оказалось глубоко потрясенным. Когда я выезжал из С.-Петербурга, на улицах Москвы шла в полном разгаре борьба между мятежными скопищами и верными своему долгу войсками. В значительной части России беспорядки продолжались в неослабевающих размерах, и падкая на всякие преувеличения враждебная нам иностранная пресса изображала Россию находящейся в состоянии полной анархии. Наш кредит, выдержавший с честью все невзгоды войны, был бесспорно поколеблен; на биржах в России и за границей царила паника, и количество проданных по низким ценам бумаг увеличивалось день ото дня. При такой обстановке всякая попытка к новому обращению к кредиту казалась мне совершенно бесполезной, если даже не вредною, для устойчивости нашего государственного кредита. С другой стороны, в положении денежных рынков на Западе заметны были явления крайне неблагоприятного свойства. Из Парижа

до меня доходили не вполне понятные сведения о заметном стеснении на денежном рынке. Размер переучетов во Французском банке возрастал с поразительной быстротой, в то время как частные банки уменьшали свои активные операции. В свою очередь, Берлин проявлял признаки, не внушавшие никакого доверия. Учетный процент в Имперском банке был поднят до небывалой высоты—6%, которая ясно указывала на то, что всякие кредитные операции при таком вздорожании денег представлялись делом почти невозможным.

Тем не менее, вынужденный предпринять поездку при столь неблагоприятных условиях, я должен был согласовать ее с той двойственной задачей, которая была на меня возложена. Как известно, м-во финансов озабочено было двумя предметами: во-первых, изысканием новых средств для поддержания нашего пошатнувшегося денежного обращения и для покрытия предстоящих государству чрезвычайных расходов, для которых в распоряжении казны никаких источников не имеется, и, во-вторых, отсрочкой заключенных в минувшем году в Берлине краткосрочных обязательств, по которым платеж в течение времени от января по конец марта с. г. 150 милл. рублей грозил бы полным расстройством нашего денежного обращения, покоящегося на строгом соответствии количества выпущенных кредитных билетов с запасами золота, принадлежащего Государственному банку. Так как первая задача бесспорно представлялась наиболее важной, ибо ею определялось дальнейшее эмиссионное право Гос. банка, исчерпавшего, как известно, во второй половине декабря все предоставленное ему законом право выпуска кредитных билетов, и к тому же особое условие пересрочки обязательств в Берлине давали право относиться с меньшей тревогой к этой задаче, то я и счел своей обязанностью сначала исчерпать все способы новых средств в Париже и уже затем обратиться к берлинскому рынку в отношении продления краткосрочных векселей.

Прибытие мое в Париж сразу же убедило меня в том, что все отрицательные мои предположения оказались значительно слабее действительного настроения парижского рынка и отношения его к русскому кредиту. Для того, чтобы понять это явление и все последующее изложение, необходимо дать себе ясный отчет в том, в каких руках находится парижский денежный рынок и как организовано посредничество между нами и держателями наших бумаг. Как известно, издавна во главе парижского рынка в отношении русских фондов стоял дом Ротшильдов, но уже много лет тому назад, под влиянием чисто еврейского вопроса, этот дом отошел от активного участия в русских делах, и еще задолго до войны с Японией, и то главным образом благодаря влиянию недавно умершего главы этого дома бар. Альфонса Ротшильда, участие его ограничилось в удержании за собой принадлежавшего этому дому и его клиентам количества русских бумаг, без всякого затем содействия по выпуску новых займов. Правда, и такое участие в русских делах приносило нам в свою пору немалую пользу,

так как, например, паника, охватившая парижскую биржу в момент неожиданного начатия военных действий, была удержана и смягчена исключительно посредничеством дома Ротшильдов. На место, покинутое домом Ротшильдов, встали новые учреждения, ранее не игравшие никакой роли в русских делах и присвоившие себе ныне как бы привилегию выпуска наших займов. Таковых учреждений шесть: Лионский Кредит, Парижско-Нидерландский банк, Генеральное общество для поощрения и развития промышленности и торговли во Франции, Национальная учетная контора, дом Готтингер и К° и Промышленный банк. Все эти учреждения, не взирая на огромную силу некоторых из них, например, Лионский Кредит, и на развитую клиентуру и предприимчивость, как, например, Парижско-Нидерландский банк и Генеральное общество, находятся в таких условиях управления, которые затрудняют до крайности деловые сношения с ними и ставят их в условия, совершенно обратные тем, которые должны быть на самом деле и должны заключаться в авторитетном финансовом руководительстве публикою. Достаточно указать, что во главе Лионского Кредита после смерти известного Жермена, пользовавшегося огромным влиянием во всех финансовых кругах Франции, стоит г. Мазера, 85-летний старец, по признанию всех, никогда не отличавшийся ни финансовым дарованием, ни даже практическим навыком. Его постоянными спутниками и советниками, без которых он не решится ступить ни одного шагу, с которыми заседает у себя в кабинете, совершает деловые визиты и участвует во всех коллегиальных заседаниях, являются два зятя покойного Жермена—г. Фабр Лоог, недавний дипломат, перенесший в банковую сферу поверхностное отношение, почерпнутое из службы при второстепенных дворах, и бар. Бренкар, совсем молодой человек, недавний кавалерийский офицер, вполне приличный господин, но отдаленный от истинного понимания финансов тем расстоянием, которое существует между большим банком и офицерским собранием. Этот почтенный триумвират в теоретическом отношении живет научными изысканиями покойного Жермена, в числе коих имеется, например, повторяемая с чрезвычайной авторитетностью теория о безвредности бумажного денежного обращения, если только количество неразменных бумажек соответствует потребностям денежного обращения страны. Чтобы не уходить далеко в характеристику этих людей, я позволю себе указать лишь на то, что мне пришлось потратить много времени и труда на разрушение их теории, и только тогда, когда я им поставил ребром вопрос о том, падет ли курс кредитного рубля, ныне равного 2,66 фр., при металлическом обеспечении, основанном на законе 1897 г., когда за прекращением размена и сокращением золотого запаса минимум до 650 милл. руб., кредитное обращение при невозможности совершения займа дойдет с 1.300 милл. до 2 миллиардов руб., — они должны были сознаться, что теории покойного Жермена не предусмотрели такого случая. Они не могли, впрочем, возразить мне на то, что те же теории, преданные уже гласности

в отношении финансов Испании, потерпели еще при жизни Жермена самое резкое крушение (и падкие на всякую шутку французы говорят даже , что самая смерть Жермена последовала оттого, что ему сообщили о предположении испанского короля во время визита своего в Париже заявить личную претензию ему от имени Испании, которая по его рецепту довела себя до банкротства) [1]).

В практическом отношении Лионский Кредит и его заправилы проявляют только одну величайшую трусость; их лозунг — «лишь бы обо мне не говорили», и за это они платят деньги печати. Понятно, поэтому, что в них моя попытка встретила самое недружелюбное отношение. Лионский Кредит только что выдержал ожесточенную кампанию в прессе, притом специально из-за наших фондов. Когда под влиянием нашего внутреннего расстройства наши бумаги резко понизились на парижской бирже, враждебная нам печать избрала Лионский Кредит своей мишенью; она стала доказывать, что в портфеле этого банка хранятся огромные суммы русских фондов и что банку грозит полное расстройство. На самом деле никаких фондов не было, ибо Лионский Кредит никогда их у себя не имеет и отличается чрезвычайной бесцеремонностью в организации своих операций по продаже им же выпускаемых займов. Тем не менее, впечатление было произведено, началось истребование вкладов, и этот ..... [2]) окончился едва за неделю до моего приезда. Другие учреждения страдают также немалыми недостатками в их организации. Представителем совета Пар.-Нид. банка состоит г. Гуэн, который, несмотря на свои 87 лет, держит, однако, все дело в своих руках, и более молодым директорам, каковы Нецлин и Торс, стоит немалого труда, чтобы побороть то предвзятое отношение к делу, для которого преклонный возраст и внутреннее положение России дают чрезвычайно благоприятную почву. Во главе третьего учреждения, дома Готтингер, стоит бар. Готтингер, также 86-летний старик, прекрасный по складу характера, честный и прямой, но лишенный всякой инициативы и могущий в лучшем случае только итти в составе своей группы, отойти от которой ему не позволяет чувство корректности, но которую он весьма охотно оставил бы во всех его новых операциях, — настолько этот богатый и солидный дом не чувствует ни малейшей потребности утруждать себя новыми заботами. Чтобы покончить с остальными учреждениями в смысле их характеристики, укажу только, что Генеральное общество, имеющее своим главой весьма бойкого и предприимчивого человека Дорпунга, не имеет теперь никакой самостоятельности и фактически подчинилось Пар.-Нид. банку, который оно поддержало своей обширной клиентурой в обмен за ту поддержку, которою этот банк еще недавно спас Генеральное общество от больших неприятностей, как последствий несостоятельности так называемого сахарного короля Кри-

---

[1]) Слова, заключенные в скобки, зачеркнуты в рукописи.

[2]) Одно слово неразобрано.

пие. Национальная Учетная контора управляется весьма способным человеком Ульманом, но не имеет такого авторитета, который бы дал ей возможность выйти из ее нынешнего второстепенного положения, хотя участие ее в делах ценится банками весьма высоко также в виду весьма развитой клиентуры, в особенности в провинции. Наконец, Промышленный банк совершенно ничтожен и отдельного упоминания не заслуживает. Ко всему приведенному следует еще прибавить, что 3 главные учреждения (Лионский Кредит, Пар.-Нид. банк и Готтингер), принадлежа к одной, повидимому, дружественной группе, на самом деле находятся в условиях такого личного соревнования, при которых каждый раз самым резким образом выступают вопросы первенства и самолюбия [1]).

Условия денежного рынка, среди которых действуют описанные мною финансовые учреждения, оказались в минуту прибытия моего в Париж значительно более неблагоприятными, нежели даже я ожидал, выезжая из Петербурга.

К упадку нашего кредита, к тому недоверию к нашему внутреннему положению, которым прониклись финансовые сферы за границей гораздо глубже того, что нам представляется здесь, присоединилось еще совершенно исключительное по своей напряженности политическое настроение Франции. Я застал среди деловых людей Парижа настроение, близко похожее на то, которое обыкновенно предшествует войне. У всех на устах только одни слова: «Марокко, конференция в Алжезирасе, неизбежность войны с Германией», и притом такие слова отнюдь не выражают собой лишь внешнего и притом поверхностного настроения, выражают собой действительную тревогу, оправдываемую весьма серьезными соображениями. Близкие к правительству люди не скрыли от меня, что приготовления на границе ведутся уже более двух месяцев с большою напряженностью, и если такие приготовления и имеют на самом деле характер благоразумной предусмотрительности, то на денежные и деловые сферы они оказали самое тяжелое влияние. Все бумаги на парижском рынке подверглись за неделю до моего приезда резкому падению (напр., акции Парижско-Нидерландского банка с 1560 фр. упали до 1410), многие банки распорядились удалением своих архивов и ценностей из отделений и агентств, расположенных на границе с Германией, кредиты стали резко стесняться, и в низкие слои публики проникло самое тревожное настроение, выразившееся почти в тех же явлениях, как и у нас, — в истребовании вкладов и стремлении запастись золотом «на всякий случай».

К чести французского правительства следует сказать, что такое настроение, близкое к панике, нисколько не проникло в него, но даже вызвало в нем самое определенное осуждение, но оно не оказало никакого воздействия, потому что не проходило ни одного дня, чтобы с гра-

[1]) До сих пор рукопись писана почерком Дорлиака, далее до конца — рукою Коковцова.

ницы не доносились слухи о тех или иных приготовлениях, до вызова отпускных офицеров в их гарнизоны до окончания сроков разрешенных отпусков. При таких условиях становится совершенно понятным, что мое прибытие и выраженные мною желания встретили со стороны всех банков единодушный и самый решительный отпор, выраженный притом в самой определенной форме: если бы даже Россия была столь же сильна и спокойна, как была до войны, то и в таком случае до разрешения кризиса по вопросу о Марокко не может быть речи о каком-либо займе. Публика не отдаст своих сбережений, как бы ни были выгодны условия их помещения, и не допустит этого тем более потому, что она не оправилась еще от пережитой паники, вызванной нашими октябрьскими забастовками. И к тому же, в оправдание такого недружелюбного к нам отношения, необходимо помнить, что французские банки не только не руководят публикой, а слепо идут за ее настроением, опасаясь в каждом отдельном случае не только встретиться с неуспехом займа, но даже потерпеть ущерб в других своих предприятиях, если только действия их случайно встретятся в особенности с неблагоприятною тенденциею в печати.

Мне пришлось поэтому волею или неволею отказаться от возможности совершения столь необходимого для нас займа и попытаться найти хоть бы временный выход из переживаемых нами финансовых затруднений в форме такой п е р е х о д н о й о п е р а ц и и, которая в худшем случае не изменила бы нашего современного положения, а в лучшем — давала бы нам возможность выждать разъяснения политического горизонта. В этом направлении я встретил самую широкую деятельность и горячую поддержку в особенности со стороны г. Рувье, председателя совета министров, который вполне заслуживал бы того, чтобы наше правительство письменно уведомило его, как высоко ценит оно услугу, им оказанную, хотя бы размер этой услуги и не отвечал нашим желаниям. Без этой влиятельной поддержки, перешедшей даже в форму энергического побуждения кредитных учреждений к принятию участия во временной операции, мне пришлось бы уехать с пустыми руками, а это обстоятельство снова уронило бы наш кредит.

Впрочем, я должен удостоверить, что, в противоположность кредитным учреждениям, Рувье и даже президент республики Лубэ с первых же моих разъяснений усвоили себе всю неизбежность для Франции оказать нам финансовую поддержку и разделили правильность нашей точки зрения, заключавшейся в двух основных положениях:

1) крупный отлив золота, как последствие паники, вызванной недавними событиями нашей внутренней жизни, поставил на очередь вопрос о прекращении размена, если только не окажется возможным подкрепить наш золотой фонд и расширить наше эмиссионное право, дошедшее уже до своего предела, и

2) предстоящие нам чрезвычайные расходы, в случае невозможности подкрепить казну займом, должны неизбежно повести к финансовому расстройству и к выпуску кредитных билетов, не обеспеченных золотом и притом исключительно на потребности казначейства.

Почитая, что оба эти положения одинаково ведут нас к дальнейшему ослаблению, столь гибельному для самой Франции, означенные государственные люди, вместе с некоторыми другими политическими деятелями, во главе которых бесспорно находился президент палаты депутатов Думер, заявили мне вполне определительно, что, понимая недостаточность временной операции, они готовы оказать нам деятельную помощь в деле заключения более крупного займа, коль скоро вопрос о Марокко снимет с Франции настроение тревоги, ею теперь переживаемое.

Что касается до размера и характера временной операции, то в отношении первого пришлось ограничиться тем, на который пошли кредитные установления после моих продолжительных и усиленных настояний, подкрепленных мною главным образом тем доводом, что кредит в 100 милл. руб. даст нам возможность переждать приблизительно тот 2-месячный промежуток времени, который необходим для окончательного выяснения вопроса о возможности или невозможности совершения займа на французском рынке.

По отношению к характеру операции пришлось по необходимости прибегнуть к повторению операции с краткосрочными обязательствами, выпущенными через посредство банкирского дома Мендельсона в Берлине, и совершить операцию на условиях, тождественных с последнею, за исключением лишь одного пункта, более выгодного для нас, — а именно, выпуска векселей на 12-месячный срок, вместо 9—10-месячного.

На такую комбинацию пришлось согласиться не только по недостатку изобретательности со стороны французских банкиров, но главным образом потому, что в виду изложенных выше обстоятельств эта форма займа давала возможность реализации без непосредственного обращения к публике и, следовательно, вне столкновений с радикальной прессой, столь враждебно настроенной ко всякого рода операциям на французском рынке в настоящую пору.

Упомяну еще, что с внешней стороны допущена некоторая особенность по сравнению с германскими векселями, в виде бланковых подписей Государственного банка. Этой особенности одна из русских газет («Мэлва») придала в телеграфных корреспонденциях будто бы из Парижа, подписанных буквами Е. Ш., значение доказательства явного недоверия к имени одного министра финансов (в действительности подпись на векселях принадлежит директору департамента государственного казначейства). На самом же деле значение этой бланковой подписи гораздо более невинное и имеет исключительно характер новой любезности по отношению к нам со стороны фран-

цузского правительства, так как этот бланкнот нашим обязательствам придает характер торговых векселей и устраняет необходимость уплаты 1% гербового сбора в пользу французской казны, т.-е. предоставляет нам сбережение в 1 милл. руб.

Наконец, не лишне упомянуть, что невыгодная сторона новых обязательств, заключающаяся в предоставлении им, так же, как и германским векселям, права переучета в нашем Государственном банке, едва ли имеет особенно существенное значение. Это право сопровождается, как известно, возвратом за весь остающийся срок не только $5^1/_2\%$ роста, но и всей банкирской комиссии и, следовательно, будет осуществлено разве в период какого-либо особенно невыгодного для нас обострения, но в таком случае мы расплатимся по такому переучету только тем золотом, которое получено нами посредством этой кредитной операции.

Совершенная на объясненных основаниях краткосрочная операция имеет характер временный и переходный. Необходимо ныне же приступить к использованию той готовности, которая была проявлена французским правительством к совершению со временем более крупного займа, и, не теряя времени, приступить к подготовке этого займа, пользуясь тем, что среди финансовых сфер Парижа ясно сознание необходимости для нас этой операции.

Я считал бы своей обязанностью указать на следующие меры, имеющие своей общей целью подготовку нового займа:

1) Ссылаясь на мои объяснения и на принципиальную готовность французского правительства, надлежало бы, мне кажется, г. министру финансов ныне же обратиться с тождественным служебным письмом к Лионскому Кредиту, Парижско-Нидерландскому банку, Дому Готтингера, Генеральному обществу и Национальной Учетной конторе и, указав в нем на происходившие со мною объяснения и на желательность для русского правительства использовать французский рынок в целях заключения займа, как только политические обстоятельства устранят существующее в настоящее время напряженное состояние, предложить этим учреждениям, объединенным в одну группу, избрать из состава своего одно или несколько лиц, которые были бы уполномочены группою вести все подготовительные переговоры. Это последнее предложение было бы полезно именно для устранения взаимного недоверия и обостренных отношений отдельных учреждений между собой, и без такого шага с нашей стороны избрание нами кого-либо из состава группы, напр. представителя Парижско-Нидерландского банка, г. Нецлина, как более сильного из современных деятелей парижской haute finance, неизбежно будет сопровождаться самыми разнообразными проявлениями задетого самолюбия.

При этом полезно было бы иметь в виду, что окончательные переговоры о займе, вероятно, снова придется вести в Париже, так как едва ли удастся вновь обойтись без содействия правительства и непосредственных сношений с управлениями отдельных банков. Время

укажет, впрочем, в каких условиях заключение займа окажется наиболее желательным.

2) Французские банки весьма заинтересованы в том, чтобы предстоящий русский заем, — если только политические обстоятельства дозволят его совершение, — имел отчасти международный характер. Настраиваясь теперь совершенно отрицательно в отношении совместных действий с германским рынком, не придавая никакого значения американскому рынку, как совершенно неприспособленному к правильно организованным операциям прочного размещения ценностей,— означенные банки с особенным вниманием относятся к возможности привлечения к участию в русском займе а н г л и й с к о г о рынка. Ему придается значение не столько как финансовой силе, способствующей ш и р о к о м у помещению займа, сколько как силе политической, ослабляющей нападки радикальной прессы, враждебно настроенной к дальнейшему участию французского капитала в русских операциях.

К той же цели привлечения лондонского рынка к нашим займам направлены с прошлого года и усилия нашей дипломатии, усматривающей в финансовом сближении верный путь к сближению политическому.

Но, говоря о лондонском рынке, необходимо вовсе исключить фирму Ротшильда, на содействие которой мы вовсе не можем теперь рассчитывать. Необходимо стремиться к тому, чтобы заинтересовать в наших операциях нееврейские фирмы, и в этом отношении представляется немалая трудность в соединении этих фирм или, точнее, в избрании одной из них, способной сгруппировать около себя все прочие. Наибольшую склонность к сближению с нами, в форме совместного участия с французскими (и даже немецкими) банками, проявляет фирма бр. Бэринг, глава которой лорд Ревельсток заслуживает особого внимания с нашей стороны по его благородному характеру и тому уважению, которое внушается всюду его личностью. Но фирма эта вообще слаба, и поддержка ее одной далеко недостаточна. Казалось бы поэтому весьма желательным воспользоваться пребыванием в Петербурге нашего посла в Лондоне гр. Бенкендорфа, находящегося в самых дружеских отношениях с лордом Ревельстоком, и постараться при его содействии подготовить в Лондоне группировку нескольких банков, готовых вступить на путь совместных действий с французскими банками.

3) Существенную роль в подготовке нового займа на парижской бирже должна сыграть французская пресса. Крайне влиятельная, как орудие общественного мнения, французская пресса находится на самом низком уровне с точки зрения ее порядочности и достоинства. Она продажна от самых крупных органов до бульварных листков включительно. Все расценено на деньги, и притом и за деньги не всегда получаются те услуги, которые желательны. Трудно даже представить себе, до какой степени беззастенчивости доведено это дело в Париже и какая сложная организация взяточничества и посред-

ничества существует в этом отношении. На печать громко жалуются все, от президента республики до последнего банкира; от ее недобросовестности страдают все, и на вопрос: что же делать? — отвечают просто — «payer», а на замечание, как же достигнуть по крайней мере того, чтобы плата шла за положительные услуги,— только беспомощно разводят руками. Во все время войны мы и поступали по рецепту «payer», — платили, и платили много. Достигли ли мы многого, сказать трудно, но на мое замечание, что все огромные суммы истрачены непроизводительно, мне отвечали в один голос все, с кем только я ни совещался, что трудно и представить себе, что̀ было бы с нашими фондами, если бы печать не пользовалась нашими постоянными подачками.

Тем не менее, так как война кончилась и внутренние волнения вступили, повидимому, в фазис некоторого успокоения, то я высказался бы решительно в пользу немедленного прекращения расходов на эту злополучную «publicité», если бы нам не нужно было занимать деньги во Франции и притом занимать в ближайшем будущем, подготовив эту операцию немедленно.

При этой необходимости не остается ничего иного, как платить еще некоторое время и постараться лишь принять меры к тому, чтобы расходы были наименее непроизводительны.

В этом последнем отношении необходимо иметь в виду, что, с формальной стороны, расходы на печать производятся по соглашению нашего посла в Париже с агентом министерства финансов. На самом же деле, ни то, ни другое лицо в непосредственных сношениях с печатью не состоят, а действуют через посредство некоего Ленуара, которым и передаются деньги в установленных суммах отдельным органам прессы. Идут ли все эти суммы по их прямому назначению, или часть их остается в руках посредника, об этом судить весьма трудно, хотя и имеются отрицательные указания, но что несомненно, — так это то, что в целом ряде органов печати, получающих нашу субсидию, не только не появляется сочувственных нашему кредиту статей, но появляются даже весьма часто неблагоприятные суждения, отчего, однако, не прекращается и даже не уменьшается субсидия. На сделанное мною по этому предмету указание как г. Рафаловичу, так и Ленуару я получил ответ, что незначительное количество статей в пользу нашего кредита и наших фондов объясняется недостаточностью фактических сведений, собираемых в Париже из Петербурга. Мне не стоило большого труда устранить это совершенно несостоятельное объяснение, ибо сущность наших пожеланий заключается не в том, чтобы газеты помещали сочувственные нам ученые трактаты о финансах России, а только в том, чтобы широкие слои публики постоянно встречались с суждениями газет о твердости нашего кредита, о выгодности помещения сбережений в наши фонды, о чрезмерно низком их курсе, дающем все основания к выгоде, на их неизбежном повышении и т. д., для чего не требуется никаких документов и фактических данных. Я полагаю, что разъяснение мое не останется совершенно бесполез-

ным, тем не менее, ограничиваться этим не следует, а надлежало бы попытаться достигнуть большего. Для этого я мог бы указать двоякий путь. Синдик фондовых маклеров, г. Вернейль, человек огромного влияния на парижской бирже, советует попытаться заменить посредничество Ленуара непосредственною передачею расходуемых нами денег тем банкам, через которые мы предполагаем осуществить нашу кредитную операцию. По его мнению, банки уже теперь имеют свою «publicité», а с присоединением наших денег могут расширить ее и за ту же расходуемую нами сумму достигнуть более значительных результатов.

Воспользоваться этим советом можно, однако, не иначе, как получив согласие банков и заручившись во всяком случае тем, что они примут меры к тому, чтобы устранить невыгодные последствия отстранения агентства Ленуара, и в этом смысле надлежало бы войти в сношения с банками чрез посредство г. Нецлина.

Второй способ, применимый на случай весьма возможного отказа банков взять на себя эту крайне неблагодарную задачу, заключался бы, по моему мнению, в том, чтобы потребовать, чтобы газеты, получающие более или менее значительную субсидию, время от времени помещали сочувственные русскому кредиту статьи, в смысле указанной выше программы, и обусловить выдачу им субсидий исполнением этого обязательства. Но в этом последнем случае нельзя не предвидеть, что в течение 2—3 месяцев или впредь до того, как выяснится окончательно, возможен ли заем, или нет, нам неизбежно не только нести прежние расходы на печать, но даже настолько увеличить их, дабы не иметь в последнюю минуту эту продажную прессу против себя.

К изложенному считаю еще нелишним добавить, что было бы крайне полезно усилить осведомленность французской печати о благоприятных явлениях нашей внутренней жизни (о неблагоприятных явлениях заботиться нет надобности, — они слишком усердно распространяются иностранными корреспондентами). Для этого было бы желательно все телеграммы, передаваемые Петербургским Телеграфным Агентствам Агентству Гаваса, передавать в копии (расход был бы только на повторение адреса) агенту министерства финансов Рафаловичу, вменив ему в обязанность принять меры к тому, чтобы сведения эти были печатаемы в парижских газетах, чего часто вовсе не случается, так как многие газеты просто игнорируют благоприятные известия из России и не пользуются сообщениями Агентства Гаваса.

4) Несмотря на все своевременно принятые меры и даже на благоприятно сложившиеся условия как во внутренней нашей жизни, так и во внешней политике, нельзя не предвидеть, что парижские банки все-таки будут мало склонны к совершению займа и будут повторять их излюбленный мотив о недоверии публики и рискованности реализации займа. На этот случай было бы крайне важно заручиться содействием именно упомянутого выше Вернейля, который может в нужную минуту воздействовать на банки угрозою выпуска

займа без их содействия и реализациею его через посредство одних фондовых маклеров (agents de change), к каковой угрозе он уже однажды прибег, и притом с большим успехом. В этих видах письменное обращение к г. Вернейлю от имени председателя совета министров гр. Витте было бы весьма желательно.

В Берлине задача моя заключалась в принятии мер к обеспечению продления срока наших краткосрочных обязательств, выпущенных в апреле 1905 г., путем размещения новых векселей с повышенной (до $5^1/_2{}^0/_0$) доходностью и обращения вырученной от них суммы на погашение выпущенных векселей. Я застал положение этой операции в день моего прибытия (31 декабря) в следующем виде: истекли сроки векселей на сумму 70 милл. марок, а новых векселей продано на 54 милл. марок. Разница в 16 милл. марок подлежала погашению из нашего золотого запаса, уменьшая автоматически наше эмиссионное право. Положение денежного рынка Германии внушало мало надежд на быстрое размещение новых векселей, так как, при учетном % Германского банка в 6 годовых, обязательства с доходностью в $5^1/_2{}^0/_0$, даже увеличенною на часть банкирской комиссии, уступаемой покупателям, находят весьма малый спрос. Банкирский дом Мендельсон и К° предъявил мне целое делопроизводство, в котором отказы самых крупных капиталистов на запросы о приобретении векселей исчислялись целыми десятками и были мотивированы исключительно дороговизною денег. Ближайшее будущее обещало, однако, некоторое улучшение. В первые дни нашего января стеснение на денежном рынке стало несколько ослабевать, и появилась надежда на понижение учетной нормы, вскоре затем и оправдавшаяся. Под влиянием этого признака банкирский дом Мендельсон, известный своим прекрасным отношением к русскому кредиту, не только удвоил свою энергию по размещению векселей, несмотря на возникшую неожиданно для него конкуренцию на французском рынке, но принял за свой счет всю сумму обязательств, упадавших на 31 января н. ст., равную 34 милл. марок, оградив нас таким образом от возможности нового дренажа нашей золотой наличности. Законченная с ним переписка дает все основания надеяться, что такое же обязательство будет выполнено и по отношению к сроку 28 февраля, на сумму 25 милл. марок, и вообще можно с большой долей вероятия предположить, что операция обмена совершится в условиях для нас благоприятных. Что же касается до уступок с нашей стороны, то таковые представляются весьма умеренными.

Упомяну в заключение, что банкирский дом Мендельсон располагает всеми данными, характеризующими наше финансовое положение, и, имея безусловно здоровые взгляды на вопросы нашего денежного обращения, конечно, не упустит момента, в который германский рынок окажется в состоянии совершить новую русскую операцию как для погашения краткосрочных обязательств, так и для усиления средств нашего казначейства.

В. Коковцов.

С. Ю. ВИТТЕ, ФРАНЦУЗСКАЯ ПРЕССА И РУССКИЕ ЗАЙМЫ.

Печатаемый ниже любопытный документ типичен для той обстановки, в какой происходили крупные финансовые операции русского правительства на парижской бирже. Нужно сказать, что, время от времени, русское министерство финансов делало робкие и в с е г д а тщетные усилия хоть немного сократить негласные расходы на прессу. Ничего из этих попыток не выходило: тон субсидируемой печати круто и внезапно менялся, начинались серии статей под тревожным общим заглавием: «Берегите ваши карманы» (gardez vos poches!), возбуждалась искусственная паника, русские бумаги падали, — и министерство финансов спешило капитулировать. На этот раз (в 1901 г.) Витте объясняет внезапную немилость французской прессы еще «борьбой политических партий» во Франции. Это выражено у него весьма туманно, да и совершенно не соответствует истине: и дрейфусары, и анти-дрейфусары, и Мелин, и Вальдек-Руссо, и Рувье, впоследствие Комб и другие представители враждовавших течений одинаково держались и за политический союз с Россией, и за финансовую сторону союза в частности, т.-е. за помещение французских капиталов в России. Более основательны указания на роль французской промышленности и ее заинтересованность в поднявшейся газетной буре: мы знаем, что и после 1901 года, и пред самой войной 1914 г. французские заводы требовали русских заказов, и пресса промышленников жаловалась, что Россия скупа на заказы, и что французское золото идет на пользу немцам и англичанам.

При таких общих причинах внезапных и по существу всегда кратковременных взрывов газетной бури, конечно, «россказни» каких-то «молодых педагогов», на которых жалуется Витте, могли иметь столь же мало решающего значения, как и коварные наветы генерала Богдановича. Но любопытен сам по себе факт парижской агитации этого подвижного ктитора Исаакиевского собора: генерал Богданович принадлежал к числу тех консерваторов из бюрократических и придворных кругов, которые именно в э т и годы (до японской войны), понимая, что Россия является более мощным членом союза, чем Франция, позволяли себе очень часто и бесцеремонно вмешиваться во внутренние французские дела. «Дрейфусарское» министерство Вальдека-Руссо, тогда управлявшее Францией, было им ненавистно, и Богдановичу хотелось бы, чтобы Франция почувствовала, что русский царь недоволен ее внутренней политикою. К слову замечу, что генерал Андрэ (военный министр в кабинете Комба) был доведен назойливым вмешательством чинов русского посольства в дела военного министерства Франции до того, что принужден был заметить: «мы хотим остаться хозяевами в своем доме». Путешественники в духе генерала Богдановича не переводились в Париже в первое десятилетие царствования Николая II. После японской войны они стали значительно скромнее, — как и оседлые чины посольства.

Печатаемый документ очень живо воскрешает общую атмосферу франко-русских отношений в самые первые годы XX столетия. В нем все характерно, вплоть до обычной капитуляции Витте в вопросе о «субсидиях» французской прессе, вплоть до делающего свою собственную французскую политику генерала Богдановича, вплоть до покорности императора Николая II в виду неизбежной сдачи русского правительства пред требованиями и новыми вымогательствами прессы, на удовлетворение коих он «с сожалением согласен».

Евг. Тарле.

Записка С. Ю. Витте.

«По поводу появившихся в последнее время во французской прессе статей, направленных против России и ее финансов» [1]).

На подл. высоч. резолюция: «С сожалением согласен». Рукою гр. Витте помечено: «Спала. 16-го октября 1901 года».

В последнее время, после посещения вашим императорским величеством Франции, в некоторой известной части французской прессы появился ряд статей с весьма резкими нападками на Россию, на ее внутреннюю политику и в особенности на ее финансовое и экономическое положение. Нападки в этом последнем направлении наиболее сильны и резки, так как авторы враждебных России статей не без основания думают, что к положению русских финансов мелкие французские капиталисты, среди которых размещено значительное количество наших фондов, относятся с особым интересом и вниманием, и что, действуя на эту сторону, они легче всего могут посеять смятение среди легковерной и легко волнующейся французской публики, вызвать колебания курса русских бумаг на парижской бирже и, в конце концов, причинить беспокойство и своему, и русскому правительству.

Причины столь быстро и внезапно предпринятого газетного и журнального похода на Россию довольно сложны и разнообразны, и я позволю себе отметить лишь главнейшие.

В основе всей поднятой газетной бури, прежде всего, лежит постоянная борьба за власть различных партий французского парламента, бесконечные счеты французского правительства с своей оппозицией. Последняя прекрасно понимает, что посещение вашим императорским величеством Франции высоко подняло престиж нынешнего президента республики и сильно укрепило положение и влияние находящегося у власти министерства. Теряя надежду на быстрое свержение последнего и желая хотя сколько-нибудь сохранить под собой почву, враждебные министерству элементы стараются во что бы то ни стало умалить значение важного факта посещения русским императором дружественной республики, стремятся придать этому высокому знаку франко-русского союза совершенно иную окраску, обидную и для своего, и для русского правительства, способную на оба эти прави-

[1]) Дело канц. М. Ф. № 16. ч. I—1901 г., л. л. 92-97.

тельства бросить неблагоприятную тень. Отсюда искусно сочиненные и весьма усиленно распространяемые статьи о том, что положение русских финансов весьма плохо и что для спасения их русский министр финансов осмелился посоветовать своему государю ехать во Францию подготовлять почву для нового займа.

Вокруг указанной основной причины, — борьбы французских политических партий, — группируется ряд других второстепенных. Сводятся они главным образом к тому, что в среде французского общества имеются отдельные категории лиц, по разным побуждениям и разным причинам недовольных Россией и стремящихся всеми мерами распространить это недовольство возможно широкой волной по всей Франции. Прежде всего, русским правительством и в особенности русским министром финансов недовольны французские виноделы и виноторговцы, желавшие извлечь свои материальные выгоды из посещения вашим императорским величеством Франции, надеявшиеся исходатайствовать уничтожение или, по крайней мере, понижение наших пошлин на французское вино и обманувшиеся в этом ожидании.

Вторую, не менее многочисленную группу составляют мелкие французские капиталисты, которые в погоне за быстрой наживой скупили паи и акции сомнительных предприятий, основанных в России бельгийцами исключительно с целью спекуляции. Когда эти предприятия, не обеспеченные оборотными средствами, созданные без всякого коммерческого расчета, управлявшиеся нехозяйственным образом, стали клониться к упадку, ко мне начали поступать настойчивые ходатайства о выдаче из русского Государственного банка ссуд для их поддержания. В подобных ходатайствах пришлось систематически отказывать, и в результате создалось в среде пайщиков сильнейшее недовольство мероприятиями министра финансов, который в их глазах явился главным виновником убытков, понесенных ими от увлечения спекуляциями бельгийцев в России. Необходимо при этом заметить, что указанная группа мелких французских финансистов имеет влияние даже на самое французское правительство,— влияние настолько сильное, что, когда возник вопрос о поддержке одного из наиболее крупных финансированных ими в России предприятий, — Брянского завода, — то мне пришлось считаться с такими настойчивыми ходатайствами французского министра финансов, что для сохранения добрых отношений с французским правительством я признал за лучшее оказать в виде исключения поддержку названному заводу, о чем вместе с сим мною и представляется вашему императорскому величеству особый доклад.

Третью, наконец, группу составляют русские эмигранты и путешественники, по преимуществу педагоги, заканчивающие свое образование молодые люди и проч., недовольные существующим государственным строем России. Не имея возможности открыто выражать свои взгляды и убеждения в отечестве, лица эти, попадая во Францию, где теперь с таким интересом относятся к России и потому так

охотно их слушают, дают волю своему накипевшему неудовольствию и изливают его в созданных собственною фантазиею рассказах о произвольности и непорядочности действий русского правительства. В этом направлении действуют и финляндцы в иностранной прессе. Рассказами этими пользуются журналисты, враждебные не столько России, сколько существующему французскому правительству, и передают затем их в печати с еще большими искажениями истины, прекрасно понимая, что небылицы, возведенные на русское правительство, подрывают престиж и их собственного министерства, стоящего за самый тесный союз с Россией. Принявшая во Франции в последнее время значительные размеры агитация русских против России составляет весьма печальное явление, и тем более грустно, когда к ней, не отдавая, очевидно, себе надлежащего отчета, иногда примыкают лица, занимающие высокое положение в нашей служебной иерархии. Тогда агитация эта в глазах иностранцев получает особое значение, так как рассказы подобных лиц, в сущности лишь желающих блеснуть перед иностранцами своим оппозиционным образом мыслей, принимаются за сведения, сообщаемые из самого достоверного источника. Я не считаю себя в праве умолчать пред вашим императорским величеством, что и в той агитации, которая в настоящее время ведется во французской печати против России, повидимому, недобрую службу сослужил своему отечеству находившийся в отпуску в Париже член совета министра внутренних дел генерал Богданович, который, забыв и свое служебное положение, и суровый урок, данный ему по аналогичному случаю в бозе почивающим императором Александром III, распространял в Париже неточные о России слухи.

Как сообщил мне агент Русского Телеграфного Агентства, пользующийся доверием нашего посольства в Париже, Ефрон, генерал Богданович прибыл в Париж, как только появились первые известия о поездке во Францию вашего императорского величества, и, собрав здесь вокруг себя военных и журналистов враждебного нам лагеря, открыто заявлял им, что вы, государь, делаете крупную ошибку, позволяя мне советовать вам посетить Францию, и притом в корыстных целях (dans un but intéressé). По словам Ефрона, он лично видел у Богдановича единомышленников Дрюмона и его друзей, а два дня спустя появились резкие статьи этого автора против русского министра финансов, уговорившего будто бы ехать своего монарха во Францию исключительно с целью заключения займа.

Всей этой с таким ожесточением ведущейся против России газетной агитации я лично не придаю серьезного значения. Экономическое и финансовое положение империи вашего величества устойчиво и твердо, и не газетным статьям поколебать его основы. Я не считал бы даже нужным публиковать какие-либо официальные возражения против возводимых на русские финансы напраслин. Через два месяца появится мой официальный всеподданнейший доклад о росписи на 1902 год, и из него весь свет убедится, что, несмотря на напряжен-

ное мировое положение и на все невзгоды последних лет, пережитые Россией, и золота у нас не уменьшилось, и бюджет попрежнему уравновешивается с излишком.

Но, высказываясь в таком смысле, я не могу не стремиться к устранению всякого возможного ущерба для русских финансов. Между тем, банкир Hoskier, а затем и агент министерства финансов в Париже действительный статский советник Рафалович сообщили мне, что газетная агитация принимает весьма значительные размеры и может создать серьезные биржевые осложнения для русских ценностей на французском рынке. Оба названные лица, с своей стороны, советовали для устранения подобных нежелательных последствий немедленно же воздействовать на прессу, при чем Рафалович сумму необходимых для этого в течение года затрат определил в 150—160 тыс. франков.

Продажность французской прессы есть факт общеизвестный, и с тех пор, как доверием августейшего родителя вашего и вашего императорского ве́личества я занимаю пост министра финансов, ко мне непрерывно под разными формами и предлогами поступают ходатайства о субсидиях со стороны французских журналистов самых разнообразных лагерей. До сих пор подобные ходатайства я старался отклонять, но мне небезызвестно, что в сущности ни один наш заем во Франции не обходился без воздействия на прессу, которое производилось банкирами, реализовавшими займы.

Получив приведенное извещение Hoskier'a и Рафаловича, я всеми мерами хотел избегнуть рекомендуемого им средства и поэтому прежде каких-либо решительных по этому поводу распоряжений предложил действительному статскому советнику Рафаловичу спросить мнения французского министра финансов, заместителя нашего посла в Париже и барона Ротшильда. Из полученного ныне ответа видно, что все названные лица прямо или косвенно рекомендуют воздействие на прессу, как единственное средство борьбы против той недостойной кампании, которая ведется теперь против России.

По получении такого ответа я предписал действительному статскому советнику Рафаловичу принять те меры, которые он по ходу дела признает необходимым, предполагая потребный расход (не более 160 тыс. франков) отнести на 12-миллионный фонд, назначенный на экстренные, не предусмотренные сметами, надобности.

На утверждение сего моего распоряжения приемлю долг всеподданнейше испрашивать высочайшее вашего императорского величества соизволение.

Статс-Секретарь *Сергей Витте*.

ВОКРУГ АННЕКСИИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ.

1908 год вполне законно назвать прологом к мировой войне. С осени этого года начался первый балканский кризис, за которым в 1912 году последовал второй, а в 1914 году и третий, послуживший внешним поводом к началу катастрофы европейского империализма.

Усиленными стараниями Франции в 1907 году было подписано англо-русское соглашение по азиатским делам. Молодой, только что назначенный, по обычаю того времени, с поста посла в Дании, министр иностранных дел Извольский очень хотел соглашения с Англией, рассчитывая этим обеспечить себя со стороны Японии и вообще Востока, чтобы развязать руки для активной политики в Европе; при этом документальными данными ясно определяется, что Извольский такую активность более всего понимал в смысле Балкан и в частности в смысле выгодности для России разрешения вопроса о проливах.

Извольский решил при переговорах с Англией итти на всевозможные уступки ей в Азии, рассчитывая получить от нее поддержку в Европе. Лондонский кабинет также решил пожертвовать многим, чтобы включить Россию в цикл держав, входящих в окружение Германии.

Редкий в анналах дипломатических сношений факт, когда обе договаривающиеся стороны хотят много друг другу уступить; на деле же оказалось, что по всем пунктам в Азии уступила только одна Россия взамен, может быть, тайных устных единоличных обещаний английского министра, которые, как уже показал опыт истории, не имели никакой практической цены.

Но, тем не менее, Извольский после заключения англо-русского соглашения горел жаждой активной политики в Европе или, вернее, на Балканах и в проливах. Он нашел в этом отношении себе подходящего партнера в лице австро-венгерского министра иностранных дел барона Эренталя, который также был подвержен желанию активной политики на Балканах, но, в отличие от Извольского, чувствовал за собой не только нравственную, но и реальную поддержку Вильгельма II.

Оба министра, русский и австрийский, при некоторой, впрочем, поддержке и своего итальянского коллеги Титонни согласились летом 1908 года на улучшение своего «стратегического и экономического» положения за счет Турции.

1 мая Эренталь пожелал обменяться с Извольским мнением по балканским делам. В ноте 19 июня этот последний в ответ на высказанные ему захватнические мысли Эренталя излагал свой вполне лояльный на этот раз в отношении

Турции взгляд, но в конце ноты он намекал, что не прочь дружественно обсудить в общей связи вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины и о проливах, в виду их чрезвычайной важности для Австрии и России.

Здесь появляется на сцену новое лицо, а именно посол венского двора в Петербурге граф Берхтольд, который пригласил Извольского, Эренталя и Титонни отдохнуть вдали от глаз столичных корреспондентов в свой живописный замок Бухлау.

Летнее отдохновение четырех государственных людей вылилось в следующее соглашение, которое мы здесь приводим в редакции Эренталя.

1) Россия и Италия займут благожелательное положение в отношении аннексии Боснии и Герцеговины.

2) Италия и Австрия благосклонно отнесутся к поползновениям России в отношении пересмотра постановлений о проливах в более выгодную для нас сторону.

3) Австрия откажется от некоторых прерогатив, которые ей предоставлены статьей 29 Берлинского трактата в отношении Черногории, и

4) Австрия и Италия согласятся с Черногорией в отношении разрешения вопроса об Албании.

Но, вернувшись в Петербург, Извольский решил застраховать себя и со стороны Эренталя, и 23 сентября (6 октября) Николай II утвердил проект соглашения с Турцией, направленный исключительно против Австрии, в пользу улучшения положения России в отношении проливов. Турхан-паша, посол в Петербурге, сообщил, что оттоманское правительство отнеслось в принципе сочувственно к предложенному Россией соглашению.

Но в то время как Извольский путешествовал по европейским столицам не без задней цели подготовить решение вопроса о проливах в виде компенсации за аннексию Боснии и Герцеговины, так как оба эти вопроса, по предположению Извольского, должны были пройти через конференцию европейских держав, Эренталь единолично объявил 7 октября (24 сентября) аннексию Боснии и Герцеговины, заявив при этом, что это делается с согласия России.

Карта Извольского не только была бита, но он оказался при этом в самом незавидном положении. Началась длинная дипломатическая дуэль между Извольским и Эренталем, перипетии которой приводить здесь не будем. В ней приняли участие Франц-Иосиф, Николай и Вильгельм.

29 сентября нового стиля, т.-е. за восемь дней до аннексии, Франц-Иосиф обратился к Николаю II со следующим письмом [1]):

«Мой дорогой друг!

Тебе небезызвестны те переговоры, которые с некоторых пор ведутся нашими правительствами в целях укрепления основ нашего соглашения по восточным делам и твердого установления на будущее время общих положений той политики, которой мы должны следовать в обоюдном согласии на Балканском полуострове.

Мне нет надобности указывать на то, какое значение я придаю успеху этих переговоров, будучи твердо уверен, что соглашение, подобное тому, которое имеют

[1]) Подлинники этого и следующих писем хранятся в Архиве Революции и внешней политики XIX—XX в.в. в Москве.

в виду наши правительства, лучше всего послужит на пользу монархизма и консерватизма [1]), принципов, столь близких нашему сердцу, в интересах будущности наших империй.

Работая над благоприятным разрешением этих вопросов столь высокого значения, мое правительство должно было также заняться другой проблемой исключительной важности, разрешение которой не может быть отложено без опасности для мирного развития событий в местностях, прилегающих к границам моих владений.

Дело идет о положении Боснии и Герцеговины.

Эти две провинции достигли в настоящее время, благодаря неослабным заботам моего правительства, высокой степени духовного и экономического развития, они законно стремятся к благам автономного и конституционного правления [2]), в котором мое правительство не считает возможным долее им отказывать, в виду тех непредвиденных событий, которые произошли в Турции [3]).

Однако не представляется возможным приступить к дарованию Боснии и Герцеговины конституции до окончательного урегулирования вопроса о политическом положении этих провинций в будущем.

Итак, кажется, настал тот момент, на который намекал Гирс [4]) в телеграмме князю Лобанову [5]) от 27 февраля 1884 г., говоря о непредвиденных обстоятельствах, которые могут заставить австрийское правительство изменить положение вещей, существующее в обоих оккупированных провинциях.

В самом деле, не соображения политической выгоды, но повелевающая необходимость общего положения заставляют меня приступить к аннексии Боснии и Герцеговины.

Уверенный в твоей испытанной дружбе и полагаясь на силу традиционных уз, связующих наши империи, я глубоко убежден, что ты благожелательно отнесешься к той мере, которая нам внушается необходимостью и которую предвидели и приняли без возражений твои покойные отец и дед.

В доказательство того, что это решение ни в какой мере не идет вразрез с консервативными началами австро-венгерской политики и что мое правительство остается верным принципу незаинтересованности, установленному в 1897 году, мне остается лишь сказать тебе, что я уполномочил мое правительство отказаться одновременно с аннексией Боснии и Герцеговины от военных и административных прав, предоставленных монархии Берлинским трактатом в Новобазарском санджаке. Немедленное отозвание моих войск, которые в настоящее время занимают там гарнизоны, послужит подтверждением этого отказа.

Прошу тебя верить чувствам искренней дружбы твоего брата и друга,

Франца-Иосифа» [6]).

---

[1]) Если проследить всю шестидесятилетнюю переписку Франца-Иосифа с русскими царями, то этот лейт-мотив «монархизма и консерватизма» сопутствует каждое письмо Франца-Иосифа, когда ему нужно вырвать со стороны России какую-нибудь уступку. При Николае I эта мера без промаха действовала в пользу Австрии.

[2]) Курсивом подчеркнутое рукой Николая II.

[3]) Младотурецкий переворот.

[4]) Министр иностранных дел при Александре III.

[5]) Русский посол в Вене в то же время.

[6]) Перевод с французского.

По существовавшему обычаю, копия этого письма, предварительно официального его вручения через посла, была передана Извольскому, который при докладе представил ее государю. Николай II на докладе 21 сентября старого стиля, т.-е. за три дня до аннексии, о которой еще не было известно, написал:

«Надо будет зрело обдумать проект моего ответного письма императору, вдохновляясь мыслями, высказанными в разговоре с вами и со Столыпиным 21 сентября» [1]).

Эта надпись дает полное основание считать в числе участников Бухлауского coup d'état также Николая II и Столыпина.

Николай II ответил Францу-Иосифу не сразу. События очень обострились на той почве, что Россия желала вместе с признанием аннексии Боснии и Герцеговины изменения и некоторых других статей Берлинского трактата конференцией из представителей всех держав, подписавших этот трактат, в надежде провести на этой конференции и вопрос о проливах. Австрия, соглашаясь на конференцию, требовала, чтобы вопрос о Боснии и Герцеговине на ней не ставить. Это разногласие увеличивалось еще нескромностью Эренталя в отношении Извольсвого и повело к тому, что непосредственные отношения между обоими правительствами почти прекратились. За Россией и Австрией сгруппировались их союзники, но в этом отношении положение первой было несравненно хуже, так как за ней стояла пассивная Англия и виляющая Франция, а за Австрией твердой рукой направлявшая весь инцидент с целью расколоть Тройственное Согласие — Германия.

Ответ Николая последовал только 22 октября (4 ноября) и был составлен Извольским. Он вылился в следующее письмо:

«Мой дорогой друг!

Глубокая и искренняя дружба, которую я к тебе питаю, не позволяет мне скрыть от тебя весьма тягостное впечатление, произведенное на меня присоединением к Австро-Венгерской империи, путем единоличного акта, — что крайне печально, — провинций Боснии и Герцеговины, вверенных Берлинским трактатом твоему управлению.

Я не хотел бы подвергать какому-либо сомнению значение обязательств, принятых по отношению к тебе моими дедом и отцом, а также останавливаться на вопросе о том, соответствует ли упомянутый тобой особый документ существующему поныне соглашению, — я ограничусь лишь утверждением, что положение Боснии и Герцеговины, вверенных Берлинским трактатом оккупации Австро-Вентрии, не может быть изменено иначе, нежели постановлением держав, подписавших этот трактат. Эта точка зрения вполне соответствует принципу, установленному Лондонской конференцией и торжественно принятому Австро-Венгрией, — что никакое государство не может отказываться от обязательств договора и изменять его положения иначе, как с полного согласия договаривающихся сторон.

Полагаясь на твою дружбу и на чувство присущей тебе высокой справедливости, пребываю в уверенности, что ты вполне согласишься с необходимостью применения этого принципа и в данном случае. Со своей стороны, я от всего

---

[1]) Под подписью Николая Извольским вставлена дата: «Яхта Штандарт. 23 сентября 1908 г.».

сердца готов служить укреплению монархических и консервативных начал, столь благодетельных для России и для Австро-Венгрии, и приложу все усилия для дружественного разрешения этих затруднений, чтобы тем сильнее укрепить традиционные узы, связующие обе наши империи.

Прошу тебя верить чувствам искренней дружбы твоего брата и друга

Николая» [1]).

На этом переписка между обоими императорами опять прекращается на целый месяц; возобновилась она по случаю шестидесятилетнего юбилея царствования Франца-Иосифа.

Николай II послал в Вену приветствовать юбиляра вел. кн. Михаила Александровича с письмом, очевидно, не касавшимся политических дел, так как оно в архивах не сохранилось. Франц-Иосиф ответил на него следующим длинным посланием, которое посвятил исключительно инциденту, волновавшему в то время всю Европу:

Вена. 7 декабря (24 ноября) 1908 г.

«Мой дорогой друг!

Мне доставило особое удовольствие получить через великого князя Михаила письмо, которым ты отметил мой юбилей; горестные события, которые задержали твоего брата в кругу родных [2]), причинили мне искреннее огорчение. Что касается до твоего послания, к которому пожелала присоединиться и императрица, то оно затронуло самые чувствительные струны моего сердца. Дружба, которой ты меня даришь, дорога мне по многим причинам, и я особенно ценю проявление ее в момент, когда, окончив 60 лет царствования, полного забот и труда, я не без волнения хочу восстановить в памяти его этапы.

За это истекшее время сношения между нашими царствующими домами (trônes) заняли видное место. Я стремился их укреплять не только из чувства привязанности, но и по долгу в отношении моих народов.

Вскоре после моего вступления на престол я должен был признать, вопреки личным моим симпатиям, что вопросы, связанные с судьбой как России, так и моей монархии, не могли быть урегулированы при помощи политики открытого союза; национальные и географические условия обеих империй были слишком различны, чтобы позволить им постоянно итти рука об руку к достижению одной и той же конечной цели. Я и твои предки вместе со мною признали, что разница в стремлениях наших народов обязывала нас к неизменной бдительности и внушала мысль о том, что последствия этого различия надлежало исправлять при помощи крепких уз дружбы и доверия между нашими домами.

Этот принцип я сделал основой моей политики, которая состояла в использовании всех обстоятельств, способных сблизить интересы обоих государств, а с другой стороны, в доброжелательном и спокойном обсуждении тех несогласий, которые могли бы возникнуть при столкновении интересов.

Политика эта, разделяемая твоими предшественниками, не была безрезультатной для России; она оберегала ее от опасностей и доставила ей полежительные

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) Смерть вел. кн. Алексея Александровича.

выгоды. Она позволила Александру II начать войну с Турцией и пожать плоды победы не только на благо России, но и на благо народностей Балканского полуострова.

Мне нечего тебе напоминать опасные стороны, которые возникали иногда в балканском вопросе в царствование твоего покойного отца. Наша добрая воля одержала верх в эту пору раздраженного общественного мнения и его беспокойных притязаний (velleités).

Еще позднее твоя просвещенная (éclairée) дружба заставила нас сделать большой шаг вперед соглашением 1897 года, которое было призвано направлять политику Европы на Балканах. По виду соглашение это казалось как бы началом новой политики, противоречащей прежним традициям; в действительности же оно было лишь развитием тех отношений, которые уже выдержали двадцать лет испытаний.

Это сближение, к моему удовлетворению, дало мне возможность повести политику дружественного согласия с Россией. Я не только не воспользовался этим документом, который предоставлял Австро-Венгрии полную свободу развивать ее экономические интересы на Балканах, но в то время, когда ты вел на Дальнем Востоке трудную войну, и во время последовавших вслед за ней смут в России, я пренебрег этими материальными интересами, чтобы избавить тебя от тени какого-либо беспокойства со стороны Европы.

Наконец, совсем недавно, когда, стремясь избавить от опасности наиболее уязвимый пункт моих владений, я счел своим долгом принять решительные меры в отношении Боснии и Герцеговины, — меры, которые фигурируют и в наших прежних обязательствах, как противовес территориальному приращению и влиянию Российской империи, — я, храня верность традициям моей политики, присоединил твою империю к моему проекту, предоставив ей значительные выгоды.

В твоем письме от 22 октября (4 ноября) ты пишешь, что считаешь себя обязанным сделать предостережение в отношении текста, на который мое правительство могло бы сослаться в защиту моего последнего действия. Верь мне, мой дорогой друг, что мне не приходило в голову пользоваться этими документами, для оправдания моего поступка перед Европой и перед тобой. Точно так же, говоря с тобой таким образом, я не имею в виду воздействовать на твое суждение относительно моей дипломатии. Я только желаю, чтобы ты знал, что в данном случае я сохранил по отношению к тебе свою неизменную лойяльность, что я ничего не предпринял, что не было бы ранее утверждено твоими предшественниками, а недавно также и твоим правительством, которое мне предлагало распространить мои владения за пределы намеченных мной границ. Должен тебе сказать, что меня огорчило то недоверие, с каким ты отнесся к моим намерениям, и то, что оно проявилось в напоминании тобой таких положений, от которых я и не думаю отступать; но мне казалось бы, что они скорее могли бы быть выдвинуты в отношении противника, нежели против искреннего друга, который позаботился о твоих интересах и твоих желаниях, прежде чем приступил к действиям, выгодная сторона которых должна отразиться как на престиже твоей империи, с одной стороны, так и, с другой, на безопасности моей.

Должен ли я тебе говорить, что я выбрал, как средство, fait accompli [1]) по серьезным причинам? Ясно, что Турция, а при современных обстоятельствах и не-

---

[1]) Свершившийся факт.

которые другие державы отказали бы мне или, по крайней мере, торговались бы из-за своего согласия, если бы я спросил их о нем предварительно. Средства воздействия, которые применяются к Австро-Венгрии в настоящее время, были бы тотчас же пущены в ход, и поднятие этого вопроса вызвало бы со стороны маленьких славянских государств более сильные протесты, нежели те, с которыми мне приходится иметь дело после свершившегося факта. Вероятно, пришлось бы даже прибегнуть к оружию в деле, конечная цель которого заключается в отсрочке кровавых столкновений на Балканах.

Твой новый братский поступок, дорогой друг, за который я еще раз выражаю тебе благодарность, дает мне случай высказать тебе свое понимание лежащего на мне священного долга и те убеждения, которые мной руководили в течение царствования, юбилей которого я только что отпраздновал, и в течение всего моего долгого существования, полного ниспосланных мне богом испытаний.

Я хотел тебя уверить в моей верности принципам, которые мною руководили до настоящего времени, и в моем твердом намерении честно придерживаться их до моего последнего часа на том пути, который я в свое время себе наметил. Да сохранит бог твое доверие ко мне и твою дружбу в интересах наших престолов и наших народов.

Я прошу тебя верить в чувства искренней привязанности твоего брата и друга

Франц-Иосифа» [1]).

На этот раз ответ Николая II последовал очень быстро, а именно 17/30 декабря 1908 года.

Весь черновик его был написан нервной рукой Извольского, и этот министр не имел такта воздержаться от включения в кабинетное письмо мелких упреков совершенно личного характера по отношению к Эренталю [2]).

«Царское Село 17 декабря 1908 г. [3]).

Мой дорогой друг!

Я был глубоко тронут сердечными выражениями твоего письма и, с своей стороны, испытываю потребность откровенно поговорить с тобой об отношениях, существующих ныне между обеими империями; в этих отношениях, увы, за последнее время произошла перемена, которая причиняет мне самое живое огорчение. Ты знаешь, как я всегда был предан соглашению [4]), которое было нашим общим и личным делом; именно оно обеспечивало в течение десяти лет мирный ход событий на Балканах.

И если в настоящее время такой порядок вещей уступил место чувству общей тревоги, то, конечно, не Россия была тому причиной.

Точно сообразуясь с моей волей, мое правительство оставалось щепетильно верным тем действиям, которые мы совместно предприняли в Македонии; это твой

---

[1]) Подлинник на французском языке.

[2]) На подлиннике рукою Николая написано: «Вполне одобряю. 17 декабря 1908 г.».

[3]) Рукою Николая: «Отправлено 17 декабря 1908 г.».

[4]) Соглашение 1908 г.

министр иностранных дел нанес первый удар нашему соглашению. Нужно ли напоминать тебе прискорбные события последней зимы?

В то время, когда я был твердо уверен, что вследствие дружеских переговоров между нашими министрами в Вене мы будем действовать в полном согласии, барон Эренталь внезапно отклонился от нашей линии, выдвинул, не предупредив о том нас, свой проект о Санджакской железной дороге и оставил план судебных реформ в Македонии, выработанный совместно нашими кабинетами.

Ты знаешь, как я старался избежать разрыва нашего согласия. Чтобы попытаться восстановить его, я приказал Извольскому войти в переговоры этой осенью с бароном Эренталем. Этот последний открыл ему во время переговоров новые планы, которые могли лишь нарушить нормальный ход вещей и доброе согласие между обеими империями. Тем не менее, мой министр иностранных дел, проникнутый самыми примирительными намерениями, постарался изыскать с ним средства, с помощью коих мог быть покончен вопрос об аннексии, который он предполагал поднять для дружелюбного его разрешения.

Г. Извольский, прежде всего, обратил его внимание на то возбуждение, которое он неминуемо должен был вызвать как в России, так и среди балканских народностей; затем он ему указал те условия, при которых мы могли бы, несмотря на все трудности, предстоящие в связи с этим вопросом, сохранить дружественную позицию в отношении Австро-Венгрии; он ему открыто заявил, что мы не можем отказаться от тезиса, который всегда поддерживали, а именно, что вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины имеет общеевропейское значение и может быть разрешен лишь с согласия держав; даже был поднят вопрос о месте и времени такой конференции. Наконец, Извольский получил уверение со стороны барона Эренталя, что он заблаговременно предупредит о принятом твоим правительством решении. Я был вполне уверен, что обмен взглядов между обоими министрами предварительно должен был быть представлен на мое усмотрение [1]), а соглашение, вчерне ими набросанное, получить мое утверждение.

Однако, не дождавшись моего ответа, предупредив нас о том всего лишь за 24 часа и не посчитавшись ни в малейшей степени с возражениями, формулированными моим министром, барон Эренталь поставил нас перед свершившимся фактом, что, однако, не помешало ему объявить, что он действовал в полном согласии с нами. В то же время твои посланники за границей поддерживали мнение, что аннексия ни в чем не касается держав и что Австро-Венгрия не примет участия в конференции.

Ты знаешь, какое волнение произвел во всей Европе такой резкий образ действий. Барон Эренталь, который столько лет жил между нами [2]), должен был предвидеть то возбуждение общественного мнения, которое было вызвано этим в России, которое причинило и продолжает еще причинять столько затруднений моему правительству.

Ты поймешь также, мой дорогой друг, сколь я был лично задет (froissé) поступками твоего министра. Несмотря на все это, мой кабинет ни на минуту не переставал предпринимать все меры к умиротворению умов как в России, так и

[1]) Извольский после свидания с Эренталем поехал в объезд европейских столиц, а Австрия использовала это время для объявления аннексии.

[2]) Был послом в Петербурге.

среди балканских народностей. Среди всех этих затруднений мой кабинет ни на минуту не изменил своей в высшей степени примирительной и корректной линии поведения, и я с тягостным удивлением узнал о тех способах действия, которые барон Эренталь употребил в отношении нас. Он нашел возможным, вопреки всем дипломатическим обычаям, сообщить без нашего согласия другим кабинетам секретные документы, которыми недавно обменялись наши кабинеты. Некоторые из них относились к прежним переговорам, связанным с нашим секретным соглашением 1897 года, которое я рассматриваю, как личный акт, заключенный между тобою и мною, и в котором наши министры принимали участие только в качестве свидетелей. Впрочем, мне было уже известно, что барон Эренталь еще перед этим сообщил одному иностранному кабинету документ, относившийся к тому же соглашению.

Я не скрою от тебя, мой дорогой друг, что в этом поступке твоего министра я вижу недостаток уважения ко мне. При таких условиях невозможны никакие тайные сношения, и я принужден был приказать моему министру иностранных дел придать впредь сношениям между обоими кабинетами строго официальный характер.

Я могу уверить тебя, мой дорогой друг, что все эти тягостные события совершенно не нарушают чувств глубокого к тебе уважения и искреннего желания видеть вполне восстановленным доброе согласие между нашими монархиями. Я пишу тебе эти строки не только с чувством глубокой грусти, но также и с чувством большого опасения за будущее.

Конечно, не мне судить, принесла ли политика твоего министра иностранных дел такие выгоды для твоей империи, которые по своим размерам соответствовали бы вызванным ею волнениям. Но я должен спросить себя, ограничится ли эта политика той смутой, которую она уже причинила, или же мы находимся накануне осложнений, еще более опасных для общего мира. По сведениям, которые до меня доходят, твое правительство принимает военные меры в таком масштабе, из коего можно предположить, что оно готовится к возможному в ближайшее время конфликту с твоими южными балканскими соседями. Если подобное столкновение произойдет, то оно вызовет в ответ большое возмущение не только на Балканском полуострове, но также и в России, и ты поймешь то особо трудное положение, в котором я окажусь. Избави нас, боже, от подобной перспективы, которая положит конец всякой возможности сохранить хорошие отношения между Россией и Австро-Венгрией и может привести Европу к общей войне.

С своей стороны, я всегда останусь верным тем чувствам и принципам, которыми я всегда руководствовался в сношениях с тобой и которые мне кажутся столь необходимыми для поддержания мира и монархических установлений. Молю бога помочь мне в моих стараниях и сохранить мне все твое расположение, которое мне бесконечно дорого и в котором я не перестану видеть наиболее верное средство для поддержания хороших отношений между нашими империями.

Прошу тебя верить в чувства искренней привязанности твоего брата и друга

Николая» [1].

---

[1]) Подлинник на французском языке.

Ответ Франца-Иосифа не заставил себя ждать и последовал из Вены 15/28 января 1909 года.

«Мой дорогой друг!

Труд, который ты принял на себя в письме от 17 (30) последнего месяца, лично изложив мне все те аргументы, которые твое правительство сочло нужным выставить против моего, показывает мне, сколь велик твой интерес к современной политике. Видя, какое сильное впечатление произвели на тебя разногласия, возникшие в связи с недавними переговорами между нашими министрами, я вспоминаю об аналогичных столкновениях, свидетелем которых мне приходилось бывать раньше. Я всегда находил, что подобные раздоры между государственными людьми более легко разрешаются без вмешательства монархов: опыт последовательно научил меня быть терпеливо сдержанным в отношении их.

Ты ничего не будешь иметь против, если вместо того, чтобы обсуждать изложенные мне тобою несогласия, я ограничусь тем, что остановлюсь на некоторых местах твоего письма, которые касаются персонально тебя и меня.

Прежде всего, я был поражен, узнав от тебя, что барон Эренталь «выдвинул» последней осенью перед твоим министром иностранных дел «новые планы, которые могли лишь нарушить нормальный ход вещей»... Эти новые планы (дело, без сомнения, касается аннексии Боснии и Герцеговины) были включены в общие предложения, которыми твой министр поразил барона Эренталя за два месяца до встречи в Бухлау. Мой министр, который не позволил бы себе обсуждать проекты Извольского без моего на то согласия, был твердо убежден, что и этот последний сообщал их, будучи на то тобой уполномочен.

Я не могу, мой дорогой друг, скрыть удивления, что предложения эти не были предварительно представлены на твое утверждение и стали тебе известны после свершившегося факта, в форме неожиданного и несвоевременно сделанного сообщения. Тебе следует узнать, что, по первоначальной мысли твоего же министра, та мера, которую я позднее принял в отношении Боснии и Герцеговины, — мера, необходимость которой была представлена на его рассмотрение, должна была распространяться и на Новобазарский санджак, тогда как я, с своей стороны, обязывался доброжелательно отнестись и оказать свою моральную поддержку тем действиям, которые ты должен был предпринять в целях открытия проливов для твоих военных судов.

Эта часть программы не была выполнена по мотивам, которых я не доискиваюсь; я тебя все-таки прошу, мой дорогой друг, верить, что мое правительство совершенно к ним непричастно и даже в настоящее время мы о них ничего не знаем. Барон Эренталь, таким образом, отнюдь не заслуживает твоего неудовольствия по этому пункту.

Я хотел бы также, чтобы ты изменил свое суждение о моем министре по вопросу о большой нескромности, которую он, якобы, допустил в отношении тебя предполагаемой оглаской нашего соглашения 1897 года. Здесь также непосредственное ознакомление с документами, которые, очевидно, не были тебе доложены, убедит тебя, как я и сам убедился, что ничто тайное, касающееся нас с тобой, ни одна деталь нашего секретного разговора той поры не стали известны публике через сообщения барона Эренталя иностранным кабинетам. Напротив того, министр этот дал доказательства своей сдержанности и скромности в том освещении результатов наших переговоров, сделать которое он был вынужден силой обстоятельств.

Наконец, третье место твоего письма касается непосредственно меня и изумило меня в сильнейшей степени. Я с трудом понимаю, как могли от тебя скрыть положение вещей и настроение на Балканах до такой степени, чтобы заставить тебя рассматривать мое поведение в отношении Сербии и Черногории, как аггрессивное.

Возбуждение, которое царствует в этих местностях, порождает самые разнообразные и противоречивые слухи, которые надлежит немедленно и с большим вниманием проверять. Советчики, пренебрегающие черпать свои сведения из верных источников и тщательно их сортировать до представления тебе, не отдают себе, мне кажется, отчета в том, какую они берут на себя ответственность и какому риску подвергают политическое положение.

Мое поведение в отношении сербских стран продиктовано мне с осени моим долгом и предусмотрительностью, вызванными той страстной и полной ненависти враждебностью, которой проникнуты в этих странах все классы, включая и ответственных представителей власти. Я никогда и не думал посягать на их независимое существование и не питаю никаких завоевательных стремлений, могущих причинить им вред. Напротив, я твердо решил со всей энергией противиться возможности аггрессивных действий, на которые их может толкнуть все возрастающая дерзость в погоне за химерическими мечтами, которые, увы, были им внушаемы не одной лишь стороной.

Еще не было примера, чтобы какая-нибудь великая держава, заботящаяся о своем достоинстве и о своих интересах, проявила бы такое долготерпение, какое проявляем мы в отношении наглой провокации маленьких соседей.

Я продолжаю надеяться, что размышления и здравомыслие восторжествуют, в конце концов, над этими заблуждениями, которые иначе могут довести эти народы до худших случайностей.

Мой поверенный в делах в Петербурге сообщил мне о милостивых словах, которыми тебе было угодно почтить его по случаю нового года; я частью отнес их и на свою долю и душевно тебя благодарю. Чувства и пожелания, которые ты высказал в немногих словах, являются счастливым предзнаменованием.

Прошу тебя верить чувствам искренней дружбы твоего брата и друга

Франца-Иосифа».

Этим окончилась переписка между русским и австрийским императорами.

Приведенная переписка вскрывает лучше, чем ряд дипломатических переговоров, таинственную сторону тех событий, которые несколько месяцев держали под страхом войны всю Европу.

Не в том вопрос, кто здесь прав и кто виноват,—Извольский достоин Эренталя, а Эренталь достоин Извольского. Не может быть только сомнения, что австрийский министр очень ловко воспользовался жаждой Извольского к активной политике в Европе и желанием улучшения положения в проливах заставить русское общественное мнение спокойнее отнестись к заключенным им соглашениям с Японией и Англией. Русский дипломат был во всех отношениях побит своим австрийским коллегой.

Для полноты описанного эпизода необходимо осветить во всем этом деле и роль «рыцарски верного» Австрии Вильгельма II

Уже в октябре 1908 года германский посол ясно показал Извольскому, что в вопросе об аннексии Боснии и Герцеговины Германия пойдет во всем за Австрией. Мотивы такого решения не скрывались.

«Россия, — сказал граф Пурталес [1]), — несмотря на все заслуги Германии перед ней, все более и более сближается с враждебной немцам группой держав. Кульминационными пунктами такой политики были Алжезирасская конференция и ревельское свидание с королем Эдуардом. Подобная перегруппировка держав заставляет Германию более, чем когда-либо, тесно сблизиться с Австрией и принять за основание своей политики полнейшую солидарность во всех вопросах с Габсбургской монархией» [2]).

По мере развития событий и тон разговоров Пурталеса с Извольским принимал все более и более угрожающий характер [3]), и все дело окончилось, как известно, мартовским ультиматумом Германии.

В архиве сохранились за это время два интересных документа [4]), принадлежащие перу Вильгельма II, а именно, письмо от 9 января 1909 года и телеграмма от 14 (27) марта того же года, отправленная через четыре дня после предъявления ультиматума.

Николаем в ответ послано было письмо от 12 января. Текст письма с вариантом и материалом, составленным А. П. Извольским, напечатан в назв. книге: «Переписка Вильгельма II с Николаем II» (см. стр. 146—151).

На этом переписка между двумя императорами, по крайней мере, дипломатического характера, прекратилась на два месяца.

Настал март месяц. Балканский кризис был главными действующими лицами введен в тупик. Тогда Николай II обратился, по докладу Извольского, к Вильгельму с новой просьбой — воздействовать на Австрию [5]). Вильгельм, вместо ответа, предъявил России 10 (23) марта безотговорочный ультиматум с требованием немедленного признания аннексии Боснии и Герцеговины [6]) и только через четыре дня, когда ультиматум был нами принят, ответил Николаю II телеграммой от 14 (27) марта (текст ее опубликован в «Переписке Вильгельма II с Николаем II», см. стр. 151—152).

Вильгельм писал:

«...Благодарен за телеграмму, на которую я не мог раньше ответить в виду колебаний международной политики.

Я очень рад, что вы относитесь к предложению, сделанному моим посланником вашему правительству, как поддерживающему мое дружеское расположение. Рад услышать, что вы приказали вашему правительству его принять. Верю, что этим предложением мы сделали большой шаг к окончанию кризиса».

---

[1]) Германский посол в Петербурге.
[2]) Доклад Извольского Николаю II 19 октября 1908 года.
[3]) То же 29 ноября 1908 года.
[4]) Опубликованы в изд. Центрархива «Переписка Вильгельма II с Николаем II», стр. 142—145 и 151—152
[5]) Текст этой телеграммы см. в назв. изд. «Переписка Вильгельма», стр. 150—151.
[6]) Сэр Никольсон, великобританский посол в Петербурге, сообщает в своем отчете за 1909 год циркулировавший слух, что будто бы Извольский, не зная, как выпутаться из созданного им же тупика, сам воздействовал на берлинский кабинет в смысле предъявления России ультиматума. Лично Никольсон этому слуху не верил.

Что же можно прибавить к этим документам? Они ясно говорят сами за себя.

Здесь все имеется: и жонглирование тайными договорами с Австрией против Турции и с Турцией против Австрии, и захватническая политика, и настоящая цена франко-русского союза, и далеко нечистоплотная игра двух министров, и, наконец, действительная роль Вильгельма II.

Но ярче всего здесь выявляется жалкая роль русского министра, в руки которого слепой случай передал международную политику целой страны и который после только что законченной кровавой авантюры на Дальнем Востоке толкал ее на такую же авантюру на Ближнем Востоке.

Вильгельм также не достиг своим поведением желаемых результатов, так как после кризиса 1908—1909 г.г. русская дипломатия уже совсем покорно пошла на поводу англо-французского соглашения.

А. Зайончковский.

АНГЛО-РУССКАЯ КОНВЕНЦИЯ 1907 г. И РАЗДЕЛ АФГАНИСТАНА.

(По материалам секретного архива бывшего М. И. Д.)

1907 год явился крупнейшей вехой в истории международных отношений на Среднем Востоке. Во внешней политике русского империализма 1907 год отмечен двумя соглашениями: с Англией — по средне-азиатскому вопросу, с Японией — о взаимной поддержке территориальных домогательств друг друга в Китае. Оба эти акта связаны между собою глубоким внутренним единством. Они являются выражением поворота царской России на рельсы ближне-восточной политики, с центром тяготения в Константинополе,— уклоном, как известно, ставшим одним из решающих слагаемых в вопросе империалистической войны 1914 года.

По времени конвенция с Англией предшествует соглашению с Японией, но обоим предшествует русско-японская война и революция 1905 года. Соединенными усилиями подрастающего нового гегемона Дальнего Востока, опиравшегося на плечи английского капитала, русский империализм был навсегда отброшен от теплого Китайского моря. Английская помощь не ограничивалась тоннами снаряжения и миллионами фунтов стерлингов, переданных союзнику. Вся береговая полоса России была поставлена под Дамоклов меч английского флота, а в пункте ближайшего соприкосновения их азиатских колоний русское командование стояло перед угрозой враждебных выступлений Афганистана и общих осложнений по средне-азиатской границе. В разгар войны из Туркестана на японский фронт не было взято ни одного солдата, ни одной батареи, и в связи с мероприятиями лорда Китченера в Северной Индии самим русским пришлось подумать об увеличении числа войск оккупации. Портсмутский договор, как таковой, конечно, не устранял русско-японских противоречий. Русский империализм мог примириться с потерей южной Манчужрии, Ляодунского полуострова и уже облюбованной Кореи, только в случае общего поворота своей внешней политики. Константинополь должен был с лихвою оплатить все счета Порт-Артура. Это ставило ребром вопрос о соглашении с хозяйкой Суэца и Гибралтара. И подготовлявшееся соглашение с Японией, по части совместного дружеского свежевания остатков Китая, включалось одним из звеньев в программу, где решающее значение имело сближение с британским империализмом. На заседании особого совещания по выработке русского ответа на английское предложение по средне-азиатскому вопросу министр иностранных дел Извольский прямо указал, что «переговоры с Англией, достигшие именно теперь самого жгучего пункта, находятся в непосредственной связи с теми, которые мы

ведем с Японией и которые, вероятно, скоро придут к желательному результату, выразившись в заключении серии конвенций, частью вытекающих из условий Портсмутского мира 1905 года, частью же имеющих самостоятельное значение. Соглашение с Японией будет, однако, не полным, если на ряду с ним мы не обеспечим себя со стороны Англии, связанной с Японией союзом».

Соглашение с Англией устраняло англо-русское соперничество на Среднем Востоке. При ликвидации счетов англо-русской вражды приходилось трезво взвесить, какими реальными непосредственными интересами обладала царская Россия в Персии, Афганистане и Тибете, если отбросить стратегическое значение этих стран, как подступов к Индии. Персия и Тибет выходят из круга нашего очерка. Остается Афганистан. Предоставим слово русским авторам соглашения 1907 года.

В своей программной речи на том же совещании министр иностранных дел Извольский настойчиво указывал, что «общее положение дел, создавшееся вследствие войны и последовавшей за ней внутренней смуты, заставляет нас отказаться от замыслов, недостаточно согласованных с действительными силами страны, и вступить на путь охраны лишь своих насущных интересов. С этой именно точки зрения нам следует разбирать вопрос афганский и рассматривать предложенные Англией пункты».

Было бы наивно предполагать, что политика Извольского построена целиком на рецептах Гаагской мирной конференции. Она просто понимает «реальную политику» в смысле отказа от безнадежной погони за двумя зайцами сразу. Дело в том, — указывает в своей докладной записке быв. посол в Константинополе Зиновьев,—«что сейчас представляется как нельзя более желательным вывести наш Черноморский флот из того бездействия, на которое он обречен, и открыть ему доступ в Средиземное море. Поднять этот вопрос окажется возможным лишь при том условии, если нам удастся заручиться искренним содействием Англии». Само собой понятно, что под этим углом зрения «все планы вторжения в Индию не выдерживают критики и должны быть отнесены в область фантазии». Засим следуют и выводы. «В случае готовности Англии способствовать разрешению вопроса о проливах могли бы быть с нашей стороны сделаны ей уступки в средне-азиатском вопросе» [1]).

Еще более откровенно высказался Коковцов:

«Уроки прошлого убеждают нас в необходимости вести исключительно реальную политику, чуждую случайностей и уклонений в сторону. С этой точки зрения отдаленность Афганистана и недоступность его нашему влиянию должны заставить нас признать его вне сферы наших насущных интересов, о чем нам надлежит совершенно определенно заявить Англии, для которой афганский вопрос является жизненным. Таким открытым заявлением нам, быть может, удастся успокоить тревоги Англии и избежать нежелательных и опасных трений. Важность же соглашения с Англией так велика, что для достижения его можно было бы даже отчасти поступиться стратегическими соображениями, которые, быть может, связаны с афганским вопросом» [2]).

---

[1]) Зиновьев. «Секретная записка о соглашении между Россией и Англией». (Ср.-аз. департамент, дело № 86, докум. 145.)

[2]) По протоколу «Журнала особого совещания по афганскому вопросу» 14 апреля 1907 г. Присутствовали: Извольский, министр финансов Коковцов, начальник генерального штаба генерал лейтенант Палицын, министры торговли и промышленности, штайлмейстер Философов и ряд других лиц.

Здесь ценно откровенное признание Извольского, что Россия никаких реальных «замыслов», т.-е. связанных с экономикой, в Индии не имеет. Если даже согласиться с Зиновьевым, что эти замыслы являются плодом чистой фантазии, то появление в головах петербургских сановников именно навязчивой идеи похода на Индию вряд ли имело бы место, если бы по ту сторону Гинду-Куша весь вице-королевский двор не страдал периодическими припадками мании преследования.

Царская Россия рассматривала Афганистан и Индию не со стороны их внутренней, самодовлеющей ценности, а исключительно под углом использования как пугала на англичан. Такой подход вплетал от времени до времени средне-азиатский вопрос в международные кризисы, но в общем и целом отводил ему скромное место оружия особого назначения, употребляемого только против определенного противника и при специфическом стечении обстоятельств. Пропадала нужда, и царская дипломатия охотно сдавала его до востребования в арсенал, благо Россия продолжала сохранять выигрышное географическое положение на границах Афганистана.

Иначе подходила к соглашению британская дипломатия. Для нее ценность Индии оставалась величиной, не зависящей ни от соглашения с Россией, ни от общего хода мировой политики. Индия была и остается осью английской политики на азиатском материке [1]). И автор другой докладной записки по средне-азиатскому вопросу, Сементовский-Курило, в праве ожидать, что опорной точкой соглашения явится обращенное к России «требование вполне надежных гарантий безопасности Индии, без чего самая конвенция окажется невозможной [2]). Лондону только оставалось продиктовать свои условия. И действительно, за исключением одного маловажного пункта, первоначальные английские предложения по афганскому вопросу целиком вошли в текст договора.

Если суммировать все предшествующие уступки, сделанные русским министерством иностранных дел на протяжении XIX века, то конвенция 1907 года ничего нового по существу не вносит. Она только придает прежним уступкам юридическую стройность и полноту. В уже цитированной докладной записке Зиновьев тщательно выискивает остатки былой свободы действия в Средней Азии, которые Россия могла бы принести на алтарь будущей Антанты. Оказывается, что действовавшая до 1907 года формула признания Афганистана «лежащим вне сферы русского влияния» обходила молчанием вопрос о формальном согласии на английское руководство внешними сношениями эмирства и оставляла, таким образом, узкую лазейку, куда от времени до времени проскальзывали русские агенты. Конвенция в первой же статье заменяет эту эластичную формулу положительным обязательством России «пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством правительства его британского величества, она обязуется также не посылать в Афганистан никаких агентов».

Если капитуляция России по вопросу о сношениях с Афганистаном была необходимой предпосылкой соглашения, то этот момент далеко не исчерпывает всех его возможностей. Само по себе запоздалое отречение России от всяких «замыслов»

---

[1]) В самом тексте конвенции ни полслова не упомянуто об Индии. Этот ее лицемерный характер был в свое время вскрыт Снесаревым. См. его «Англо-русское соглашение 1907 года», стр. 24—25.

[2]) «Записка по афганскому вопросу» д. с. с. Сементовского, № 965 вх. с. ж. I Отд. 27 апреля 1907 года.

в Афганистане и Индии не разрешало основных жизненных задач, стоящих в ту пору перед британской империей на Среднем Востоке.

В 1904 году лорд Эленбороу одной фразой сдал в архив традиционную Биконсфильдовскую политику поддержки Турции против России. Он сказал: «Лучше видеть Россию в Константинополе, чем немецкий военный арсенал на Персидском заливе». С каждой законченной верстой строившейся Багдадской дороги немецкий капитал железным клином внедряется в Месопотамию, подготовляя сферу влияния и в Персии, и в Афганистане. На смену русской опасности на рубежах Индии выростала новая, более страшная опасность.

Дорога трех Б (Берлин—Византиум—Багдад) била не только по английским интересам.

Она грозила заменить мечту о православном кресте на св. Софии дешевым полумесяцем немецкой фабричной работы. И, поскольку конвенция 1907 года была первым признаком будущего анти-немецкого фронта, она не только развязывала английскому и русскому империализму свободу действия на Западе, но закладывала одновременно первый камень политического и военного сотрудничества Англии и России на азиатской почве.

Объектом их общего действия становится и Афганистан.

Объем русского участия определялся двумя моментами: неудачей всей предшествовавшей английской политики, направленной к захвату Афганистана, общим международным положением и, в частности, ростом немецкого влияния на Среднем и Ближнем Востоке.

В Лондоне не делали тайны из истинного положения вещей. Сэр Эдуард Грей без обиняков заявил царскому послу Бенкендорфу: «Мы рассматриваем Афганистан, как угрозу для безопасности английских владений, и эта идея не была упущена во время недавних военных реформ в Индии». Бенкендорф вряд ли обманулся, кто для кого представлял военную угрозу,—британский ли империализм Афганистану, или наоборот. Но самый факт укрепления англо-афганской «дружбы» методами военной подготовки не говорил за ее прочность в данный момент. Дальше-больше, и Грей признается в бессилии английского влияния, когда советует Бенкендорфу «отказаться от предвзятой мысли, что Афганистан как в силу договора Дэна, так и вследствие поездок эмира в Индию уже вполне подчинился некоторого рода протекторату Англии, дающему ей возможность делать там, с точки зрения политической, административной и военной, почти все то, что она захочет». И поскольку задача закрепощения афганского народа оказывается еще неразрешенной, то «дальнейшее увеличение военного могущества Афганистана рассматривается, как опасность для Индии, и придается большое значение тому, чтобы эта страна осталась изолированной и замкнутой» [1]).

И действительно, британское правительство вполне отчетливо сознавало, что Афганистан отнюдь не представляет собой колонии в обычном смысле этого слова: оно решительно отвергло мысль об ограничении своей свободы действий в отношении Афганистана: «Какое-либо ограничение такой свободы со стороны Великобритании не преминуло бы подвергнуть серьезной опасности мир в Средней Азии, по-

[1]) Слова Грэя по донесению Бенкендорфа Извольскому 5 апреля 1907 года, № 742 вх. ср. д. II отд.

ощряя эмира и его подданных игнорировать трактаты, которыми регулируются отношения, существующие между Великобританией и Афганистаном. Такая возможность, как военные действия британских войск в Афганистане, должна всегда иметься в виду не только для защиты англо-афганского договора, но и для обеспечения исполнения настоящей конвенции», — писало британское министерство иностранных дел в мемонардуме от 12-го августа 1907 года [1]).

В немногих словах целая программа. Тезис первый (подразумевается): английский империализм за сто лет упорной работы не сумел превратить Афганистан в в свою колонию. Тезис второй: Афганистан представляет собой самостоятельную силу и притом враждебную Англо-Индии. Тезис третий: окончательная ликвидация Афганистана откладывается до поры до времени. На ближайшее время подготовка ограничивается паллиативными мерами — прекращением притока свежих сил извне и возможным ослаблением Афганистана, его изоляцией.

По последнему пункту Россия могла оказать ценные услуги. Самый факт англо-русского соглашения объективно ослаблял Афганистан.

После провокации миссии Столетова, стоившей Афганистану войны 1878 года и крупных территориальных потерь, никто не питал особых иллюзий на счет помощи с севера. К русской «дружбе» относились, может быть, с бо́льшим недоверием, чем к английской. Но именно с тех пор лавирование между обоими соперниками и сознательная игра на их противоречиях была положена в основу афганской политики эмиром Абдуррахман-Ханом. Создание объединенного империалистского фронта в корне подрывает эту шаткую опору. При новых условиях малейшая потеря внутреннего равновесия грозила стать концом для афганского государства, всякий пограничный инцидент — предлогом для иностранного вмешательства. И, само собой, Афганистан, имея в тылу враждебную Россию, никогда не решится на разрыв или военные действия против англичан. В потенциальной возможности использовать русские штыки против Афганистана и лежал новый козырь в английских руках. Русская угроза была ценна постольку, поскольку она оставалась только угрозой. И британский империализм, пока еще не поступаясь своими историческими «правами» на Афганистан в целом, не отказываясь от роли единственного представителя афганских интересов перед внешним миром, мог в обстановке, успокоенной негласным присутствием русского жандарма, продолжить свои попытки «мирного внедрения» в Афганистан.

Приведенная часть программы сэра Эдуарда Грея отличается последовательностью, но она предусматривает только три слагаемых — Россию, Англию и Афганистан. Была еще одна новая сила — Германия, и она могла перепутать карты. Если Афганистан сам по себе рассматривался, как величина, которую нельзя игнорировать при военной подготовке на границе, то Афганистан плюс третья держава представлял уже более внушительную угрозу. Возможности практического сотрудничества между Афганистаном и Германией были ничтожны. Полосу немецкого влияния в районе Багдадской жел. дороги разделяла от Афганистана Персия, тогда всецело подчиненная англо-русскому капиталу. Однако, чем меньше корней имело английское влияние в самом Афганистане, а оно их имело очень мало, тем в большей

[1]) № 1697 ж. вх. с. о. п. с. II отд.

степени выполнение эмиром своих обязательств перед англичанами зависело от общего международного положения. В частности, дальнейший успех и Германии на мусульманском Востоке, рост обаяния ее военного могущества и, наконец, появление немецких агентов в Кабуле могли толкнуть Афганистан на выступление против чужеземной опеки. Это, конечно, был бы казус для новой англо-афганской войны. Правительство его британского величества охотно признает независимость и суверенность азиатских государств, как Персии, когда дело идет об удобной фикции, прикрывающей более интимный характер англо-персидских отношений. Но оно вынуждено цепляться за свои формальные права там, где, как в Афганистане, протекторат ограждал целую страну от посторонних влияний и оставался последним шансом ее будущего закабаления. И Эдуард Грей предвидит, что «в случае дальнейшего усиления Германии в районе Багдада и появления немецких агентов в Афганистане мы будем вынуждены пойти на крайние меры» [1]).

Статья вторая конвенции определяет самую сущность англо-афганских отношений. «Так как правительство его британского величества объявило в договоре, подписанном в Кабуле 21 марта 1905 года, что оно признает соглашения и обязательства, заключенные с покойным эмиром Абдуррахманом, и что оно не имеет никакого намерения вмешиваться во внутреннее управление афганской территорией, Великобритания обязуется не присоединять или занимать, в противность сказанному договору, какой-либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, с оговоркой, что эмир будет исполнять обязательства, уже принятые им по отношению к правительству его британского величества в силу вышеупомянутого договора».

Добрые обещания лондонского кабинета пощадить чужую территорию и не вмешиваться в дела внутреннего управления соседней страны были бы сомнительной гарантией. Но в данном случае самоограничение английского империализма отнюдь не носило добровольного характера. Кабульский виноград был слишком зелен, и заставить итти за ним в третий раз в поход, после проигранных войн 1841 и 1880 годов, могла только угроза отказа эмира от «обязательств, уже принятых им на себя по отношению к правительству его британского величества». Как известно, единственным таким обязательством, с грехом пополам исполнявшимся афганцами, было допущение контроля над внешними сношениями страны.

Но к чему, спрашивается, было выносить сор из избы и суживать свою свободу действия по договору с Россией, включая туда, правда, в косвенной и недоговоренной форме, элементы признания эмирства, как самостоятельной силы? До этого времени все международные акты, касавшиеся Афганистана, стремились игнорировать самое его существование. Правда, и на этот раз традиционная внешность соблюдена: судьбы Афганистана опять решаются без его участия. Однако, постановления конвенции составлены в приближении к действительности и, скажем, забегая вперед, имели для Афганистана силу постольку, поскольку ни в чем не изменяли старого порядка вещей.

С отказом России от аггрессивных планов в Индии, естественно, падал интерес ее к Афганистану. Но обе стороны продолжали оставаться соседями, и события за Аму-Дарьей задевали и царскую Россию, поскольку дело шло о безопасности границ, торговли и ряде других неполитических моментов. В общем и целом фактиче-

[1]) См. уже цитированное донесение Бенкендорфа.

ская самостоятельность Афганистана русской Средней Азии не угрожала и могла быть терпима, поскольку империалистская держава может вообще спокойно отнестись к такому феномену XX века, как 7 милл. афганцев без колониального ярма. Вопрос же о выполнении конвенции был для России, в лучшем случае, вопросом дружеских отношений с Англией. Никаких территориальных приобретений в Афганистане этот путь как будто принести не мог.

Такое равнодушие не удовлетворяло англичан. Они, естественно, стремились к тому, чтобы русский жандарм был надежным жандармом и сторожил северо-афганскую границу не за страх, а за совесть. И хотя ему по существу была отведена пассивная роль, англичане пытаются вызвать у царской России интерес к своим новым служебным обязанностям. Приманкой мог бы служить сам Афганистан. Признания Грея должны были показать, что Афганистан является непочатым полем для колониального использования. И если Россия действительно отреклась от фантастического похода на Индию, отчего не признать ее вполне «реальные» интересы в Северном Афганистане? И конвенция 1907 года намечает этот путь, декларируя в статье 4-й «принцип торгового равноправия» России и Англии в Афганистане. Признание торговых интересов — лишь шаг к признанию политических.

И русская экспортная торговля начала подготовлять завоевание будущей зоны «исключительного русского влияния». Царская Россия не располагала в Афганистане такими удобными средствами мирного «экономического влияния», как консульская сеть и консульская юрисдикция. Все исполнительные листы или коммерческие иски к афганско-подданным падали у порога страны, изъятой из общего оборота законов капиталистического общества. И надо отдать афганским купцам справедливость, они пользовались этим правом убежища с возможной широтой. Ни один русский купец не мог въехать в пределы Афганистана, а самая торговля находилась вне защиты какого-либо международного соглашения. Правда, эти же трудности сужали размах и англо-афганской торговли, но все же, при наличии туземного агента в Кабуле, она значительно легче текла по каналу, обильно смазанному английской субсидией. Кроме того, русский капитал никогда не сумел развернуть такого гибкого, всепроникающего, посреднического аппарата, каким для английских интересов являлась индийская колония в Афганистане, занимавшаяся исключительно ростовщическими и торговыми операциями.

Русская торговая политика без труда вышла из всех затруднений, не разрешив ни одного организационного или технического вопроса. И к чему было их решать, когда русский потребитель мог с успехом уплатить все убытки по конкуренции с англо-индийскими товарами даже в такой архи-невыгодной обстановке, как афганская. Ряд «поощрительных мер» (премии при вывозе мануфактуры, возврат акциза для других товаров) обеспечивал такое понижение цен на русские экспортные товары, что по уплате бухарского зякета, 40% афганской пошлины и бесчисленных накладных расходов они оказывались дешевле англо-индийских и даже вытесняли их с афганских рынков. С 1901 по 1913 год ввоз русской мануфактуры вырос в 8 раз, а общий оборот торговли увеличился в 3 раза, при чем в русском экспорте первые места занимали мануфактура, сахар, металлические изделия, а в афганском вывозе каракуль, шерсть, хлопок. Такой «успех» носил довольно непрочный характер, поскольку русский сахар стоил в Кушке 20 коп., а в афганском Герате — 17—18 коп.,

несмотря на расходы по транспорту, а выдача премий часто превышала половину общего оборота русско-афганской торговли (1911 г. 4.760 тысяч рублей при общем торговом обороте в 8.885 тысяч рублей).

Погоня за афганским потребителем не прекращалась. Министерство иностранных дел, в чаянии будущего обращения торговых интересов в политические, настаивало на применении новых и новых льгот по русско-афганской границе. Нератов просто мотивировал свою точку зрения: чем больший район Афганистана хотим мы подчинить своему «влиянию», тем на большие жертвы придется итти [1]). А район, на который метил русский империализм, обнимал весь северный Афганистан до снеговых гор Гиндукуша. Здесь, на водоразделе Индии, Российская империя должна была, наконец, найти покой в своих естественных границах, а афганское население заплатило бы потом и кровью по счетам торговой благотворительности г. Нератова. Оплатить было из чего. Именно западная часть Чаар-вилайета и левое побережье Аму-Дарьи, включая области Ахчан, Маймене, Шибурхан, Андхой и Гератскую провинцию, по своим климатическим и почвенным условиям открывали великолепную возможность для развития хлопководства: «Афганский Чаар-вилайет представляет именно одну из тех областей, — писал туркестанский генерал-губернатор министру иностранных дел Сазонову,— которая как бы самой природой создана, чтобы снабжать Россию хлопком. Для этого нужно оказать поддержку местному населению, снабдить его соответствующими семенами и кредитом, распространить в его среде необходимые технические знания и усовершенствованные орудия обработки» [2]).

Для полноты идиллии мы добавим только русского пристава и русскую водку. Превосходство военной техники всегда прокладывало путь европейской торговле на Востоке. В Афганистане же она должна была сделать пролом там, где войска его британского величества два раза ходили на приступ и были разбиты. И московскому ситцу эта задача так же была не по плечу, как ланкаширским изделиям. Афганистан в 1913 году дал годовой оборот 31.000 рубл. для всей внешней торговли страны. Хива за тот же срок дала 30.000 рублей. Население Афганистана также относится к населению Хивы, как 3 к одному, и, принимая естественную среду и богатства на душу населения за величины приблизительно равные в этих двух странах Среднего Востока, одинаково бедных и слабо населенных, мы придем к выводу, что афганское народное хозяйство продолжало сохранять свой исключительно замкнутый, самодовлеющий характер.

Между тем Афганистан, последний нетронутый уголок Азии, в окружении империалистской России и Англии, представлял значительные политические неудобства для соседей, так же, как и они для него.

Для начала эмир Хабибулла отказался присоединить свою подпись к решениям конвенции 1907 года. Сам эмир отличался большим уважением к английской конституции и к английской субсидии. Но в афганской политике, кроме этой, были и другие пружины, которые при случае могли угрожать личной безопасности Хабибуллы и его положению на троне. И эмир выразил решительный протест, обратив

---

[1]) «Ради этой цели, полагаю, мы должны требовать от таможенного по афганской границе тарифа не столько фискальных выгод, сколько содействия для привлечения в торговые сношения с нами наибольшего района афганской территории». Письмо Нератова к военному министру 2 сентября 1910 г., № 2163.

[2]) Письмо от 22 ноября 1912 года, № 3583.

в ничто «торговое равноправие», «допуск торговых агентов» и «непосредственные сношения пограничных властей», выговоренные царской Россией.

Более того, Афганистан пытается восстановить свое пошатнувшееся международное положение путем установления более тесных связей с соседними мусульманскими странами. Сотрудничество Афганистана с Персией, Турцией и Индией периода острого подъема национально-освободительной войны 1907—1910 годов было, конечно, возможно в весьма ограниченном объеме. Персидская революция, младотурецкий переворот и движения свадеши в Бенгалии были каждое для своей страны смотром классовых сил, разбуженных долголетней колониальной работой европейского капитала в Азии. Расчищая путь к борьбе угнетенных масс против колониального режима, притаившегося за шахским и султанским самовластием или кастовой исключительностью, эти движения рушили одновременно старые формы общественной, политической и религиозной жизни Востока. Афганистан же стоял в стороне от широкой исторической дороги. Силы революции в колониях и полуколониях были также чужды этой стране, как и вызвавшие их причины. Староверческому, глубоко реакционному афганскому духовенству ломка традиционных предрассудков мира ислама в соседних странах казалось святотатством. Порча веры в Индии, Турции и Персии как бы подчеркивала, что единственно избранной страной, которой суждено занять первенствующее положение среди других мусульманских государств, является «богоданный» Афганистан. И Хабибулла последовательно проводит эту политику. Он отказывается признать права халифа за Магометом V. Во время своей поездки в Индию он уже пытается войти в роль верховного покровителя индийских мусульман, роль, так блестяще разыгранную впоследствии его преемником на троне. Общение Афганистана с его мусульманскими соседями имело двойную практическую подкладку. Оно должно было укрепить обаяние эмира в глазах собственных подданных, а с другой стороны, было надежным средством вымогательства от англичан тех или иных уступок под угрозой обращения Афганистана в орудие «турецких инструкторов» или «индийских агитаторов». Сам эмир, напуганный судьбой Абдул-Гамида, с большой долей осторожности относился к единоверческим иностранным друзьям, а англо-русское влияние в Персии и строгая слежка по туркестанской и индийским границам фактически сужали мост связей между Кабулом и другими центрами мусульманской жизни.

Все же в период 1908—1910 годов в Кабуле накапливается до 15—20 турок, занимающих более или менее видные должности в качестве врачей, учителей и офицеров. Эта группка турок, незначительная численно и по своему интеллектуальному уровню, создает панику в Лондоне и Петербурге. Царская Россия обращается с предостережением «о грозной опасности» к англичанам, а последние, бессильные сделать что-либо в Кабуле, добиваются в 1910 году у турецкого правительства официального отречения от всякой просветительной или инструкторской работы в Афганистане. Афганистан был неудобным соседом и в другом отношении. Он служил базой для контрабандной торговли оружием и для просачивания его в Индию и на территорию независимых племен северо-западной границы.

Первым звеном контрабандного ввоза был Маскат и ряд других портов Османского побережья и на Персидском заливе. Сюда оружие доставлялось на пароходах из Европы, большей частью под немецким флагом, перегружалось далее на парусники каботажного плаванья «dhoshi» и развозилось по побережью. Главными потребителями

являлись воинственные арабские и персидские племена, Афганистан и Индия. Для последних двух стран следующим этапом служили порты Белуджистана, в частности Гвадар, оттуда оружие караванным путем доставлялось в Афганистан и дальше в Индию. Перевозка контрабанды terra firma производилась исключительно афганскими средствами и при явном содействии пограничных властей. Для торговли оружием в Кабуле было образовано нечто в роде акционерного общества, председателем которого являлся брат эмира Насрулла-Хан. Понятно, что при этих условиях афганская территория служила надежным складочным местом для оружия и не менее надежной базой для всех операций, связанных с контрабандой. С известным ростом материального благосостояния пограничных племен после замирения их с англичанами (1907—1910 г.г.) и временным исчезновением таких факторов экономической жизни горцев, как голодная блокада со стороны англичан, сожжение посевов, увод скота и т. д., торговля оружием растет с головокружительной быстротой.

По исчислениям царского генерального консула в Бомбее, в 1909 году в Маскат было ввезено свыше 85 тысяч ружей, а в следующем году эта цифра возросла до 103 тысяч. Из общего количества на долю независимых племен и Северной Индии приходилось от 20—30 %. И англо-индийское правительство, как и в вопросе с турецкими инструкторами, в борьбе с контрабандным ввозом оружия пошло по линии наименьшего сопротивления. В Персидском заливе и северной части Арабского моря был усилен состав английского флота, началось беспощадное преследование контрабандистов. Одновременно была увеличена пограничная охрана в Белуджистане, и принят ряд других мер. В результате приток оружия значительно сократился, хотя в более скромных размерах он продолжался до начала мировой войны.

Русский империализм первый сделал вывод из конвенции 1907 года и намеченного ею союза английских и русских владельцев колоний против своих азиатских подданных.

В период, непосредственно примыкавший к 1907 году, русская дипломатия все еще находилась под впечатлением, что Афганистан все же является колонией обычного типа. И преобладание английского влияния в этой стране могло принести ценные преимущества в общей борьбе России и Англии против Германии и выдвигаемого ею Багдадского рельсового пути, как кратчайшей дороги между Индией и Европой.

Еще в 1902 году Витте предлагал противопоставить Багдадскому проекту соединение русской и английской жел.-дорожной сети в Азии. Транс-Афганская железная дорога должна была пойти по равнинной, плоской части Афганистана, через Герат — Фаррах — Кандагар и требовала перевальной разработки только двух участков пути между Кушкой и Гератом через Парапамизский хребет и Кандагаром и Кветтой через Ходжа-Амаранский. Несмотря на то, что проект с технической и финансовой стороны не представлял трудностей и сократил бы путь между Лондоном и Калькуттой до 10 дней, он повис в воздухе. Англо-русские отношения того периода, отнюдь не способствовали осуществлению проекта, упразднявшего Афганистан, как буфер Индии, и открывавшего русскому нашествию новые стратегические возможности.

На смену транс-афганскому пути русский инженер и царский посланник в Пекине Лессар выдвигает вариант дороги через Восточную Персию, от Теджента на Закаспийские жел. дороги к Пулихатуму на персидской границе, оттуда через Турбети-Шахи-

Джан, Бенден и Кух и Маликсіях к границам английского Белуджистана на смычку с жел. дорогой Кушка — Кветта. Сейстанское направление, предложенное Лессаром, пролегало по местностям, не уступавшим Западному Афганистану по безлюдности и мелкой емкости местного рынка. Но оно имело то неудобство, что было вдвое длиннее Афганского (1.300 миль против 530 миль); и самое появление этого во всех отношениях менее выгодного варианта говорит о скрытой работе политических сил. Проект Лессара также встретил сопротивление англо-индийского правительства и остался только проектом.

Наконец, в 1908 году, уже в новой политической обстановке, на свидании русского Николая с английским Эдуардом в Ревеле опять выплывает вопрос о Транс-Афганской жел. дороге. Подробностей в архиве царского министерства иностранных дел не сохранилось, если не считать стереотипной фразы в отчете Извольского, что «лондонский кабинет признает желательность объединения сети русских и английских дорог в Азии в будущем, но он считает, что сейчас еще не наступило время». Пятью годами позже (1913 г.) британский империализм согласился на проведение так называемого индо-кавказского рельсового пути от русской Джульфы к Персидскому заливу, — пути, представлявшего с военной точки зрения одинаковую, если не большую, опасность для Индии. И мы не склонны объяснить отказ, полученный Извольским, одним предрассудком англо-русской вражды. Необходимо учесть, что Афганистан добровольно не открыл бы своих границ иностранной жел.-дор. магистрали, а применение силы поставило бы вопрос о англо-русском «сотрудничестве» против Афганистана в плоскость раздела этой страны. А так далеко Лондон пока итти не хотел, даже в интересах противодействия Багдадской жел. дороге [1]).

В 1912 году Сазонов, во время своей поездки в Англию, передал сэру Эдуарду Грэю длинный жалобный меморандум по вопросу «о неудовлетворительном характере русско-афганских взаимоотношений». Там подробно перечислялись все неудобства пограничного соприкосновения России и замкнутого Афганистана. Основной грех заключался, конечно, в том, что Афганистан фактически находился вне сферы как английского, так и русского влияний. «Серьезность положения усугубляется еще тем, — говорится в меморандуме, — что Афганистан, при его настоящем положении, является сам по себе опасным очагом воинствующего пан-исламизма. Обособленность Афганистана, как было уже упомянуто выше, односторонняя, — т.-е. афганцы, не пуская русско-подданных к себе, сами в то же время свободно переходят в пределы России. Наконец, необходимо отметить продолжающееся усиленное вооружение Афганистана... Оружие из Афганистана уже начинает контрабандным путем проникать в значительном количестве в Средне-Азиатские владения и в Бухару». И, ссылаясь на свои окрепшие «торговые интересы», русский империализм напоминает английскому о его долге перед афганским народом, в виду «опасности осложнений с Афганистаном, особенно в случае какого-либо конфликта России с Турцией». Поэтому «ради обеспечения спокойствия в сфере мусульманского Среднего Востока, в чем, несомненно, не менее России заинтересована и Англия», афганский вопрос ставится в порядок дня (всеподданнейшая записка Сазонова).

В ответ сэр Эдуард Грей и статс-секретарь по делам Индии лорд Крью единодушно заявили Сазонову, «что, несмотря на выплачиваемую эмиру ежегодно английским

[1]) См. «Daily Thelegraph», 11 января 1908 г.

правительством субсидию, Хабибулла-хан плохо слушается голоса Англии, которой приходится мириться с этим, чтобы не обострять положения, в виду невозможности принятия против Афганистана понудительных мер». В памятной записке британского министерства иностранных дел от 4 октября 1912 года с еще большей определенностью указывается на призрачный характер прав, выговоренных себе царской Россией: «Приняв после зрелого размышления по отношению к Афганистану политику невмешательства, великобританское правительство очень затруднялось бы настаивать перед эмиром на предоставлении русско-подданным льгот, которых оно еще не может требовать для собственных подданных, и оно не думает, чтобы побуждение эмира осуществить ст. 3-ю англо-русского соглашения могло увенчаться успехом».

Фактически, считаясь с Афганистаном, как самостоятельной силой, английское правительство все же сделало Афганистан объектом новых переговоров с Россией, которые намечали пути дальнейшего вмешательства обеих держав в дела этой страны. В связи с предполагавшимся пересмотром конвенции 1907 года в части, касающейся Тибета, русское правительство возобновило торг о будущем разделе Афганистана, выставив следующие требования:

«1) В виду явной опасности, которая бы грозила русским владениям в Средней Азии в случае каких-либо ирригационных предприятий в Северном Афганистане с расширением там культурной площади, и так как подобные предприятия могли бы возникнуть только при участии иностранных капиталов и под руководством иностранных подданных, то великобританское правительство должно обязаться не допускать никаких предприятий или концессий такого рода в сказанной части ханства, т.-е. приблизительно на север от линии, составляемой водоразделом к югу от реки Геририда и Гиндукушем.

2) Великобританекое правительство должно всячески содействовать осуществлению необходимых для нас ирригационных работ в ближайшем к границе нашей и Бухарской районе Афганистана.

3) В дополнение к статье четвертой соглашения 1907 года великобританское правительство должно обязаться не допускать никаких монопольных прав торгово-промышленного свойства в пользу английских компаний или подданных в упомянутой в пункте 2-м зоне.

4) В виду важного значения, которое имело бы для наших экономических и стратегических интересов железно-дорожное строительство в Северном Афганистане, великобританское правительство обязуется не допускать такового без предварительного соглашения с нами» [1]).

Отбрасывая литературную оболочку, можно сказать, что дело сводилось к признанию монопольных прав России в Северном Афганистане. Правда, они носили бы условный и призрачный характер, покуда Афганистан оставался тем, чем он был. Но вексель на будущие колониальные барыши, заверенный в Лондоне, получал вполне реальное содержание с минуты, когда русские и английские штыки стерли бы в своем встречном движении афганскую границу.

И английский империализм готов был выдать такой вексель, пока в его руках оставалась инициатива, пока за ним оставалось право определить самый момент

[1]) Справка по Афганистану бывшего министерства иностранных дел 16 января 1917 г. Дело I б.

лизации Афганистана. В письме от 24 мая 1914 года великобританский посол в Петербурге сообщал:

«Что касается Северного Афганистана, то великобританское правительство готово совместно с императорским правительством издать нижеследующее сообщение, текст коего был бы опубликован одновременно с конвенцией и другими нотами Тибета:

Императорское российское правительство вновь подтверждает принцип, что Афганистан находится вне сферы влияния русской политики.

Со своей стороны, великобританское правительство обязуется не поддерживать ни домогательств великобританско-подданных касательно концессий на ирригационные и железнодорожные сооружения, ни их требований преимущественных прав (привилегий) в коммерческих или промышленных предприятиях в Северном Афганистане, при условии, однако, что путем обмена секретных нот будет установлено, что термин «Северный Афганистан», как его следует понимать по отношению к этой декларации, будет обнимать собой только ту часть Афганистана, которая простирается на север от следующей линии:

От Ишкашана (Ишкашима) на Аби-Пяндже на Зебак; оттуда на проход Минджан; далее на проходы Навак и Мург; оттуда на Доши; далее через проходы Синджитак и Бабкак на Доаби-Шах-Пасанд; оттуда на Таркух на Банди-Амире; оттуда на Доулет-Яр. От последнего пункта линия шла бы по хребтам следующих горных цепей: Банди-Баба, Сиях-Бубак до точки, где Гери-Руд вступает в русскую территорию у Зульфагара».

Особенно многозначительно звучит примечание, которым сэр Джордж Бьюкенен счел нужным снабдить пункт будущей декларации, подтверждающий, что Афганистан находится вне сферы русского влияния: «1-й пункт декларации по вопросу о Северном Афганистане, — писал он, — прибавлен лишь для того, чтобы сделать эту декларацию менее подозрительной в глазах эмира афганского».

Русское правительство отвергло английские предложения, исключавшие из будущей сферы русского влияния всю долину Гери-Руда с городом Гератом, этим важнейшим стратегическим центром Северного Афганистана. Вскоре весь вопрос был отложен, отчасти вследствие начавшейся войны, а главным образом потому, что китайское правительство отказалось ратификовать тройственное англо-китайско-тибетское соглашение и что, таким образом, отпал предлог для царской России домогаться компенсации за уступки, сделанные Англиею в Тибетском вопросе. Наконец, в 1915 году, во время переговоров по вопросу о Константинополе и проливах, царское правительство, соглашаясь на передачу Англии так называемой нейтральной зоны с Персией, выставило в числе других и следующее требование: «императорское правительство считает желательным одновременное разрешение вопроса о сопредельном с Россией Северном Афганистане в смысле высказанных на этот счет императорским министерством пожеланий на предшествующих переговорах [1]).

Насколько можно судить, эти русские пожелания были признаны Англией приемлемыми.

Победоносная Октябрьская революция не только отменила все захватнические договоры, но создала Афганистану благоприятный тыл для борьбы за свою полную независимость, которой он и добился в результате третьей англо-афганской войны 1919 года.

И. Рейснер.

[1]) Телеграмма Сазонова русскому послу в Париже 7 марта 1915 г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ.

Печатаемые ниже две «Записки», первая из которых принадлежит «группе общественных деятелей» с М. В. Родзянкою во главе и была представлена Николаю в феврале 1917 г. почти накануне революции, вторая — временно управляющему министерством торговли и промышленности Степанову и была подана Керенскому в июне 1917 г., накануне июльских дней, представляют собою два замечательных памятника агонии русского империализма. Мы знаем, что экономическая разруха началась с войны и ею была обусловлена: но, говорят, война сама по себе еще не была бы столь гибельна, если бы не революция. И вот, как нарочно, до революции, за несколько дней до нее, люди, которых всего менее можно заподозреть в революционности, констатируют, что «положение России сейчас катастрофическое». Нет ни хлеба, ни топлива, ни железа, ни угля, ни вагонов, ни паровозов. Нет и не будет в ближайшее время: это еще цветочки, ягодки впереди, — так можно резюмировать попросту основную мысль первой «записки». Холод и голод стоят у дверей: темные, ледяные зимы гражданской войны уже отчетливо виднеются впереди в феврале 1917 г., со всей их свитой эпидемий. Еще ни один большевик не переехал границы и не вышел из стен царской тюрьмы, а уже в Москве «в квартирах обывателей температура редко поднимается выше 11—12°, а в домах с центральным отоплением падает до 10—9°. В учебных заведениях и многих учреждениях занятия крайне затруднены, так как термометр держится в их помещениях на 6—8°. В городе развилась масса заболеваний инфлюэнцей и воспалением легких, а на почве недоедания — желудочные и кишечные расстройства».

И еще находятся «ученые» — из империалистских стран, — которые серьезно собирают данные о том, как страдал российский обыватель от революции. А до революции он не страдал, добрые ученые? Не революция погасила газовые фонари на улицах Москвы. Еще Николаю оставалось сидеть более месяца, а уже «городской газовый завод с 28 января сократил свою работу более чем на $^3/_4$, и газовое освещение улиц совершенно прекратилось».

Хозяйство страны валилось в пропасть. Чтобы остановить падение, нужно было, прежде всего, заключить мир. Этого не понимали не только родзянковские октябристы в январе, но и кадеты Керенского в июне. Но что последние уже уразумели, — это, что нельзя дольше вести войну на началах частно-хозяйственного капитализма. Степанов проповедует, в сущности, государственный капитализм под властью империалистской буржуазии. «Основная задача последнего (правительственного воздействия), очевидно, заключается в наиболее экономном и соответствующем

общественным интересам использовании имеющегося у нас запаса капиталов и истощенного войной (!) запаса живой рабочей силы. Лишь по удовлетворении ими важнейших для обороны и жизни страны производств остатки могут направляться в другие отрасли». И постепенно Степанов договаривается до монополии внешторга. Если записка Родзянки снимает с революции ответственность за разруху, то записка Степанова заранее оправдывает всякие социализации, национализации и конфискации. Без них не обошлось бы и буржуазное правительство, если бы нашлось достаточно сильное и умное, чтобы усидеть. Тем менее без них могло обойтись правительство, п р о т и в которого была вся буржуазия. Ему пришлось действовать во сто раз более крутыми приемами, но оно шло к той же объективно неизбежной цели: избавить страну от хаоса частновладельческого хозяйства. Только идя под знаменем иного класса, оно попутно избавило страну и от самих частных владельцев. Вырвало зло с корнем, так сказать... Столь радикального решения истории ни Родзянко, ни Степанов не предвидели, но они оба собрали богатейший материал для доказательства его неизбежности.

М. Покровский.

1.

Записка М. В. Родзянки [1]).

Ваше императорское величество.

В минуту грозной опасности самая плохая политика — закрывать глаза на всю серьезность сложившейся обстановки. Надо смело глядеть в ее лицо, так как в этом случае не исключена возможность отыскать какой-либо счастливый выход. Положение России сейчас катастрофическое и вместе с тем глубоко трагическое. Ее армия не разбита; она снабжена предметами вооружения более, чем когда бы то ни было раньше, но позади армии, в тылу, идет такой развал, который грозит сделать бесцельными все жертвы, всю пролитую кровь, весь беспримерный героизм и — даже более — решительно склонить чашу военных весов на сторону наших врагов. Со всех концов России приходят вести одна другой безотраднее, одна другой горше. Московский городской голова сообщает в записке, представленной председателю совета министров, что положение Москвы в продовольственном отношении критическое: вместо 65 вагонов муки, — а по нормам, установленным в продовольственном совещании при московском градоначальнике, даже 86 вагонов ежедневно плюс 7 вагонов для продовольствия подмосковных крестьян, — в декабре подвоз муки в Москву не превышал 50 вагонов в сутки, а в январе упал даже до 42 вагонов, т.-е. предложение покрывало немногим более половины потребности. Если подвоз муки не будет доведен до нормы, Москва скоро совсем не будет иметь никаких запасов муки. Не лучше положение Петрограда. Январский привоз продуктов первейшей необходимости равнялся 50% нормы, утвержденной особым совещанием, а скота, птиц и масла — 25%, при чем в первую половину января подвоз происходил лучше, чем во вторую. Так, ржи и ржаной муки надо было подвозить по 32 вагона в день, а подвозилось 2, 1, 21, 2; пшеничной муки 40 вагонов в день, а подвозилось 12, 10, 35, 8 и 2.

О провинции, на которую внимание власти обращено, конечно, в меньшей степени, и говорить нечего. Вот несколько характерных иллюстраций. По заявлению Уральского областного военно-про-

[1]) Записка воспроизводится с копии, хранящейся в АОР. Фонд III, опись 11, дело № 23, л. 132—157.

мышленного комитета, Пермская губ. обеспечена запасами зерна только до половины марта, после чего запасы будут все истощены, и Пермской губернии, работающей на оборону, в апреле грозит форменный голод, ибо на рынке в марте и апреле месяце хлеба не будет. Аналогичная картина наблюдается на противоположном конце России. В совет съездов горнопромышленников Юга России поступают сообщения, что многие рудники и заводы остались почти совсем без муки и находятся под угрозой настоящего голода, а уполномоченный по продовольствию Екатеринославской губ. оказывается не в состоянии обеспечить предприятия мукою. Вообще дело продовольствия страны находится в катастрофическом положении. Разверстка, предпринятая министерством земледелия, определенно не удалась. Вот цифры, характеризующие ход последней. Предполагалось разверстать 772 милл. пудов. Из них по 23 января было теоретически разверстано: 1) губернскими земствами 643 милл. пуд., т.-е. на 129 милл. пудов менее предположенного, 2) уездными земствами 228 милл. пуд. и, наконец, 3) волостями только 4 милл. пуд. Эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки, и в виду этой неудачи есть опасение, что правительство обратится к военным реквизициям, о которых упоминалось в телеграмме симбирскому земству и которые несомненно поведут к полному разрушению народного хозяйства, в виду того, что при реквизициях нет возможности проводить принципы правильно построенного народно-хозяйственного плана, и к народным волнениям, чего, конечно, следует избегать всемерно.

Во всяком случае, судя по этим данным, весь февраль уйдет на разверстку хлеба на местах; в марте и апреле начинается распутица, и хлеба подвезти к станциям не удастся; только в конце апреля и в начале мая можно ожидать подвоза зерна к мельницам, которые, однако, стоят без топлива. Следовательно, в течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего со всероссийской голодовкой. Не лучше положение с топливом. Почти вся Россия испытывает острый недостаток в жидком и твердом минеральном топливе, в дровах, в торфе. В той же записке московского городского головы приведены факты, удручающие по своему значению. В зимний сезон Москве нужно ежедневно 475 тыс. пудов дров, 100 тыс. пуд. каменного угля, 100 тыс. пудов нефтяных остатков и 15 тыс. пуд. торфа. Между тем в январе до начала морозов привозилось в Москву ежедневно в среднем по 430 тыс. пуд. дров, 60 тыс. пуд. каменного угля и 75 тыс. пуд. нефти, так что недовоз, в переводе на дрова, составлял ежедневно 220 тыс. пуд.; с 17 января прибытие дров в Москву упало до 300—400 вагонов в день, т.-е. до половины нормы, установленной порайонным комитетом, а нефти и каменного угля почти совсем не поступало. Запасы топлива к зиме на фабриках и заводах в Москве были заготовлены примерно на 2-месячную потребность, но вследствие недовоза, начавшегося еще в ноябре, эти запасы свелись на-нет. Вследствие недо-

статка топлива многие предприятия, даже работающие на оборону, уже остановились или скоро остановятся. Дома с центральным отоплением имеют топлива в размере всего 50%, а дровяные склады пусты. Городской газовый завод с 28 января сократил свою работу более чем на $^3/_4$, и газовое освещение улиц совершенно прекратилось. Городской трамвай в ближайшие дни останавливает вечернее и ночное движение, и не исключена возможность полного его прекращения. Городские лазареты закрываются один за другим. В квартирах обывателей температура редко подымается выше 11—12° Р, а в домах с центральным отоплением падает до 10—9°. В учебных заведениях и многих учреждениях занятия крайне затруднены, так как термометр держится в их помещениях на 6—8°. В городе развилась масса заболеваний инфлюэнцей и воспалением легких, а на почве недоедания — желудочные и кишечные расстройства. Благодаря недостатку топлива, — сообщает общество заводчиков и фабрикантов московского промышленного района, — стоят фабрики: Т-во Даниловской мануфактуры, Т-во А. Гюбнер, ткацкая фабр. Бебищева, завод сельскохозяйственных машин Головина, суконная фабрика Жучковой, Подольский снарядный завод Земгора, ряд мукомольных мельниц; остановлено производство аэропланов на заводе акц. о-ва Дукс, остановлено производство малых моторов на заводе Динамо, стоит Докторовский химический завод; с 26 января остановлена работа литейных мастерских на Коломенских заводах, грозит полная остановка фабрикам Симонова, т-ва Гурьев, Склянин и бр. Карповы, дрожжевому заводу Гивартовского, снаряжательному заводу Второва, заводам бр. Бромлей, формалиновому заводу, Московскому вагоностроительному заводу, электрической станции Рыбинской городской управы, т-ву Трехгорной Прохоровской м-ры. Грозит частичная остановка: Куваевской м-ре, механическим заводам т-ва Добровых и Набгольц, Люберецкому заводу сельско-хозяйственных машин, Московским обозным мастерским, юфтевому заводу Савина, т-ву Московского металлического завода, Ростовской льняной мануфактуре, Московскому электролитическому заводу, механическому заводу Пелевина, заводу Проводник, заводам Сормово, Тверскому вагоностроительному заводу, Тульскому меднопрокатному заводу, Тульскому оружейному заводу и целому ряду других.

В высшей степени неутешительная картина наблюдается и в Петрограде. Из 73 предприятий, стоявших в декабре 1916 года, 39 были вынуждены приостановить производство вследствие отсутствия топлива и 11—вследствие прекращения отпуска электрической энергии, вызванного недостатком топлива на электрических станциях. Железопрокатный завод Донецко-Юрьевского общества стоял 11 дней вследствие отсутствия угля, 8 дней стоял по той же причине завод Лангезиппен и К° и 16 дней завод Северо-Трубопрокатного о-ва. Сокращено производство или частично остановлены заводы: чугунолитейный и механический Сан-Галли, о-ва Франко-Русских заводов, т-ва

Тентелеевских химических заводов. Совершенно остановлен машиностроительный завод торгового дома А. Вельц и Петроградского т-ва для производства глубоерского портланд-цемента. Со дня на день грозит остановка работ Северному обществу трубопрокатных и механических заводов; Русскому обществу для изготовления снарядов и военных припасов; акц. обществу русских аккумуляторных заводов Тюдор; т-ву Чудовского цементного завода; Невскому судостроительному и механическому заводу; акц. обществу механических, трубочных и гильзовых заводов Барановского; обществу механических, литейных и трубочных заводов Атлас в Петрограде; Северному торгово-промышленному и строительному обществу А. Д. Благодарев. Городские предприятия испытывают весьма серьезные затруднения. Запасы нефти для трамвая на 31 января с. г. составляли 60 тыс. пуд., что равно однонедельной потребности топлива. Ежедневный подвоз нефти на 50—60% ниже ежедневного расхода. Запасы угля для газового завода и водопровода равны 250 тыс. пуд., что обеспечивает $2^1/_2$ недели работ. Положение электрической станции весьма неблагоприятно. Общество электрического освещения 1886 года было обеспечено антрацитом на 7 дней, а нефтью—всего лишь на 3 дня. У Гелиоса запаса антрацита и угля не имеется. Почти нет никаких запасов у Бельгийского общества электрического освещения. Угрожающим представляется положение даже казенных заводов. По данным петроградского районного уполномоченного особого совещания по топливу, на Обуховском сталелитейном заводе на 25 января запасы каменного угля составляли 248 тыс. пуд. при ежедневном расходе в 23.333 пуда; запасы кокса равнялись 18.300 пуд. при ежедневном расходе в 1.000 пуд.; запасов антрацита совершенно не было, между тем его требуется заводам ежедневно 1.800 пуд. Арсенал Петра I при ежедневном расходе каменного угля в 2.030 пуд. имел запас около 2.260 пуд. Запасы антрацита составляли 3.649 пуд. при ежедневном расходе в 600 пуд. Такие же неутешительные сведения приходят из других мест. Так, Нижнеднепровский завод, бывший Гантке, уведомил Центральный военно-промышленный комитет, что трубочный завод бездействует уже четвертую неделю; проволочно-болтовый завод и снарядная, работавшие с 14 января с постоянными перерывами, снова будут остановлены, ибо поступление топлива самое ничтожное и едва хватает на поддержание освещения заводов и снабжения водой. Завод этот готовит, между прочим, трехдюймовые снаряды, шестидюймовые бомбы, телеграфную, телефонную и колючую проволоку. В январе месяце приостановлены были работы по всем отделениям завода общества Русский Провиданс. В Екатеринославском районе из 130 предприятий, представленных в обществе заводчиков и фабрикантов, большинство работало в декабре и январе только в размере 50% своего производства, при чем некоторые заводы работали лишь по нескольку дней; крупнейшие заводы, как: Шодуар с 10.000 рабочих стоит долее двух недель, завод Гантке с 4.500 рабочих—18 дней, Остампаж с 3.500

рабоч.—10 дней, Рудзкий с 1.500 рабоч.—3 недели. В Орловской губ. остановлен на неопределенное время Бежецкий завод Брянского общества и т. д.

Стало резко ухудшаться и положение такого важного рынка, как металлический. Получение чугуна прогрессивно уменьшается: против 98,26 милл. пуд., добытых в первое полугодие 1914 г., в 1916 г. выплавлено чугуна на Юге России 80,09 милл. пуд. Уже в октябре 1916 года определился недостаток металла только для нужд обороны в 3 милл. пуд. С тех пор положение значительно ухудшилось. Выплавка в ноябре на Юге России сократилась с 16.313 тыс. пуд. до 14.090 тыс. пуд. Вследствие затруднений в перевозке сырья в ноябре пришлось остановить часть домен. В декабре крупные металлургические заводы значительно сократили свою работу и дали всего 14.002 тыс. пуд. В феврале наблюдается сильное сокращение в выработке стали, а именно всего 4 милл. пуд., т.-е. на 6 милл. пуд. менее, чем в январе. На Урале положение еще хуже. Производительность Уральских заводов, по данным комиссии генерала Дроздова, определена в 62 милл. пуд. чугуна и 61 милл. пуд. литого металла. На самом же деле в 1916 г. было получено около 46 милл. пуд. чугуна и 48 милл. пуд. литого металла.

Где причина всей этой разрухи? Есть ли это результат каких-либо непреодолимых сил, бороться с которыми невозможно, или мы имеем перед собою творение рук человеческих? К счастью, но вместе с тем и к несчастью России, налицо есть именно второе. Страна имеет все необходимое, но использовать в достаточной степени не может. Не подлежит ни малейшему сомнению, что сельско-хозяйственное производство в состоянии удовлетворить потребительные нужды населения России. Вот что мы читаем в официальном издании «Предварительные итоги всероссийской сельско-хозяйственной переписи»: «Сельско-хозяйственная перепись показала, что размер посевной площади 1916 года приблизительно на 20—25% превышает площадь, необходимую для удовлетворения потребностей населения России, при среднем урожае. Принимая во внимание, что урожай 1916 года был в общем не ниже среднего, можно сделать отсюда вывод о наличии в стране значительных хлебных запасов сверх количеств, необходимых для снабжения населения. А так как 1913, 1914 и 1915 г.г. по урожаю в общем также были благополучны, то запасы эти сложились из остатков от нескольких лет. Таким образом, Россия обладает достаточными хлебными рессурсами, чтобы спокойно и уверенно смотреть в будущее». О том же говорят и данные урожайной статистики. Урожай только четырех главнейших хлебов в 1916 г. исчисляется в 3.336 милл. пуд.; общее же потребление их равно 2.643 милл. пуд. Ничего угрожающего с точки зрения имеющихся возможностей нет и в вопросе обеспечения страны топливом: страна владеет неисчерпаемыми источниками топлива в его различных видах: лесом, залежами каменного угля, нефтью, торфом, горючими сланцами и т. п.

Добывная способность одного Донецкого бассейна на 1917 год определена в 2.082 милл. пуд. каменного угля и антрацита против 1.544 милл. пуд. в 1913 году, т.-е. один Донецкий бассейн в состоянии возместить всю потерю, обусловленную захватом Домбровского района неприятелем и прекращением подвоза заграничного угля. Металлический рынок также владеет богатейшими возможностями. Теоретическая производительная способность доменных печей определяется для всей империи в 357.083 тыс. пуд. ежегодно. Рекордная цифра производительности домен перед войною составляла 257.399 тыс. пуд. в год, что вполне покрывает нужды обороны и дает солидный остаток для свободного рынка. И если все эти богатейшие возможности не использованы, то только потому, что отсутствует надлежащая организация тыла.

В первую очередь, конечно, следует поставить плохую организацию транспорта, не позволяющую передвигать нужные продукты в необходимом количестве с одного места на другое и потому мешающую правильному темпу народного хозяйства. Так, кризис топлива вызван только тем обстоятельством, что железным дорогам не удается перевезти надлежащего количества топлива, хотя оно имеется в наличности. Например, в 1916 году из Донецкого бассейна было вывезено только 878 милл. пуд. каменного угля из 1.370 милл. добытого, при чем причина недовывоза заключается главным образом в недостаточной подаче вагонов железной дорогой, что признается и Особым совещанием по перевозкам, в отчете которого мы читаем, что «первой причиной недовывоза донецкого топлива за время войны несомненно является недостаток вагонов». По данным журнала «Горнозаводское Дело», причины недогруза донецкого топлива в октябре и ноябре 1916 года представляются в следующем виде: по причине отказа 53,8 милл. пуд., неподачей вагонов — 107,9 милл. пуд., т.-е. процент неподачи вагонов составил 59% для всего количества невывезенного угля.

В силу того же расстройства транспорта резко понижается производительность металлургических и металлообрабатывающих заводов. Заводы не получают в достаточном числе ни топлива, ни руды, ни флюсов, ни других необходимых материалов.

Кроме тех данных, которые приводились ранее, достаточно познакомиться с положением дела в Петроградском районе. Здесь большинство металлообрабатывающих заводов не имеет запасов металлического сырья в надлежащем количестве; при обилии одного сорта железа не имеют совершенно других сортов металла, необходимых для производства. Только немногие заводы обеспечены металлом в достаточной мере. Между тем металлургические заводы имеют большие запасы железа, которые не могут быть подвезены к рынкам потребления. Из 73 предприятий, состоящих в декабре 1916 г., 9 приостановили свое производство по недостатку материалов, главным образом чугуна и железа. В ответ на анкету, произведенную Центральным

военно-промышленным комитетом, Петроградский вагоностроительный завод сообщил, что запасов железа и стали у него на 31 января 1917 г. имеется около 11.000 пуд., но хотя запасы как будто и большие, фактически завод приостановится, если не будет подвоза металлов, ибо на заводе нет всех потребных ему металлов. Совершенно нет запасов мелкосортного железа на заводе военных и морских приборов «Сименс Шукерт»: «стали для взрывателей, — сообщают оттуда, — идет 8 сортов и расходуется в рабочий день в размере около 1.300 пуд. Всего на складе имеется около 21.000 пуд., при чем некоторых сортов хватает для работы только на несколько дней, и работы на заводе в самом непродолжительном времени должны остановиться, если не будет подвоза». На Балтийском судостроительном заводе снарядной заготовки имеется на 31 января: «круглой диаметр. 85 м.м.—8.500 пуд. при среднем ежедневном расходе — 2.000 пуд., 3 м.м. — 8 тыс. пуд. при расходе 400 пуд. в день, 75 м.м. заготовки имелось лишь всего 500 пуд. при среднем расходе 1.500 пуд.». Соединенные кабельные заводы совершенно не имеют чушковой меди при ежедневном расходе ее 300 пуд. меди, ... хватит только на 5 дней; 7.000 пуд. имеется в запасе на 31 января при расходе 1.350 пуд. в день. Общество медно-прокатного завода быв. Розенкранца, потребляющее главным образом медь, имело ее в запасе на 31 января всего 6.260 пуд. при ежедневном расходе в 4.400 пуд. На заводе И. М. Айваз чугуна имелось на 30 января около 200 пуд., а ежедневно расходуется 400—500 пудов.

И то же самое расстройство транспорта препятствует, само собою разумеется, использованию всех продовольственных возможностей империи, так как нельзя перевезти даже все заготовленные в станционных складах продовольственные запасы: напр., на Сибирских ж. д. гниют миллионы пудов мяса, масла, дичи, разных хлебов.

Чем же вызвано все это расстройство транспорта? Его нельзя отнести на полное отсутствие технических возможностей, так как пропускная способность наших жел. дорог значительно выше используемой и велики средства для водных и гужевых перевозок. По исчислению такого компетентного лица, как теперешний министр путей сообщения, для полного использования пропускной способности главнейших наших магистралей и поддержания движения на боковых линиях в том размере, какой был в 1913 году, на железнодорожной сети недостает по крайней мере двух тысяч товарных паровозов и 80 тыс. вагонов, при наличности которых можно было бы удовлетворить все главнейшие потребности страны. Мало этого, и то, что есть, используется нецелесообразно и неэкономно. Здесь на первую очередь нужно поставить то вредное влияние, какое оказывал и продолжает оказывать на дороги тыла фронт, распоряжающийся тыловым подвижным составом, не считаясь ни с какими заранее выработанными графиками и планами перевозок, что вносит неизбежную путаницу и затруднения в дело транспорта грузов по сети тыла. Опять-таки достаточно для характеристики сослаться на то неблагоприятное влияние, которое

сказывала на перевозки топлива из Донецкого района задолженность фронта вагонами. В периоды высоких вагонных долгов, доходивших иногда до 30 тыс. вагонов, неизбежно сокращалась разгрузка угля, что хорошо видно из следующей таблицы:

1915 год.	Погружено донецкого топлива милл. пуд.	Средний месячный долг за дорогами фронта шт. вагонов.
Январь	117 [1])	19.000
Февраль	94	32.400
Март	101	29.000
Апрель	120	13.650
Май	119	19.000
Июнь.	111	34.900

Во-вторых, не устранено до сих пор многовластье на местах в деле распоряжения подвижным составом и в самом тылу. Правда, с формальной стороны, дело обстоит как будто вполне благополучно: заранее составляются планы перевозок путем довольно сложным и как будто бы рациональным; даются всякие указания строго следовать плану и т. п. На самом же деле планы не осуществляются под разными предлогами, и поэтому железные дороги работают совершенно без системы, способствуя тому развалу тыла, о каком говорилось выше. Вот весьма обычные картины. В Пермской губ. с тех пор, как начала действовать система плановых перевозок, между управлением Омской жел. дороги, с одной стороны, и уральским порайонным комитетом, с другой, идет безрезультатный спор о том, нужны ли на плановые перевозки особые наряды порайонного комитета, или не нужны. При этом порайонный комитет полагает, что нарядов этих не требуется, тогда как железная дорога и администрация неукоснительно требуют выдачи нарядов порайонным комитетом на перевозку и отказывают в отправке грузов по плановым перевозкам, если нет нарядов. Ни телеграфные, ни письменные по этому поводу разъяснения председателя порайонного комитета не достигают цели, и грузы остаются без движения, ибо их отказываются перевозить как по старому порядку, так и по новой системе. Железнодорожные агенты, обезволенные множеством циркуляров, становятся в тупик при решении самых несложных по своему характеру вопросов и за всем решительно вынуждены обращаться в управление дорог. Циркуляры часто противоречивы, и выполнить их невозможно. Кроме того, развился крайний формализм, который препятствует рациональному использованию вагонов и нарядов.

Так, например, в той же Пермской губ. уполномоченный по мукомолью Е. Д. Калугин выдал однажды разрешение на перевозку 120 вагонов по литерным предложениям, но предложений этих у него в налич-

---

[1]) По данным отчета о деятельности Особого совещания по перевозкам.

ности в Перми не оказалось. Предложения эти, однако, нашлись у заместителя его А. М. Симонова в гор. Екатеринбурге. Для того, чтобы не задерживать перевозки, ибо до конца месяца оставалось всего несколько дней, предложения эти не были посланы в Пермь Калугину для подписки, а были подписаны одним из заместителей Калугина, П. В. Ивановым. На станциях Омской дор. отказались принять эти предложения, так как, по мнению железнодорожной администрации, предложения должны бы быть подписаны: «За уполномоченного Иванов», а не «Заместитель уполномоченного Иванов». В результате предложения остались неиспользованными, и груз не был доставлен на места, где в нем ощущалась острая потребность. В Богословском округе в ноябре—декабре ощущался остро недостаток в муке. Для того, чтобы хотя частью сгладить остроту кризиса, Богословская дорога по соглашению с управлением Омской дороги посылала свои вагоны в Косулино за тем, чтобы перевезти муку. Вагоны эти каждый раз простаивали в Косулине по нескольку дней, так как железнодорожная администрация без особого каждый раз распоряжения управления Омской дороги отказывалась их загружать. На телеграфные же сношения с управлением уходило времени от 3 до 5 дней. Наконец, много пропадает неиспользованных нарядов благодаря тому, что они с опозданием получаются на месте. Так, например, наряды на вторую половину декабря были получены на месте только 2 января.

В связи с этим развились крайние злоупотребления железнодорожных агентов, система сложного взяточничества, которая одна только действует сколько-нибудь удовлетворительно. В стране сложилась горькая поговорка, что лучше всего сейчас возить товары на литере Д (деньги).

Наконец, следует отметить крайнюю изношенность подвижного состава, обусловленную отчасти тою непосильною работою, какую сейчас выполняет уменьшенный подвижной состав, а отчасти, поскольку речь идет о паровозах, плохим качеством топлива. Последнее отнюдь не есть результат только каких-либо злоупотреблений, а той удивительной бесхозяйственности, того неумения использовать средства тыла, которые проявляются в настоящем деле агентами власти.

Вместо того, чтобы принять самые решительные меры для обеспечения себя углем надлежащего качества, для чего потребовалось заключить соответствующие контракты с углепромышленниками или создать особый регулирующий орган, министерство путей сообщений, начиная с 1915 года, предпочитает получать уголь путем реквизиций. Это ставит железные дороги в весьма рискованное положение, мешая им как приобрести уголь хорошего качества, так и сделать надлежащие запасы на складах. Так как при реквизиции личная ответственность владельцев рудников за качество угля совершенно исчезает, было вполне естественно стремление некоторых из них сбыть железным доро-

гам всякий хлам. Но и помимо этого существовали и существуют условия, оказывающие самое роковое влияние на получение железными дорогами угля подходящих сортов. Так, в 1915 и 1916 г.г. министерство торговли и промышленности не решилось осуществить полной реквизиции всего твердого топлива, и для министерства путей сообщения реквизировался уголь, только оставшийся от потребителей двух первых категорий. Весьма естественно, что реквизированный уголь был не первого качества и притом самых разнообразных сортов. Распределение реквизированного угля по отдельным дорогам и складам было совершенно случайно, так что каждый склад получал топливо от весьма многих поставщиков неизвестного ему типа, а потому и не мог расходовать его планомерно. Дошло до того, что, например, Екатерининская железная дорога имела одновременно 300—400 поставщиков вместо 35—39, как это было в нормальное время. Неразборчивость при реквизиции сортов угля имела весьма тяжелые последствия. Дело в том, что до войны дороги снабжались исключительно углями спекающимися, к которым приспособлены топки всех паровозов и паровозный персонал. Во время войны железные дороги стали брать тощий уголь и антрацит. Хорошие сами по себе, эти сорта топлива требуют специальных топок, в существующих же топках могут сжигаться только как примесь к углям спекающимся и при условии правильного производства смесей. Министерство путей сообщения не приспособило своих топок к антрациту и все время продолжало строить новые паровозы с топками для спекающегося угля. Правильных смесей сортов оно тоже не производило, да и не могло производить при описываемых условиях реквизиции и поставки. Отсюда произошел громадный расход топлива, которого паровозы не могли использовать, остановки в пути и т. д., словом, весь тот сумбур, который теперь царит в деле снабжения топливом паровозов.

Бесхозяйственность администрации железных дорог сказалась не в одном этом. Теперешнее положение паровозов таково, что они вынуждены расходовать большое количество топлива. Напряжение перевозок так велико, что общий расход горючего на железных дорогах возрос до чрезвычайности. Между тем министерство путей сообщения не озаботилось за все время войны заготовкой надлежащего количества дров и всей своей тяжестью навалилось на Донецкий бассейн, снабжая углем даже такие дороги, которые по самому их положению легче всего обеспечить дровяным горючим, как, напр., Либаво-Роменская и Полесские. Между тем повышенные требования на уголь со стороны железных дорог рикошетом весьма тяжело отзываются на всем тылу. Вот характерная цифра: расход железных дорог доходит теперь до 70 милл. пуд. в месяц, а всего вывозится из Донецкого бассейна угля до 110 милл. пуд.,— значит, на все потребности, кроме железных дорог, остается только 40 милл. пуд., между тем только для производства кокса необходимо 30 милл. пуд.

Ремонт больного состава ведется крайне бесхозяйственно: в погоне отчасти за внешним эффектом, отчасти по причине крайней нужды в подвижном составе вагоны выпускаются из ремонтных мастерских в мало удовлетворительном виде, и работа их поэтому очень плоха.

В виду расстройства транспорта, отсутствия топлива, металла, рабочих рук производительность отечественных вагоностроительных и паровозостроительных заводов падает в огромной прогрессии. Вот красноречивые цифры.

Заказы отечественных заводов на паровозы и вагоны в 1913— 1916 г.

Годы.	Выпущено.		Недопост. товарн.	Паровозы.			
				Выпущено.		Недопоставлено.	
	Товарн.	Пасс.		Для дор.	Для пол. упр.	Тов.	Пас.
1913	18.613	1.435	3.196	535	—	—	—
1914	29.157	1.500	1.997	749	37	57	68
1915	28.458	1.273	10.946	910	65	301	46
1916	20.355	622	9.543	599	200	398	140

Вторая главная причина разрухи тыла — неустройство рабочего рынка. Огромные выемки населения мобилизациями, превысившие 50% всего трудоспособного мужского населения в возрасте от 16 до 50 лет, создают в тылу чрезвычайно сложное и ответственное положение. Перед государством стояла задача наиболее рационального использования оставшихся рабочих рук, дабы смягчить тот кризис на рабочем рынке, который неизбежно был связан с уходом в армию самого работоспособного населения страны. Прежде всего, следовало бы позаботиться о том, чтобы остались в тылу квалифицированные рабочие, которыми Россия так бедна и которые являются для нас самым драгоценным сокровищем. Во-вторых, надлежало принять меры к тому, чтобы не было праздных, незанятых рук и чтобы не наблюдалось того крайне ненормального явления, когда в одном районе существует недостаток рабочих рук, в то время как в другом напрасно ищут занятий толпы безработных. Наконец, нужно было сделать так, чтоб работа шла планомерно и без всяких перерывов, так как только тогда национальный труд дал бы весь тот производительный эффект, на который он способен. Что же произошло на самом деле?

Квалифицированные рабочие были мобилизованы и отправлены на фронт, и все попытки возвратить их из армии до самого последнего времени оказывались почти бесплодными. При таких условиях предприятия должны были обратиться к труду малообученных или совсем необученных рабочих, что имело целый ряд вредных последствий. Во-первых, обнаружилась усиленная тяга населения в города и про-

мышленные центры в виду существующей здесь высокой оплаты труда, что лишило сельское хозяйство рабочих рук и тем самым обусловило острый кризис на рынке сельско-хозяйственных рабочих со всеми проистекающими отсюда вредными последствиями. Во-вторых, эта масса неподготовленного населения, как и следовало ожидать, оказалась мало продуктивной. Так, например, в каменноугольной промышленности Юга России средняя месячная производительность рабочего выражалась следующими цифрами:

1914 г.	I полугодие	— 753 п.
	II »	— 757 »
1915 г.	I »	— 779 »
	II »	— 733 »
1916 г.	I »	— 656 »
	Август	— 507 »

В виду этой малой продуктивности приходится значительно увеличивать количество рабочих. Так, в Донецком каменноугольном районе количество рабочих по месяцам и за 2 года — 1913 и 1916 — в тысячах было следующее:

	1913 г.	1916 г.		1913 г.	1916 г.
Январь	169.000	208.000	Июнь	156.000	222.000
Февраль	165.000	219.000	Июль	152.000	232.000
Март	168.000	220.000	Август	164.000	242.000
Апрель	145.000	217.000	Сентябрь	158.000	247.000
Май	157.000	220.000			

В железорудной промышленности Юга России было занято (на ноябрь):

1914 г.	14.5	тыс. чел.
1915 »	18,6	» »
1916 »	24.969	» »

На Урале в ноябре 1916 г. числилось рабочих 178 тыс. ч. против 148 тыс. ч., бывших в 1915 г.

В Бакинской нефтяной промышленности в 1916 г. рабочих было 48.500 ч. против 45.015 ч. в 1913 г. и т. д.

Столь значительное увеличение количества рабочих в промышленных центрах обусловило увеличение продовольственных затруднений просто уже в силу того факта, что теперь требуется доставлять продукты питания в большем количестве, чем было в нормальное время.

Отсутствие планомерного посредничества по приисканию труда ведет к тому, что местами в империи имеются значительные количества безработных, которым при иных условиях не трудно было бы дать полезное назначение. Так, по данным петроградской биржи труда, за время с 19 января 1915 года по 21 января 1917 года предложение труда равнялось 236.579 чел., получили работу только 94.875 ч. По данным Всероссийского бюро труда, за ноябрь и декабрь 1915 года и январь 1916 года искало работы 99.155 чел., получило — 72.715 ч.

Наконец, как очень неблагоприятный момент, следует отметить здесь существование забастовок, мешающих правильному ходу занятий и способствующих понижению производительности национального труда. Вот цифры, не нуждающиеся в объяснениях:

ОТДЕЛ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Данные о числе забастовок, их участников и потерянных рабочих днях за 1915 — 1916 г.г. — по месяцам.

Месяцы.	Число забастовок.	Число бастовавших рабочих.	Число потерянных рабочих дней.
1915 год.			
Январь	20	8.853	16.733
Февраль	28	23.107	92.831
Март	26	15.368	31.136
Апрель	104	35.727	263.667
Май	162	59.055	212.294
Июнь	164	80.054	228.173
Июль	90	27.827	75.309
Август	76	54.625	102.456
Сентябрь	184	113.866	224.482
Октябрь	79	77.992	337.123
Ноябрь	54	39.543	249.400
Декабрь	47	17.077	51.820
1916 год.			
Январь	166	128.450	525.570
Февраль	108	91.978	886.396
Март	107	984.435	336.374

Третья главная причина разрухи тыла — неправильное использование существующих в стране хозяйственных возможностей, поскольку речь идет о накопленных специальных знаниях и специальных приспособлениях по различным отраслям хозяйственной жизни. Здоровая экономическая политика требовала и требует, чтобы к делу устроения тыла были привлечены лица со специальными навыками и с специальным опытом. Если нельзя поручать врачу строить мост, а инженеру лечить больных, то еще менее оснований предоставлять устраивать экономическую жизнь не тем, которые вполне осведомлены в том или другом деле, а людям случайным, в лучшем случае дилетантам в порученном им деле, в худшем — прямым невеждам. В западно-европейских государствах это отлично понимают, и вся система тыловой хозяйственной организации покоится там на доверии к общественным силам, на широком участии последних в учреждениях, призванных организовать национальное хозяйство в интересах обороны. К сожалению, в России отношение правительства к обществу построено на принципе прямо противоположном: общественной инициативе

не доверяют, в ней видят опасного врага; общественные организации, несмотря на все оказанные ими огромные услуги стране и армии, преследуются. И результаты этой системы ясны. Те отрасли народного хозяйства, где правительство менее всего связало себя с общественными силами, находятся в состоянии полного разгрома. Так, вместо того, чтобы целесообразно использовать живой, подвижной аппарат торговли, владеющий прекрасным знанием всех рынков страны, имеющий широко развитые деловые связи и соответствующее материальное оборудование, — разумеется, только общественно его организовавши, — правительство обратилось к услугам чиновников, в огромном большинстве случаев не знакомых с делом, внесших в него пустой и сухой формализм. Конечно, ничего другого, кроме полного расстройства торговли, получиться не могло, и переживаемая нами продовольственная разруха, и бешеная спекуляция, и всевозможные голоды — они созданы руками власти, невежественной и бездарной.

Четвертый фактор, не упомянуть который здесь нельзя, — безумная финансовая политика правительства. Во всех воюющих государствах принимаются усиленные меры к тому, чтобы не подвергать рынок всяким излишним потрясениям. На ряду с экономической организацией тыла идет и финансовая организация. Главная забота финансового ведомства западно-европейских держав сводится сейчас к созданию таких способов получения средств на ведение войны, которые были бы по возможности менее болезненными и менее разрушительными для тыла. Повсюду приведен в действие налоговый пресс, при чем настойчиво осуществляется идея равномерного участия населения в несении тяжести последнего. Но, конечно, налоговые рессурсы имеют предел, который далеко отстает от требований современной гигантской войны. Государство повсюду вынуждено обращаться к другим рессурсам, главным образом к займам и к выпускам бумажных денег. Оба эти средства, однако, весьма опасны, так как могут при известных условиях создать тяжелые потрясения на рынке. В особенности это приходится сказать о бумажных деньгах, которые не даром называются экономистами «сладким ядом». Велик соблазн обратиться к этому рессурсу, не требующему ничего другого, кроме соответствующих печатных станков, краски и бумаги, — но последствия необдуманных выпусков бумажных денег чрезвычайно опасны. Переполнение рынка излишними денежными знаками всегда и всюду, — так учит политическая экономия, — влечет за собою революцию цен, при чем последняя совершается с тем большею силою и быстротою, чем более значительны соответствующие выпуски бумажных денежных знаков. Если бы изменение цен совершалось на всем поле народного хозяйства совершенно равномерно и одновременно, тогда народное хозяйство не испытывало бы значительных потрясений, но так как на самом деле этого нет, — происходит нарушение правильного соотношения различных расценок. В то время как одни быстро учитывают падение ценности бумажных денег, — другие приспособляются к этому явле-

нию с большой медленностью. В особенно неблагоприятном положении оказываются лица, получающие твердые оклады, напр., чиновники и служащие различных ведомств, оплата труда которых не может следовать за лажем с той быстротою, с какой следовало бы для удержания их прежнего материального статуса. Государство и частные организации вынуждены изыскивать средства для улучшения быта своих служащих, что не всегда может быть осуществлено и во всяком случае вызывает излишние расходы. Промышленность и торговля, не имея никакой уверенности в будущем, мало по малу отвыкают от здоровых навыков и делаются спекулятивными. Создается почва для той вакханалии цен, которая окончательно запутывает и без того сложное и тяжелое положение. В будущем, с возобновлением международных сношений в широком масштабе, неупорядоченная валюта грозит нам огромными переплатами в пользу заграницы и искусственным направлением нашей интернациональной торговли. Учитывая все эти обстоятельства, правительства западно-европейских государств, где также наблюдается бумажно-денежная инфляция, принимают ряд мер, дабы предохранить рынок от переполнения его излишними денежными знаками. С этой целью государства развивают чековые операции, принимают меры для привлечения вкладов в кредитные учреждения и, наконец, широко используют систему внутренних займов, главным назначением которых становится снятие с открытого рынка значительного числа бумажных денег. Теория и практика давным давно выработали приемы наиболее рационального распределения займов. Они, конечно, должны быть привлекательны для владельцев свободных денежных капиталов. Это значит, что условия займа должны быть для них выгодны. Здороьая финансовая политика прежде всего, конечно, учитывает то обстоятельство, что существуют различные категории капиталистов, руководящихся различными мотивами при оценке предлагаемого им займа: в то время как одни готовы отдать свои средства на короткий срок, другие ищут для них твердого помещения. Отсюда следует, что государственные займы должны иметь различный характер и различный тип. На ряду с краткосрочными должны выпускаться займы долгосрочные. На ряду с займами рентными — займы лотерейные. Другая задача — создать благоприятную общую обстановку для займа. Прежде всего и больше всего надо пробудить в нации живое сознание своего долга перед родиной, всей важности ведущейся борьбы для страны, всей огромности потери, которая нас ожидает, если страна потерпит неудачу. Далее, необходимо сделать так, чтобы помещение своих сбережений в государственные займы оказывалось более выгодным, чем в какие бы то ни было другие предприятия, что опять-таки предполагает соответствующую организацию тыла, способствующую удержанию нормального порядка вещей. Что же мы видим у нас? Государственные займы до сих пор совершенно однотипны; хозяйство страны находится в полном развале; биржевой ажиотаж достиг небывалых размеров; живой дух нации

угашается; все попытки общественно организовать страну, воспитать ее в сознательном отношении к развертывающимся грандиозным событиям наталкиваются на непреодолимые административные препоны. Дело доходит до того, что запрещаются вполне благонамеренные лекции о государственных займах, предпринятые комитетом пропаганды последних.

В результате всего этого государственные займы почти ничего не снимают с рынка и размещаются среди публики все труднее и труднее. Последний заем определенно не удался, и если все останется по прежнему, в будущем улучшения, разумеется, не последует.

Не использованы и другие средства для извлечения бумажных денег из оборота. Слабо развита чековая операция, и совершенно нерациональна учетная политика Государственного банка, так как последний почти до самого последнего времени держал низкий учетный процент, — значительно ниже, чем в частных кредитных учреждениях, — и тем самым, конечно, препятствовал привлечению вкладов в кассы Государственного банка, которые, конечно, облегчили бы положение фиска в валютном вопросе.

Наконец, необходимо обратить внимание на отсутствие общего правильного народно-хозяйственного плана во время войны. До войны превалирующим принципом экономического оборота был частно-хозяйственный интерес, и вмешательство общественной и государственной власти рассматривалось, как некоторый корректив для устранения эксцессов капиталистического строя. Война потребовала напряжения всех сил страны; на сцену выдвинулась идея защиты интересов целого, и эта идея должна была поглотить все остальные. Вполне очевидно, что интересы частных лиц должны были отступить на второй план, и должны были быть приняты все меры к тому, чтобы народное хозяйство давало максимальный производительный эффект. Оставить рынок в том положении, в каком он находился до войны, было нельзя, потому что не могло быть никакой уверенности в том, что все частные лица добровольно откажутся от узких личных выгод и станут действовать только по соображениям патриотического и морального долга. Практика, бесспорно, подтвердила всю справедливость высказанных здесь опасений: там, где не было планомерной общественной организации, самые добрые побуждения отдельных лиц приносили только вред. Когда некоторые крупные фирмы стали продавать свои товары по нормальным ценам, далеко отстающим от спекулятивных, спекулянты скупили почти весь запас товаров, принадлежащих патриотично-настроенным фирмам, и сделали его предметом самой широкой спекуляции.

Но начало организации рынка только тогда может дать положительный эффект, когда оно осуществляется всесторонне и планомерно, а не частично в отношении отдельных рынков и товаров. В самом деле, какой смысл, например, нормировать цены на нефть или на уголь, если остается вне нормировки весь остальной рынок. Цена на нефть

или на уголь, вполне достаточная во всех отношениях для того момента. когда нормировка происходит, может очень скоро оказаться ниже нормальных просто в силу изменений расценки на те предметы и услуги, которые определяют издержки производства таксированного предмета. С другой стороны, открывается широкое поле для обогащения на чужой счет тех лиц, которые сами, пользуясь таксированными предметами, продают принадлежащий им товар по произвольным ценам, учитывая в свою пользу, конечно, весь тот плюс, который получается между ценою таксированной и ценою, свободно устанавливаемой на рынке. Между тем, у нас в России до сих пор такая система частичных организаций практикуется и притом в самой несовершенной форме — простой таксировке. История такс для всех времен и для всех народов была одна и та же: она снимала товары с открытого рынка, не улучшая, а резко ухудшая положение последнего. Таксы хороши только в том случае, если за ними стоит всесторонняя организация рынка, если есть возможность наблюдать и за производством, и за распределением продуктов. Без участия общественных сил такой контроль осуществлен быть не может. Только общество, кровно заинтересованное в том, чтобы рынок функционировал правильно, может осуществить все меры, тому способствующие. Тот учет продуктов, производительных возможностей страны, потребительных нужд населения и т. п., без которого никакой упорядоченный рынок не мыслим, требует таких средств и таких знаний, которыми чиновники, конечно, не располагают. В западно-европейских государствах, ведущих войну, это давным давно поняли, и привлечение к делу упорядочения рынка общественных организаций различного типа есть там явление общее. К сожалению, у нас отношение к общественным организациям совсем иное: их всячески преследуют, с ними ведут непрерывную войну, их заподозривают и оскорбляют. А результат такой политики на-лицо...

Когда причины, поставившие нас на краю гибели, ясны, не трудно указать средство для их устранения. Необходимо упорядочить транспорт, для чего нужно: а) усилить производительность национальных заводов, что возможно при условиях полного упорядочения тыла, и немедленно заказать недостающий подвижной состав из-за границы; б) приступить к немедленному увеличению пропускной способности железных дорог; в) усилить их погрузочные и разгрузочные средства; г) допустить общественный контроль за работой железнодорожной сети в ее целом; д) допустить образование профессиональных союзов служащих, как самого мощного средства в деле борьбы с железнодорожными злоупотреблениями; е) упорядочить снабжение дорог топливом всякого рода.

Для упорядочения рабочего рынка необходимо: а) допустить профессиональные союзы рабочих, как необходимую основу организации рынков; б) создать повсеместно биржи труда; в) осуществить принудительный арбитраж; г) выработать закон об обеспечении безработных.

Для улучшения финансов: а) выработать стройный финансовый план, ставящий себе задачи не высасывания всех соков страны, а, наоборот, содействующий развитию производительных сил последней; б) принять решительные меры против переполнения рынка бумажно-денежными знаками; в) коренным образом изменить систему внутренних государственных займов.

Наконец, как необходимая предпосылка осуществления всего вышеуказанного: привлечь к делу устроения народного хозяйства все живые силы страны, что необходимо предполагает установление не только полного доверия, но и полного контакта между властью и обществом. Только правительство, которому страна доверяет, в которое она верит, может заставить народ итти на дальнейшие жертвы; только тогда лозунг «война до победного конца» получит твердую основу.

Государь, ваш предок в тяжкую годину, когда стране грозила неминуемая гибель, не поколебался доверить власть лицу, облеченному общественным доверием, — и страна была спасена, а имя императора Александра I золотыми буквами записано на страницах не только русской, но и мировой истории. Со всею горячностью, на которую мы только способны, с сознанием того патриотического долга, который на нас всех лежит, мы молим вас, государь, — последуйте примеру вашего благородного предка. Бьет двенадцатый час, и слишком близко время, когда всякое обращение к разуму народа станет запоздалым и бесполезным.

2.

Записка В. А. Степанова [1]).

Временному Правительству.

Расстройство народного государственного хозяйства России достигло в настоящее время высшего напряжения. Страна стоит перед экономическим и финансовым крахом. Эти угрожающие симптомы особенно явственно проявляются в главнейших отраслях промышленности, окончательно потерявшей равновесие. Борьба труда против капитала, несмотря на героические усилия правительственной власти и общественных организаций влить ее в примирительное русло, принимает все более острые формы и грозит исключительными осложнениями не только для дела обороны в тесном смысле слова, но просто для существования страны. Ужасающее положение транспорта

---

[1]) На подлинном штамп:
«Министерство торговли и промышленности. Совещание по вопросу о развитии производительных сил России. 8 июня 1917 года. № 4950 (*Канц. м-ра*). По проекту декларации об экономической политике правительства».

общеизвестно; равно всем ведомы тревожные перспективы сельскохозяйственного производства. Объективной стороне, — экономической разрухе, — соответствует, если можно так выразиться, крайне неблагоприятная «психологическая конъюнктура» почти всех общественных элементов. В среде рабочего класса усиленно культивируется узко классовое настроение, при торжестве которого Россия не сможет благополучно пережить кризис. В то время, когда страна истощена до крайности затянувшейся войной и впереди нас ожидают колоссальные жертвы, производительность труда неуклонно падает, и столь же неуклонно растут требования повышения заработной платы. При крайнем сужении товарного рынка, при невероятно скудном снабжении его предметами жизненного обихода, единственным прочным результатом борьбы за увеличение заработков оказывается непрерывное падение внутренней стоимости бумажного рубля. Неверно понимаемые лозунги социализации производства нередко претворяются в чисто анархические захваты рабочими предприятий в свое управление или выливаются в требования передачи в казну тех фабрик и заводов, владельцы коих отказываются удовлетворять в полной мере претензии рабочих.

Что касается промышленников, то, с одной стороны, они переживают состояние большой растерянности. Утрачивая веру в устойчивость экономической конъюнктуры, они обнаруживают склонность приостановить производство.

С другой стороны, многие владельцы фабрик и заводов, легко соглашаясь на требования рабочих, надеются непомерно возрастающие расходы производства переложить на потребителей и прежде всего на казну, рессурсы которой напряжены до последней степени. Во всяком случае, необходимая для спасения страны энергия торгово-промышленного класса чрезвычайно ослаблена.

Правительство совершенно ясно и определенно должно установить принципы экономической политики, которых оно намерено придерживаться в настоящий и ближайший последующий моменты. Всякая недоговоренность в этом отношении, всякие колебания гибельны для страны. Программа должна быть начертана и проводима в жизнь со всей возможной энергией; осуществление ее, конечно, является вопросом факта и главнейшим образом зависит от деятельной поддержки со стороны населения. Прежде всего, правительству надо занять определенную позицию относительно предполагаемого и требуемого некоторыми группами перехода к социалистическому хозяйственному строю.

Невозможность для России усвоения в настоящее время социалистической организации народного хозяйства, повидимому, не вызывает сомнений ни среди членов Временного Правительства, ни в реалистически настроенных кругах революционной демократии. Соответствующее заявление и должно быть сделано правительством, во избежание каких бы то ни было недоразумений. Необходимость такого

заявления настоятельно вызывается также требованиями социально-педагогического характера. Мысли и воля русского общества должны быть выведены из русла рассуждений об идеальном хозяйственном порядке и направлены на разрешение вполне реальных задач: расширения, во что бы то ни стало, самого производства нужных стране продуктов и усиления до возможных пределов интенсивности и производительности труда. Материальная основа нашего существования гибнет; энергия должна быть затрачиваема на ее восстановление, а не на борьбу, имеющую более словесный, чем реальный характер. При нынешнем оскудении социализм сам по себе не спас бы Россию от нищеты. Чрезвычайно важно рассеять неосновательные надежды, связанные с предложением передачи фабрик и заводов в ведение казны, т.-е. совершить некоторое «огосударствление» промышленности. Помимо слабой подготовленности правительственного персонала к эластичной практической деятельности, казна в качестве работодателя не располагает какими-либо особенными источниками удовлетворения чрезмерных требований рабочих. Передав в их распоряжение всю прибыль, казна не увеличит все же реальной заработной платы, если само производство не будет расширяться и производительность труда не будет возрастать. Расчеты же на обильную раздачу бумажных денег неизбежно приведут к экономическому и финансовому банкротству страны. С особенной резкостью должна власть высказаться против разрозненных опытов «социализации» отдельных предприятий занятыми в них рабочими, ибо такой метод не только разрушает основы существующего хозяйства, но прямо противоречит социализму, резко нарушая интересы всего рабочего класса в угоду случайных групп текучей рабочей массы. Таковой метод действия формально и по существу является анархическим в наиболее отрицательном смысле слова.

Необходимость внесения спокойствия в промышленную жизнь властно диктуется, помимо общих мотивов, еще и следующими важными соображениями. Развитие производительных сил страны немыслимо без притока капиталов во все отрасли народного хозяйства. Бедная капиталами вообще, Россия совершенно оскудела ими за время войны, и без иностранной поддержки нам не разрешить великих заданий. Иначе наша хозяйственная культура будет отброшена на несколько десятков лет назад. Под этой угрозой мы должны приложить усилия к привлечению к нам заграничных капиталов и к оплодотворению важнейших отраслей нашего народного хозяйства. Такое привлечение, даже простое удержание затраченных в России иностранных капиталов, совершенно невозможно при неосторожном пользовании социалистическими лозунгами. Министерство торговли и промышленности вырабатывает план экономического строительства России на ближайшее время, определяющий размеры и порядок финансирования различных отраслей народного хозяйства. План этот невыполним без дружественной поддержки заграничных капиталистических сфер, и им должен быть дан определенный ответ относительно

характера дальнейшего развития русского народного хозяйства: сохраняет ли оно капиталистическую основу, или преобразуется в социалистическую.

Для настоящего времени правительство, отрицая возможность водворения социализма, не может, однако, рекомендовать стране возврата к свободной экономике, как этого настойчиво желали еще недавно представители главным образом торгового капитала. Как раз хозяйственная разруха исключает допустимость господства частных интересов. Отчаянное состояние транспорта, глубокое расстройство денежного аппарата, истощение России промышленным сырьем, напряжение продовольственного вопроса и, наконец, острые формы борьбы труда и капитала, — все это превратило бы допустимую при нормальных условиях «игру частных интересов» в экономический хаос. Остается один путь государственного регулирования важнейших отраслей народного хозяйства при помощи тех сил, которые им самим выдвигаются, без колебания принципа частной собственности и без отстранения личной инициативы, но с подчинением той и другой интересу общественному. При усвоении принципа регулирования главной опорой, двигательной силой экономики остается по-прежнему начало частнохозяйственное, подчиненное контролю и руководительству государственному, но требующее и весьма бережного к себе отношения. Опыт Западной Европы является в этом отношении достаточно поучительным: если Германии удается до сих пор выдерживать борьбу, то главным образом благодаря проникновению ее экономики общественно-государственным регулирующим началом; Англия с ее традиционным тяготением к экономическому либерализму должна была вступить на этот же путь. Россия также, хотя и неумело, при старом режиме двинулась по этой дороге.

Нельзя ограничиваться одним провозглашением принципа государственного регулирования хозяйственной жизни в нынешний и ближайший переходный период — от конца войны до восстановления экономического равновесия. Необходимо с возможной определенностью указать, во-первых, какие именно отрасли хозяйства подвергаются воздействию и контролю со стороны государственной власти, во-вторых, каковы методы правительственного воздействия. Основная задача последнего, очевидно, заключается в наиболее экономном и соответствующем общественным интересам использовании имеющегося у нас запаса капиталов и истощенного войной запаса живой рабочей силы. Лишь по удовлетворении ими важнейших для обороны и жизни страны производств остатки могут направляться в другие отрасли. Надо определить те производства, которые требуют правительственного содействия (конечно, список не может носить характера «исчерпывающего», ибо обстоятельства меняются). Собственно говоря, задача эта отчасти уже выполнена, ибо целый ряд продуктов ныне находится под «учетом» государственной или общественной власти: помимо предметов питания (хлеб, мясо, соль, сахар, жиры и т. п.), сюда входят

текстильные товары, кожа, бумага, металлы, топливо. Стремиться охватить регулированием все хозяйство целиком значит явно итти на утопическую авантюру. В одной области, повидимому, государственному регулированию суждено проявиться во всей полноте, независимо от характера объектов, это — в сфере внешних торговых сношений. Весь импорт и экспорт должен оставаться под бдительным контролем и воздействием правительства, как во имя валютных соображений, так и в интересах русской промышленности.

Определив круг вмешательства, правительство обязано выбрать наиболее удовлетворительные методы руководительства. Казалось бы, что самым действительным средством воздействия как на производство известных продуктов, так и на их распределение является установление соответствующих государственных монополий. Это тем более заманчиво, что монополия попутно может оказать и серьезную услугу казначейству. Технически, однако, монополизирование не всегда легко; но где имеется подготовленная в известной мере почва (напр., для сахара, угля, чая), там правительство может решиться на подсказываемый обстоятельствами шаг. Следует только помнить, что производственные монополии, связанные с затратами на оборудование предприятий или выкуп их у частных лиц, a priori, по финансовым условиям, исключены; речь может итти лишь о монополиях торговых. В силу той же стесненности фиска и малой технической подготовленности правительственного персонала совершенно недопустимо замечавшееся до недавнего прошлого увлечение казенным предпринимательством. Вследствие особенных условий железнодорожного строительства и вообще транспортного дела роль государства в этой области, конечно, должна оцениваться иначе; однако, и здесь чрезвычайно желательно возбуждение в известных пределах частной предприимчивости.

Большая энергия должна быть проявлена правительством в деле объединения слабо организованных отраслей промышленности: осуществить действенный контроль можно лишь при достаточной концентрированности предприятий. На очередь может и должен быть поставлен вопрос, по примеру Германии, о принудительном объединении отдельных ветвей индустрии; если по финансовым условиям для казны окажется возможным входить в такие объединения, то правительство получит могущественное оружие надзора и контроля. Что же касается установления особых органов финансового и административного контроля по отдельным предприятиям, то эта мысль должна быть откинута за явной ее утопичностью в условиях русской жизни. Отстаивать интересы труда призваны профессиональные рабочие союзы, интенсивно развивающиеся у нас в настоящее время. До полного их расцвета к услугам трудящихся фабрично-заводские комитеты, учреждение коих обеспечено недавно изданным законом. Рекомендуемые некоторыми «наблюдательные комитеты» от рабочих и правительственных чинов — верное средство затормозить жизнь

предприятий. В исключительных случаях, при острых столкновениях труда и капитала, допустима посылка особых правительственных комиссаров с определенным кругом полномочий. Становясь на путь принудительного регулирования промышленного производства, правительство, конечно, не может предоставить определения взаимоотношений труда и капитала борьбе заинтересованных сторон. Совершенно очевидно, что в отраслях и предприятиях, регулируемых государственной властью, приостановка производства на почве конфликтов недопустима; здесь пользование правом стачек и локаутов, во имя блага страны, приостанавливается в своем действии. Конфликты должны подлежать обстоятельному разбору и разрешению в организуемых нарочито для этой цели примирительных учреждениях (на паритетных основах). Если по вопросу о заработной плате не будет достигнуто соглашение указанным способом, то особые правительственные комиссии определят нормальное вознаграждение по профессиям и районам. Правительство должно при этом откровенно и решительно заявить, что повышение заработков имеет свой предел, который, в первую очередь, определяется состоянием производительности самого труда. С другой стороны, при нормировке вознаграждения промышленных рабочих надо учитывать интересы крестьянских кругов, повышению заработков которых поставлен предел твердыми ценами на хлеб. Нельзя одному классу оказывать преимущество перед другим.

Исключительной энергии требует от правительства разрешение вопроса о надлежащем учете и распределении живой рабочей силы. Необходимо изыскать и осуществить наилучшие формы организации рабочего рынка, тщательно взвешивая количественную и качественную сторону дела. Ни один атом народного труда, особенно квалифицированного, не должен остаться без использования или находить неподобающее применение. Развитие плана снабжения хозяйства рабочей силой должно быть поставлено во главу угла социально-экономической политики государства.

Ни примирительное разбирательство, ни надлежащее распределение рабочей силы не дадут благоприятных результатов, если не будет поставлено надлежащим образом дело снабжения трудящихся необходимыми для них предметами. Однако, самая совершенная техника окажется бессильной, если производство товаров будет пребывать в таком же печальном состоянии, как ныне. Неустанное расширение производства, интенсификация всех видов труда повелительно диктуются переживаемым моментом. Вполне законная тревога трудовой демократии, что ее интенсивная работа пойдет на пользу своекорыстным интересам «имущих классов», парализуется теми финансовыми мероприятиями в налоговой области, которые уже предрешены и разрабатываются Временным Правительством. Государство при помощи своего аппарата, опирающегося на органы местного самоуправления, должно поставить и разрешить трудную задачу снабжения производства нужными материалами, а население — необходимыми товарами.

К разрешению этой проблемы подходило правительство старого режима; нынешняя власть в значительной степени уже осуществляет задание; образован ряд комитетов по различным отраслям индустрии, учреждаются особые районные организации по снабжению металлом и топливом; работают продовольственные комитеты по учету и распределению живой рабочей силы. Все эти начинания должны быть в той или иной форме объединены, согласованны, дабы работа русской промышленности текла планомерно, потребности рынка удовлетворялись в должной последовательности и объеме, соответственно степени их важности. Такое объединение необходимо и для предупреждения разрозненных, мешающих общему делу, сепаратных попыток разрешений вопроса на местах. Во всяком случае, дабы постановка дела не страдала абстрактностью, оторванностью от жизни, необходимо запросить по этому поводу мнение особого совещания из представителей заинтересованных сторон, людей науки и нейтральных общественных организаций. Этой цели должно послужить образование при министерстве торговли и промышленности совещания по вопросу о развитии производительных сил России.

Провозглашая принцип регулирования народно-хозяйственной жизни государственной властью, необходимо подчеркнуть, что регулирование это будет совершаться не старым бюрократическим порядком, а при помощи и, по возможности, через посредство профессиональных и общественных организаций. Правительству будет принадлежать высшее руководительство ими и согласование отдельных мероприятий.

В согласии с высказанными в этой записке соображениями, правительству надлежало бы выступить с декларацией по вопросам экономической политики. Примерный текст означенной декларации к сему прилагается.

Об изложенном временно управляющий министерством торговли и промышленности имеет честь представить на благоусмотрение Временного Правительства.

Временно управляющий министерством торговли
и промышленности *В. Степанов*.

Проект правительственной декларации по вопросам экономической политики.

Народное хозяйство России во всех его главнейших отраслях переживает глубокий кризис. Производительные силы страны, истощенные долгою войной и пагубной политикой дореволюционного правительства, находятся в состоянии полного упадка. Революционная энергия народа не получила еще направления, благоприятного для хозяйственного возрождения родины. В особенно тяжелом состоянии находится промышленность; производство самых необходимых предметов сокращается, интенсивность и производительность труда

неуклонно падает, товарный рынок все более суживается; непрерывные столкновения труда и капитала принимают все более острые формы; неверно понятые лозунги социализации производства претворяются в чисто анархические захваты предприятий занятыми в них рабочими.

При таких условиях трудящиеся лишаются фактической возможности удовлетворения даже самых законных требований относительно повышения уровня жизни. Предприниматели, не чувствуя под собой устойчивой почвы и утеряв надлежащую энергию, обнаруживают желание приостановить производство или стремятся переложить на широкие потребительские круги и на казну непомерно возрастающие издержки производства путем крайнего увеличения товарных цен.

Перед лицом происходящего развала Временное Правительство считает своим долгом указать народу, каких основ социальной экономической политики оно намерено придерживаться.

Прежде всего, правительство призывает все классы общества к исключительному напряжению трудовой энергии и забвению на время личных, групповых и классовых интересов. Без чрезвычайного напряжения производства удовлетворить надлежащим образом материальной потребности страны невозможно, ибо рынок останется при крайне скудном запасе товаров. Действительная, а не бумажно-денежная высокая оплата труда будет прямым последствием усиления его производительности и расширения производства. Резкие проявления классовой борьбы в настоящее тревожное время мешают общенародному делу.

Вместе с тем Временное Правительство определенно заявляет о невозможности изменения существующего хозяйственного строя на социалистический ни сейчас, ни в ближайшее за войной время. Социализм должен покоиться на мощном фундаменте всеобщей организованности, чего в России нет; на полном развитии производительных сил, к надлежащему использованию которых Россия в сущности еще не приступала; наконец, переход к социалистическому строю в рамках одного государства даже и невозможен.

Но для настоящего момента и ближайшего будущего настойчиво требуется устранение всякой неопределенности по вопросу о хозяйственном строе России. Помимо других мотивов, этого требует еще и то обстоятельство, что мощное развитие наших производительных сил немыслимо без привлечения иностранных капиталов и создания выгодных условий для их приложения: под угрозой не только экономического застоя, но и падения хозяйственной культуры, Россия не может и не должна отказываться от услуг заграничного капитала, которые, естественно, отпадут при неудачных опытах социализации.

С другой стороны, как раз в виду происходящей разрухи правительство считает невозможным предоставление хозяйства на волю самоопределения частных интересов. Необходимо планомерное вмешательство государства в экономическую жизнь, регулирование

главнейших отраслей народного хозяйства. Личная инициатива и частная собственность остаются непоколебленными, но должны стать в подчиненное положение к общему интересу.

Далекое от мысли охватить регулированием все народное хозяйство целиком, правительство определит те главные отрасли производства, которые должны подчиниться его общему руководительству и надзору. Таковы, прежде всего, промышленное сырье, топливо, металлы и вообще главнейшие предметы первой необходимости и жизненного обихода. Где окажется возможным по условиям хозяйственной жизни, будут введены торговые правительственные монополии. В иных случаях будут приняты меры к разумному объединению отдельных частных предприятий, с возможным участием в этих объединениях казны. Ныне существующие комитеты по отдельным отраслям промышленности, получив дальнейшее усовершенствование своей организации, продолжат энергичную работу по упорядочению торгово-промышленной жизни страны. Таким путем правительство намеревается уравновесить производство и распределение наиболее важных для жизни страны изделий и материалов.

Необходимо помнить, что принцип регулирования, устанавливаемый правительством для предотвращения полной экономической разрухи, налагает неизбежное стеснение на свободу действий как промышленников, так и рабочих; с этими стеснениями необходимо примириться во имя блага страны. Так как в регулируемых отраслях промышленности недопустима остановка производства на почве конфликтов труда и капитала, то столкновения интересов будут подлежать обязательному примирительному разбирательству. Если по вопросу о заработной плате не будет достигнуто соглашение в примирительных учреждениях, то нормы оплаты по профессиям и местностям будут определяться особыми правительственными органами. Прибыль предпринимателей налоговыми мероприятиями будет сокращена до возможного минимума, с тем, однако, расчетом, чтобы не убить у промышленников интереса к делу. Будут приложены усилия к тому, чтобы рабочие получили фактическую возможность располагать необходимыми для жизни продуктами. Учет и распределение рабочей силы составят одну из главнейших забот государственной власти, дабы трудовая энергия всех элементов общества не оставалась без использования или находила неподобающее применение.

Удовлетворительное решение поставленных задач требует объединения, согласования и развития всех, уже ныне осуществляемых, мероприятий правительства по снабжению фабрик и заводов сырьем, топливом, орудиями производства и рабочей силой, а населения — предметами жизненной необходимости. Конечный успех дела будет целиком зависеть от энергии самого народа, от умения и готовности граждан подчинять свои личные интересы благу родины.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ ЦИК И БЮРО ЦИК С. Р. и С. Д. 1-ГО СОЗЫВА ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ.

Из деятельности учреждения, в действительности не существовавшего.

5 ноября, когда был бит уже Краснов и было подавлено юнкерское восстание, а Духонин в ставке пытался заверить советы в своем нейтралитете, собрался ЦИК 1-го созыва, упраздненный II Съездом Советов.

Тем самым меньшевики и с.-р. пытались противопоставить новому большевистскому ЦИК, якобы незаконному, якобы избранному незаконным съездом, старый, законно-избранный ЦИК июньского Съезда Советов (хотя на заседании 6 ноября с.-р. Кудрявцев, вспомнив, как Дан открывал II Съезд Советов от имени 1-го ЦИК, говорил: «Мы уже признали его полномочным, открыв его»).

На заседании 5 ноября члены 1-го ЦИК все свои надежды строят на том, что советы, не участвовавшие на II Съезде Советов, в большинстве своем находятся в руках меньшевиков и с.-р., что армию представляют тогдашние армейские комитеты, а большевистская партия расколется. Представление о советах, не присутствовавших на II Съезде, как о советах меньшевистско-эсеровских, отражало тактический план меньшевиков и с.-р., пытавшихся найти в провинции спасение от рабочих и солдат Петрограда. В основе этих планов, в конечном счете, лежало признание с.-р. Кудрявцева на заседании 6 ноября: «Дважды мы бросали силы на заводы, и нас там не слушали...»

Но условия октября 1917 г. оказались непохожими на условия 1905 г.,— тогда провинция и армия спасли господствующий строй, на этот раз не спасли ни провинция, ни армия. В расчетах меньшевиков и с.-р. были три ошибки:

1) армейские комитеты оказались представляющими только самих себя, а не солдатские массы;

2) провинциальные советы оказались в огромном большинстве или большевистскими, или же благоприятно-нейтральными к большевикам;

3) большевистская партия в своем подавляющем большинстве оказалась единой и сплоченной,—тем самым была бита надежда с.-р. Кудрявцева на том же заседании 6 ноября на то, что: «распад большевиков, возможно, приведет ЦИК к прежнему положению».

После некоторых колебаний по вопросу о том, сколько членов ЦИК оставить в Петрограде, 8 ноября избранное 1-м ЦИК Бюро так формулирует свою

задачу: «группировать вокруг себя советы, стоящие на точке зрения ЦИК 1-го созыва...».

Хотя на заседании 12 ноября Церетели признает, что «сила в руках большевиков, общественные силы тоже на их стороне...», знамя Комитета Спасения «не привлекало, а напротив...», хотя Зарецкая объясняет, что элементы, не признающие большевистской власти, не имеют никаких народных корней, а поэтому Учредительное Собрание меньшевикам придется защищать не только от захватчиков большевиков, «но и от массы, которая не понимает», — цеикисты принимают грозную резолюцию об отрицании власти захватчиков. В деятельности же своей они являются попросту подручными при Комитете Спасения.

5 ноября заседание ЦИК торжественно признает себя независимым от Комитета Спасения.

В следующие дни ЦИК занимается непрерывными прениями на тему об отношении к Комитету, а в протокол Бюро 11 ноября записывается заявление заведующего финансовым отделом Топера, что «по постановлению президиума он, как заведующий финансовым отделом, из сумм, находящихся в распоряжении ЦИК, выдает Комитету Спасения деньги заимообразно, и что общая сумма уже достигает значительных размеров».

13-го Бюро ЦИК постановляет отпускать деньги Комитету Спасения только с разрешения и за подписью трех членов президиума. 25 ноября выясняется, что члены Бюро, работающие в Комитете Спасения, получают жалование в ЦИК, а сотрудники Комитета Спасения получают половину жалования от Комитета Спасения, половину от ЦИК.

По мере того, как выясняется вся тщетность надежд правительства на армию, на раскол партии, на первое место в деятельности цекистовских обломков октябрьского крушения выдвигается вопрос об Учредительном Собрании. Они пытаются организовать специальные политические курсы, нечто в роде особого университета, где рабочие и крестьяне обрабатывались бы в меньшевистском духе. Зная отлично, что на курсы, организованные ЦИК 1-го созыва, ни одного рабочего и крестьянина не получишь, решают эти курсы организовать от имени какой-нибудь внепартийной организации, с надеждой, что эта непартийность поможет завлечь каких-либо несознательных рабочих или солдат на такие курсы.

Признают желательным создание Союза Защиты Учредительного Собрания и участвуют в его работе. 23 ноября признают желательным образование реальной силы для защиты Учредительного Собрания, предоставляя, конечно, самую организацию авантюры Союзу Защиты. На заседании 28 ноября, в день, когда меньшевистские и эсеровские вожди фактически пытались превратить борьбу за Учредительное Собрание в непосредственную вооруженную борьбу с Советской властью, Бюро ЦИК вступает в контакт со всеми организациями, устраивающими демонстрацию, ассигнуя на эту демонстрацию до 10.000 рублей, составляя соответствующие плакаты, пытаясь разложить латышский батальон, долженствующий охранять зал Таврического дворца от попыток нескольких приехавших членов Учредительного Собрания объявить себя законным центром контр-революционного движения против Советской власти.

30-го от планов 28-го уже остается только проект направить делегацию в Смольный, чтобы узнать, не истязают ли большевики арестованных членов Учредительного Собрания — кадетов.

В промежутке между первым заседанием и первой попыткой организации демонстрации за Учредительное Собрание, между первой попыткой и второй, между второй и концом первого ЦИК, ЦИК полностью оправдывает признание Розанова на заседании 3 декабря: «Этот месяц показал, что мы в действительности не существуем...». В действительности не существовавшее учреждение соответственно занималось в промежутке между грозными протестами против действий Советской власти такого рода предприятиями, которые полностью подтверждали Розановское определение.

Пытаются издавать газеты, которые систематически ликвидируются как властью, так и рабочими печатниками, отказывающимися печатать газету без разрешения Военно-Революционного Комитета, рабочими артелями, отказывающимися распространять газеты, армейскими организациями, отказывающимися принимать газеты, почтово-телеграфными учреждениями, отказывающимися пересылать газеты.

Пытаются среди прочих остатков прошлого ЦИК'овского величия спасти для себя старый ЦИК'овский гараж, рабочие которого, признавая за 1-м ЦИК права собственника, в то же время признают полномочным новый ЦИК, в особенности с момента присоединения крестьянских советов.

Из остатков же прошлого ЦИК'овского величия пытаются путем непосредственных переговоров с секретарем Зилотти добиться бесплатного посещения членами Бюро ЦИК Мариинского театра в особые ложи...

В промежутке между ноябрьской попыткой организации заговора, в связи с Учредительным Собранием и новой январской попыткой, Бюро ЦИК занимается преимущественно вопросами о том, кто является заведующим финансовым отделом, нужна ли, или не нужна ревизионная комиссия для его проверки, просить или не просить его брать назад официальное заявление о сложении с себя соответствующих обязанностей, растратил или не растратил он соответствующие деньги, сколько платить членам Бюро и членам ЦИК, когда платить, при чем растраты, как предмет работы ЦИК, занимают важнейшее место в ряде его заседаний.

3 декабря ЦИК, заслушав сообщение Розанова о том, что он в действительности не существовал, высказывается все же за более активную работу, за улучшение связи с провинцией, за установление связи с советами, которые стоят за защиту Учредительного Собрания, и даже решает созвать специальное совещание всех членов ЦИК, находящихся в Петрограде, а после совещания и самый пленум ЦИК.

25 декабря грозное воззвание об авантюристах, захвативших власть, развалivших армию, создавших голод, уничтоживших промышленность...

25 декабря — призыв ко всему живому в стране «стать с оружием в руках на защиту власти народной в лице Учредительного Собрания...». И организационный вывод из этого — призыв ко всем советам, армейским и флотским комитетам, отдельным советским и армейским фракциям, по всем организациям, стоящим за Учредительное Собрание — съехаться в Петроград 8 января на чрезвычайное собрание, где первым пунктом порядка дня будет вопрос о власти Учредительного Собрания.

Воззвание было датировано 25 декабря. А 10 января на заседании, где присутствовало 27 членов ЦИК, Дан начал свою речь признанием: «Наши надежды на крушение большевистского режима не оправдались, и теперь трудно быть оптимистом,

чтобы сказать, что это скоро случится. ЦИК 1-го созыва не стал политическим центром и ничего не сделал за это время...».

На меньшевистский призыв 25 декабря откликнулись (по докладу Бронзова) 15 человек, зарегистрированных 10 января 1918 г., и еще несколько, задержанных на Галерной, — всего приблизительно 25 человек. 25 человек, представителей местных советов, откликнувшихся на призыв 1-го ЦИК в то время, как на экстренном III Съезде Советов, происходившем 10—18 января, было свыше 1000 делегатов (из них 900 большевиков и левых эсеров), — это недурная мера соотношения сил.

Остальные разговоры о том, правомочен или не правомочен состав из 25 человек для решения вопроса о существовании самого 1-го ЦИК, о том, не могла ли бы 2 месяца назад спасти положение провинция, подходящий или не подходящий момент для самоликвидации, уже не представляют никакого интереса и завершаются созданием ликвидационной комиссии, члены которой получают жалование в размере 500 рублей в месяц.

И меньшевикам, и эсерам единственным утешением могло быть то, что с ними вместе их судьбу разделяли всяческого рода либеральные и полулиберальные чиновники из Временного Правительства, также продолжавшие в послеоктябрьские дни еще продолжительное время разыгрывать пьесу под названием «Заседания Временного Правительства». На ряду с ними царские чиновники из правительствующего сената, 23 ноября обнародовавшего указ: «Не признавая законной силы за распоряжениями каких бы то ни было самочинных организаций, неуклонно исполнять впредь до решения Учредительного Собрания об образовании власти в стране возложенные на сенат законом обязанности, доколе этому представляется какая-либо возможность, о чем и дать знать всем подчиненным местам и лицам указами. Копию настоящего определения передать к делам обер-прокурора 1-го деп. правительствующего сената для напечатания в Собр. Узакон. и Распор. Правительства».

Я. Яковлев.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Публикуемые протоколы ЦИК I созыва хранятся в Москве в Архиве Октябрьской Революции (фонд XXX). Протоколы начинаются с 6 ноября 1917 г. и заканчиваются 11 января 1918 г. Протоколы скреплены подписью секретаря Е. Суриц. Кроме этих подписанных протоколов, имеются отрывочные черновые записи прений. Эти прения существенно дополняют протоколы, в которых есть только постановления ЦИК. Поэтому мы их вставили в соответственные места в протоколах, или же, если эти вставки нарушали цельность протоколов, сносили под строку. Вставленное заключено в обыкновенные скобки. Так как в черновых записях имеется ряд не только очень сокращенных, но и пропущенных слов, мы сочли необходимым неполно написанные слова закончить, а пропущенные вставить, заключив последние в прямые скобки. Самые протоколы иногда озаглавлены протоколами ЦИК, иногда протоколами бюро ЦИК. В виду того, что фактически никакого разграничения в деятельности ЦИК и Бюро ЦИК не было, мы, оставив заголовки подлинника, расположили все протоколы в хронологическом порядке. Протоколы подготовил к печати и снабдил примечаниями В. Л. Меллер.

Ред.

ПРОТОКОЛ

заседания ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

6 ноября 1917 г.

Заседание открывается под председательством т. Гамбарова.

Идет вопрос о конструкции Бюро и о целях и задачах ЦИК 1-го созыва.

На прошлом заседании [1]) решено оставить здесь Бюро в составе, не превышающем 25 человек.

(Фракция с.-р. предлагает пересмотреть вчерашнее постановление.

Т. Суриц высказывается против этого в виду того, что вчерашнее заседание было гораздо многолюднее.

Т. Венгеров тоже против этого, так как ЦК *) должен остаться как политический центр.

Против этого и т. *Топер*. Наша сила и значение будут только, если мы будем на местах, тем более, если действительно [есть] раскол среди большевиков. Теперь не время говорить, а действовать.

Р е ш е н о большинством голосов пересмотреть этот вопрос.

Докладчик от фракции с.-р. указывает на то, что раскол среди большевиков вызывает потребность в политическом органе, каким может быть только ЦК; избранное же Бюро для этого недостаточно. Надо группироваться вокруг Комитета Спасения [2]). Если все разъедутся, самоубийство ЦК неминуемо; необходимо пополнить Бюро и указать нашим товарищам, входящим в Комитет Спасения, что линия ЦК должна оставаться прежней.

Безобразов, напротив, указывает, что необходимо уехать в провинцию и там осветить события, оставшиеся же сумеют занять соответствующее положение [в Петрограде].

Кудрявцев. Все наши силы надо распространить на заводы и фабрики. Начинающийся распад большевиков, возможно, приведет наш ЦК к прежнему положению. Предлагаю товарищам пока не разъезжаться, а предложить Бюро наметить план дальнейшей работы. Нам надо, чтобы с низов произошло требование нового съезда, мы же признали его полномочным, открыв его [3]). Дважды мы бросали силы на заводы, и нас там не слушали. На местах больше нуждаются в силах, чем здесь.

Красинский. Мы должны в своих решениях быть независимы от всех тех организаций, в которые мы входим или в контакте с которыми мы работаем.

---

*) В протоколах часто вместо Ц. И. К. пишется Ц. К.

Венгеров. Вчера было постановлено, что ЦК остается как самостоятельный политический орган, при чем нет необходимости немедленного разъезда.)

После недолгого обмена мнениями п о с т а н о в л е н о:

1. ЦИК 1-го созыва остается как самостоятельный политический орган.

2. Не считая необходимым немедленный отъезд членов ЦК, ЦИК постановил оставить в Петрограде Бюро в составе, не превышающем 25 человек.

3. Члены ЦК, не входящие в состав Бюро, пользуются правом совещательного голоса.

4. Из отделов ЦК сохранить секретариат и финансовый.

5. Считать необходимым издание газеты, выражающей точку зрения ЦИК 1-го созыва.

Секретарь *Е. Сурiц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва

8 ноября 1917 г.

1. Заслушав заявление т. Топера и т. Бройдо о том, что т. Бройдо, как управляющий делами ЦИК, получил от Каменева письмо с просьбой в течение 2 дней сдать все дела ЦИК, Бюро постановило послать Каменеву следующий ответ: «Не считая правомочным II Съезд Советов Р. и С. Депутатов, не признавая избранный им 2-й ЦК, ЦИК может сдать дела только новому съезду и избранному им правомочному органу».

2. *Т. Каменский* поднимает вопрос о будущей деятельности ЦИК. Прежде всего, по его мнению, надо оповестить провинцию обо всем происшедшем, отметить, что ЦК не признал II Съезд съездом, а лишь совещанием. Здесь же ЦИК 1-го созыва должен начать работу, совершенно игнорируя законы и постановления Ленина, не считаясь ни с какими ограничениями. Прежде всего, для этого надо выпустить «Голос Солдата» и «Известия», и это уже будет началом борьбы. Надо также мобилизовать свои силы и вокруг Комитета Спасения. Необходимо выпускать литературу, созвать целый ряд собраний.

Т. Бредэ высказывается против того, чтобы группировать силы ЦК вокруг Комитета Спасения, так как главным центром тяжести должен быть ЦИК. Его задача, это — созыв III Всероссийского Съезда, а для этого, прежде всего, нужна тесная связь с провинцией.

На эту точку зрения становятся и некоторые другие члены ЦК. Возражает т. *Топер,* указывая на невозможность связи с провинцией при существующих технических условиях.

Бюро ЦИК после непродолжительных прений п о с т а н о в и л о:

1. Необходимо группировать вокруг себя советы, стоящие на точке зрения ЦИК 1-го созыва.

2. Войти в связь со всеми советами и армейскими комитетами.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

11 ноября 1917 г.

Председательствует т. Каменский.

1. Бюро ЦИК избрало редакционную коллегию в составе т.т. Венгерова, Каменского и Гамбарова. Решено также пригласить т. Розанова.

2. Бюро ЦИК постановило завтра собрать весь архив ЦИК и сдать его т. Топеру *).

3. Заслушано заявление т. Топера о сложении им с себя звания заведующего финансовым отделом.

4. Бюро ЦИК постановило пригласить к следующему заседанию т. Маевского и предложить ему сдать т. Топеру литературу, принадлежащую литературно-агитационному отделу ЦИК.

5. Заслушано заявление т. Топера о том, что по постановлению президиума он, как заведующий финансовым отделом, из сумм, находящихся в распоряжении ЦИК, выдает Комитету Спасения деньги заимообразно, и что общая сумма уже достигает значительных размеров.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

12 ноября 1917 г.

Заседание открывается под председательством т. Розанова.

Слово берет т. Церетели о настоящем политическом моменте.

Сейчас, — говорит он, — главная задача демократии — объединение своих сил, но не для борьбы с большевизмом, что может оттолкнуть многие, весьма полезные элементы, а для ее собственного укрепления

---

*) В черновике к этому пункту имеется следующее добавление:

«2) Войти в сношения неофициальные (очевидно, с литературно-агит. отделом ЦИК) и предложить им сдать архив в безопасное место».

и для спасения революции. Такие вопросы, как вопросы о мире и о созыве Учредительного Собрания, лучше всего помогут соединить под одним знаменем всю демократию России. Ее стремление должно быть — создание новой власти, власти, организованной на общей твердой программе, власти однородной, демократической, со включением социалистических партий, признающих следующую программу:

1) Уничтожение террора.

2) Учредительное Собрание — единственный хозяин земли.

3) Передача земли Земельным Комитетам.

4) Немедленное признание мира, т.-е предложить союзникам выработать программу мира на демократических началах.

Вся организационная работа ЦИК 1-го созыва должна вестись в этом направлении, и эту линию поведения должен проводить орган его. В настоящее время думать об организации такой власти, конечно, невозможно, и остается только в обращениях, устных и письменных, указывать на гибельность [для] дела революции декретов большевиков и стремиться группировать вокруг себя здоровые элементы, не зараженные большевизмом, а главное — приложить все усилия к скорейшему созыву Учредительного Собрания *).

---

*) В черновике, называемом «стенограммой» заседания (черновик небрежно написан карандашом), речь Церетели приведена в иной редакции. Она настолько интересна, что мы ее приводим целиком.

Церетели. Сила в руках большевиков. Общественные силы тоже на их стороне, но эта попытка не удастся, и вопрос в том, сможет ли демократия удержать. Нет сил, нет организации. Комитет Спасения выработал платформу объединенной демократии. Сейчас нет другого исхода, как попытка мира.

Возможно соглашение с союзниками в вопросе о мире. Сошлось общественное мнение в вопросе об Учред. Собрании. Все сходятся также в отрицательном отношении к большевикам. Возможно ли сейчас соглашение с большевиками в образовании коалиционного министерства с ними? Со стороны большевиков соглашения не будет. Я не верю в реальность соглашения с большевиками на политической платформе, но когда ослабеет та сторона? Все, что происходит за последнее время, доказывает, что отказ от соглашения лишил бы демократию многих элементов, которые могут быть чрезвычайно полезны. Надо взять платформу исключения сомнения в демократии, что силы собираются не для расправы с большевиками, а для объединения и укрепления демократии.

Власть, организованная советами или большевиками, страной не признана. Декреты, изданные большевиками, должны быть отвергнуты потому, что по своему содержанию они губят дело революции, а не потому, что изданы большевиками. Власть должна быть коалиционная. Уничтожение террора. Учредительное Собрание должно быть признано хозяином земли. Немедленное признание мира, т.-е. предложить союзникам выработать программу мира на демократических началах. Передача земли Земельным Комитетам. На этой платформе и должна быть организована власть, власть однородная, демократическая, со включением социалистических партий, признающих эту платформу.

Не будем говорить, что большевики не войдут, если [не?] признают эту программу, но не будем и говорить — соглашение во что бы то ни стало. На этой платформе возможно действие Комитета Спасения.

(*Красинский*... Предположили, что настанет момент, когда такая власть *) сможет быть организована, но что же пока? Ведь фронт начнет расходиться. Надо к чему-нибудь призвать массу. Ведь все живое будет сметено до того момента, когда условия изменятся.

Церетели. Положение ужасное, но организовать сейчас власть нельзя, — это будет авантюра. Сделаем, что можем. Обратимся к армии с указанием, что призыв Крыленко [4]) — гибель. Во всех организациях надо указывать, что наши задачи — хозяйственно-организационные, и мы не можем итти вместе с большевиками к разрухе. Об организации же власти сейчас думать нельзя. Есть еще здоровые организации — Кавказ, Сибирь, и их надо познакомить с программой. Есть только один выход — наше вступление в большевистское правительство, но это еще ухудшит положение, так как тогда всей демократии придется разделить ответственность.

Шиф. Где может быть центр нашей работы — здесь, на местах, или в другом месте?

Церетели. Центр должен быть здесь, сюда будут стягиваться силы. До сих пор Комитетом Спасения было выдвинуто одно знамя — соединение всех социалистов против всяких соглашений. Оно не привлекало, а, напротив, стали выдвигать другое. В начале белой авантюры была сделана попытка создания социалистической власти без большевиков, но эта попытка была неудачной.

Вайнштейн. Я думаю, что разногласия не только в соглашении, а имеется в виду общая социальная сила, которая помешала бы увлечь пролетариат в катастрофу. Если бы состоялось соглашение, то для всей массы, которая скоро разочаруется, не останется ни одной светлой точки, так как для нее только те, которые были против соглашения, и останутся единственно правыми. Всякое ослабление приведет к переходу власти к большевикам. У нас нет моментов единения с большевиками. Только в такие моменты, как корниловщина, можно объединиться для борьбы с контр-революцией. Мы должны вести борьбу с социальными экспериментами.

Ермолаев. Вопрос о соглашении стоял реально десять [дней] тому назад, когда большевики стремились организовать власть и когда в противовес им организовывалась власть демократии. А сейчас это нереально, сейчас же у нас на очереди Учредительное Собрание. Можем ли до его открытия что-нибудь организовать?

Острым стоит вопрос об охране Учредительного Собрания, — всенародная власть или Советы? Мы уже идем на уступки, мы говорим о демократической власти, хотя не верим в нее, говорим об однородной социалистической власти, хотя многие [из нас] сторонники коалиции.

---

*) Власть «однородная, социалистическая, демократическая со включением социалистических партий», признающих основные положения Церетели.

Вайнштейн. Мы не говорим об организации власти, а [говорим] об организации общественного элемента, которым может быть создана власть.

Зарецкая. Большинство не признает большевистской власти, но это большинство не социалистическое, и потому объединение антибольшевистских социалистических масс не имеет народных корней. Для солдатской массы нет разницы между 27 февраля и 24 октября. Для них не ясно, как для нас, что тогда не было захвата власти, а было это 24 октября. Обстановка, в которой мы стоим, чрезвычайно опасна. Придется защищать суверенитет Учредительного Собрания не только от захватчиков, но и от массы, которая не понимает. Кого мы будем представлять в правительстве, — для меня совершенно неясно. Наша задача [с одной стороны] идейная борьба с большевиками, беспощадная, а с другой — стоять на страже против контр-революции...

Каменский. Успех большевистской авантюры объясняется тем, что коалиция недостаточно смело ставила вопросы и разрешила их, как, напр., о мире. Никто не берет на себя организации власти, но мы не хотим уйти с политической арены. До созыва Учредительного Собрания мы должны дать ответ о власти, тем более, что левые с.-р. с Крестьянского Съезда хотят объединиться с ЦИК и создать общую власть [5]). В настоящий момент из тактических соображений нельзя было говорить о коалиции. Наша задача — сплотить не только силы, которые были против большевиков, но расколоть и массу, за ними идущую. Мир может быть заключен только при помощи союзников. Если мы хотим сделаться центром, то мы должны объединить демократию вокруг этой программы.

Бюро ЦИК стоит за создание демократической власти, вокруг которой должны объединиться все силы, признающие [нашу] программу.

Булат. Мы не можем итти вместе с большевиками, но в настоящее время никакая власть не может быть популярна в массе. Единственная власть, которая сможет такой быть, это — власть, созданная Учредительным Собранием. Если и ей не удастся предотвратить.... разгрома, то придет к нам «белый генерал».

Гамбаров. В ближайшие дни все может измениться. На съезде крестьян остаются только левые с.-р. и большевики. Они пошлют своих представителей в тот ЦИК *), и они окажутся в большинстве.

В вопросе о коалиции с цензовыми элементами мы шли на уступки, считая это необходимым, теперь же мы выдвигаем программу, ничего общего с большевистской не имеющую.

Красинский. Все, что здесь говорится, звучит страшной безнадежностью. У нас нет ничего реального и в отношении Учредительного Собрания, так как мы постоянно говорим, что Учредительное Собрание не может быть авторитетом.

---

*) В ЦИК 2-го Съезда.

Церетели. С момента большевистского восстания произошло нечто такое, что исключает возможность коалиции. Вся буржуазия кадетской партии объединена лозунгом кровавой расправы с большевиками. Для меня несомненно, что ликвидация большевистского восстания, это — расстрел пролетариата, и, предвидя это, мы всегда боялись большевистского выступления. Вред, который они сейчас приносят, не так велик [сейчас], как в будущем, когда произойдет расправа с ними. Никакого соглашения не будет с буржуазией там, где будет ликвидация большевистской авантюры. Буржуазия теперь молчит, но это молчание опасно и затопит кровью всю революцию. И с этим надо считаться. В рядах демократии два лагеря — большевистский и антибольшевистский, — весь юг, например... Кавказ выдвинул соглашение с большевиками. Украина, возможно, будет [будущее?] ядро России. Она сумела создать власть. Мы должны иметь в виду, что когда большевики станут в положение падения (?), мы не сможем больше стоять на стороне непримиримости.

Соглашение невозможно с большевиками, пока они сильны, но надо подготовить им отступление, когда в их среде начнется разложение.)

После обмена мнениями принята резолюция, редактирование которой поручено комиссии в составе т.т. Каменского, Вайнштейна, Гамбарова, Венгерова, Басинова, Зарецкой.

В основу этой резолюции положены следующие тезисы:

1. Мы стоим на платформе отрицания власти захватчиков и признаем только власть всей демократии.
2. Вся власть Учредительному Собранию.
3. Переход земель в ведение Земельных Комитетов.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

13 ноября 1917 г.

Председательствует т. Каменский.

1. Заслушано заявление т. Венгерова, члена редакционной коллегии, о том, что для издания газеты требуется разрешение Военно-Революционного Комитета, без коего рабочие не соглашаются печатать.

Бюро ЦИК постановило: ни в коем случае не обращаться в Смольный за разрешением, а убедить рабочих печатать, несмотря ни на какие угрозы.

2. Бюро ЦИК поручило т. Булату позаботиться об автомобиле в распоряжение Бюро и предоставлении одного пуда бензина в распоряжение редакции «Голоса Солдата».

3. Бюро ЦИК постановило обратиться к т. Топеру с просьбой остаться заведующим финансовым отделом.

Вайнштейн. Мы не говорим об организации власти, а [говорим] об организации общественного элемента, которым может быть создана власть.

Зарецкая. Большинство не признает большевистской власти, но это большинство не социалистическое, и потому объединение антибольшевистских социалистических масс не имеет народных корней. Для солдатской массы нет разницы между 27 февраля и 24 октября. Для них не ясно, как для нас, что тогда не было захвата власти, а было это 24 октября. Обстановка, в которой мы стоим, чрезвычайно опасна. Придется защищать суверенитет Учредительного Собрания не только от захватчиков, но и от массы, которая не понимает. Кого мы будем представлять в правительстве, — для меня совершенно неясно. Наша задача [с одной стороны] идейная борьба с большевиками, беспощадная, а с другой — стоять на страже против контр-революции...

Каменский. Успех большевистской авантюры объясняется тем, что коалиция недостаточно смело ставила вопросы и разрешила их, как, напр., о мире. Никто не берет на себя организации власти, но мы не хотим уйти с политической арены. До созыва Учредительного Собрания мы должны дать ответ о власти, тем более, что левые с.-р. с Крестьянского Съезда хотят объединиться с ЦИК и создать общую власть [5]). В настоящий момент из тактических соображений нельзя было говорить о коалиции. Наша задача — сплотить не только силы, которые были против большевиков, но расколоть и массу, за ними идущую. Мир может быть заключен только при помощи союзников. Если мы хотим сделаться центром, то мы должны объединить демократию вокруг этой программы.

Бюро ЦИК стоит за создание демократической власти, вокруг которой должны объединиться все силы, признающие [нашу] программу.

Булат. Мы не можем итти вместе с большевиками, но в настоящее время никакая власть не может быть популярна в массе. Единственная власть, которая сможет такой быть, это — власть, созданная Учредительным Собранием. Если и ей не удастся предотвратить.... разгрома, то придет к нам «белый генерал».

Гамбаров. В ближайшие дни все может измениться. На съезде крестьян остаются только левые с.-р. и большевики. Они пошлют своих представителей в тот ЦИК *), и они окажутся в большинстве.

В вопросе о коалиции с цензовыми элементами мы шли на уступки, считая это необходимым, теперь же мы выдвигаем программу, ничего общего с большевистской не имеющую.

Красинский. Все, что здесь говорится, звучит страшной безнадежностью. У нас нет ничего реального и в отношении Учредительного Собрания, так как мы постоянно говорим, что Учредительное Собрание не может быть авторитетом.

---

*) В ЦИК 2-го Съезда.

Церетели. С момента большевистского восстания произошло нечто такое, что исключает возможность коалиции. Вся буржуазия кадетской партии объединена лозунгом кровавой расправы с большевиками. Для меня несомненно, что ликвидация большевистского восстания, это — расстрел пролетариата, и, предвидя это, мы всегда боялись большевистского выступления. Вред, который они сейчас приносят, не так велик [сейчас], как в будущем, когда произойдет расправа с ними. Никакого соглашения не будет с буржуазией там, где будет ликвидация большевистской авантюры. Буржуазия теперь молчит, но это молчание опасно и затопит кровью всю революцию. И с этим надо считаться. В рядах демократии два лагеря — большевистский и антибольшевистский, — весь юг, например... Кавказ выдвинул соглашение с большевиками. Украина, возможно, будет [будущее?] ядро России. Она сумела создать власть. Мы должны иметь в виду, что когда большевики станут в положение падения (?), мы не сможем больше стоять на стороне непримиримости.

Соглашение невозможно с большевиками, пока они сильны, но надо подготовить им отступление, когда в их среде начнется разложение.)

После обмена мнениями принята резолюция, редактирование которой поручено комиссии в составе т.т. Каменского, Вайнштейна, Гамбарова, Венгерова, Басинова, Зарецкой.

В основу этой резолюции положены следующие тезисы:

1. Мы стоим на платформе отрицания власти захватчиков и признаем только власть всей демократии.
2. Вся власть Учредительному Собранию.
3. Переход земель в ведение Земельных Комитетов.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

13 ноября 1917 г.

Председательствует т. Каменский.

1. Заслушано заявление т. Венгерова, члена редакционной коллегии, о том, что для издания газеты требуется разрешение Военно-Революционного Комитета, без коего рабочие не соглашаются печатать.

Бюро ЦИК постановило: ни в коем случае не обращаться в Смольный за разрешением, а убедить рабочих печатать, несмотря ни на какие угрозы.

2. Бюро ЦИК поручило т. Булату позаботиться об автомобиле в распоряжение Бюро и предоставлении одного пуда бензина в распоряжение редакции «Голоса Солдата».

3. Бюро ЦИК постановило обратиться к т. Топеру с просьбой остаться заведующим финансовым отделом.

4. В виду окончательного отказа т. Топера Бюро предлагает т. Булату принять у т. Топера денежные дела ЦИК.

5. Бюро ЦИК постановило впредь ассигновки Комитету Спасения выдавать только с разрешения и за подписью 3 членов президиума, при чем до 16 ноября выдать сумму не свыше 3.000 рублей.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

16 ноября 1917 г.

Председательствует т. Филипповский.

1. Бюро ЦИК избрало ликвидационную комиссию в составе т.т. Колерова, Бронзова и Филипповой.

2. Бюро ЦИК постановило все суммы, расходуемые на общие дела, брать из пожертвованных сумм, находящихся в распоряжении ЦИК.

3. Постановлено посылать орган ЦИК «За Свободу» в армейские комитеты и вообще принять меры к наибольшему его распространению, и с этой целью, в виду тех препятствий, которые большевики ставят продающим ее, призвать для ее распространения добровольцев *).

4. Бюро ЦИК постановило передать все технические дела газеты специально избранной для этой цели коллегии, которая носила бы вместе с тем характер издательской коллегии. В коллегию избраны т.т. Бредэ и Фрейдин **).

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

17 ноября 1917 г.

Председательствует т. Филипповский.

(Присутствуют: Каменский, Шиф, Венгеров, Бинасик, Бройдо, Богданов, Якубович, Топер, Сомов, Рабинович, Гамбаров, Дейс.)

---

*) В черновике по вопросу «О газете» имеются содержание речи Топера и замечание Бредэ.

«*Топер*. В «Голосе Солдата» очень скверно поставлено техническое обслуживание. Неправильно поставлена рассылка. Надо было бы послать на ближайшую станцию курьера, который оттуда бы ее отправлял, так как по почте это рискованно. Надо было бы также для экономии послать людей в полковые комитеты, которые столковались бы о форме рассылки.

Бредэ. Несомненно, мы несем убыток, тем более, что падает тираж газеты».

**) 4-й п. принят по предложению Каменского.

1. Доклад т. Евреинова о газете «За Свободу», бывший «Голос Солдата».

При настоящих тяжелых условиях распространения и дороговизне бумаги газета сама себя оплатить не может, и для ее существования после 1(2?) декабря необходимо 50 тысяч рублей в месяц, на ликвидацию же 20 тысяч руб. До настоящего времени газета печаталась в 12.000 экз., из которых 5.000 доставляется Комитету Спасения, остальные распространяются с трудом, так как некоторые артели отказываются ее брать. Не посылается газета и в провинцию: с одной стороны, встречаются затруднения при пересылке, а с другой — каждая перемена заглавия (которых за это время было 6) [6]) несет почтовый расход в 2.000 рублей.

Заслушав доклад тов. Евреинова, заявление т. Топера о том, что Комитет Спасения берет на себя часть расходов по изданию газеты при условии соответствующей ее постановки для успешного распространения в городе, и пожелание члена Бюро [Каменского] о посылке делегата в Ставку [7]) на общеармейский съезд для возбуждения вопроса о посылке газеты в армейские комитеты *), Бюро ЦК п о с т а н о в и л о:

1. Ассигновать 2.000 руб. на посылку газеты в провинцию.
2. Делегировать кого-нибудь в Ставку на съезд.
3. Послать газету на фронт по отдельным адресам.
4. Просить контору редакции выписать счет Комитету Спасения.
5. Разослать газёту петроградским ротным комитетам.

2. Заслушивается доклад т.т. Бронзова и Топера, посетивших по поручению Бюро автомобильный гараж.

Команда, признавая ЦК 1-го созыва собственником гаража, вместе с тем признает полномочным новый ЦК (особенно с момента присоединения Крестьянских Советов).

---

*) Приводим некоторые дополнения по черновику протокола.

«Шиф. «Рабочая Газета» уже получила от одной армии известие, чтобы газеты не посылать. Пока можно послать только на Румынский и на Юго-Западный фронт.

Каменский. Надо наладить снабжение фронта. Надо отправить газету на армейский съезд в Бердичев и в Ставку. Без аппарата снабжения газета должна еще до 1-го прекратить существование.

Шиф. Надо несколько человек разослать по армиям, чтобы они там организовали это дело.

Каменский. ЦК может дать только средства.

Сомов. Комитет Спасения должен был послать в армию 6 человек. Должен был приезжать курьер из Ставки и забирать [газету], но до сих пор никто не приезжал. Можно отправлять только в штабном вагоне, который не подлежит осмотру.

Каменский. Вопрос в том, может ли Ставка дальше отправлять?

Шиф. Тогда армейские комитеты получат газету через $1^1/_2$ недели. Единственный выход — посылка багажом и на частные адреса.

Сомов. Надо поднять этот вопрос в Ставке на съезде.

Рабинович. Надо послать кого-нибудь на общеармейский съезд.

Евреинов предлагает завтра послать газету по всем имеющимся в «Голосе Солдата» адресам».

В воскресенье там состоится собрание, на котором выступит Рязанов, и желательно присутствие членов Бюро. Для сохранения за собою гаража ЦК должен оставить всю команду и позаботиться о ее содержании и питании.

Приглашенный на настоящее заседание заведующий автомобильным отделом И. К. Совета Кр. Д. знакомит Бюро с постановкой дела у них.

Бюро ЦИК п о с т а н о в и л о:

1. Делегировать завтра для окончательного выяснения дела т.т. Бронзова и Топера *) в гараж.

2. Временное заведывание гаражем передать персонально заведующему автомобильным отделом И. К. Совета Кр. Д.

3. Выдать автомобильному отделу И. К. Совета Кр. Д. просимую им субсидию в размере 11.000 рублей.

Т. Топеру поручается оформить эту субсидию.

3. Заслушав заявление т. Топера, что существующий при ЦИК отдел по выборам в Учредительное Собрание хочет возобновить свое существование и желает с 25 ноября открыть политический университет, что будет стоить не больше 10.000 рублей, Бюро п о с т а н о в и л о пригласить представителей отдела т.т. Брамсона и Хазанова завтра на заседание Бюро, в 4 часа, для доклада по вопросу об университете.

4. П о с т а н о в л е н о пригласить представителей ЦК в Комитет Спасения завтра на заседание Бюро, в порядке дня которого — доклад о деятельности Комитета Спасения и задачи ЦК **).

Секретарь *Е. Суриц.*

---

*) По черновику протокола, в гараж, кроме Бронзова и Топера, посылается заведующий автомобильным отделом Совета Крестьянских Депутатов.

**) По 4-му пункту в черновике приводятся следующие прения:

«*Бройдо*. Для связи ЦК с Комитетом Спасения, ЦК, очевидно, ничего не делает, тогда как Комитет Спасения нуждается в работе Бюро. [Необходимо] сделать строгий учет членам ЦК, и жалованье должны получать только те, которые работают. Никакой принципиальной разницы между этими двумя организациями [нет], и они должны слиться или [ЦИК должен] хотя бы послать туда работников.

Топер. У нас пока нет никаких условий для политической работы в Петрограде, а в провинции [они есть]; и ничто не изменится, если мы войдем в [петроградский] Комитет Спасения, который тоже должен был бы уменьшить свои силы здесь и послать их в провинцию.

Каменский. Никто не запрещает членам ЦК работать в ЦК. (?)

Бройдо. Именно в Петрограде есть работа в связи с созываемым Учредительным Собранием. Мы обменялись ролями с большевиками. Они, понятно, не могут итти в массы, и должны мы итти туда, тем более, что там совершается перелом.

Топер. Массы настроены против нас, и в настоящее время мы ничего... сделать не можем.

Каменский. Конкретно нам ничего не предложил Бройдо. Мы просили его представить краткий отчет о Комитете Спасения, и мы вынесем наше решение.

Якубович. Просить наших представителей в Комитете Спасения представить подробный отчет о деятельности Комитета Спасения и тоже вынести решение.

Бинасик. Прежде всего мы должны решить вопрос о наших [задачах] как ЦК».

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

19 ноября 1917 г.

Председательствует т. Каменский.

Доклад т. Брамсона о политическом университете.

В отделе по подготовке Учредительного Собрания, представителем коего является т. Брамсон, давно явилась мысль об открытии университета, имеющего целью познакомить наиболее широкие массы с вопросами, касающимися Учредительного Собрания. Сейчас предполагается открыть курсы с более широкими задачами, и обращено будет особое внимание на контингент слушателей — на привлечение главным образом солдат и рабочих. Приглашены лектора-специалисты *) как по вопросам, касающимся Учредительного Собрания и экономическим, так и по вопросам партийным, так как предполагается ознакомить слушателей со всеми течениями из истории большевизма. Программа курсов охватывает еще целый ряд других вопросов, как вопросы о земле, о войне и мире, о самоуправлении, политические и целый ряд других. Средства они предполагают получить из Комитета Спасения, но надеются получить субсидию и от ЦК Совета Р. и С. Д. 1-го созыва.

Вопрос об открытии таких курсов не вызывает никаких прений в Бюро ЦК, разногласие только по поводу названия курсов.

(*Розанов*. Не следует открывать курсы ни от имени ЦК 1-го созыва, ни от имени Комитета Спасения, а организовать только как курсы, тогда на них пойдет большее количество людей, что важно, особенно если туда пойдут и большевики.)

Т. Брамсон предлагает учредить Лигу Учредительного Собрания, внефракционную и совершенно самостоятельную, что привлекло бы большее количество слушателей, тогда как фирма ЦК 1-го созыва или Комитета Спасения придаст им боевой характер. [Эта Лига], (формально существующая самостоятельно с отдельными отделами, как Охрана Учредительного Собрания, пропагандистским, литературным, а мы ее будем субсидировать.

Бронзов. Мы должны субсидировать, если это продолжение работы нашего отдела Учредительного Собрания, но мы имеем ли право тратиться, если Лига будет существовать самостоятельно.

Брамсон. Я желаю, чтобы Лига существовала на средства Комитета Спасения, который потом вернет нам деньги.

Топер. Нам надо: первое — наметить, что университет должен быть внефракционным, а пока не надо смешивать его с боевым органом, впоследствии мы можем сделать [его] центром.

---

*) В черновике указаны следующие фамилии приглашенных лекторов: Дан, Церетели и Розанов. Последний должен был читать по вопросу о войне и мире.

Розанов. Надо изобрести название, что это просветительный орган.

Брамсон. Тогда просто можно устроить отделение при курсах Лутугина.

Бредэ. Ради чего создавать сейчас такие громоздкие учреждения? Надо концентрировать внимание вокруг Учредительного Собрания. Университет будет группировать около себя силы здесь, в Петрограде, и тратить средства только на петроградское население — ошибочно. Надо собрать лекторов, субсидировать их, чтобы они разъехались по всей России.

Брамсон. Этот проект можно передать на рассмотрение отдела Учредительного Собрания.

Розанов. Надо поставить в порядок дня.

Брамсон. Я предлагаю передать на рассмотрение отдела Учредительного Собрания вопрос о передвижных лекциях и представить доклад. Брамсон поддерживает свое предложение учредить Лигу.

Хазанов. Я стою за старую фирму, которая была популярна и существовала автономно от центра.

Брамсон. Можно сказать, что по инициативе ЦК возникла Лига.)

В результате прений Бюро ЦК п о с т а н о в и л о: отдел Учредительного Собрания ЦК 1-го созыва продолжает курсы по вопросам, касающимся Учредительного Собрания.

2. Т. Каменский возбуждает вопрос о том, как будет реагировать ЦИК 1-го созыва на декрет о роспуске городской думы [8]). Недостаточно, по его мнению, одного обращения, как решил Комитет Спасения, а ЦК должен действовать более активно. Он должен обратиться в провинцию, поднять там голос в борьбе за свободу и предложить устроить ряд демонстраций. Что же касается Петрограда, то на сегодняшнем заседании районных дум должны быть наши представители, которые должны поднять вопрос об отмене декрета и о возможности в крайнем случае забастовки продовольственной управы.

(*Топер.* Надо повести кампанию, но нельзя быть уверенным, что продовольственная управа пойдет за нами, и что эта угроза не пойдет против нас. Масса, если ее лишат хлеба, пойдет против нас. Надо предложить им: каждая районная дума должна два-три раза в неделю поднимать на своих собраниях вопрос о роспуске думы. Надо увеличить сочувствие масс к нам.)

После непродолжительных прений Бюро ЦК п о с т а н о в и л о:

Обратиться к рабочим и солдатам с воззванием бороться против роспуска думы. В случае вмешательства большевиков в работу выдвинуть вопрос о забастовке. На имеющееся сегодня состояться заседание районных дум делегируются т.т. Гамбаров и Каменский.

3. Бюро ЦИК постановило выпустить обращение к населению — не заполнять разосланные еще до октябрьского переворота подписные листы, на которых обозначен адрес Смольного.

4. Бюро ЦИК приняло предложение т. Топера, уже не состоящего заведующим финансовым отделом, продолжать подписываться тако-

вым на официальных документах, относящихся к финансовому отделу.

5. Постановлено уплатить за книги по счетам отдела по выборам в Учредительное Собрание.

6. Установлены следующие дни заседаний Бюро: по вторникам, четвергам и субботам.

7. Т.т. Гамбарову и Каменскому поручено обсудить вопрос о воззвании по поводу созыва Учредительного Собрания.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

21 ноября 1917 г.

Председательствует т. Филипповский.

(*Филипповский*. Розанов согласен войти в редакцию «За Свободу», но под известным условием. Комитет Спасения имеет возможность распространять ее всюду, как и большевистские органы. Он желает [занять] место шефа в газете.

Каменский предлагает отложить вопрос до прихода Гамбарова и Венгерова, а прежде надо выяснить, вышел ли номер «За Свободу».

...Орган Комитета Спасения выходить не может. Решено совместно с ЦК объединить все литературные силы и образовать общий орган. Орган остается ЦК, но в редакцию входит Розанов, который привлечет еще сотрудников. Розанов желает быть шеф-редактором.

П о с т а н о в л е н о: предложить т. Розанову войти в редакционную коллегию, которая должна быть расширена в своем составе т.т. Каменским и Ивановским *).

Филипповский переходит к вопросу об уничтожении различия между членами Бюро и членами ЦК вообще. [Предлагает] уничтожить [существующие] организационные формы.

Каменский. Надо заместить уехавших членов Бюро, и надо их возместить и сделать это обычным порядком—через фракцию. Но нельзя согласиться на то, чтобы члены ЦК могли принимать участие в решениях президиума. Можно уничтожить президиум, но Бюро может собираться 3 раза в неделю.)

1. Бюро постановило отсутствующих членов Бюро заместить новыми обычным порядком — через фракции.

2. О ликвидационной комиссии.

Бюро ЦК, утвердив избранную уже им ликвидационную комиссию, в составе т.т. Колерова, Бронзова и Филипповой, поручило ей завести по новым счетам приходо-расходную книгу.

---

*) Оратор не указан. Последние 7 строк до выступления Филипповского взяты из конца черновика.

Т.т. Колерову, Бронзову, совместно с т. Филипповой, поручено разрешить вопрос о функциях ликвидационной комиссии.

3. На заседании присутствует член государственного комитета при министерстве народного просвещения.

На целый ряд предложенных им вопросов от имени нашей делегации в этом комитете Бюро ответило следующее:

1) ЦИК 1-го созыва просит наших делегатов остаться в совещании при министерстве народного просвещения [9]), при условии полной независимости и обязательности голосования.

2) Не получив права от ЦК на расширение совещания, они, конечно, не могут принять делегации от нового ЦК.

3) Наши делегаты в совещании входят в контакт с федеративными областными комитетами по вопросам народного образования.

4. О газете.

Утверждена редакционная комиссия в составе т.т. Гамбарова, Венгерова, Ивановского, и предложено войти в нее т. Розанову. Т.т. Филипповскому и Колерову поручено спросить у т. Розанова, считает ли он себя членом Бюро.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ *)

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

23 ноября 1917 г.

Председательствовали т.т. Филипповский и Бронзов.

1. Бюро ЦК признало желательным создание Союза Защиты Учредительного Собрания [10]), — объединенный Комитет социалистических партий и демократических организаций, — в состав которого войдут и члены ЦИК 1-го созыва.

2. Т.т. Колеров и Филипповский делегируются на объединенное заседание демократических организаций для разработки устава Союза и обсуждения связанных с ним организационных вопросов.

3. Бюро ЦК, признавая желательным образование реальной силы для защиты Учредительного Собрания, окончательное разрешение этого вопроса предоставляет самому Союзу.

4. Бюро постановило своей подписи под воззванием демократических организаций к армии не давать.

5. Заслушан доклад ликвидационной комиссии т. Колерова. Ликвидационная комиссия выработала следующие принципы нормы оплаты труда членов ЦК.:

Жалованье получают только члены Бюро (из числа 25), и только те из них, которые действительно несут какую-нибудь работу, кроме

---

*) На этом протоколе имеется надпись: «Утверждено Бюро Ц. К. 25 ноября».

присутствия на заседаниях Бюро, и не имеют доходов, помимо ЦК, в других общественных организациях.

Командировочные оплачиваются отдельно, в размере, устанавливаемом ликвидационной комиссией каждый раз отдельно.

Члены Бюро, отдающие работе больше времени, чем другие, получают оклад выше нормы, по заключению ликвидационной комиссии. Предполагается также повысить жалованье заведующему финансовым отделом.

Бюро ЦК, утвердив принципы, разработанные ликвидационной комиссией, предложило ей выяснить также вопрос о выдаче жалованья за ноябрь членам ЦК и сотрудникам ЦК, работающим в Комитете Спасения, и представить на утверждение Бюро.

6. Т. Бредэ просит внести в протокол протест против такого решения вопроса, — о выплате жалованья членам ЦК, работающим в Комитете Спасения, — и о том, что он настаивал, что было постановление ЦИК о выдаче жалованья только членам Бюро.

7. Т. Бредэ берет на себя временное заведывание доставкой литераратуры.

8. Т. Данилову поручена организация распределения литературы в Москве *).

9. Постановлено на следующем заседании Бюро выяснить вопрос о времени заседания Бюро.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Депутатов 1-го созыва.

25 ноября 1917 г.

Председательствует т. Бронзов.

На заседании присутствуют т.т. Бредэ, Бронзов, Колеров и Рабинович. Т. Данилов присутствует только в начале заседания. (Т. Каменский пришел, но не остался. Некоторые члены, находящиеся в здании, отказались [принимать участие]).

1. Заслушан доклад ликвидационной комиссии т. Колерова.

Знакомясь с делами ЦИК, ликвидационная комиссия нашла некоторые вопросы финансового характера темными и недостаточно ясно освещенными. Прежде всего, вопрос о гараже и о выданных т. Быстрову деньгах для расплаты с командой. Всего было выдано т. Быстрову 13.000 рублей, имеется же расписка только на 12.000, а одна тысяча была ему передана. Второй вопрос, недостаточно ясный, — это о день-

*) В черновике, вместо слов: «в Москве», написано: «в провинции»; очевидно, снабжение провинции литературой предполагалось организовать через Москву (см. прот. от 28/XI).

гах, выдаваемых Комитету Спасения. Всего до настоящего момента уже выдана сумма в 94.000, и хотя якобы с санкции президиума, но в протоколах никаких указаний нет.

Ликвидационная комиссия выработала следующие нормы оплаты труда членов ЦК и сотрудников: члены Бюро, работающие в Комитете Спасения, но не получающие жалования там, получают в ЦИК. Сотрудники Комитета Спасения и отдела по Учредительному Собранию получают за ноябрь жалование: половина от Комитета Спасения, а половина от ЦИК, с 1-го же декабря никто из них жалования получать не должен *).

Т. *Топер* дает разъяснения по поводу денег, выданных т. Быстрову. Согласно постановления Бюро, ему, как заведующему, суммы выдавались под отчет, который он и сдаст по приезде. Что же касается переданных ему одной тысячи рублей, то, в случае непризнания их т. Быстровым, он покроет их из собственных средств, но не сомневается в том, что т. Быстров, который действовал по распоряжению ЦИК и отъезд которого состоялся внезапно, возможно, не успел раздать денег команде; во всякую минуту, когда потребует ЦК, сдаст полный отчет.

В настоящее время это было нежелательно и не безопасно для него.

В виду того, — продолжает т. Топер, — что в своем докладе т. Колеров старался набросить тень на его деятельность, как заведующего финансовым отделом, он требует образования ревизионной комиссии, которая должна в 2-недельный срок рассмотреть его действия, как заведующего финансовым отделом.

Т. *Колеров* просит занести в протокол, что в докладе им не было упомянуто о туманных действиях заведующего финансовым отделом, и отклоняет всякую мысль о каких-либо подозрениях по адресу т. Топера.

Бюро ЦИК постановило все вопросы, относящиеся к ликвидационной комиссии, перенести на следующее заседание.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Депутатов 1-го созыва.

28 ноября 1917 г.

Председательствует т. Бронзов.

На заседании присутствуют члены Бюро: т.т. Бобыль, Басинов, Бронзов, Гамбаров, Булат, Бредэ, Данилов, Ивановский, Каменский, Розанов и член ЦИК Игнатенко.

---

*) В черновике протокола имеется следующее постановление: «Постановлено выдать 200 руб. вспомоществования юнкеру на отъезд».

1. Заслушав заявление приехавшего из Стокгольма т. Геллера, являющегося там представителем Бунда, о желании его прочесть Бюро доклад о желательности связи ЦК 1-го созыва с Стокгольмом и о финансовом положении нашей делегации, Бюро постановило пригласить т. Геллера на заседание Бюро в четверг, 30 ноября, в 5 часов дня.

2. В виду сделанного в частном собеседовании с секретарем Зилотти заявления о желательности присутствия членов Бюро в Мариинском театре на спектаклях и о возможности предоставления им ложи, Бюро постановило послать дирекции Мариинского театра официальное письмо.

3. Бюро ЦК приняло к сведению заявление т. Басинова об его отъезде по вызову военного начальства.

4. Бюро ЦК, приняв к сведению заявление т. Филипповой в ликвидационную комиссию о сложении ею с себя обязанностей члена ликвидационной комиссии по причинам принципиального характера, постановило пригласить т. Филиппову в четверг на заседаниие Бюро.

5. Постановлено рассмотреть в следующем заседании Бюро заявление т. Топера об избрании ревизионной комиссии для обследования в 2-недельный срок его деятельности на посту заведующего финансовым отделом ЦИК.

6. Бюро ЦК решило снять пока с очереди, оставив его открытым, вопрос о поведении членов Бюро в случае ареста Бюро, как такового, в целом или части его.

7. Заслушан доклад т. Данилова о снабжении провинции через Москву литературой. В провинции, действительно, ощущается большая надобность в литературе. Благодаря удавшейся ему организовать в Москве ячейке, есть возможность распространять ее на фронте и в городах среди рабочих. Весь вопрос в средствах. Частью расход может быть возвращен продажей среди рабочих, но самая большая часть, идущая на фронт, раздается бесплатно.

Бюро ЦИК постановило отложить окончательное разрешение вопроса до организации правильной постановки типографского дела газеты «За Свободу».

8. В виду отказа т.т. Ярошевского и Евреинова признать редакционную коллегию, согласно постановления Бюро ЦИК, высшим органом по управлению типографией, Бюро ЦИК поручает т.т. Бобылю, Бронзову и Данилову переговорить с владельцем типографии, с т. Евреиновым и Ярошевским, подтвердить постановление Бюро и обязать т. Евреинова подчиниться директивам редакционной коллегии и т. Ярошевского устранить.

Предложение т. Евреинова о включении его в редакционную коллегию отклонить, оставив за ним заведывание хозяйственной частью.

9. По докладу ликвидационной комиссии принято:

1) Вызвать т. Быстрова для личных объяснений и отчета о суммах, находящихся в его распоряжении для расплаты с командой своего гаража.

2) Поручено ликвидационной комиссии выяснить вопрос о возврате Комитетом Спасения субсидии, как взятой заимообразно из специального фонда, находящегося в распоряжении ЦИК, и подлежащей возвращению.

3) Утвердить следующее заключение ликвидационной комиссии, что: а) члены ЦИК, равно как сотрудники, работающие в Комитете Спасения, жалования за декабрь из кассы не получают.

б) Утвердить выдачу жалованья т. Кону.

в) Всякого рода заявления о пособиях, жаловании и ссудах должны в письменном виде поступать на рассмотрение ликвидационной комиссии.

4) Жалованье за декабрь в виде аванса не выдавать раньше декабря.

5) Сметы отдела Учредительного Собрания должны быть представлены в Бюро через ликвидационную комиссию, а текущий счет упомянутого отдела должен быть под контролем ликвидационной комиссии.

6) Уплатить т. Когану содержание за ноябрь — 400 рублей.

10. Бюро ЦИК назначило т. Бронзова заведующим и управляющим делами ЦК, возложив на него обязанность подготовлять порядок дня заседаний Бюро и приведение в исполнение постановлений его.

11. Бюро признало принципиально желательным обработку материалов (протоколов), относящихся к деятельности ЦИК 1-го созыва.

12. Бюро ЦК поручает т. Булату войти в переговоры с с.-р. фракцией о предоставлении в распоряжение членов Бюро известного количества билетов на право посещения заседаний Учредительного Собрания.

13. По поводу открытия Учредительного Собрания Бюро ЦК постановило:

1) В случае повторения демонстрации принять в ней участие.

2) Послать на открытие Учредительного Собрания делегацию с приветствием от ЦИК.

3) Выработать содержание приветствия Учредительному Собранию на следующем заседании Бюро.

4) Войти в контакт со всеми организациями по устройству демонстрации, особенно с рабочими районами, что возлагается на обязанность т. Каменского.

5) Ассигновать на расходы по организации демонстрации сумму до 10.000 рублей.

6) Заведывание плакатами поручено т.т. Данилову и Бобылю.

14. Заслушав заявления т. Бредэ о результатах его переговоров с латышским батальоном, вызванным для разгона Учредительного Собрания, но стоящего в самом деле на точке зрения охраны его, Бюро ЦК п о с т а н о в и л о:

1) Завязать связь с этим батальоном.

2) Поручить т. Бредэ войти с ними в полный контакт.

3) Т. Розанову поручено составить листовку с обращением к латышам.

4) Послать телеграммы по всей России о первом дне Учредительного Собрания.

Секретарь *Е. Сурiц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

30 ноября 1917 г.

Председательствует т. Безобразов.

(Присутствовали: Каменский, Бредэ, Рабинович, Гамбаров, Безобразов, Бинасик, Филипповский, Данилов, Булат, Бобыль, Скалов, члены ЦК Брамсон, Соколов) *).

(1. О ликвидационной комиссии.

Бронзов. Т. Филиппова была приглашена сегодня на заседание Бюро для разрешения некоторых финансовых вопросов. Она была приглашена в члены ликвидационной комиссии, но прислала отказ; т. Колеров не приходит. Нужна ли ликвидационная комиссия или нет?

Филиппова. От моего имени, как члена ликвидационной комиссии, были оглашены некоторые постановления и заявления, о которых я ничего не знала. Не желая, чтобы от моего имени делались подобного рода заявления, я отказываюсь.

Бронзов. В деле с Быстровым и с Комитетом Спасения имя Топера было упомянуто лишь постольку, поскольку он имел к этому отношение, как бывший заведующий финансовым отделом. Я не могу работать в ликвидационной комиссии, так как [не могу] быть ответственным и не иметь возможности ничего сделать, наталкиваясь на всякого рода недоразумения.

Каменский. У меня есть более важные вопросы: об арестованных кадетах, о листовках и газете).

В виду выдвигаемого т. Каменским более важного вопроса об арестах, вопрос о ликвидационной комиссии откладывается до следующего заседания.

2. Об арестах к.-д. [11]).

(Каменский. Я предлагаю выбрать делегацию, отправить в Смольный и узнать, как их содержат, действительно ли их истязают. Предлагаю обратиться к партиям, входящим в состав ЦК, для выбора делегации в Смольный и завтра, в 5 часов дня, собраться здесь и пойти в Смольный и узнать, как содержатся [арестованные].

---

*) В конце черновика протокола от этого же числа перечислен несколько иной состав присутствовавших на заседании: Каменский, Гамбаров, Бинасик, Рабинович, Бронзов, Брамсон, Бредэ и Дейс.

Каменский предлагает еще выпустить листовку об аресте к.-д., не как таковых, а как членов Учредительного Собрания.)

Бюро ЦК постановило предложить ЦК партии к.-д. выбрать делегацию, которая должна явиться сюда завтра, в 5 час. дня, и пойти в Смольный узнать, как содержатся арестованные. Поручить т. Гольдману выпустить листовку об аресте к.-д., не как таковых, а как членов Учредительного Собрания.

(3. О газете.

Заслушаны сотрудники, которые указывают, что они создали газету. Органом всегда управлял ЦК, но техническое управление было в их руках. Когда была послана наша коллегия, они ее приняли, но поставили условия, т.-е. отстояли внешний вид газеты. Когда явился Ивановский, между ним и Ярошевским произошли недоразумения. Когда Ярошевский отказался изменить внешний вид, он сказал, что газета не выйдет. Вот условия сотрудников:

1) Бюро ЦК берет назад свой отказ Ярошевскому.

2) Евреинов остается полноправным членом редакционной коллегии.

3) Мы имеем право отвода членам ЦК, если они не знают газетного дела.

4) Техническая часть остается за ними, они не вмешиваются в содержание и направление газеты.

Каменский. Считаем невозможным и недопустимым подобное отношение к ЦК. Постановление о Ярошевском не будет применено, так как в лице Ивановского оскорблен ЦК. Если бы Ярошевский просто сказал, что он все это сделал, и сказал потом, что погорячился, вопрос мог быть ликвидирован. Членом редакционной коллегии может быть только член Бюро. Члены редакционной коллегии не будут в техническую сферу вмешиваться. Если хотите и находите возможным, можете бросить издание газеты, если находите возможным в такой момент оставить нас без газеты.

Сотрудник. Мы не изменили своих условий.

П о с т а н о в л е н о:) По поводу инцидента Ивановский — Ярошевский избрать комиссию, в которую войдут и представители коллектива сотрудников и наборщиков, которые пересмотрят материалы и доложат Бюро. Ярошевский пока числится на службе, но не работает. В состав комиссии входят т.т. Бинасик и Рабинович.

4. Вопрос о т. Евреинове передать редакционной коллегии.

5. Поручить т. Розанову снестись с нашей заграничной делегацией по поводу информационных сведений.

6. Констатируя, что в прошлых заседаниях Бюро не было намека на недоверие к т. Топеру, просить его взять обратно официальное письмо о сложении с себя обязанностей и звания заведующего финансовым отделом и на следующем заседании Бюро, в присутствии т.т. Топера и Филипповой, рассмотреть окончательно этот вопрос.

7. ЦИК берет на себя половину расходов по распределению газеты.

8. Разрешить финансовому отделу уплатить счета по Учредительному Собранию.

9. Т. Каган уплатить жалованье за ноябрь.

Секретарь *Е. Суриц* *).

ПРОТОКОЛ

заседания ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва

3 декабря 1917 г.

Присутствуют: т.т. Розанов, Бредэ, Безобразов, Якубович, Скалов, Бронзов, Игнатенко и Басинов.

Председательствует т. Розанов.

Вопрос идет о дальнейшем существовании ЦИК 1-го созыва. Вопрос этот вызывает некоторые прения.

(Безобразов. Если нет у нас условий для продолжения правильной работы, ЦК должен прекратить свое существование.

Якубович. Не признавая нового ЦК, мы ответим—1-му [ЦИК] нельзя прекратить официально своего существования, пока не будет другого ЦК, другого полномочного съезда.

Бронзов. Речь идет не об официальном, а о фактическом существовании.

---

*) В черновике имеется следующий доклад Булата, сделанный им после предложения Каменского перейти к обсуждению вопроса об аресте кадетов.

«Доклад Булата. Вчера в Таврический явилось человек 30 [12], пришедших справиться [избраны ли они в Учредительное Собрание]. Их проводили в 42-ю комнату, в которой их встретил Урицкий, который сказал, что он не знает, избраны они или нет, что сведения об этом дает комиссия. Не давали собираться [не?] членам Учредительного Собрания в кулуарах, а журналистам; тогда Булат узнал, что комиссия по Учредительному Собранию находится в соседней с Урицким комнате. Они решили устроить заседание; часть пропустили, а другую задержали. Они уговаривали часовых, указывая, что они — народные избранники. Покровский открыл заседание. Указывал, что их мало, [что] надо заседание отложить на завтра, в 1 ч. Сегодня с с.-р. заседание (20 чел.). Отправились туда. Пошли в библиотеку, позвали журналистов, стенограф[исток], открыли заседание.

Является Благонравов с вопросом, что за собрание. Его спросили, кто он. — Комиссар. — Его спросили: представитель ли он революционной силы? — Да. — Здесь могут быть те члены, которые получили пропуска из комнаты 48. Члены отказались брать там пропуска и разойтись и подчиняться вооруженной силе. Он привел 5 матросов и латышей, потребовали удостоверения, велели разойтись. Ответили, что уйдут по составлении протокола. Протоколы можно писать, где угодно. Велел солдатам взять и вывести. Велел привести еще 50 чел. Протокол составили, подписали. Благонравов отказался подписать.

Мокс (?). В такой важный политический момент, когда происходит дробление партий, значение ЦК может быть значительным.

Его задача — объединение всех партий, за исключением крайне левых и крайне правых. Конечно, работа сильно затруднена тем, что она может быть только нелегальной. Надо создать такие организационные комиссии, которые под видом просветительной цели объединились [бы]. В таком виде ЦК продолжать свое существование не может, но уйти он должен с честью, а не позорно.

Бредэ. Мы не признаем того ЦК; наша задача созвать новый съезд и создать новый ЦК. Я и раньше предуказывал, что мы в Петрограде ничего не сделаем. И так и оказалось. При условиях террора мы здесь работать не можем. Мы должны обосноваться в центре России, там, где советы стоят на нашей платформе. Можно, конечно, оставить здесь маленькое Бюро, но надо в таком случае устроить областные Бюро. Для этого надо призвать всех распущенных нами членов ЦК. Мы здесь ничего не сделаем. Мы выпустили листовку, но она разошлась в Петрограде, а в провинции ничего не знают.

Розанов. Мы решили тогда *) существовать в виде протеста против Съезда и против нового ЦК. Но этот месяц показал, что мы в действительности не существуем и не можем существовать. Еще до Съезда я думал, что советские организации разлагаются. Созвать второго съезда не удастся ни нам, ни большевикам. Пошла гражданская война. Там, где советы противятся большевикам, они или уничтожаются, или отрываются от массы.) Только, пожалуй, на Кавказе они стоят на прежней платформе, но они стали органами национального кавказского краевого управления, и на них мы опираться не можем. Сейчас, значит, перед нами неминуемо становится вопрос о ликвидации ЦИК, но трудно сказать, в какой форме ее произвести. (Советы больше не возродятся, исполнив всю ту работу, которую надо было сделать. Сейчас вопрос не в этом. Если будет Учредительное Собрание, то оно, может быть, отведет представительство Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Вопрос в том только, как целесообразнее ликвидировать, в какой форме. Мы, конечно, не можем признать нового ЦК, помимо того, что он неправильно избран, а по своей линии. Возможно, что правильнее подождать Учредительного Собрания и тогда издать декларацию, [что мы] прекращаем свое существование и сдаем ему свои дела.

Басинов. Я думаю, что мы сейчас сыграли бы на руку большевикам, если бы мы сейчас прекратили свое существование. Мы, может, должны сократиться, оставить, напр., Бюро в 5—6 человек, но совершенно ликвидироваться тогда, когда ясно будет, что роль советов сыграна.

Ивановский. Уже давно ЦК не исполняет функций государственных, но, как политическая организация, он существует, как все комитеты партии. Наша задача — всеми силами содействовать открытию Учре-

*) После Октябрьского переворота.

дительного Собрания. В первые дни оно будет нуждаться в помощи всех организаций. Возможно, что нам придется иметь дело еще и с реакцией.

Каменский. Мы не можем ликвидироваться, как орган местный, как центральный, без решения районных, провинциальных советов. Я предложил бы созвать [на совещание] всех членов ЦК, находящихся на съездах меньшевиков и с.-ров. Мы узнаем, как умирают другие областные советы.

Бредэ. Я, конечно, не говорил о полной ликвидации, но подходил к этому вопросу с точки зрения будущего. Из совещания, которое предлагает Каменский, ничего не выйдет, хотя это и важно с информационной точки зрения. Предстоит конфликт между Учредительным Собранием и советами. Все нужно направить к тому, чтобы внутри советов была проведена наша точка зрения. Съезд должен быть созван. Мы существуем только во имя того, что не признаем того съезда, и должны ликвидироваться, если это невозможно. Я настаиваю, чтобы были созваны все члены ЦК. Целый ряд советов, — у меня есть сведения, — стоит на нашей точке зрения.

Бронзов. Мы должны, действительно, передать свои дела не Учредительному Собранию, а Советской власти, но для этого мы должны создать такую власть, не большевистскую, и это было бы возможно, если созвать Съезд Советов Рабочих и С. и Кр. Деп. Надо созвать пленум, чтобы раздобыть денег и требовать созыва съезда. Наша задача — борьба с большевиками, и если мы на это не способны, — прекратим свое существование.

Сомов. Главной целью было — довести страну до Учредительного Собрания. Это еще не достигнуто. Возможно, что на пленуме выдвинется вопрос [о пополнении] состава ЦК Кр. кооперативным и городским представительством.

..... ЦК не прекратил свою работу, а, напротив, теперь только начинается работа. Надо регистрировать советы, не стоящие на большевистской точке зрения, поддержать Учредительное Собрание, собрать с'езд, постараться получить большинство и свергнуть большевиков. Надо войти в контакт с Союзом Защиты.

Брамсон. Роль советов — защита революции, довести до Учредительного Собрания и превратиться потом в профессиональные союзы рабочих и солдат. Задачи не доведены до конца, не доведет до этого конца и ЦК в Смольном. Надо искать способа взорвать тот ЦК. Здесь это трудно. Здесь надо иметь маяк, но объединять надо советы на местах. Центр должен разослать эмиссаров, посылать их в провинцию.)

За совещание высказывается большинство членов. Большинство также против ликвидации ЦИК, но за более активную работу его: улучшение дела информации, более тесной связи с провинцией и с теми советами, которые стоят на точке зрения защиты Учредительного Собрания, и стремиться к созыву нового съезда.

По окончании прений Бюро ЦИК п о с т а н о в и л о:

1. Пригласить на совещание во вторник, в 4 ч., всех членов ЦИК, находящихся в Петрограде.

2. После совещания созвать пленум.

3. Обратить внимание на областные комитеты.

2. Бюро постановило послать приветствие Учредительному Собранию в день его открытия. Приветствие поручено составить комиссии в составе т.т. Розанова, Бронзова и Басинова.

3. Бюро постановило: ассигновать 15 тысяч рублей на бумагу для газеты ЦИК.

4. Выдать чл. Бюро содержание за декабрь *).

Секретарь *Е. Сурц.*

ПРОТОКОЛ

заседания ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

5 декабря 1917 г. **).

Присутствовали: 1) Бронзов, 2) Игнатенко, 3) Бобыль, 4) Рабинович, 5) Безобразов, 6) Гамбаров, 7) Басинов, 8) Данилов, 9) Розанов, 10) Якубович, 11) Скалов, 12) Бредэ, 13) Филипповский. 14) Булат, 15) Сомов.

П о р я д о к д н я.

1. Функции ликвидационной комиссии ***).
2. Финансовый вопрос.
3. Вопрос об информации и связи с провинцией.

Бредэ. Финансового отдела не существует. Функции должны оставаться прежние, как их понимают т.т. Бронзов и Колеров. Он должен рассмотреть все расходы и счета. Ревизионные функции [на него] не возлагаются...

Бронзов предлагает отложить этот вопрос.

Булат предлагает снять вопрос о финансовом отделе.

Филипповский предлагает снять вопрос.

Т. Бредэ просит занести в протокол, что он на заседании от 5-го настаивал, что финансового отдела нет, что есть кассир и бухгалтер...

Безобразов. Пусть раньше соберется ликвидационная комиссия и столкуется, а потом уже разберет Бюро.

---

*) В рукописном черновике этого же протокола есть еще одно постановление о личном составе ликвидационной комиссии. В эту комиссию вошли: 1) Безобразов, 2) Филиппова, 3) Игнатенко, 4) Безобразова.

**) Имеются только черновые записи заседания.

***) По вопросу о ликвидационной комиссии есть лишь отдельные отрывочные фразы...

Филипповский. [У] ликвидационной комиссии функции только ликвидационные, а ревизионные на ней не лежат, тем больше, что ревизия сейчас невозможна.

Розанов. Пригласили ли членов ЦК со съезда на заседание?

Басинов. Члены изъявили желание явиться, лишь только они будут свободны.

Розанов. Надо назначить другой день [и пригласить] членов ЦК, членов областных комитетов, членов местных комитетов.

Постановили: Жалованье [уплачивается] только членам Бюро; [оно уплачивается] по $^1/_2$ месяцам: 14-го—15-го, а [2-ю часть] после 15-го.

Член ЦК, не являющийся членом Бюро, но привлеченный к работе, получает жалованье.

Вместо Безобразова [избирается] т. Басинов.

Бредэ. До сих пор связь с провинцией была весьма слабая по разным техническим и другим причинам. Надо выяснить наличность сил на местах, читать там доклады, разослать туда доклады...

Следующее заседание в 11 часов утра в среду.

Воззвание Ц. И. К.

Воззвание Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов ко всем советам рабочих и солдатских депутатов, армейским и флотским комитетам, ко всем организациям, группирующимся вокруг советов и комитетов, членам фракций с.-р. и с.-д. меньшевиков, покинувшим 2-й Съезд Советов, 25/XII 1917 года.

Товарищи рабочие и солдаты! К вам, кому дорого дело Советов, несется наш тревожный крик. Знайте: революционной стране, их Учредительному Собранию, делу самих Советов грозит предательский удар. Ваш долг повелевает вам встать на защиту их.

На 8 января Центральным Исполнительным Комитетом, избранным на октябрьском Съезде, назначен созыв Съезда Советов с целью сорвать Учредительное Собрание.

Товарищи! 2-й Съезд Советов, созванный в конце октября в исключительно неблагоприятных условиях (избирательная кампания в Учредительное Собрание), когда партия большевиков, увлеченная своей руководящей частью в сторону авантюризма, вступила на несвойственный классовой организации путь заговора, произвела в Петрограде переворот и захватила власть в условиях, когда некоторые группы, ставшие на эту точку зрения, внесли дезорганизацию в дело созыва второго Съезда, с явным намерением подтасовки его состава, когда на самом Съезде отсутствовало надлежащее представительство армии (лишь две армии), а советы страны были представлены в незначительном меньшинстве, — из девятисот лишь около ста двадцати,— естественно, что такой Съезд не мог быть признан ЦИК первого созыва правомочным разрешать вопросы советской политики.

Тем не менее, на этом Съезде, несмотря на последовавший протест и уход со Съезда значительного числа делегатов (фракций с.-р. и с.-д. меньшевиков, тр., н.-с.), был избран новый состав ЦИК Советов. Рассматривать этот последний за руководящий центр всех Советов страны ни в коем случае нельзя было. Оставшаяся на Съезде часть делегатов являла собой не более и не менее как совещание группы большевиков и примкнувшей к ней незначительной части левых эс.-еров.

Таким образом, и ЦИК, выделенный этим совещанием, мог быть признан лишь представителем этих групп.

Внося в дело советской организации неслыханный развал, устанавливая свое господство беззастенчивыми методами борьбы над частью застигнутыми врасплох, частью подтасованными и запугиваемыми Советами, вводя в обман рабочий класс и армию своей близорукой, отчаянной, авантюристской политикой, этот новый ЦИК пытался в течение двух истекших месяцев подчинить своему влиянию всю советскую Россию. Отчасти, поскольку еще не была изжита вера в политику представленных в нем групп, ему это удалось. Но значительная часть Советов страны, а равно и отдельные фракции Советов, состоящие из наиболее преданных и опытных работников, продолжали придерживаться единственно верного, революционного пути: классовая организация рабочих масс страны, руководство их идейно-политической жизнью, углубление политических и социальных завоеваний революции, непосредственное давление всей мощью рабочего класса, объединенного в Советы, во имя достижения поставленных перед ним задач. Как особо выделяемые, продолжают стоять вопросы войны и мира, организации производства и продовольствия и борьбы за Учредительное Собрание. Политика авантюристских групп, захвативших власть, как и можно было предвидеть, терпит полное поражение. Мир не мог быть достигнут путем разрыва с союзниками и сговора с империалистскими кругами центральных держав. Учитывая произведенный политикой Совета Народных Комиссаров развал русской армии, дезорганизацию производства (давшую к тому же сотни тысяч безработных), поднятую в стране гражданскую войну, отсутствие общепризнанной народной власти, центральные державы, естественно, стремятся к самому циничному захвату ряда западных областей (Польши, Литвы, Курляндии) и если не к политическому, то к полному экономическому порабощению всей страны.

Вопросы продовольствия приняли небывалую остроту. Грубое вмешательство в налаженный аппарат соответственных органов и разжигаемая в стране гражданская война расстроили в конец дело снабжения хлебом нуждающихся в нем районов. Север и армия накануне голода.

Промышленность умирает. Сотни заводов и фабрик прекращают производство. Благодаря близорукой политике Совета Народных Комиссаров, в качестве безработных выброшены на улицу сотни тысяч рабочих. Грозит насилие над волей всего народа. Захватчики власти, совершившие Октябрьский переворот под знаком скорейшего

созыва Учредительного Собрания, теперь, когда выборы произведены, пытаются удержать власть в своих руках путем ареста его членов и разгона самого Учредительного Собрания.

Все живое в стране и, прежде всего, весь рабочий класс и армия должны стать с оружием в руках на защиту власти народной в лице Учредительного Собрания, долженствующего дать народу мир и закрепить законодательным путем революционные завоевания рабочего класса.

Оповещая об этом, ЦИК 1-го созыва призывает вас, товарищи, войти немедленно в непосредственную связь с ним.

Считая октябрьский Съезд неправомочным, ЦИК 1-го созыва постановил начать предварительную работу по подготовке созыва нового Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

В ближайший период, период борьбы Совета Народных Комиссаров, в лице Ленина и Троцкого, с верховной властью Учредительного Собрания, перед нами стоит задача всемерно вмешаться в искусственно создаваемое авантюристами столкновение между Советами и Учредительным Собранием. Перед нами стоит задача — самоопределение Советов, выпрямление их политической линии и разграничение, таким образом, функций Учредительного Собрания и Советов.

Товарищи! Созыв предполагаемого на 8 января Съезда продиктован желанием столкнуть Советы с Учредительным Собранием и тем сорвать последнее. В тревоге за судьбы страны ЦИК 1-го созыва постановляет собрать в Петрограде 8 января Чрезвычайное Совещание всех советов, армейских и флотских комитетов, отдельных советских и армейских фракций всех организаций, группирующихся вокруг советов и комитетов, стоящих на почве защиты Учредительного Собрания. Подлежат обсуждению следующие вопросы:

1. Власть Учредительного Собрания.
2. Борьба за всеобщий демократический мир и восстановление Интернационала.
3. Ближайшие задачи советской политики.

Товарищи! Обеспечьте на предстоящем Чрезвычайном Совещании Советов возможно полное представительство всех рабочих и солдатских организаций. Создавайте опорные пункты на местах. Предстоит борьба.

Во имя революции весь разум и вся энергия должны быть брошены на чашу весов.

Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов 1-го созыва.

25 декабря 1917 г.

ПРОТОКОЛ

заседания ЦИК С. Р и С. Д. 1-го созыва.

10 января 1918 г.

На заседании присутствует 27 членов ЦИК.

Председательствует т. Дан.

(*Дан.* Наши надежды на крушение большевистского режима не оправдались, и теперь трудно быть оптимистом, чтобы сказать, что это скоро случится. ЦК 1-го созыва не стал политическим центром и ничего не сделал за это время. Сегодня я предложил бы поставить вопрос о будущем ЦИК 1-го созыва, о его дальнейшей судьбе и функциях.)

Т. Бронзов предлагает внести в порядок дня вопрос о Совещании.

Т. Бройдо — вопрос о финансах.

(Время ораторов ограничено 5-ю минутами.)

Прежде всего возникает вопрос о правомочности настоящего заседания.

(*Бронзов.* Доклад о Совещании.

Несмотря на то, что нас было мало, мы приняли все меры к тому, чтобы оно состоялось. Послали представителей наших в различные города. Сегодня было зарегистрировано 15 человек, часть задержана на Галерной, часть приходила сюда. Всего приблизительно 25 чел. Явка была указана — Галерная, 27. Путем печати нельзя было оповестить о перемене явки. Нет, значит, возможности устроить Совещание. Надо частным путем собрать всех съехавшихся вместе с членами ЦК и тогда только решить вопрос о нашем дальнейшем существовании.

Кучин. Мне кажется, что более широкого Совещания нам не открыть, и [я] предлагаю сейчас же решить вопрос о нашем существовании.

Бредэ. Принимая во внимание пути сообщения, [что] многие делегаты и даже наши члены находятся в пути, и вопросы кардинальные мы должны решить сообща. Да и многие из тех членов, которые находятся в Петрограде, не были извещены [о Совещании]. Окраины были плохо осведомлены.

Сарычев. Надо принять все меры к созыву Совещания. По имеющимся у меня сведениям, делегатов собирается много. Если мы существуем до сих пор, то необходимо наше существование хотя бы до тех пор, пока будет Съезд Советов.

Дан. Прежде, чем говорить о порядке дня, надо выяснить, являемся ли мы правомочным ЦИК 1-го созыва.

Якубович. Больше мы не соберем, и потому можно считать правомочным этот состав.)

Все присутствующие члены высказались за его правомочность, т.-е. постановлено было считать это собрание правомочным заседанием ЦИК 1-го созыва.

Собрание п о с т а н о в и л о: вопрос о функциях и задачах ЦИК 1-го созыва поставить в первую очередь.

По мнению т. Дана, ЦИК 1-го созыва должен так или иначе ликвидировать свою деятельность. Боевым центром он уже не будет, так как наступило время партийной работы и ни с чем не сообразно существование организации на средства, предназначенные на совсем другие цели. Надо оставить небольшую коллегию для управления финансовыми делами ЦИК и для сдачи их потом кому следует.

Большинство членов присоединяется к мнению т. Дана.

(*Фрейдин*. Докладывает об аресте И.К. Кр. Сов. на Кирилловской. Они были окружены и [арестованы] красной гвардией.

Бронзов. В Бюро неоднократно поднимался вопрос о деятельности ЦК. Было предложено перенести работу в провинцию, здесь же оставить центр, носитель политического знамени. Мы должны или окончательно ликвидировать свою деятельность, [или] мы должны существовать параллельно Учредительному Собранию и параллельно И.К. Крестьянских Советов. Мы должны войти с ними в контакт.

Дан. Некоторые траты, как, например, на информацию заграницы, я считаю вообще важными. У нас большой литературно-агитационный фонд, из которого надо покрыть фонды, нами затронутые.

Кучин присоединяется к мнению Дана.

Сарычев тоже за ликвидацию, но находит, что для этого настоящий момент не подходящий. Сейчас надо собрать молекулы энергии.

Мартынов. За ликвидацию. Даже в случае большевистского краха, хотя это не предвидится так скоро, не советам играть роль спасителя революции.

Бредэ. Из моих наблюдений в тех городах, которые мне пришлось посетить, я вывел заключение, что власть там не в руках советов, а что терроризируют города банды, состоящие частью из солдат, матросов и красногвардейцев. Правильно, конечно, информировать заграницу, но надо позаботиться и о провинции. Надо оставить временно организационный центр.

Брамсон. Если мы хотим повести ту работу, о которой говорит т. Бредэ, то не через ЦИК. Советы будут ареной борьбы на местах, но не ЦИК 1-го созыва.

Что касается наших ценностей, денег, бумаг, надо избрать комиссию, которая в течение 2 недель или месяца все сдаст. Но ценности, находящиеся в нашем распоряжении, надо употребить на полезное дело.

Гамбаров. После крушения Учредительного Собрания необходима полная ликвидация ЦИК.

Эрлих. Мы не можем передавать своих функций тому Совещанию, которое состоит из 19 человек. Неправильно распределять средства между партийными организациями. Политическая часть работы должна прекратиться, но должна остаться материальная поддержка Учредительного Собрания, поддержка печати, стоящей на точке зрения Учредительного Собрания, информация заграницы.)

Собрание после недолгого обмена мнениями п о с т а н о в и л о: деятельность ЦИК 1-го созыва окончательно ликвидировать, оставив ликвидационную комиссию в составе 5 человек: т.т. Бронзова, Сарычева, Бройдо, Майзеля, Якубовича. Т.т. Фрейдин и Гамбаров назначены кандидатами. Функции этой комиссии узко-хозяйственные, и на обязанности ее в течение месячного срока ликвидировать все дела ЦИК.

Члены комиссии получают вознаграждение в размере 500 рублей в месяц.

Собрание постановило:

1) Служащим и членам Бюро выдать содержание до 1-го марта.

2) Служащим и членам Бюро, заключенным в тюрьму, выдать полное содержание за все время заключения, а по выходе — за месяц вперед.

3) По отношению к иногородним членам комиссия должна руководиться постановлениями Бюро.

4) Газету ликвидировать. Ликвидировать книжный склад ЦИК.

5) Фонд литературно-агитационного отдела присоединить к общим фондам, из них покрыть суммы, заимствованные из других фондов, оставшиеся же суммы употребить на поддержку печати, стоящей на точке зрения защиты Учредительного Собрания.

Книги рекомендуется ликвидационной комиссии ликвидировать общественным способом.

6) Ассигновать необходимую сумму для разборки и разработки архива.

7) Ассигновать 2 тысячи рублей в счет ликвидации газеты.

8) ЦИК 1-го созыва поручает ликвидационной комиссии составить акт по окончании ликвидации. Акт этот должен быть подписан представителями трех партий, входящих в состав ЦИК, который до надлежащего момента опубликования будет храниться в надежном месте.

9) Апелляционной инстанцией в случае каких-либо недоразумений будут служить пленарные собрания трех ЦК партий.

Секретарь *Е. Сурц.*

ПРОТОКОЛ

заседания членов ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

11 января 1918 г.

Председательствует т. Бронзов.

Доклад т. *Данилова* *).

*) В черновиках протокола имеется следующий вариант части доклада Данилова.

«26 декабря я уехал по поручению ЦИК Сов. Раб. и Солд. Деп. 1-го созыва в Москву для организации. 27-го я уже был в комитете партии с.-р. Все орга-

По поручению организационного бюро по Совещанию т. Бредэ был делегирован в Москву для организации Совещания. По приглашению т. Бредэ с ним уехал и т. Данилов. Там им удалось разослать телеграммы, но количество имевшихся у них воззваний недостаточно для распространения по всем фабрикам и заводам. Потребовалось еще огромное количество, которое было отпечатано при помощи и материальном содействии Союза Защиты. Но вся литература, к несчастью, попала в руки большевиков. Часть была уничтожена, часть арестована. Пришлось снова отпечатать 20.000 экземпляров, которые разосланные специально с этой целью люди и распределили по целому ряду губерний. Возвращающиеся докладывают, что всюду замечается перелом — выносятся резолюции о поддержке Учредительного Собрания. 4 января в Москве состоялось совещание с представителями районов, при чем представители 3 районов гарантировали посылку делегатов на Совещание в Петроград. Т. Данилов предлагает, чтобы ЦИК 1-го созыва взял на себя часть расходов. Вся подготовительная работа по Совещанию ими закончена, но, к сожалению, отсутствие сведений из Петрограда, праздничное время и безработица, наступившая повсеместно, сильно тормозят ее. Все было сделано для широкого оповещения губерний и надо принять меры к приему вы-

---

низации, находящиеся вблизи комитета, принадлежат к организации большевиков. После доклада, который он им сделал, обрисовав тяжелое положение, созданное здесь большевиками, они ответили, что живут дружно с большевиками. Комитет с.-р. оказал ему всевозможную поддержку для посылки в провинцию, но от материальной поддержки должны были отказать. Обещав полную поддержку, председатель Кабанов, однако, спросил, как относятся к этому ЦК партий. В Москве он и т. Бредэ убедились, что воззваний наших недостаточно и [надо их] отпечатать и распространить по всем городам, фабрикам и заводам... Там он встретил члена Союза Защиты Учредительного Собрания Абрамовича, который согласился отпечатать 30.000 экземпляров, и вечером они были приглашены на заседание, где было вынесено следующее постановление: Союз Защиты предоставляет все средства организации, созывающей это Совещание. Отпечатано было 50.000 экз. 3.000 экземпляров были готовы вечером, осталось 47.000. С ними вышло недоразумение,— они попали к большевикам, которые часть разорвали, остальные направили по назначению. Надо послать людей, а литература оказалась арестованной. Союз Защиты решил снова отпечатать 20.000 экземпляров, которые... и были разосланы. ЦК признал эти воззвания контр-революционными. Вышло контр-воззвание левых соц.-рев. Литература была распространена по следующим губерниям: Воронежской, Московской, Владимирской, Орловской, Рязанской, Курской. Возвратившиеся докладывают, что всюду замечается перелом, — была вынесена резолюция о поддержке Учредительного Собрания... 4 января было совещание с представителями районов; представители 3 районов гарантировали посылку делегатов. Т. Данилов предлагает, чтобы ЦИК взял на себя часть расходов. Работе по Совещанию мешали короткость срока, отсутствие сведений из Петрограда, праздничное время, когда фабрики и заводы приостановили свои работы, и безработица, которая наступила в Москве. Им было все сделано для широкого оповещения губерний. Надо принять меры к их приему. Сегодня он должен выехать, чтобы закончить начатое дело. Что касается газеты, взятой им с собой, то только часть удалось передать, а другую часть просил союз распространить.

званных делегатов, и с этою целью он должен сегодня же вернуться в Москву.

Доклад т. *Бредэ*.

По приезде в Москву он узнал, что на нашей стороне только один центральный почтовый телеграфный пункт — московский, остальные на стороне большевиков. Вследствие этого все посланные нами телеграммы дошли до назначения, но со многими пунктами порвана связь, как, например, с Сибирью и с Югом. (Связь — с Одессой и Румынским фронтом...) Устроив все связи в Москве, он уехал дальше в провинцию (в Тулу и Брянск). Устроил там ряд собраний. К сожалению, дело информации провинции поставлено очень скверно. Никакой связи с центром, полное отсутствие столичных газет, полная неосведомленность о всех происшествиях, всех крупных событиях. Настроение вследствие этого совершенно неопределенное. Публика состоит большей частью из рыхлой интеллигенции, и одной энергичной группе удалось бы взять власть в руки. (В Орле и Курске в его присутствии состоялись съезды крестьянских депутатов. Раньше они были нашими. На последних съездах состав уже изменился,— темный, левая. В С. Р. и С. Д. рабочая часть — более умеренная, солдатская — левая, но не опирается на местный гарнизон, который разошелся. Остались делегаты... и в Орле Сов. Раб. и Солд. Деп. отказался взять власть. То же самое было бы в Курске, если бы эсеровский комитет действовал более решительно. Там банды в 300 человек терроризируют население в 150.000 человек. Устраивают грабежи. Когда он указывал эсеровскому комитету на необходимость взять власть в свои руки, то они оказываются неспособными. Через органы самоуправления мы не можем действовать, так как на них нечего рассчитывать.) Брянский Совет Раб. и Солд. Депутатов, в котором была проявлена воля штыка, находится в наших руках. Сейчас несомненно, что целый ряд советов уже не пойдет за большевиками. (Как сейчас повести работу? Что касается средств, то намеченная норма недостаточна. Пока им произведен расход в размере 5.000 руб.)

Т. Сарычев предлагает обсудить меры ликвидации Совещания. Он просит т.т. Бредэ и Данилова представить в ближайшем будущем подробный отчет ликвидационной комиссии.

(*Т. Бредэ* возражает. Т. Данилов должен сегодня ехать и должен базироваться на чем-то новом. Кроме того, представляя отчет, он должен иметь уже готовые постановления, а не то, что он (?) постановит в будущем. Кроме того, он хочет отчет сдать организационному комитету по Совещанию.

Якубович. Вчера было постановлено, что политическая деятельность наша кончилась, а мы приступаем к делу. Если т.т. Данилову и Бредэ нужны какие-либо перемены в постановлении, то почему этого не сделать. Образованная вчера ликвидационная комиссия является единственным законным, юридическим органом, перед которым товарищи обязаны отчитываться.

Т. Бронзов предлагает финансовые вопросы, связанные с организационной работой по Совещанию, передать в ликвидационную комиссию.

Не голосуется.

Т. Бредэ предлагает, чтобы организационное бюро закончило свою деятельность, избрало из своей среды 2 человек, и им он предоставит отчет, который они уже представят ликвидационной комиссии.)

Заслушав доклады т.т. Бредэ и Данилова и пожелание т. Бредэ, чтобы организационное бюро по Совещанию закончило свою деятельность, собрание постановило:

1) Организационное бюро заканчивает свою деятельность, избирает из своей среды 3 членов, которым т. Бредэ и представляет свой отчет. Этот отчет затем передается в ликвидационную комиссию.

В эту комиссию избраны т.т. Сарычев, Бронзов и Фрейдин.

2) Вопрос о командировке в Москву т. Данилова передается на рассмотрение т. Бредэ.

О Совещании.

Собрание постановило опубликовать во всех газетах декларацию о том, что наше Совещание сорвано большевиками, что все ЦК партий разгромлены, все помещения захвачены. ЦИК 1-го созыва просит всех прибывших вернуться на места.

Т. Гамбарову поручено выработать текст декларации.

(Т. *Сарычев* предлагает, чтобы Данилов поместил нашу декларацию в местных газетах.)

Т. Фрейдин предлагает поручить т. Данилову послать во все советы крупных центров телеграммы о том, что наше Совещание отложено, и объяснить причины.

Постановлено: не посылать телеграмм, если это связано с расходом.

Секретарь *Е. Сурщ.*

Примечания:

1) Протокол 1-го заседания ЦИК 1-го созыва от 5 ноября не сохранился Приводим содержание протокола этого заседания по газете ЦИК 1-го созыва — «Мира, хлеба, свободы»:

РЕШЕНИЕ ЦИК ПЕРВОГО СОЗЫВА.

«5 ноября состоялось заседание ЦИК С.Р. и С.Д. первого созыва. Центральным Комитетом [партий меньшевиков и с-р.] решено, что, в виду неправомочности II Съезда Советов *), ЦИК продолжает свое существование. Задачи его заклю-

*) II Всероссийский Съезд Советов был открыт в Ленинграде 25 октября 1917 г., в 10 ч. 40 м. вечера, в то время, когда еще вокруг Зимнего дворца кипела борьба. «Съезд проходил очень бурно. На Съезде присутствовало 670 делегатов, из них: большевиков—390, левых эс-эров—179, с.-д. интернационалистов—35, украинцев — 21, кроме того, мандаты имели правые эс-эры, бунд, поалейцион, анархисты, меньшевики, беспартийные. Президиум был составлен из большевиков

чаются в сплачивании и объединении всех советов и фронтовых организаций, не участвовавших во II Съезде. Таким образом, на комитете лежит объединение подавляющего большинства советов, так как из 900 советов в съезде участвовало не более 100, а армейские комитеты, за исключением отдельных единиц, совершенно не принимали в Съезде участия.

Большинство членов ЦИК решило разъехаться по своим советам, оставив в Петрограде особо избранное бюро из 25 членов. Бюро избрано пропорционально распределению комитета по фракциям, исключая большевиков.

В своей деятельности ЦИК объявил себя независимым от каких-либо других организаций, как, например, Комитет Спасения и т. д. Комитет будет проводить свою прежнюю линию поведения, применяясь к осложнившимся обстоятельствам, созданным благодаря происшедшему перевороту». («Мира, хлеба, свободы», № 2, от 7/XI.)

2) 24 октября было созвано экстренное собрание меньшевистско-эсэровской Петроградской городской думы, на котором было решено организовать «Комитет Общественной Безопасности», куда входили гласные центральной и районных дум и представители следующих организаций: Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, Всероссийского Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов, армейских организаций, Центрофлота, Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Совета Профессиональных Союзов и др.

Задачей этого Комитета была «охрана общественной безопасности». На следующий день сущность этой задачи была формулирована значительно откровеннее.

В 3 часа ночи с 25 на 26 октября гласные думы, члены различных фракций и члены Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов устроили в городской думе совместное заседание, в котором обсуждали создавшееся положение и те меры, которые могут быть приняты к спасению родины.

«После долгих прений по этому вопросу было решено образовать Комитет Спасения Родины и Революции, в состав которого вошли по 3 представителя от следующих групп: городской думы, Исполнительного Комитета Сов. Раб. и Солдатских Депутатов и Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов, от отколовшихся фракций с.-р. и с.-д. Съезда Советов, железнодорожного союза, почтово-телеграфного союза, ЦК партий с.-д. и с.-р., Совета Российской Республики и от фронтовых организаций» («Рабочая Газета» № 197 от 27 октября 1917 года). Комитет Спасения формулировал свои задачи в выпущенном им «К Гражданам Российской Республики» воззвании следующими положениями:

«Сохраняя преемственность единой государственной власти, Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции, учрежденный в ночь на 25 октября, возьмет на себя инициативу воссоздания Временного Правительства, которое, опираясь на силы демократии, доведет страну до Учредительного Собрания и спасет ее от контр-революции и анархии»... Дальше шел призыв не выполнять приказов и распоряжений Советского Правительства и т. д. 29 октября Комитетом Спасения было организовано юнкерское восстание. 4 ноября К. С. вынес постановление, опубликованное во всех меньшевистских и эсеровских газетах. Это постановление заканчивается обращением: «ко всем городам, земствам, крестьянским, рабочим, армейским революционным и демократическим организациям с призывом: 1) не признавать большевистского правительства и бороться с ним; 2) образовать местные комитеты спасения родины и революции, которые должны объединить все демократические силы для содействия Всероссийскому Комитету

и левых эс-эров. Председательствовал т. Каменев. Меньшевики и правые эс-эры демонстративно покинули заседание. Число покинувших Съезд депутатов колеблется, по различным подсчетам, от 25 до 51». ЦИК 1-го созыва остался существовать, как протест против II С'езда, и продолжал свою деятельность до середины января 1918 г.

Спасения в его задачах и в этих целях войти в теснейшую связь друг с другом и с Всероссийским Комитетом Спасения».

По всей России К.С. за подписью Авксентьева, Гоца, Синани и Броун рассылались самые ложные сведения о своих победах над революционными полками, захвате орудий, аресте комиссаров, Военно-Революционного Комитета и т. д. 8 ноября приказом Военно-Революционного Комитета К.С. был распущен. Вместо него организовался «Союз Защиты Учредительного Собрания», потом «Союз Возрождения России», под руководством которого проходит вся контр-революционная деятельность 1917—1918 г.г.

3) II Съезд Советов был открыт Даном от имени старого ЦИК.

4) 9 ноября, после отказа генерала Духонина подчиниться предписанию правительства вступить в переговоры о перемирии, верховным главнокомандующим был назначен тов. Крыленко. От имени СНК было выпущено обращение, в котором говорилось: «Солдаты, дело мира в ваших руках... вы не дадите контр-революционным генералам сорвать дело мира. Вы окружите их стражей... Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем»...

5) II Съезд Советов Крестьянских Депутатов был назначен ВЦИК'ом, избранным II Съездом Раб. и Солдатских Депутатов на 5 ноября. Он созывался для того, чтобы подтвердить решения II Съезда Сов. Раб. и Солдатских Депутатов о мире, земле и прекратить существование старого право-эсеровского ЦИК Кр. Деп. Последний принял все меры, чтобы этот съезд не был созван, и выпустил воззвание, в котором говорилось: «Самочинная большевистская организация, называющая себя «Организационным Бюро по созыву Всероссийского Крестьянского Съезда», рассылает телеграммы всем крестьянским советам о прибытии на съезд в Петроград. Исполком Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов заявляет, что он попрежнему считает отвлечение местных сил в данный момент вредным и опасным, в связи с выборами в Учредительное Собрание, в котором теперь единственное спасение крестьянства и страны. Подтверждаем созыв съезда 30 ноября». Несмотря на сопротивление старого ЦИК Съезд Советов Крестьянских Депутатов открылся 10 ноября. По своему партийному составу он был преимущественно лево-эсеровским. Этот съезд присоединился ко всем постановлениям II Съезда Раб. и Солдатских Депутатов, устроил овации выступавшему на Съезде В. И. Ленину, одобрил декреты Советской власти и торжественно приветствовал СНК, придя в Смольный со знаменем и музыкой.

Правые с.-р. оставшиеся в меньшинстве, ушли со Съезда и, по сообщению «Дела Народа», организовали свой ИК в 110 человек.

6) До конца ноября газета ВЦИК изменила 11 раз свои названия: 1) «Голос Солдата» был закрыт 26/X; 2) 27-го вышел — «Солдатский Голос», который был тотчас закрыт; 3) 28/X — «Искра», 4) с 29/X по 4/XI — «Солдатский Крик»; 5) «Революционный Набат» — 5/XI; затем: 6) «Мира, хлеба, свободы», 7) «Набат революции», 8) «За свободу», 9) «За свободу Народа», 10) «За свободу и право», 11) «За право Народа».

7) Ставка была центром контр-революции. Общеармейский Комитет, состоявший из меньшевиков и с.-р., выдавал себя за представителя солдат. 8/XI на совещании при Ставке «о конструкции власти» была констатирована невозможность сговориться с Советским Правительством об организации правительства из всех «социалистических» партий до н.-с. включительно. Общеармейский Комитет взял на себя организацию власти с Черновым во главе. Выпущенное им воззвание заканчивалось следующим предложением: «Мы предлагаем действующей армии в лице ее фронтовых и армейских комитетов взять на себя инициативу создания власти. Действующей армии, спасающей родину от внешней опасности, подобает взять на себя и спасение ее от внутреннего разложения».

В связи с этими попытками Ставки образовать власть против Советов 10/XI СНК выпустил обращение к армии, в котором предлагалось распустить, а в случае сопротивления арестовать те армейские комитеты, которые будут поддерживать эту власть. Контр-революционная Ставка продолжала свою деятельность вплоть до ликвидации б. Ставки постановлением 19 ноября. Тотчас же тов. Крыленко отправился в Могилев в Ставку с 3 отрядами преданных моряков; повсюду его встречали с овациями. Центральный Армейский Комитет выпустил воззвание в защиту Духонина. В Могилев было двинуто 10.000 войск. Могилевский гарнизон восстал, захватил город, арестовал Армейский Комитет и с красными знаменами вышел навстречу т. Крыленко. 20 ноября Крыленко вступил в Могилев.

8) 16 ноября, по постановлению СНК, Петроградская центральная эсеро-кадетская дума была распущена. Контр-революционными организациями были выпущены демагогические воззвания с призывом бороться против этого роспуска. Одно из этих воззваний «Ко всем гражданам» от имени городской думы заканчивается следующими словами:

«Граждане, мы прибегаем к последнему страшному средству. Мы объявляем забастовку до Учредительного Собрания, ибо в нем лежит сейчас истинная защита наших интересов от насилия и произвола. Мы прибегаем к этому средству, потому что считаем спасение родины и революции, спасение чести и достоинства России, спасение миллионов жизней всех нас — в немедленном открытии Учредительного Собрания.

Кто не встает еще на борьбу за открытие Учредительного Собрания, тот не с народом, а кто не с народом, тот против него. Позор и проклятие ему!

Да здравствует Учредительное Собрание!»

9) Декретом 8 ноября была организована государственная комиссия по народному просвещению, которой было поручено впредь до Учредительного Собрания дело общего руководства народным просвещением. Председателем этой комиссии был народный комиссар. В состав комиссии входили:

«1) Председатель — нар. ком. по просвещению; 2) секретарь комиссии по народному просвещению; 3) лица делегированные:

1. 3 представителя от И.К.С.Р. и Солд. Деп.; 2. 3 представителя от И. К. Всер. С. Кр. Д. по производству выборов на съезде; по одному представителю: 3. От академического союза; 4. От Всероссийского Учительского Союза; 5. От центрального бюро Профсоюзов; 6. От Всероссийского центра фаб.-зав. комитетов» ...и др.

Кроме того, 15 лиц было назначено СНК заведующими отделами.

«Государственная комиссия по народному образованию отнюдь не является, — говорится в декрете, — центральной властью, управляющей учебными и образовательными учреждениями. Наоборот, все школьное дело должно быть передано органам местного самоуправления...» В эту же комиссию входили представители государственного комитета по народному образованию, в котором было много опытных специалистов.

10) Союз Учредительного Собрания явился преемником Комитета Спасения и продолжал контр-революционную деятельность последнего под фирмой защиты Учредительного Собрания. 28 ноября им была организована манифестация по случаю открытия Учредительного Собрания. Штаб Красной гвардии издал 27/XI в ответ на призывы Союза У. С. к манифестации следующий приказ всем районным штабам:

«Контр-революционная буржуазия устраивает завтра демонстрацию и под личиной приветствия Учредительного Собрания думает организовать попытки свержения народной революционной Советской власти.

Будучи твердо уверены, что демонстрация эта покажет все жалкое бессилие злобствующих захребетников народа, мы тем не менее должны быть на-страже завоеваний революции и, если понадобится, показать врагам Советской власти,

как разбиваются усилия контр-революционных заговорщиков о мощь и бдительность революционного пролетариата. В полном сознании, что Красная гвардия грудью отстоит завоевания рабочего класса, Главный Штаб Рабочей Красной гвардии предписывает всем районным штабам:

1. Усилить охрану города. Не мешая могущей быть мирной демонстрации, решительно и в корне пресекать всякие попытки захватить какие-либо общественные или правительственные учреждения демонстрантами.

2. Немедленно реквизировать все автомобили на 28 ноября.

3. Послать в Главный Штаб Красной гвардии по 2 человека для связи и по одному автомобилю.

4. За всеми указаниями обращаться в Главный Штаб Красной гвардии и в комиссию по охране города (Смольный, 3-й этаж, комната 84).

5. Все распоряжения проверять по телефону: 193—75, вызывать Штаб Красной гвардии, или по телефону: Смольный, Бюро Комиссаров.

6. Бдительно охранять все места и учреждения по указанию Главного Штаба.

7. Строжайше преследовать пьяных, как пособников контр-революции».

28 ноября эта демонстрация состоялась. На этой демонстрации было всего, по сообщению «Известий», около 1.000 человек, собравшихся у Таврического дворца.

16 декабря в помещении «Союза У. С.» были арестованы члены Союза: 20 дек. арестованные в «Деле Народа» опубликовали воззвание от имени арестованных, которое заканчивается следующим заявлением и призывом «ко всем гражданам»:

«Считая по принципиальным соображениям совершенно невозможным вступить в какие бы то ни было сношения с временщиками из Смольного, мы, члены трех социалистических партий (в числе арестованных—10 с.-д. меньшевиков, 3 члена народной трудовой социалистической партии, 2 социалиста-революционера), перед лицом всех граждан России протестуем против совершенного над нами насилия.

Мы призываем товарищей и всех граждан со всей энергией и настойчивостью продолжать борьбу за Учредительное Собрание, которое положит конец большевистскому самовластью.

Петропавловская крепость, Екатерининская куртина, 19 декабря 1917 г.

Г. Александров, Б. Богданов, Л. Брамсон, С. Вайнштейн (В. Звездин), К. Ермолаев, К. Магидович, Н. Полянский, Скалов, Н. Соловьев, К. Соколов, С. Топер, Д. Хазан, В. Цедербаум (В. Левицкий) и В. Штейн».

11) 1 декабря в «Правде» № 203 был опубликован «проект контр-революционного плана кадетских заговорщиков», по которому предполагалось установить в России республику с президентом во главе. Этот президент, по «проекту», должен был иметь следующие полномочия:

....«7. Временный президент наблюдает за исполнением законов и делает распоряжения для сего необходимые.

8. Временный президент издает указы об устройстве, составе и порядке действия правительственных учреждений, за исключением учреждений судебного ведомства, испрашивая в надлежащих случаях необходимые кредиты у Учредительного Собрания.

9. Временный президент разрешает все дела управления, кои, на основании действующих узаконений, должны разрешаться верховной исполнительной властью.

10. Временный президент руководит внешними сношениями Российской республики с иностранными державами. По делам об объявлении войны, заключения мира, перемирия, а равно иных договоров с иностранными державами временный президент входит с соответствующими представлениями в Учредительное Собрание.

11. Временному президенту принадлежит верховное начальствование над всеми вооруженными силами Российской республики.

12. Временный президент назначает и увольняет председателя совета министров и министров, а также тех должностных лиц гражданского и военного ведомства, кои на основании действующих узаконений назначаются и увольняются верховной властью.

13. Указы и распоряжения временного президента скрепляются председателем совета министров или одним из министров и без таковой скрепы не приводятся в исполнение».

28 ноября был издан следующий декрет:

«Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции.

Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов.

На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов в виду ее связи с корниловско-кадетской гражданской войной против революции.

Декрет вступает в силу с момента его подписания.

Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин).

Народные Комиссары: Л. Троцкий, Н. Авилов (Н. Глебов), П. Стучка, В. Менжинский, Джугашвили-Сталин, Г. Петровский, А. Шлихтер, Дыбенко.

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич. Секретарь Совета Г. Горбунов.

Петроград, 28 ноября 1917 г. $10^1/_2$ час. вечера».

[«Правда», № 202, 30/XI (13/XII).]

12) В числе собравшихся, по сообщению «Новой Жизни» были: Петровский, В. Руднев, С. Попов, В. Колеров, А. Булат, А. Русланов, П. Кондратьев, М. Лихач, П. Павлов, Д. Розенблюм, П. Поско, Н. Козлов, А. Гизетти.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦ, УЧАСТВОВАВШИХ В РАБОТЕ ВЦИК «1-го СОЗЫВА» ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ.

Абрамович-Рейн, Рафаил Абрамович, с.-д. меньшевик (Бунд), член ЦК, член Бюро, член Предпарламента. В настоящее время в Берлине; один из инициаторов издания и член редакционной коллегии меньшевистского журнала «Социалистический Вестник».

Басинов, Николай Николаевич, с.-р., заведующий агитационно-литературным отделом ЦИК, член Предпарламента.

Безобразов, Борис Владимирович, с.-р., тов. председателя военного отдела ЦИК, член фронтовой комиссии военного отдела, член Предпарламента.

Бинасик, Мечеслав Степанович, с.-д. меньшевик, председатель бюро военного отдела, заведующий военным отделом, член Предпарламента, б. лидер меньшевиков во Владивостоке.

Бобылев, Гавриил Евдокимович, лидер трудовиков.

Брамсон, Леонтий Моисеевич, лидер партии н.-с.

Бредэ-Лэль, Карл Августович, с.-р., член Киевского И. К. С. Р. и С. Д., член Отдела по подготовке к Учредительному Собранию, член Предпарламента.

Бройдо, Марк Исаевич, с.-д. меньшевик, член ЦК, управдел ЦИК, член Бюро ЦИК, член Предпарламента.

Бронзов, Порфирий Васильевич, труд. н. с., член законодательной комиссии при военном отделе, член финансовой комиссии, заведующий контрольной комиссией.

Булат, Андрей Андреевич, видный трудовик, член Бюро, заведующий юридическим отделом, член Предпарламента.

Вайнштейн (Звездин), Семен Лазаревич, с.-д. меньшевик, член президиума объединительного Съезда РСДРП 1917 г., член Бюро, член Предпарламента, умер в 1923 г. в Берлине.

Венгеров, Всеволод Семенович, с.-д. меньшевик, член военно-иногородней комиссии, комиссар X армии, член Предпарламента.

Гамбаров, Петр Юрьевич, с.-р., член Бюро, член Предпарламента.

Геллер, представитель Бунда в Стокгольмской конференции.

Гольдман, с.-д. меньшевик, член Предпарламента.

Дан-Гурвич, Федор Ильич, с.-д. меньшевик, лидер партии, член редакционной коллегии «Социалистического Вестника».

Данилов, Иван Иванович, с.-р., член бюро кавказского подотдела военного отдела.

Дейс, Иван Георгиевич, с.-р., тов. председателя Бюро и секретарь военного отдела.

Евреинов, член редакционной коллегии «Голоса Солдата».

Ермолаев, Константин Михайлович, с.-д. меньшевик, тов. председателя ЦК в 1917 г., умер в 1919 г.

Зарецкая, Софья Моисеевна, с.-д. меньшев., член ЦК в 1917 г.

Ивановский, Владимир Владимирович, член Бюро, член Предпарламента.

Игнатенко, Андрей Семенович, с.-р.

Каменский-Герман, Владислав Иванович, с.-д. меньшев., член Бюро, член иногороднего отдела, член Предпарламента.

Колеров, Вячеслав Аркадьевич, с.-р., член Бюро, член фронтовой комиссии, член Предпарламента.

Колесник, Яков Данилович, с.-д. меньшевик, заведующий хозяйственным отделом.

Кочергин, Илья Семенович, с.-р., член экономического отдела, член аграрного отдела.

Красинский, Самуил Давыдович, с.-д. меньшевик (Бунд).

Кудрявцев, Сергей Андреевич, с.-р., член Бюро, член Предпарламента; член Сибирского Временного Правительства.

Кучин, Георгий Дмитриевич, с.-д. меньшевик, председатель И. К. XII армии.

Майзель, Ной Саулович, с.-д. меньшевик, член иногороднего отдела.

Рабинович, Борис Николаевич, с.-р., член Бюро, заведующий медико-санитарным отделом, член Предпарламента.

Розанов-Энзис, Владимир Николаевич, с.-д. меньшев., член Бюро, член отдела международных сношений, член ред. «Известий», член Предпарламента, принимал участие в контр-революционных организациях (в делах «Национ. Центра»).

Сарычев, Никита Николаевич, с.-р., тов. председателя отдела по борьбе с контр-революцией.

Скалов, Георгий Борисович, с.-д. меньшев. председатель военно-иногородней комиссии.

Соколов, Николай Дмитриевич, с.-д. меньшев., член Предпарламента.

Сомов, Анатолий Владимирович, труд. н. с., член военного отдела.

Сурис, Евгения Захарьевна, секретарь «ЦИК'а, 1-го созыва».

Топер, Симон Моисеевич, с.-д. меньшевик.

Филипповский, Василий Николаевич, с.-р., член президиума, член комитета по обороне, член Предпарламента.

Фрейдин, Михаил Семенович, с.-р., член отдела по Учредительному Собранию.

Церетели, Ираклий Георгиевич, лидер партии с.-д. меньшевиков, член II Государственной Думы от Кутаисской губ. После роспуска Думы 3/VI 1907 г. осужден на каторгу; в годы войны — умеренный интернационалист, министр почт и телеграфов 1-го коалиционного правительства, член ЦК в 1917 г., член ВЦИК; в настоящее время—в эмиграции ведет активную борьбу против Советской власти.

Шиф, Исай Моисеевич, с.-д. меньшевик, председатель фронтовой комиссии военного отдела, член Армейского Комитета I армии.

Эрлих, член ЦК Бунда, член делегации ЦИК в Стокгольм и др. для пропаганды.

Якубович, Михаил Петрович, с.-д. меньшев.

Из дневника ген. В. И. СЕЛИВАЧЕВА.

II *).

(1 июля—8 августа.)

1 июля. Сел. Тэляче.

Сегодня сообщил генералу Попову о необходимости ему уйти в строй в виду требования генерала Гутора [1]). Спросил его, не было ли у него чего-нибудь с комиссарами, на что он ответил, что один раз, при возвращении армейского комиссара с неудачного для него разговора с одной из частей, он спросил этого комиссара: «А не чешутся ли у вас при этом руки?» на что тот откровенно ответил: «Чешутся». Теперь этот комиссар стал фронтовым и, конечно, разговаривает по-своему через известного своей перекраской генерала Гутора... вообразившего, что все может быть исправлено только переменою начальства, которое почему-то он считает возможным выбирать лично.

Насколько нелепа деятельность комиссаров, видно из того, что они на веру принимают всякое постановление полкового комитета и делают все в ущерб командному составу и в угоду солдатам: писаря, оклеветавшего начальника хоз. части и делопроизводителя по хоз. части и попавшего за это под суд, постановляют освободить, т. к. это дело возбуждалось при старом режиме, а начальников предать суду за это же время.

Вчера вечером приезжал генерал Веретенников расследовать причины взрыва на ст. Козова. Пришел к заключению, что нельзя было делать склад так близко к позиции (10 верст). На это я указал, что нельзя прежде всего допускать в одном месте столько хозяев, т. к. здесь распоряжалась и армия, и фронт, и, наконец, завед. арт. частью тяжелой артиллерии особого назначения... а у семи нянек дитя всегда без головы. Последний заведующий уже в конце апреля заявил требование на 26.000 бревен для устройства погребов под

---

*) Продолжение, см. «Кр. Архив», № 9. Текст взят из тетради XXVIII, носящей название «Дневник ген.-лейт. В. И. Селивачева». «С 1 июля по 8 августа 1917 г.».

тяжелые снаряды; откуда их было взять, — до этого ему, конечно, не было никакого дела.

Генерал Веретенников говорил, что иностранцы возмущены нашим наступлением, называя его «комедией», а генерал Нокс поехал в Петроград к Церетели и т. п. «товарищам» предложить им либо ввести в армию дисциплину, либо принять к сведению, что Англия отказывается от всяких обязательств по отношению к России и считает возможным поступить так, как этого требуют ее интересы. Язык сильный. С утра опять доклады, и, наконец, прибыла депутация от дивиз. комитета 108 пех. дивизии опять с постановлением дать ей $1^1/_2$ месяца отдыха, дать пополнение, отвести в тыл и т. п. Как я ни убеждал, сделать ничего не мог, а посему предоставил разбираться комиссару. В то же время получил донесение, что ни 17, ни 19, ни 20 Ф. стр. полки не желают повиноваться, а т. к. комиссару некогда было доехать, то предоставил это ликвидировать распоряжением командира корпуса. К вечеру приехали комиссар Загорский и его новый товарищ, т. к. бывший товарищ доктор Григорьев, напутавший мне с вызовом конницы, получил за это выговор от Загорского [и] уехал на фронт. Комиссарам этим я указал на те недочеты, которые высказываются в разных случаях взаимоотношений, и поставил их в известность, что, требуя исполнения долга и принимая решительные меры, я убежден, что они явятся утвердителями моих распоряжений и необходимость применения силы подтвердят своим авторитетом. Загорский и его товарищ категорически заявили, что они посвидетельствуют необходимость принятия мер. Для последних разговоров с 108 пех. див. туда завтра едет помощник комиссара.

Во время беседы с комиссарами приехал офицер из штаба Оренбургской каз. дивизии, доложивший, что дивизия начинает волноваться, недоумевая, почему ее вызывают комиссары, которые даже не прибывают своевременно. Казаки говорят, что если бы их зря не вызывали первый раз для усмирения Польской дивизии (это было до меня недели за 2—3), то дивизия эта продолжала бы работать; им обидно, что их отдают в распоряжение комиссаров, которых они не видали и в глаза. Офицер этот рассказал, что и среди казаков идет пропаганда и натравливание казаков на офицеров, однако, они уверены, что казачество устоит; походным атаманом казаки хотят выбрать Гурко, в пику Керенскому, который хвалился членам правительства, что он не только не позволил Гурко выйти в отставку, но еще и наказал его, приказав назначить на пост не выше начальника дивизии...

Этот же казачий офицер, бывший при перевороте в академии, рассказывал, что в первый день переворота распространялись большевиками воззвания с призывом уничтожать офицеров; результатом этих воззваний была Варфоломеевская ночь, при чем многие офицеры были ослеплены, зарезаны, лишены ушей и т. п.; семьи офицеров из казенных квартир выбрасывались через окна на улицу, и только после того, как целая серия офицеров, прибыв к Церетели, категорически спросила

его, будет ли кончено подобное издевательство и нужны ли вообще правительству офицеры, всякие нападения на офицеров были прекращены. Генерала Каледина обвиняли в Петрограде за приверженность к царской фамилии и за то, что он представил царя к ордену св. Георгия; казаки в пику правительству избрали Каледина наказным атаманом войска Донского... В виду непрекращающихся волнений в частях отдал распоряжение о передаче в распоряжение к-ров корпусов по одному казачьему полку и предписал неповинующихся приводить к повиновению силою отряда из пехоты, казаков и бронированного автомобиля. Мера решительная, — бог знает, как к ней отнесутся, но без этого средства ничего нельзя сделать в этой армии...

Вечером говорил опять с генералом Обручевым, который, несмотря на полученное от меня приказание привести полки к повиновению, не решился выполнить, ссылаясь на то, что этого приказания якобы не получил к-р казачьей бригады генерал Бородин, что, однако, неправда, т. к. предписание Бородину было передано в той же телеграмме на имя Обручева. Поставил Обручеву ультиматум: если завтра смена произведена не будет, отрешаю его от командования корпусом. Генерал Лавдовский — к-р 7-го Сибирского корпуса—несмотря на данные уже мною указания, запрашивает, можно ли пускать в дело оружие, каким именно нач-кам и в каком случае, т. к. воен. министр и главкоюз предписывают в случае неповиновения принимать самые решительные меры... Боязнь ответственности!

2 июля. Сел. Тэляче. Гор. Бучач.

По полученным сведениям, при взятии гор. Калуша VIII армией $1^1/_2$ полка так перепились, что обратились в трупы; в городе наши войска стали насиловать женщин, грабить лавки, — словом, проклятая натура сказалась во-всю. Ну и как после всего этого можно говорить о работе каких-то комитетов! Наш армейский комитет дошел до того, что заявил протест против довольствия от штаба армии казачьего съезда, несмотря на то, что съезд этот разрешен и военным министром, и правительством. Протест, конечно, понятный, — в съезде они видят реакционеров... Приказал передать председателю комитета, что при таких отношениях комитет роняет свое достоинство, и я выражаю ему свое неудовольствие.

Вчера констатировали в 104 пех. дивизии один случай, подозрительный на холеру. Для своевременного выделения подобных заболеваний в Подгайцах приспособливаем 2 барака за местечком. Вообще же в санитарном отношении в армии благополучно, о чем вчера доложил мне доктор ст. советник Корицкий.

Сегодня генерал-квартирм. рассказывал, что Гутором якобы недовольны, доказательством чего служит то, что его ничем не наградили, тогда как два командующих армиями — Эрдели и Корнилов — произведены в полные генералы.

Пришлось принять двух членов армейского комитета, пришедших сказать, что они слышали о расформировании VII армии; на это я ответил, что мне это неизвестно и что мне интересно было бы знать, откуда идет этот слух. На это один из членов — чертежник-солдат управления нач-ка инженеров армии—ответил, что в управлении приказано изготовить планы войсковых и тыловых позиций, из чего он заключает, что предстоит сдача позиций, как это было тогда, когда таковые сдавались VIII армии. На это я ответил, что, значит, вопрос о расформировании армии идет от него, и он, так. обр., является источником сплетен, о чем я могу только сожалеть, и тут же нач-к штаба армии выяснил им, что это сделано по моему приказанию для создания карты общей, каковая должна быть выдана и в корпуса с целью, чтобы сами корпуса точно знали свой район в смысле обороны по всей его глубине и так обр. могли бы составить себе план действий. Тут же я добавил, что «если же главнокомандующий признает необходимым для пользы дела расформировать армию, — это его дело, и мы должны будем только подчиниться». Тогда этот нахал ответил: «Но ведь при таких условиях работа армейского комитета не может итти нормально, и без того уж выход корпусов из состава армии, лишая комитет кворума, крайне тормозит его работу». На это я иронически ответил: «Смею думать, что перед вопросом о боевой деятельности армии вопрос о деятельности комитета занимает подчиненное положение и сам комитет может существовать в армии постольку, поскольку существует сама армия, а не наоборот».

Затем поднялся вопрос об ушедших членах комитета с ушедшими из армии корпусами. Они стали просить, чтобы при временном выбытии из армии с корпусами из 4-х членов уходило лишь два. На это я ответил, что считаю их пожелания и правильными и вполне осуществимыми. После этого они представили мне постановление комитета по поводу применения силы, чтобы заставить неповинующихся выполнить свой долг, при этом добавили, что это сильно баллотировалось и вызывало массу возражений, так что они считают это победой большинства. На это я ответил, что своим распоряжением я уже предложил к-рам корпусов добиваться исполнения боевых задач, хотя бы и силою оружия, так как другого выхода не вижу; я очень рад, что комитет понял настроение минуты [2]) и пошел мне навстречу, но повторяю, что если бы он и не пошел мне навстречу, то, в силу возложенной на меня правительством в лице военного министра обязанности, — повторяю: обязанности, а не права, — я вынужден бы был силою привести части в повиновение и в порядок. На это другой член комитета ответил: «В таком случае, генерал, вы бы стали в противодействие комитету, и неизвестно еще, какие бы из этого могли быть последствия». Я ответил: «Я совершенно не заинтересован в могущих быть последствиях тогда, когда исполняю свой долг перед родиной и правительством, и повторяю, что считаюсь с постановлениями армейского комитета постольку, поскольку этот комитет охраняет своими постановлениями честь ро-

дины и той армии, служить которой он призван». Они сделали еще одну попытку к атаке, заявив, что хотят знать, как я смотрю на удаление от должностей офицеров по постановлениям комитетов, при чем добавили, что они разделились полюбовно с комиссаром: он будет удалять штаб-офицеров, а они обер-офицеров. На это я возразил, что никто из них удалять не имеет права, т. к., во 1-х, это предоставлено не им, а военному начальству, а, во 2-х, это противоречит основному принципу революции — равенству перед законом и свободе. «Да, но мы должны охранять революцию», на что я ответил: «Охрана революции не требует введения анархии и произвола, а чтобы успокоить вас по этому вопросу, я вам отвечу, что вы ломитесь в открытые двери, требуя увольнения лиц, вам неугодных: закон и без вас предусматривает обязанность нач-ка устранять от должности лиц, против коих представлены улики и доказательства, и я, как исполнитель закона, имею обязанность отстранять таких лиц впредь до производства следствия над ними. Тут же я указал на то, что комитет позволил себе не исполнить закон и не назначил членов в ускоренные корпусные суды. На это члены комитета стали доказывать, что для этого не было времени, что их нехватает для всех работ и что им предварительно нужно ознакомиться друг с другом. На это я им указал, что времени после боя было 10 дней, число их могло быть, по их же правилам, увеличено до того числа, которое им было бы необходимо, что же касается до личного взаимного ознакомления, то на это им было масса времени, если бы они действительно серьезно отнеслись к этому вопросу. Из всего этого ясно, что весь состав комитета прямо-таки анархичен и работать с ним едва ли будет возможно...

3 июля. Гор. Бучач.

С утра опять доклады, а в 12^{45} часов представлялись члены казачьего съезда, в числе коих был и подъесаул Шапкин, бывший нач-к конвоя при моей дивизии. Сегодня же ожидается манифестация партии народной свободы, и возможны отсюда осложнения с армейским комитетом, дошедшим до такой пошлости, что отказал казачьему съезду в устройстве довольствия. Писаря штаба начинают уже ругать комитет, указывая, что члены его принимают буржуйские наклонности.

Вообще доблесть войск ныне совершенно не та, и роль командующего армией сводится к роли какого-то политического деятеля-бюрократа... Целый день в докладах. Перед обедом приходил с докладом товарищ армейского комиссара г. Сургучев, и мы с ним установили порядок его объезда по частям для ликвидации вопросов неповиновения. Он очень разумный и решительный человек, дошедший до того, что вчера арестовал весь состав полкового комитета одного из полков 108 пех. дивизии.

Сегодня же Совет Крестьянских Депутатов вручил армейскому комитету от себя знамя для армии с надписью «За Землю и Волю». Послезавтра депутаты повезут это знамя по полкам.

С 5 июля приказал во что бы то ни стало начать работу ускоренных корпусных судов. Сегодня ген.-майор Шорин, вступивший в командование 113 пех. дивизией, прислал рапорт с просьбою отчислить его по прежнему месту служения к-ром бригады 5 Ф. стр. див. Успокаиваю, прося не малодушничать. Офицерам 108 п. див., просящим об уходе в другие части, написал утешительное письмо. До какой степени нервны современные революционные деятели и ревнивы, раз что-либо касается их персоны: сейчас звонил ко мне помощник комиссара доктор Григорьев и заявил, что он просит о немедленном арестовании военного следователя, позволившего себе выругать заочно неприличными словами комиссара Савинкова... Требование основывается на том, что комиссар — представитель военного министра. Я спокойно ответил, что на место поехал нач-к штаба, а спешности ареста я не вижу, т. к. пресекать преступления не приходится.

4 июля. Гор. Бучач.

Ночь прошла спокойно. Утро великолепное. Проснулся в 6 часов, а в 7^{30} часов выехал в д. Божникувку, в штаб 7 Сибирского корпуса. В виду плохой дороги прибыли лишь в 11 часов; собраны к-ры 41 и 7 Сибирского корпусов. Приехал и помощник комиссара Сургучев. Наметили порядок работы комиссара и решили немедля приступить к делу. По вопросу о применении силы для принуждения ослушников оба к-ра корпуса высказались с полным одобрением, при чем генерал Мельгунов (41 корпуса) заявил, что при усмирении достаточно было только показаться казакам, чтобы все смирились. Я упорно настаиваю на образовании как можно скорей корпусных судов и начале их работы не позднее 5 июля. С к-рами корпусов переговорил относительно обороны, при чем к-р 41 корп. почти ничего не мог мне доложить по поводу плана обороны, в то время как к-р 7 Сибирск. корпуса и его нач-к штаба генерал Лигнау ясно, точно и определенно сказали о своем плане. Вообще генерал Мельгунов мало, видимо, вникает в дела корпуса, настолько, что не знал сегодня, где стоит его же корпуса Свирский полк. Люди этого полка меня спрашивали: «Кто этот генерал (показывая на генерала Мельгунова)? Мы его еще не разу не видали».

5 июля. Гор. Бучач.

Вчера за обедом у к-ра 7 Сибирского армейского корпуса поднялись дебаты о современном положении, при чем, конечно, помощнику комиссара пришлось столкнуться со взглядами строевого начальства, доказавшего ему всю нелепость современного положения, когда комиссар получает право арестования и удаления каждого генерала и офицера и не имеет права, а вернее, боится проявить право на арест заведомо вредных в полках агитаторов. Удивленный такою отповедью, г. Сургучев сказал, что у него в кармане лежит приказ,

по коему он чуть было не арестовал заведомо провокационный комитет Березенского пех. полка. На это я ответил: «Сознавая даже всю провокационную деятельность комитета, вы все-таки не исполнили свой долг, вероятно, удерживаемые мыслью, что̀ скажут в Петрограде, а потребовать ареста военного следователя за его некорректные выражения по отношению к Савинкову (комиссар Ю.-З. фронта) вы не задумались ни на иоту. Разницы между прежними жандармами и вами, комиссарами, армия, а вернее, ее офицерский состав, не видит никакой».

Ген. Лавдовский доложил мне, что от офицеров поступают ходатайства о разжаловании их в солдаты, т. к. положение офицера становится все бесправнее и бесправнее. Сам Лавдовский до глубины души возмутился, узнав, что каждый комиссар получил право ареста любого генерала и офицера «для поддержания идей революции и закрепления ее основ»...

Ну, может ли при таких условиях итти нормально работа вновь назначаемых начальников, могут ли они честно исполнять свой долг, не заботясь об угождении комиссару, комитету и т. п.? Вчера вечером рассказывали, что 2-й гвард. корпус совершенно отказывается что-либо делать, а в 7 корпусе мне доложили, что когда этот корпус пришли сменять части 12 и 43 сибирских дивизий, то гвардейцы говорили им: «Чего вы идете на смену, — вот мы заявили нашим офицерам, что если нас не возьмут отсюда, то мы их прикончим, и нас отсюда взяли».

Вот ключ для раскрытия истинного понимания докладов к-ра 2 гвард. корпуса о необходимости убрать с позиции корпус, так как ему негде развернуть свою мощь и показать себя!! Вчера же говорили, что и в XI армии 1-й гвард. корпус выведен в резерв, так как категорически отказывается не только наступать, но и обороняться, — вот до чего мы дожили!! А на Западном фронте уже $1^1/_2$ года не двигаются ни с места; нашему наступлению они не поверили и для поверки прислали своих депутатов, которых и отправили в VIII армию. В этой последней что-то происходит также неладное: то самовольный уход с позиции целого полка, то пьянство до мертвецкого состояния целой бригады, то, наконец, отказ полков от наступления.

К обеду пришел товарищ комиссара д-р Григорьев, с которым после обеда разрешали ряд вопросов по поводу ликвидации «политических» дел в полках.

6 июля. Гор. Бучач.

Вчера 800 чел. 104 пех. дивизии, сидевшие на горе [3]), приводились к повиновению. Несмотря на уговоры, ничего не добились; даже высокие разрывы артиллерии ничего не сделали, и лишь после выпуска нормальных разрывов при 7 раненых и 1 убитом зачинщики были выданы, и остальные сдались. Это первая пролитая кровь.

Сегодня стало известно об уходе генерала Гутора, вместо которого назначен генер. Корнилов, а вместо него — генерал Черемисов (VIII). Говорят, ушел за дурное управление. Говорят, что тут много помогли и корреспонденты.

Рассказывают, что, заняв Калуш, наши солдаты не только перепились, но и изнасиловали женщин и расстреливали беженцев—взрослых и детей...

Вечером приходит депутация из членов комитета 159 п. дивизии и ставит ультиматум отвести их в резерв, и если это не будет исполнено в течение 7 дней, то за последствия не отвечают...

В XI армии, севернее Езерны, — прорыв, но подробностей пока нет [4]).

7 июля. Гор. Бучач.

Утром стали поступать тревожные сведения о том, что в XI армии дела плохи и что немцы прорвали фронт. Вслед затем пришло приказание главкоюза немедля принять меры к обеспечению стыка моей армии с XI.

В 16 часов вызывал меня к «Юзу» Эрдели [5]). Обстановка у него тяжкая: 6 гренад. дивизия попросту бросила свои позиции, и немцы, заняв их, стали давить на соседей, которые (17 корп.) побежали; 49 корп., которому приказано было помочь, собрал митинги, «насколько необходима такая помощь», и когда некоторые полки решили, что помочь надо, была уже ночь, и помощь опоздала. Теперь все неудержимо отступает под Тарнополь, и у Эрдели, видимо, нет надежды.

Мне Гутор (который не сдал, видимо, еще командования) приказал собрать к правому флангу целый 3-х дивизион. корпус для наступления во фланг немцам.

К 18 часам получено было непроверенное еще сведение о том, что Езерна занята передовыми частями немцев.

Вызвал председателя армейского комитета, обращая его внимание на необходимость нравственно воздействовать на части 41 арм. корпуса, где сегодня проявились опять признаки неповиновения, а один батальон даже арестовал своих офицеров; послал сегодня туда комиссара. доктора Григорьева.

В разговоре с председателем армейского комитета выяснилось, что командный состав опускает руки; бывший нач-к 5 Заамурск. дивизии генерал Хануков (ныне эвакуированный), получив приказание о передвижении дивизии из одного леса в другой, передал это на обсуждение комитета полков, а комитеты заявили, что надо обсудить на митингах, которые, конечно, все провалили. Вот каковы наши начальники!!!

20^{45} часов из 7 корп. сообщают, что XI армия рассчитывает удержаться 5 и 6 корпусами, но что Езерна безусловно занята немцами.

Сейчас передали, что с одобрения Времен. Правит. Керенский объявил о том, что большевистские газеты надлежит не допускать

в войска, а большевиков арестовывать и предавать суду, как за измену государству...

В конверт прикладываю переписку по поводу вмешательства комиссаров в дела управления операциями. Можно думать, что это будет главная причина увольнения генерала Гутора.

8 июля. Гор. Бучач.

Вчера корреспондент газеты «Русское Слово» Лембич рассказывал, что после взятия гор. Калуша в нем творились такие безобразия, о каких трудно себе представить: полное изнасилование женщин, повешение мужчин, так что трупы висели в окнах, разгром домов,— словом, что-то настолько кошмарное, что он не в состоянии был дольше вынести всего, что видел. Занявшие Калуш немцы посмотрели на захваченных там русских солдат, как на мародеров, и перевешали их...

Вчерашним оперативным приказом ген. Корнилов предписывает всеми мерами строгости — до пулеметов и броневиков включительно— привести в порядок части и заставить их исполнять приказы; то и другое средство Корнилов берет на свою ответственность,— это вот разговор иного характера.

9 июля. Гор. Бучач.

Главкоюз приказал арестованных и нежелавших служить, находящихся ныне за следственной комиссией, отправить на работы. Но это хорошо говорить, а как нарушить закон судопроизводства,— это, конечно, на себя главкоюз не берет.

Больше записывать нет времени,— целый день сижу за картой, размечая передвижения. Обстановка с часу на час становится тяжелее; разрыв с 5 корпусом, на заполнение которого мною настаивает главкоюз. С 3 Кавказ. корпусом тоже разрыв, так как часть людей 159 п. див. самовольно оставила позицию, и в прорыв пошел противник. Весь день все новые и новые сюрпризы: штаб фронта настаивает на сохранении линии; лично убежден, что это вполне возможно, но что делать, когда солдаты при первом же выстреле бегут, бросая винтовки и патроны.

Как всегда, в тылу распространяется паника, а тут еще посещение комиссаров, с просьбою принять меры. Главнокомандующий требует расстрела виновных в бегстве и панике, от Керенского приходит приказ применять § 14 Декларации прав (употребление силы оружия), но разве этими приказами поможешь хоть на иоту?!

День ужасный. Как много надо иметь выдержки и такта, чтобы не показать окружающим, что чувствуешь и что переживаешь, — в душу закрадывается и страх за боевое дело, и ряд сомнений в принимаемых решениях, и презрение к трусу-солдату.

Солдаты толпами неслись по шоссе, кричали: «Немецкая кавалерия!», рубили постромки повозок, грабили наложенное в них добро,

разбивали бронированный автомобиль за то, что он заставляет их держаться на позиции, убивали офицеров, убеждавших их не пачкать себя и исполнять свой долг (нач-к штаба 162 п. див. полковник Хольм).

Словом, полнейший кошмар отступления!!!

Наконец, штаб фронта признал возможным остановиться на той линии, которую предлагал я, — на заранее приготовленной с проволокой позиции по р. Стрыпе с отсеком на Серет. В виду занятия этой линии решили штабом отойти в Гусятин. За постоянной отдачей приказаний и распоряжений опять не спали всю ночь. В ужас приводил меня к-р 45 корпуса (вр. командующий) генерал Ефтин, совершенно потерявший связь с своими дивизиями и допустивший их самовольный уход на восточный берег реки, донося, что «они идут на юго-восток от Трембовля, и остановить их невозможно».

Генерал Скоропадский, прежде чем начать выдвижение корпуса, «объехал все полки» и «убедился, что у всех настроение хорошее», что же касается самого выдвижения, то таковое вылилось в развертывание дивизий. Генерал Шишкин, нач-к Оренбургской казачьей дивизии, совершенно пропал в течение суток, не считая необходимым соединяться со штабом на попутных станциях телефона, или — что то же — телеграфа. А между тем именно его-то ориентировки и были для меня особенно важны. Штаб фронта вообще страшно нервничал, договорившись до того, что заявил, что «теперь смотреть на запад не важно, а следует «на север», — до такой степени они боялись отрыва моей армии от XI. На указания мои, что солдаты просто бегут, и притом панически, мне ответили, что главнокомандующий надеется, что я волью в них свою бодрость и энергию, на что я возразил: «За комплимент благодарю, но полагаю, что в тех мерзавцев, которые бросают оружие и убеждения, в те умы не вложишь ничего...

10 июля. Гор. Гусятин.

Нажим немцев старательно ведется сегодня на мой правый фланг, вдоль р. Серета, но чем же я могу парировать этот нажим, когда в дивизиях у меня на фронте..... [6]) человек.

11, 12, и 13 июля. Гор. Гусятин.

Все эти дни шел один сплошной кошмар отступления бессмысленного и беспрерывного. Солдаты не держатся на позициях, фронт же, как на зло, дает такие линии отхода, на которых совершенно нет никаких позиций, растягивая все время мой левый фланг, дабы не оторваться от соседа. Гвардейский корпус прибывает с страшным опозданием, так же, как и 2 конный корпус; к-р гвард. корпуса, получив донесение о появлении каких-то разъездов на левом фланге, самовольно задерживает шедший уже ко мне 2 конный корпус, и к-р этого корпуса, имея определенную задачу сосредоточиться к Черткову,

остается на месте; в виду перерыва связи все это узнается слишком поздно.

Поведение солдат ниже всякой критики: идет повальное бегство, поджоги и грабежи; был случай, что в селениях переодетый немецкий шпион, крикнув: «Немецкая конница!», произвел невероятную панику среди солдат; его расстреляли.

Сегодня, 13-го, вечером разнузданная толпа в дер. Пробужна стала грабить и поджигать дома; офицеры штаба 12 корпуса стали уговаривать. Тогда послышались крики: «Шпионы, провокаторы», и трое офицеров были ранены выстрелами из этой толпы. Я приказал немедля расстрелять подстрекателя. — Обручев настолько, видимо, слаб, что в Бучаче просил комиссара приказать смотрителю продов. магазина отпустить продовольствие, а его комендант дал письменную просьбу разрешить расстрелять солдата, производившего дебош. Вот до чего низвели даже высший командный состав!!! Вчера, 12-го, приезжали комиссар фронта Савинков и комиссар 8 армии Филоненко. Наглость, с которой они разговаривали со мной, была неописуема, — в каждом слове ясно сквозило желание унизить командный состав, и это желание было так сильно, что Савинков не удержался, чтобы не сказать мне: «Мы настаиваем на предании суду всех виновных нач-ков. Теперь, слава богу, введена смертная казнь, и не только для одних солдат». На это я ответил: «Человека, бывавшего в боях и знающего смерть во всех ее видах, угрозой смерти не запугаешь, но невредно вывести на чистую воду тех, которые извратили армию и доводят ее теперь до позора,— вот кто первый должен подлежать смертной казни». Сегодня комиссар моей армии Загорский определенно сказал мне, что комиссариат, а главное, армейский комитет требуют предания суду всего высшего командного состава армии. Вероятно, что в том числе и меня, хотя Загорский и говорит, что обо мне и речи нет, но думаю, что он лукавит.

Приезжал ген.-майор Иванов (бывший нач-к 2 Финл. стр. дивизии). Уволен, несмотря на успешный бой на прорыве, по несоответствию новым началам. Очень ругает генерала Нотбека за то, что тот лично доложил военному министру, что нач-к 2 Финл. стр. див. настроен «пессимистически», что и было причиною увольнения Иванова в резерв. А пессимизм состоял в том, что Иванов заявил военному министру об истинном настроении полков, отказывающихся от боевой работы и вечно ведущих митинги, что было совершенно правильно. На предложение Керенскому поговорить с 6 Финл. стр. полком, отказавшимся итти на помощь для атаки, Керенский ответил: «С такими мне нечего разговаривать». — Вот ответ, достойный министра-социалиста!

Слава богу, ежедневно приходят все новые распоряжения: по суду введена смертная казнь, но и без этого уж начали разделываться с мародерами и грабителями сами.

Приехал повидаться со мной капитан Леонтьев, и. д. нач-ка штаба ударного отряда смерти имени генерала Корнилова. Рассказывает, что в VIII армии новый командующий — ген. Черемисов—всецело под влиянием армейских комитетов, уступая им лучшие помещения, которые отнимает от офицеров штаба.

При взятии Калуша, по словам Леонтьева, было что-то ужасное: от криков и стонов насиловавшихся нашими мерзавцами женщин заглушалась стрельба. Это же подтверждает и князь Багратион, нач. конной туземной дивизии, которую, впрочем, обвиняют в этих бесчинствах особенно. Конечно, понятно после этого, что, когда мы оставляли Станиславов, жители с балконов бросали в наши войска ручными гранатами.

На этих днях окончательно прикрыли всякие митинги, которые приказано разгонять оружием, — слава тебе, господи!! Но что всего ужаснее, — это то, что теперь-то приходится применять это к лучшим людям, семь дней мученически работающим на своих позициях, а против настоящих-то подлецов это не применялось.

Всеми мерами ловим беглецов, вооружаем тем, что имеем под рукою, и направляем в корпуса, дивизии которых теперь доходят до 600—400 штыков. Вот что делают бессмысленные ни к чему ненужные задерживания армии на позициях — «отходы шаг за шагом».

Сводка показаний пленных и агентурная ясно дает нам картину занесенного на моем правом фланге удара, дабы разрезать меня от XI армии. Если бы одни сутки обождал я еще на позиции, армии грозило бы окружение или отход на юг и, опять-таки, тоже окружение.

Извне идут какие-то темные слухи: говорят, что Керенский, назначенный премьер-министром, арестован и что во главе этого дела стоят казаки, открыто заявляющие, что они не допустят безобразия в России.

Пора бы ввести настоящую крепкую власть: в ней одной у нас теперь спасение...

Но как ловко воспользовался Вильгельм: после нашего «наступления», или вида на наступление, наступила реакция, и какая ужасная. В это время заносится удар на нас; офицер, взятый в плен у Бжежаны при нашем наступлении, заявил определенно: «Теперь мы будем наступать, и ваши побегут, — весь урожай будет наш». А мы-то распинались засеивать поля, брали для этих работ своих солдат из строя, — ужас!

До ночи пробыли в Гусятине; выслав конницу и дав ей задачу прикрытия отхода пехоты, я приказал дивизиону английских броневиков присоединиться к 2 конному корпусу. Любоваться приходится на этих молодцов англичан, таких энергичных, решительных и смелых. Наши броневики значительно хуже.

Останавливаясь на работе некоторых частей, приходится поражаться их мужеству; утомление страшное..

14 июля. Мест. Ярмолинцы.

Утром представлялся мне ген.-майор Верцинский, получивший гв. стрелк. дивизию, — был отчислен от должности нач-ка штаба армии VIII благодаря тому, что Черемисов «в упоении властью» в один день отчислил всех наиболее видных деятелей штаба армии.

Интересная просьба Верцинского: если его будут опять отчислять в резерв, то чтобы в Петроградский округ и по болезни, для чего у него имеется уже свидетельство... Вот какие скромные желания проявляют теперь наши нач-ки, измученные и физически, а главное, морально... Офицерская убыль громадная, — есть полки, в которых она достигла до 50-ти человек.

Наконец-то, сегодня вышел приказ о том, что круг деятельности комитетов не смеет выходить из рамок. Приказ по воен. ведомству 16 апр. с. г. № 213.

До 20^{30} часов ждал приезда главнокомандующего, затем в поезде поехал с ним до Проскурова. В поезде разговор коснулся прежде всего последних дней. Генерал Корнилов заявил, что все его требования в Петрограде исполняются и что он готовит новое требование: уничтожить армейские и прочие комитеты с теми функциями, которые им даны, и строго регламентировать, что̀ обязаны делать комитеты.

Выслушав мой доклад о противнике и проследив шаг за шагом работу нашу при отступлении, Корнилов признал, что̀ положение наше было крайне тяжкое и что мы вырвались из когтей, избегнув с божиею помощью фактического окружения. Тут же Корнилову стало ясно, что виною оставления тяжелой артиллерии и имущества была именно XI армия, откатившаяся назад левым флангом, что и ставило меня в ужасное положение.

Генерал Незнамов [7]) признается виноватым в том, что саркастически относился и относится к современному положению, подчеркивая каждый раз комиссарам, что причиною происшедшего в армии несчастия служит новый порядок с комитетами, комиссарами и т. п. Это же мне подтвердил и генерал Духонин [8]), который очень извинялся за разговор со мной по поводу связи, в которой он всецело винит генерала Незнамова. Нач-ком штаба армии, по моему ходатайству, назначают генерала графа Каменского, который, по словам Духонина, завтра должен быть у меня.

Отношение ко мне генерала Корнилова прекрасное, — видимо, доверяет мне. Вполне разделил мой взгляд на предстоящий нажим немцев на мой правый фланг в направлении на Проскуров. Генерал Духонин говорил мне, что комиссариат и армейский комитет очень недовольны были Гутором за то, что он удалил генерала Бельковича, считая, что он не виноват. Духонин же поведал мне, что уход Гутора произошел из-за его телеграммы, посланной генералу Брусилову по поводу вмешательства в оперативные дела комиссаров Савинкова и Фи-

лоненко. Для удаления Гутора Брусилов приехал лично, при чем Духонин сам стал проситься уйти, но Брусилов и Гутор лично уговаривали его остаться и при генерале Корнилове.

В Проскуров мы приехали в 5 часов 15 июля.

15 июля. Мест. Ярмолинцы.

После обеда отправился на обед в 5 самокатный баталион, блестяще работавший у Козова — в главном направлении нашего прорыва; много говорилось речей, из коих ясно было, что положение офицера тяжкое: оплеванный правительством, угрожаемый солдатами, офицер потерял чувство своего достоинства: констатирован целый ряд случаев бегства с поля сражения офицеров, при чем были случаи, что их расстреливали...

Сегодня же вместе с 23 запасным полком прибыл и 49 Сибирский, упорно отказывающийся итти на позицию; вчера назначил поездку в этот полк генерала для поручений при мне и помощника комиссара, но последний, как всегда, опоздал. Я, вообще говоря, вполне понимаю офицеров, которые страшно возмущаются тем, что штатские допущены управлять армией, наводить в ней порядок и т. п. Положение же комиссаров крайне странное. Сегодня комиссар армии Загорский написал мне бумагу, указывая на то, что его увольняют; в частном разговоре он высказал, что его упрекают, особенно комиссар Юго-Зап. фронта Савинков, в том, что он не арестовывает и не отстраняет генералов и нач-ков частей, не участвует в расстрелах и вообще «не поддерживает престиж комиссара». Я написал по сему случаю телеграмму Савинкову, а копию генералу Корнилову, прося уведомить, по каким причинам увольняется комиссар, являющийся ближайшим моим сотрудником в вопросах, так сказать, «внутренней политики».

Да, с армией сделали что-то невероятное. Однако, со введением строгостей, дисциплина начинает укрепляться: уже кое-кто начинает отдавать честь и слушать распоряжения; по докладу нач-ка инженеров армии, солдаты, назначенные на работы, производят их с полным старанием. — Раб, недоросший еще до свободы, останется рабом; но характерно одно: кадровые солдаты, воспитанные кадровыми офицерами, совсем иначе поняли свободу, нежели все укомплектования, воспитанные худшими и малоспособными офицерами запасных наших полков. Ясно, что на назначения этих кадров не обращалось должного внимания, и туда попадали люди всякого рода и сорта, не понимавшие ни значения воспитания, ни правильного обучения в этих частях, беспрерывно питающих армию. Отсутствие системы, полное непонимание применения теории на практике, отсутствие метода приводят к тому, что у нас нет порядка; даже организовать отход своего корпуса к-ры корпусов не умеют, какие бы средства ни давались им в руки.

16 июля. Мест. Ярмолинцы.

К вечеру пришли комиссар и председатель армейского комитета. Пришли предъявить мне в роде ультиматума исправить мой приказ по армии, запрещающий обращение к комиссарам в том случае, если законом прямо предусмотрена власть нач-ка; вызвано это было тем, что к-р 22 арм. корпуса для открытия в Бучаче продовольственного магазина не решился отдать приказ без комиссара. Теперь эти г. г. комиссары заявляют, что я подорвал их власть и теперь якобы к ним не будут обращаться уже за содействием. Я категорически заявил им, что если они настаивают на перемене приказа, то я даю телеграмму главнокомандующему фронтом, прося меня отчислить от командования армиею. Это, видимо, их не устраивает, так как комиссар Сургучев вторично пришел поздно вечером и стал убеждать меня только, чтобы я впредь, упоминая комиссара, предварительно переговаривал с ним.

Жизнь с этими переговорами становится все неприятнее и неприятнее. Председатель армейского комитета докладывал мне о деятельности членов комитета и о том, что́ было спасено из имущества благодаря распорядительности членов комитета. Так как идет сплошная похвальба членам комитета, то я приказал все это изложить письменно.

17 июля. Мест. Ярмолинцы.

Работы на тыловых позициях ведутся весьма интенсивно под руководством военных инженеров рабочими партиями. Да и сами части работают с гораздо большим рвением. Вообще после издания закона о смертной казни все как-то подтянулось; перемена настроений отмечается и на позиции: части выносят постановления — удерживаться на позиции во что бы то ни стало (159 п. див.); солдаты других частей стремятся переходить в контр-атаки (3-я Финл. стр. див. и гв. Волынский полк). Рядом замечается нежелание брать пленных, которые добиваются нашими, раз только становится известным, что пленные не австрийцы, а немцы (гв. Волынский полк).

В 23^{30} часов говорил по аппарату Юза с генералом Обручевым. Он доложил, что дерутся отлично и выбивают немцев уже и из 1-й линии окопов; из 2-й же уже выбили.

Польский 3-й полк отказался перейти на другое место,— завтра же его расформирую.

Странное дело, — как только Микула Селянинович прикоснулся к земле, у него появилась сила. Нет, наше военное искусство буквально таки держится на силе обороны, т. к. для наступления мы еще не доросли в смысле народного воспитания. Кавказская туземная дивизия, отведенная мною в сел. Кузьмин, куда-то самовольно ушла и не держит со мною связи; пришлось послать по этому вопросу наддрание. Удивительно характерный это народ: загоняя нагайками пехотинцев в окопы, они прибавляют: «Ва, тэбэ Керенский вэлэл сыдеть в акопе,

чего же ты бэгаешь!!» Когда Гучков отчислил их нач-ка дивизии ген.-лейт. князя Багратиона, они заявили: «Зачэм взяли наш князь, давай назад, а то пойдем все на Кавказ». Князя пришлось вернуть. Как рубаки, — это народ великолепный.

18 июля. Мест. Ярмолинцы.

Вчера в газетах сообщалось, что в Ставке верховного собирается большое совещание, на которое приглашены все прежние: Гучков, Рузский и т. п.; определенно стали говорить, что вместо Керенского военным министром назначается ген. Корнилов, а морским — адмирал Колчак. Вызваны также в Ставку Алексеев и Гурко; первый, бедняга, настолько физически слаб, что без катетра не может пробыть 2-х часов. Приглашение этих лиц знаменует собою резкий поворот системы, — надо думать, что поняли, наконец, как нашей армии подходит название «самой свободной в мире армии» (Керенский).

По представленному мне рапорту инспектора артил. армии общая потеря орудий за время отхода армии дошла до 89, преимущественно тяжелых и позиционных.

Вчера генерал Дюгаев рассказывал мне, что паника в XI армии была так велика и обозы отскочили от своих частей так далеко, что штаб 49 корпуса до сих пор питается хлебом, выпекаемым бабами в деревнях. Корпусн. интендант 49 корпуса сразу бросился в Волочиск, при чем по дороге растерял все свои интендантские учреждения. Теперь он отчислен от должности, — давно пора!

Вчера моего адъютанта поруч. Геруцкого притянули в комиссариат по обвинению в том, что он якобы приказал дежурному при мне самокатчику взять винтовку, дабы гнать «всякую сволочь комиссаров, которые выгнали генерала Незнамова, а теперь желают арестовать или убить командующего». Все это возбуждается по доносам солдат — денщика, самокатчика и конного ординарца. Вот до какой гадости стал доходить комиссариат, про который комиссар Загорский определенно выразился, что это — сплошь нечестные, непорядочные, гадкие люди, стремящиеся, как освобожденные рабы, только к одной власти. Загорского увольняют и оставляют буквальных мерзавцев...

В 10^{30} часов поехал на молебен, передачу знамени и смотр 1-му ударному революционному полку. Полк из добровольцев, производит впечатление недурное. Но возмутительна сцена — передача нового знамени через комиссара... Вообще все это с военной точки зрения крайне уродливо и безобразно...

Вечером опять посещение делегатов из Совета Солдатских и Рабочих Депутатов с докт. Григорьевым, которого я теперь при депутатах просто-таки уличаю в незнании законов и в передергивании. Все это приезжают целители армии. Рядом с этим тот же Григорьев докладывает, что из гвард. Павловского полка прибыли к нему депутаты, дабы

выяснить, кто начал отступать первым, — VII или XI армия, и вот Григорьев пожаловал ко мне, обещав выяснить это у меня.

19 июля. Мест. Ярмолинцы.

Отсюда проехали в штабы 7 Сибирского и 22 корпусов; в последнем все неудача по части выбития противника. На фронте спокойно: подвоз артиллер. патронов идет успешно; начинают люди чувствовать себя бодрее и смелее.

Сегодня генерал Корнилов назначен верховным, а на его место главнокомандующим фронтом назначен генерал Балуев. Наконец-то, убрали этого двуликого Януса — генерала Брусилова!!!

Все к-ры корпусов в один голос признают, что введение смертной казни оздоровило атмосферу работы строевых начальников, которые «вздохнули свободно», и вот в это-то время из Петроградского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов приезжают командированные вновь «поднимать дух армии», «расследовать, чем и почему она заболела», а рядом из фронтового комитета председатель телеграфирует в комитеты, что они должны «поднять расшатавшуюся дисциплину», «поднять упавший дух» и «реорганизовать армию на новых началах, в духе демократизации». В начавшее уже успокаиваться состояние мятежно-распущенного духа солдата вновь бросается искра.

Что же будет мудреного, если от нее вновь откроется пожар, и я думаю, что немцы сильно рассчитывают именно на это, — недаром же Гинденбург обещал Вильгельму, что «через два месяца он выведет Россию из строя». А у нас эти реорганизаторы не понимают обстановки... Вступление в верховное командование генерала Корнилова, надо надеяться, сильно изменит направление курса; по крайней мере, все здравомыслящие элементы крайне довольны уходом Брусилова, вечно подделывавшегося под «товарищей». Если Корнилов выдержит свой курс, то оздоровление мощи армии и ее честь будут налицо.

Безусловное уничтожение всяких комитетов и комиссаров — первая задача для исправления армии.

На возвратном пути встретил части 2 конного корпуса, уходящего к м. Оринин в состав VIII армии, которая должна очищать на-днях и Черновицы под сильным натиском немцев. Все к-ры корпусов в один голос жалуются на комиссаров и комитеты; особенно ярко рассказывает ген. Обручев, говоря, что эти господа во время операции через каждые пять минут являлись «знакомиться с общей обстановкой», «требовать себе конвой — эскадрон или хотя взвод, но с к-ром полка», и т. п.

Д-р Григорьев потребовал вывоза из Бучача или Монастержиско (точно не помню) муки, в то время как к-р корпуса спешил вывозом новых орудий, могущих быть оставленными, т. к. незадолго до этого прибыли с тыла на замену пришедших в негодность...

К-р 7-го Сибирского корп. генерал Лавдовский рассказывает, что панику в тылах производили нередко шпионы, из коих один был расстрелян, отказавшись себя назвать, а один раз эту панику произвел офицер одного из Сибирских полков, который теперь предается суду. Все к-ры корпусов возмущены воззванием бывшего комиссара Загорского, который указывает в нем на якобы бежавших генералов. Я, конечно, не отдал это воззвание в приказе, как требовал комиссар, а послал при записках и теперь прошу всех к-ров корпусов опротестовать. Собираю матерьялы против деятельности комиссаров и комитетов, дабы изложить весь ее вред для армии.

Вечером — масса бумаг, от комиссариата, бумаги с ходатайствами за разного рода офицеров, якобы обойденных наградами, несправедливо отчисленных от разных команд и т. п. Возмутительно отношение и самих офицеров, забывающих, а нередко попирающих закон и обращающихся за содействием к комиссару, который все равно просьбы эти направляет ко мне, и я должен вести их вниз для справок и сверок... Комиссар всегда при всякой жалобе офицера видит несправедливость начальства и справедливость его, а при жалобах солдат обязательно становится на сторону последних.

20 июля Мест. Ярмолинцы.

В 8 час. поехал в штаб 2 гв. корпуса, где беседовал с командиром корпуса.

Как в остальных корпусах, так и здесь просят с беглецов, являющихся без оружия, удерживать за оружие деньги по стоимости его из получаемого жалованья.

Как и во всех корпусах, так и здесь говорят, что наступило было оздоровление частей, но вот присланная в комитеты телеграмма председателя комитета фронта Дашкевича *) опять начинает волновать части, т. к. комитеты становятся опять наглыми по отношению начальников.

Телеграмма эта следующая: «В момент тяжкой разрухи в армии, грозящей бедствиями родине и революции, Исполнительный Комитет Юго-Зап. фронта призывает войсковые комитеты к самой энергичной работе по организации армии на демократических началах, к самой энергичной борьбе с контр-революционными происками. Без энергичной деятельности комитетов восстановление боевой мощи революционной армии невозможно. О состоянии своих частей, о всех препятствиях, чинимых комитетам с чьей бы то ни было стороны, Искомитюз просит срочно сообщать для принятия надлежащих мер. № 807. За председателя Исполнительного Комитета Юго-Западного фронта Д а ш е в с к и й».

Несомненно, этот г. Дашевский — солдат.

---

*) Дашевского.

Так. обр., все обращение — сплошной призыв к самостоятельно произвольной работе комитетов с угрозой против чинящих препятствия. Насколько же стала велика наглость комитетов, видно из того, что в присланном мне протоколе (№ — неизвестен) говорится:

«п. 5) Для полной осведомленности и согласованности действий начальств армии установить фактический контроль над действиями всех лиц командного состава через особо уполномоченных армейского комитета. Одновременно с тем для правомерности и согласованности деятельности необходим контроль высших комитетов над низшими.

п. 6) Для поднятия авторитета лиц командного состава принять самые решительные меры к его обновлению, для чего необходимо производить в офицерское звание достойных солдат по представлению полковых и равных им комитетов. Необходимо выдвинуть наиболее энергичных, подготовленных и пользующихся доверием офицеров на ответственные должности, независимо от должности, времени службы и чинов».

К этому характерно прибавить и пункт [illegible]ласящий: «Устранить лиц командного состава, действия коих окажут преступное отношение к исполнению возложенных на них обязанностей, и предавать их военному суду, организованному на демократических началах». Все это сплошное хамство зарвавшихся солдат, из коих $^3/_4$ не бывали даже в боях.

Вызванный мною по этому вопросу товарищ председателя — солдат Пучков — заговорил такую чушь, что граф Каменский [9]) вышел из себя и у них грозила быть невероятная схватка.

Общая идея всех этих комитетских дельцов, а равно и членов комиссариата: никаких законов старых нет, и все действия должны оцениваться по духу времени, с целью оберечь революцию от контрреволюционных поползновений начальников, которым в современном их составе доверия нет. Раз эта идея положена в основу работы наших комитетов, успокоение наступить не может. Для этих господ не убедительны даже страшные потери в офицерском составе, оставшемся на позициях тогда, когда солдаты бежали без оглядки.

Вернулся домой в 16^{45} часов. По дороге встретил «корниловский» ударный отряд, — молодцами выглядят, молодцами и идут.

21 июля. Мест. Ярмолинцы.

Сегодня пришло распоряжение о нерасформировании Польской дивизии, а по отобрании у них имущества при содействии польского комиссара передать на Западн. фронт, где формируется польский корпус, — опять начали возиться с разного рода инородцами!

Сегодня распространился слух о назначении главнокомандующим фронтом генерала Черемисова, — удивительная карьера! Для передачи знамени железнодорожников [10]) по их просьбе назначен 10 Финл. стр. полк, оказавший последнее время выдающиеся боевые подвиги...

Председатель корпусного комитета 12 арм. корпуса донес своему к-ру корпуса о бесчинствах, кои творились всадниками туземной дивизии в Тлумаче и Станиславове. Главнокомандующий положил резолюцию: «Если не будут приняты меры, то весь командный состав дивизии будет предан суду». Теперь дивизия, протестуя против обвинения, требует от этого председателя извинения, угрожая в противном случае уйти на Кавказ, т. к. они не обязаны службой.

Целыми днями у нас всякого сорта посетители. Вечером приезжал генерал Скоропадский [11]) по разным вопросам; вопрос украинизации усложняется тем, что, вопреки обещанию, центральная рада стала присылать туда целые полки. Я приказал генералу Скоропадскому лично ехать и наблюдать за укомплектованием. Все неукраинское передано из 153 пех. дивизии в 104-ую.

Тот же генерал Скоропадский жалуется, что приезжающие из Петрограда члены Совета Солдатских и Рабочих Депутатов проповедуют буквально таки вредные вещи: указывают, что газеты врут, говоря о бегстве солдат, — никакого бегства не было, и если бы не растерялись генералы, то не надо было и отступать; указывают на необходимость объединения комитетов, т. к. это единственное средство против контр-революции, во главе которой стоят генералы, и т. п. Скоропадский определенно говорит, что эти приезжие господа говорят солдатам, что смертная казнь вынуждена у Керенского, но что ее быть не должно и никакое уничтожение людей (расстрел) без суда недопустимо.

Сегодня вновь прибыл поручик Смольянинов с разрешением от генерал-квартирм. штаба фронта формировать батальон для борьбы с дезертирами... Каких только ловкачей теперь не появляется,— каждый хочет улизнуть из строя и устроиться или, как у нас говорят, «окопаться» поглубже в тылу, вывеся, однако, флаг с громкой надписью: «На пользу свободной демократической родины» в духе революции. И болтаются такие господа ни весть для чего, отнимая в штабах время своими прожектами. Такова уж наша бедная родина!!

Сегодня отдал благодарственный приказ генералу Незнамову и приказ с указанием на начавшуюся сознательную работу в частях, не только отбивающих атаки, но и наступающих с успехом.

Один из взятых в плен австрийцев показал, что дальше границы они наступать не будут, что и заявили своему правительству, — итак, довели, наконец, до осуществления принципа «без аннексий и контрибуций». Не подобным ли решением можно объяснить совершающуюся на фронте смену австрийских частей немецкими, которые далеко не склонны следовать тому же принципу.

22 июля. Мест. Ярмолинцы.

Вчера вечером вновь был засыпан целой массой ходатайств комиссара Загорского по просьбам офицеров о переводах, командировках и т. п. Сами офицеры перестают, очевидно, понимать, насколько

они дискредитируют власть подлежащих начальников, а с другой стороны, сами же затрудняют себе эти переводы, командировки и т. п.

Всякое наступление до времени приказано приостановить. На мое представление об организации особого бат-на для розыска и приведения в порядок дезертиров я получил ответ, что, кроме отряда ген. шт. капитана Нежинцева и 1-го ударного полка подполковника Манакина, никаких отдельных отрядов больше не формировать, допуская лишь по одному ударному батальону при дивизии.

Вопрос о назначении главнокомандующего фронтом еще не закончен, т. к. Корнилов настаивает на назначении Балуева, военный же министр, по происках комиссариата, назначил генерала Черемисова; у последнего с Корниловым была крупная неприятность: штаб фронта стал так же, как у меня, управлять армией, но я отвел их деликатно и мягко, Черемисов же написал крайне резкую телеграмму и выслал из армии ген. шт. подполковника Альтмана, прибывшего к нему «для связи», а вернее, для негласного наблюдения за ним из штаба фронта, при чем, высылая, добавил, что если ему не доверяют, то он просит его убрать, а если доверяют, то излишне присылать к нему неопытных, некомпетентных лиц, которые, кстати говоря, держат себя бестактно.

Сегодня обращаю внимание к-ров корпусов на необходимость обращения офицеров и солдат по своим личным и служебным делам по командному начальству, а не к комиссарам и к комитетам.

Сегодня армейский комитет опять стал добиваться издания газеты «Известия Армейского Комитета», что идет вопреки указаний приказа верховного главнокомандующего.

Вызвал председателя армейского комитета шт.-капит. Михайлова, который в конце разговора дошел до такой наглости, что позволил себе заявить, что во время операции чины штаба не делали ничего, а только переписывали бумаги, и их никто не слушался, а работали они — члены комитета; я, ничего не отвечая на это нахальство, сказал: «Я, г. шт.-капит., разговор с вами окончил, и вы можете итти». Михайлов остался с открытым ртом...

23 июля. Мест. Ярмолинцы.

В 7 час. на автомобиле отправился в с. Ольховцы, к позиции 22 армейск. корпуса. Утро великолепное. По пути столкнулись с обозом одного из полков 153 пех. див. Соскочивший с походной кухни кашевар попал под автомобиль и был сбит; ближайший доктор подал помощь, и я захватил раненого в автомобиль для сдачи в госпиталь в м. Городок. Но характерно, что когда я вылез из автомобиля и подошел к упавшему, то из толпы стали раздаваться крики: «Арестовать их!», и только резкий мой окрик с звучной руганью прекратил эту наглость. В Ольховцах остановился у к-ра 9 Финл. стр. полка.

По рассказам к-ра 9 Ф. стр. полка, солдаты крайне враждебно встречают дезертиров и даже секут розгами унт.-офицеров.

По мнению этого к-ра полка, много скверного внесли с собой те кадровые унт.-офицеры запасных полков, которых потребовали в армию: придя в строй вопреки своего желания, они немедленно начали провоцировать и натравливать.

В 13^{20} вернулся домой, где меня ожидал нач-к 22 Сибирской дивизии, который был, очевидно, очень смущен тем, что его заявление комиссару о нуждах дивизии дошло до меня... Я принял его очень ласково, но дал понять, что у него был другой, более скорый способ получить удовлетворение его нужд...

24 июля. Мест. Ярмолинцы.

Вчера вечером беседовали с приезжавшими представителями от железнодорожных служащих киевских, передававших 10 Финл. стрелк. полку привезенное ими знамя. Они в восторге от духа и состояния полка; один из приезжих остается в полку еще два м-ца, чтобы участвовать в наступлении, когда таковое будет; все это люди идейные, но совершенно не понимающие нашей военно-боевой жизни.

За обедом пришел к-р 34 арм. корп. ген.-лейт. Скоропадский откланяться, т. к. он отправляется в Межибужский лагерь. Принес мне попутно рапорт с указанием того вреда, который приносят комитеты.

В 16 часов приехал в Каменец-Подольск, где не застал уже генерала Черемисова, уехавшего в штаб фронта. Ознакомившись с обстановкой, познакомился и с положением вопроса о назначении генерала Черемисова. Когда он был назначен правительством на должность главноком. фронтом, генерал Корнилов требовал генерала Балуева, настаивая на том, чтобы все высшие назначения шли через него; чтобы уладить создавшийся конфликт с Черемисовым, стал говорить по аппарату «Юза» комиссар при верховном Филоненко, убеждавший Черемисова не настаивать на своем назначении, т. к. это грозит уходом Корнилова, что в высокой степени в настоящий момент нежелательно.

Черемисов уперся, заявив, что считаться с личностями он не намерен и настаивает на принятии фронта. Тогда Филоненко стал говорить более резко, ясно указывая, что этого не допустит... и не допустили: к ночи пришла телеграмма, что Черемисов зачисляется в распоряжение правительства...

Ясно, что Корнилов, потребовавший несменяемости нач-ков без его ведома, победил. Можно надеяться, что Корнилов, с божиею помощью, наведет порядок вообще...

Вечером доклад нехо [12]): никакого подвоза с тыла, и живем лишь сбором и перемолом своими средствами...

Но положение затрудняется со стороны крестьян, которые не позволяют производить платные реквизиции у помещиков, заявляя, что $^1/_3$ часть имущества помещиков принадлежит им. Приказал про-

изводить реквизиции с помощью казаков, так как для работы мельниц крестьяне не позволяют рубить лес на дрова.

Сегодня говорили, что Керенский арестован; вообще в составе правительства творится нечто оригинальное, — очевидно, темные силы, руководимые Вильгельмом, ясно и определенно ведут дальнейшую разруху, так как таковая еще не закончена...

Виделся в штабе VIII армии с ген. шт. капитаном Шкеленко, который и рассказал мне о том поголовном разгоне офицеров генерального штаба, который произвел Черемисов; теперь из Ставки приезжает комиссия от союза офицеров, чтобы расследовать дело, — повидимому, союз офицеров возмущен поступком Черемисова.

В виду перехода Каменец-Подольска в район моей армии, я ознакомился с мерами по его внутренней жизни и по ее охранению. Еще до прихода штаба VIII армии там начался грабеж, поджоги и т. п., посему VIII армия установила там особый гарнизон из пехоты и казаков и порядок прохода через город войск, обозов и проч.

Взятый в VIII армии в плен летчик показал, то в Станиславов приезжал австрийский император, заявивший, что дальше границы войска не пойдут, и когда русские будут отброшены к границам, то будет предложен мир всем союзникам или сепаратный мир России. — Словом, дожили до величайшего позора России, которую теперь иностранцы не могут видеть и выражают явное презрение: стыдно теперь смотреть на иностранных военных агентов!

25 июля. Мест. Ярмолинцы.

Лег спать в 1^{20} часов; ночь прошла спокойно. Встал в 7 часов. Утро тихое, теплое, но серое и сырое...

Вчера из штаба VIII армии взяли все данные по расположению и работе тех корпусов, которые прибавляются нам (12-й, 3-й Кавказский), а также и схемы тыловых позиций этого района. Утром приехал ген.-м. Ахвердов, нач-к 5 Ф. стр. див. Утром доклады и рассказы Ахвердова о том, что делается в тылу.

После обеда доклад ген. шт. капитана Нежинцева об ударном отряде генерала Корнилова [13]), который будем переформировывать в полк.

Нежинцев жалуется на Революционный полк подполковника Манакина, говоря, что это — просто банда, без дисциплины. Это совершенно справедливо, тем более, что и сам Манакин, видимо, большой руки фокусник и притом не считающийся с военным начальством, а лишь с комиссарами и комитетами, заявляя им о всех своих нуждах. Занятия в этом полку не ведутся, и на все, что ведет к подготовке боевой, смотрится сквозь пальцы.

После обеда поехал в штаб 22 корпуса.

Жалуются на деятельность комитетов и членов нашего арм. комитета, — общая просьба скорее убрать их. Затем был в штабе 3-й и 2-й Финл. стр. див. В первой рассказывали, что 10 полк выпроводил

членов Петроградского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, начавших говорить, что вина отступления в начальниках; полк определенно заявил депутатам, что они не там ищут причин, так как последние в Совете Депутатов, в приказе № 1 и в комитетах, которые развращают армию.

26 июля. Мест. Ярмолинцы.

В 8 часов поехал в Проскуров для осмотра ударного батальона имени генерала Корнилова. Обошел все роты и команды по помещениям, а затем сказал им приветствие. Отряд производит великолепное впечатление своим видом, выправкой и полнейшим внутренним порядком... Из-за личных ссор и взаимных недоразумений чины отряда остались ненагражденными за блестящую боевую работу в VIII армии, где Черемисов не сходился с Корниловым, имя которого носит отряд.

Приехал сегодня ген. штаба ген.-майор Острянский для расследования деятельности бывшего нач. шт. армии генерала Незнамова. Я дал показание, что его работы за период наступления не знаю, но полагаю, что если бы таковая шла неудачно, то едва ли бы ее потерпел и не исправил главнокомандующий фронтом генерал Гутор, доходивший до таких тонкостей, что лично выбирал места складов. Тут же я поведал Острянскому главную причину жалоб на Незнамова — его неуживчивость с комиссарами и армейск. комитетом.

Сегодня получил телеграмму от Исполнит. Комитета Совета Московских Рабочих и Солдатских Депутатов по поводу того, что он не потерпит чьих-либо посягательств на права комитетов. На это я послал телеграмму главковерху, а копию главкоюзу с просьбой указать мне, кто давал право Совету обращаться ко мне с подобными указаниями. Это совершенно ясная и определенная работа нашего комитета и комиссариата, которых я теперь не принимаю и которые из себя выходят моим молчанием и требованием обращаться ко мне только письменно.

Наглость комиссаров дошла до того, что о прикомандировании писарей и машинистов обращаются ко мне непосредственно. Это я им указал и поставил их на место. Сегодня получена телеграмма от генерала Корнилова, в которой он, подтверждая существование комитетов, сообщает, что вместе с сим разрабатывается строго определенное положение о их деятельности, — давно пора. Вечером приезжал корреспондент «Русского Слова» Лембич, рассказывавший, что происшедший на фронте скандал поставил Керенского в очень тяжелое положение, окончательно доказав всю проблематичность его ожиданий от армии.

Лембич рассказывает, что Корнилов теперь диктует правительству свои условия; положение правительства так непрочно, что поговаривают о возможности перехода к конституционной монархии; все это, конечно, слухи.

Вечером опять доклады; вызвал к-ра 1-го Революционного полка, подполковника Манакина, которому и поставил категорическое тре-

бование остановиться на каком-нибудь штате, а не писать совершенно никому ненужные телеграммы о каких-то чинимых ему препятствиях для сведения ударных батальонов в более крупные части. Идея же этого молодчика совершенно ясна: образованием таких ударных отрядов заменять части, ослабевшие после боев; материальная часть этих последних должна переходить к Революционным полкам. Откуда же, спрашивается, набираются эти части? — из совершенно необученных добровольцев. Дисциплина, по мнению подп. Манакина, должна быть «революционная»; на мою просьбу сказать мне, что же это за дисциплина, Манакин, воспитанник комитетов и комиссаров, ответил, что она основана на доверии к нач-ку...

На мой же вопрос, откуда же масса, не знающая офицеров, может иметь доверие к тому или другому нач-ку, Манакин ответил, что это уж дело этой массы.

Вообще Манакин производит впечатление офицера, ловящего рыбку в мутной воде, пользующегося «обстоятельствами настоящего времени» для своей карьеры.

27 июля. Мест. Ярмолицы.

Городской голова гор. Каменца просит разрешения купить пшеницы и проч. для населения, в виду того, что все продукты забирались войсками. Разрешение дал. Но, вообще говоря, положение относительно продовольствия становится очень тугим.

Сегодня, донося о состоянии в частях армии за истекшую неделю, приходится свидетельствовать, что настроение улучшается, но дезертирство все же продолжается, равно как и жалобы на бесчинство дезертиров в разных уездах; а между тем средств для поимки дезертиров не имеется, так как на всю армию имеем одну казачью дивизию, да и та в 2-х сотнях имеет лишь 55 человек (донесение генерала Попова из Каменец-Подольска).

Сегодня посылаю рапорт генералу Корнилову с приложением документов, характеризующих отношение и работу армейского комитета, при чем ходатайствую об установлении точных границ работы комитетов, их полномочий и прав, указывая, что в противном случае эти права обратятся в бесправие и произвол.

28 июля. Мест. Ярмолинцы.

Сегодня еду в Каменец и на позицию 162 п. див.

В Каменце повидался с генералом Поповым, который в качестве нач-ка гарнизона наводит теперь порядки. Ужасное зло — грабежи крестьян у помещиков, что сваливают на солдат; нередко же солдаты помогают в этом крестьянам.

Необходимо скорейшее введение революционных судов с точным указанием объема и порядка их деятельности; все это поручил своему заведыв. судной частью армии.

Из Каменца поехал в с. Рыхта в штаб 3 Кавказского корпуса. Отсюда верхом поехали в дивизионный резерв—646 пех. полк.

Вид солдат недурной, но настроение не из важных — слышны разного рода выкрики, замечания и т. п.

Верхом добрался до штаба 52 пех. див., где ознакомился с положением на позиции и нуждами полков, а затем поехал на автомобиле в штаб корпуса в с. Рыхта.

Здесь корпусный врач доложил мне, что коллегия врачей его изгоняет, предъявляя ему обвинение в том, что он не привлекал их к работе по устройству эвакуации, а лишь осведомлял их о принятых мерах... В другом случае его же обвиняют в том, что привлекал их к работе, тогда как они должны только руководить.

Так. обр., и здесь коллегиальное устройство, руководимое земскими врачами, во главе коих стоит доктор Цветаев, кроме тормаза и вреда, ничего не приносит.

29 июля. Мест. Ярмолинцы.

Утром опять доклады и масса посетителей. Прибыл полковн. Солодилов (294 п.) с жалобой на нач-ка 74 п. див., отчислившего его в резерв после того, как сам же особенно лестно отзывался о Солодилове и особенно хвалил его Березинский полк. Размолвка и недовольство произошли после того, как Солодилов высказался за необходимость уничтожить полковой комитет и арестовать зачинщиков и смутьянов... Очевидно, что нач-к 74 п. д. подделывается под комитеты, — вот почему и понятно, что его они хвалят и даже рекомендовали главнокомандующему для занятия должности командира корпуса.

Затем приезжал к-р 7 Сибирского корпуса ген. лейт. Лавдовский с ходатайством о разрешении по своему личному делу съездить в Ставку; далее жаловался на нач-ка 113 пех. дивизии ген.-майора Савельева за его постоянное противодействие распоряжениям начальника на почве подделывания под массу. Затем Лавдовский привез сегодня же следующую телеграмму, разосланную корпусным врачам:

«Настоящее время необходимо быть безусловно стойким в проведении установленных в медико-санитарной жизни начал, чтобы предупредить уклонение в дореформенную сторону. Считаю настоятельным среди командного санитарного состава иметь лишь лиц, действующих в принятом в делегатском собрании направлении. Прошу по сношению с местами дать мне список тех, коих надлежит отстранить по несоответствию, и одновременно список кандидатов на их место. 30 июля назначено при упсанюз заседание совета искомитетов, прошу члена и вручить ему материал по поставленному вопросу. 16.384. Председатель искосана Цветаев.

Передавая телеграмму искосанота для немедленного обсуждения и принятия решения по содержанию, искосанот семь просит выслать заключение корбюро нарочным Проскуров. Санот семь двадцать

девятого совещание, двадцать восьмого Яромирке корбюро 22 и 7 Сибирского и 2-го гвардейского также состоится и члены искосанот прибудут. 428.026. К у т о м а н о в».

Так. обр., здесь захватным порядком осуществляется выборное начало тем более курьезное, что дивизионного, напр., врача аттестуют лишь двое младших его врачей.

Сегодня отправил генералу Корнилову рапорт о деятельности комитетов.

Ходатайства полков, заявленные мне вчера в 3-м Кавказск. корпусе, следующие:

1) Дать укомплектование, так как, напр., 52 п. д. имеет лишь 3500 шт.

2) Дать винтовки и большие лопаты; мерзавцы товарищи все это побросали.

3) Помочь в починке орудий и в замене расстрелянных, количество каковых дошло до 50%; дать минометы, сигнальные ракеты 3-х цветов.

4) Увеличить отпуск пакли, сала и протирок.

5) Наладить подвоз к Каменцу артиллерийских запасов, образовав там склад.

6) Помочь в получении лошадей взамен павших хотя бы путем реквизиции.

Сегодня товарищ комиссара Сургучев по телефону сообщил мне о мерах, принимаемых в 12 корпусе против бат-на, отказавшегося итти на смену: его расформировывают по всей дивизии, а одну роту, которая сопротивлялась, «награждают» черными нашивками на рукава.

Тот же Сургучев просит о наряде солдат для уборки хлеба; по этому вопросу собираю сегодня в Кутковцы всех к-ров корпусов.

Погоня теперь за урожаем есть следствие неорганизованности этого вопроса в тылу до нашего отступления, — все воображали, что пойдем дальше вперед, не думая о возможности итти назад. До сих пор не знали, что доставка продуктов с тыла не только не обеспечена, но просто-таки невозможна.

В виду целого ряда бестактностей в выражениях по поводу комиссаров и комитетов, поручика Геруцкого, состоящего при мне адъютантом, отчисляю от себя.

К 17 часам приехал полковник румынской службы с нашим полковником; завтра собираются ехать ко мне в армию; я предложил вместе со мной на левый фланг — в 11 пех. дивизию. Сопровождавший румына наш полковник поведал мне, что генерал Корнилов все больше и больше убеждается в необходимости уничтожения комитетов и во всяком случае в сокращении рамок их деятельности, и что, по всем вероятиям, на-днях выйдет это распоряжение. Во время поездки Корнилова в Киев на него было произведено покушение; его поезд обстреляли, но, к счастью, попортили только вагон II класса.

Этот же полковник рассказывает, что вообще начинает сильно сказываться стремление взять власть в крепкие руки, при чем влияние Керенского начинает падать.

30 июля. Мест. Ярмолинцы.

В 8 часов на автомобилях поехали на Жванец и далее на позицию 11 пех. дивизии.

Поехали в дер. Окопы, где был построен 42 пех. полк; к-р полка — очень молодой и энергичный, но с большой хитрецой полковник. Докладывал мне, что хотел бы отдохнуть, да боится, что без него полк «развалится», на что я ответил, что в таком случае он, очевидно, не воспитывает полк, а лишь гипнотизирует, — видимо, был смущен.

Но вообще вид людей отличный, а последние успехи дивизий подняли дух дивизий вообще.

Отсюда поехали на позицию 41 пех. полка, где также дух людей отличный, работы на позиции идут успешно.

На обратном пути принял 43 Охотский полк, особенно отличившийся в последнем бою; говорил им речь на тему о необходимости наступления... После обеда у нач-ка 11 пех. див., в 16^{30} часов поехали в Каменец, распростившись с нашим гостем — румынским полковником, ходившим вместе со мной по окопам с целью доложить своему королю о настроении армии и прочности остановки нашей на Збруче. На прощанье полковник сказал мне, что доложит своему королю о прочности моего левого крыла, так как видит здесь твердую и разумную руку. Конечно, все одни комплименты, но ужас в том, что несчастная страна-союзница принуждена посылать своих делегатов следить за своей соседкой...

При проезде через м. Жванец обратил особенное внимание на удивительно распущенный вид солдат 56 пех. дивизии, бродящих без поясов и без погон по улицам и площадям, — полная противоположность частям 11 пех. дивизии.

31 июля. Мест. Ярмолинцы.

Сегодня пришла телеграмма, указывающая на мою телеграмму в корпусах о запрещении без нужды обращаться к комиссарам. Разъяснительная по этой телеграмма не упоминается совершенно, и, так. обр., комиссариат заведомо передергивает вопрос, указывая, что между мною и комиссариатом установились неправильные отношения...

Вероятно, этим вопрос не кончится, и мне придется либо заговорить более крепким языком, либо бросить армию и поехать отдыхать в Киев, что будет несравненно приятнее, чем жить при таких невозможных условиях... Вмешательство комиссариата во все дела безо всяких знаний делает невозможным положение начальников, которые в один голос говорят, что если дальше пойдет такое же вмешательство, то начавшееся оздоровление армии погибнет навсегда:

сразу устрашенные введением строгих мер и властью, солдаты говорят теперь, что это их только так пугали, а что применить этих мер не посмеют, — так им теперь внушают приезжающие члены Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, допытывающиеся в частях, кто виноват в позорном бегстве и отступлении, старательно доказывающие, что вся вина в нач-ках, которые нарочно приказывали уходить, чтобы вернуться к старому режиму и старой власти...

Старшие нач-ки становятся игрушками в руках комиссаров. Вместо того, чтобы разобраться в моем распоряжении или хотя бы запросить меня, в чем дело, генерал Балуев телеграммою пишет, что не допускает таких распоряжений, что комиссары поставлены от правительства и т. п. От кого же, спрашивается, поставлен старший командный состав, и кто отнимал от него предоставленные ему положением о полевом управлении права? Это не жизнь и не работа, а вечные каторжные работы...

К обеду приехал нач-к казачьей туземной дивизии ген.-лейт. князь Багратион; приехал просить разрешения перейти с дивизией в район за Деражню, в виду крайних трудностей в пропитании и необходимости получить укомплектования.—Объяснил ему, что до окончания операции, если таковая состоится, дать такое разрешение не могу.

После обеда поехал с нач-ком штаба в Проскуров на заседание по поводу урегулирования вопроса продовольствия путем реквизиций.

Всесторонне осветили этот вопрос в Проскуровском и Летичевском уездах, и ни к чему нельзя было притти в Каменец-Подольском, где сбежала продовольственная управа. Посему пришли к такому заключению: от Проскуровской и Летичевской управ при корпусных интендантах будут представители-делегаты (что уже частью и осуществлено), а в Каменец-Подольском работа интендантов будет вестись с помощью только волостных комитетов, пока мы не вернем из Винницы уездный комитет. Что касается губернского комитета, то таковой совершенно не принимает никакого участия и не объединяет уезды, благодаря чему распределение реквизиций, естественно, неравномерно и не основано ни на каких статистических данных.

Забавная роль в этих вопросах товарища комиссара Сургучева: не зная ни законов, ни положений, стоя на одной только точке зрения, что крестьянин прав, а помещик — изверг, Сургучев предлагает меры к обузданию помещиков, ставя войска в роль посредников.

Я категорически отклонил этот способ, заявив, что мы должны получать, а не быть судьями и примирителями. Относительно расплаты с помещиками — установили ее путем квитанций, а не деньгами, т. к. хлеб объявлен государственною собственностью и расчет с владельцем, конечно, надо предоставить государственному учреждению — управам, которые, конечно, лучше знают отношения помещика к казне.

Заезжал в ударный Корниловский полк; там сестра милосердия рассказывала ужасы, бывшие на Западном фронте, где братание дошло

до проводки телефона к противнику, которому передавались от нас все сведения. 2-я Кавказская дивизия дошла до того, что бригада, бросив позиции и захватив свои пушки, стала обстреливать свои же тылы и штабы дивизии и корпуса. Это было буквально братоубийство... Сестра говорит, что во главе полка стал фельдшер...

Вечером были на спектакле, устроенном ударным Корниловским полком; прошло все отлично...

1 августа. Мест. Ярмолинцы.

9^{30} часов выехал на смотр туземной конной дивизии. Встреча мне устроена en grand. Смотр прошел великолепно, после чего прекрасный обед с песенниками и восточными танцами под зурну... Пережил прекрасные часы старого режима военного, видев прекрасную боевую часть с прекрасным духовным настроением.

В 16 часов поехал в Сатанув в штаб 41 арм. корпуса, т. к. решил побывать в окопах. В штабе корпуса ген.-лейт. Мельгунов доложил о состоянии частей, при чем указал, что состояние некоторых неважное; корпусный комитет раскалывается на 2 партии, из коих одна признает необходимость дать нач-кам дисциплинарную власть, другая же не признает. Поправка некоторая замечается лишь внешне: больше отдают честь, меньше рассуждают и т. п. Однако на ближайшие дни надеяться и рассчитывать на части корпуса Мельгунов не может.

2 августа. Мест. Ярмолинцы.

С утра сел за доклады и разбор представлений к наградам за бои; характерная особенность: прапорщиков за ничто представляют как к первой награде — к ордену св. Владимира 4 ст., минуя все остальные награды...

Затем пришел по ряду вопросов товарищ комиссара Сургучев. Разговорились по разным вопросам; между прочим, он заявил, что корпусный комитет 22 арм. корп. запрашивает его о причинах ухода генерала Обручева, т. к. считает, что он вполне удовлетворяет текущему моменту и вполне пригоден для дела, — вот как стали рассуждать комитеты! Далее он поднял вопрос о препятствиях, якобы чинимых штабом изданию газеты армейского комитета. На это я возразил, что штаб всецело шел навстречу, но что комитет проявляет бесконечную наглость, позволяя себе даже не отвечать на мои запросы о предоставлении списка членов, о предоставлении сметы на оборудование и содержание типографии, т. к. без этих данных я не в состоянии даже ходатайствовать об ассигновании им отпуска денег; пользуясь этим, комитет требует деньги из экстраординарных сумм и в то же время тормозит открытие «Армейской Газеты», которая должна издаваться штабом, а не комитетом. Наглость вообще комитета и комиссариата доходит до того, что, требуя от штаба армии авансы, они из них назначают себе суточные, пособия, жалованье писарям и т. п., и все

это безо всяких штатов, табелей и распоряжений. Попытка штаба протестовать приводит к скандалу: немедленно летят телеграммы военному министру, верховному главнокомандующему и главнокомандующему фронтом. И тогда начинается со всех сторон трезвон и вопль.

Далее Сургучев коснулся взаимоотношений нач-ков и комиссаров, высказывая мысль о необходимости работать в «контакте». На это я ответил, что подобная работа вполне возможна, если только со стороны комиссара не будет стремления стать выше существующих законов, во 1-х, а во 2-х, не будет ясно определенного намерения во всем и во вся обвинять начальство. Далее я указал ему на всю ненормальность создавшегося положения, когда, вопреки закона, офицер обращается к комиссару с рапортом по делам, комиссара не касающимся, а сам комиссар принимает сам на себя роль представителя военного министра во всех нужных и ненужных случаях.

Сегодня получена телеграмма к-ра 2 гв. корпуса о начавшемся волнении в 1 гв. стрелк. полку на почве производства реквизиций: солдаты отстаивают интересы крестьян и по наущению агитаторов доказывают, что реквизиции выдуманы офицерами, дабы поддержать помещиков и буржуев. Положение офицеров, по донесению Вирановского [17]), трагическое: к-р полка убит во время вмешательства; командирован на место комиссар Сургучев, т. к. воздействие словами делу не помогает. Нач-к дивизии генерал Верцинский к-ром корпуса отрешен по болезни, т. к. у него есть свидетельство, Вирановский же считает Верцинского вообще не подходящим к занимаемой должности, т. к. его приемы не отвечают текущему моменту.

Во всяком случае, Вирановский считает, что волнение вносится приезжающими во фронт лицами, намекая этим на приезжавших членов Совета Солдатских и Рабочих Депутатов.

В 16 часов поехал посмотреть 1 ударный революционный полк Манакина, два бат-на которого уходят сегодня ночью на Збруч.

Между прочим, мне было доложено, что пулеметная команда не желает итти с своим бат-ном, т. к., по мнению солдат, на ударные войска смотрят подозрительно. Я приказал отобрать от них матерьяльную часть, их переписать и безотлагательно арестовать.

Пока я вел беседы по обучению роты, в команде одумались и прислали просить извинения, выдав и 3-х зачинщиков.

Оказалось, что эта команда из 1-го Ораниенбаумского пулеметного полка, полного большевиками и отличавшегося своими художествами.

3 августа. Мест. Ярмолинцы.

Сейчас (12^{40} час.) подали телеграмму об отмене приказа главковерха о конфирмации приговоров революционных судов комиссарами. Обязанность эта оставлена за строевым начальством. Так. обр., тяжелую обязанность конфирмации эти «друзья народа» отстранили от себя

и свалили на то же начальство, которое ими выставляется реакционерами и врагами армии и революции.

В виду обострившегося положения в 1-м гв. стр. полку, команд. корпуса просит подготовить 2 полка конницы, батарею и броневики. Собираю из 1 Оренб. каз. див., т. к. туземцы ни за что не пойдут на усмирение.

4 августа. Мест. Ярмолинцы.

Вернулся домой в 1 час и застал у себя ген.-майора Верцинского, представленного к отчислению от командования гв. стр. дивизиею в виду происшедших там в 1 полку беспорядков.

По его докладу, беспорядки подготовлялись путем агитации, при чем вылились в форму убийства полковника Быкова и капитана Колобова на почве строгости обоих, о чем солдаты заявили комиссару сегодня, не дав, впрочем, ни одного конкретного случая. Наглость солдат дошла до того, что они отказывались даже выдать тела покойных для вскрытия с целью надругаться над ними. После убеждений, тела были выданы, но с условием, что им выдадут их обратно, «дабы их не повезли в Петроград или Царское Село, как мучеников».

Генералу Верцинскому инкриминируется его приказ, где он дает указание о сборе урожая отдельно — на случай необходимости его сжечь при отступлении, как того требуют все предписания свыше.

Генерал Врановский, отдавший по вопросу о реквизиции неясный приказ, теперь обвиняет того же Верцинского. — До чего исподлились, до чего исхамились мы, старшие нач-ки, при новом революционном режиме!

Сегодня утром у меня был юнкер-еврей одесского училища, две недели тому назад пошедший в качестве добровольца в 49 Сибирский стр. полк, где вел пропаганду о необходимости дисциплины и порядка. Видно, страшно огорчен тем, что́ пришлось видеть и переживать, и категорически заявляет, что армия еще очень «больна» и едва ли может поправиться. По его мнению, можно ожидать насилий и убийств офицеров, положение которых двояко: старшие — мученики, а младшие — либо подделываются под массу, либо, наоборот, резким пренебрежительным обращением к солдатам разрушают дело и разжигают страсти. Вообще картинка грустная...

А рядом с этим товарищ комиссара Сургучев не решается конфирмовать приговора революционного суда 19 пех. див., по коему 5 челов. подлежат смертной казни, а 19 чел. — каторжным работам. Он просит о вызове товарища полевого прокурора, чтобы посоветоваться... Ну, как можно назначать на ответственнейшие места комиссаров людей безо всякого образования и лишь имеющих богатое революционное прошлое — 8 — 10 лет каторги и участие в разного рода политических убийствах. — Я думаю, что таких вещей не знает ни одна армия!

Далее была беседа председателя революционного суда, привезшего на конфирмацию комиссара постановление этого суда. Конечно, г. Сургучев выказал себя безусловной невеждой и старался доказать, что он должен конфирмировать постановление, а когда товарищ полевого прокурора доказал ему его ложный взгляд, то он начал придираться к формальной стороне вопроса, а т. к. суд состоял из совершенно неопытных людей, то таких придирок нашлось не мало, тем более, что в положении об этих судах ясно сказано, что они должны руководиться положениями о полковых судах, что далеко не имеет той же быстроты в решениях, как в полевом суде. Так. образ., данное право революционного суда обставлено такими формальностями, которые приводят его решения к решениям полковых судов, — это, конечно, вполне последовательно. Итак, революционный суд в данном случае потерпел фиаско. А вместе с тем и сами нач-ки во главе с нач-ком 19 пех. дивизии приложили свои ходатайства о смягчении участи подсудимым... страха ради перед угрозами солдат.

5 августа. Мест. Ярмолинцы.

Сейчас пришла телеграмма от главковерха с указанием, что в одной из армий армейский комитет постановил учредить контроль над действиями начальствующих лиц и штабом и, несмотря на неутверждение этого постановления командующим армиею, приступил к его проведению в жизнь. Главнокомандующий, признавая подобные действия неправильными, предлагает комитетам точно соблюдать статьи положения, по коим комитет в случае обнаружения каких-либо неправильностей только доводит о них до сведения командующего армиею.

Полагаю, что, получив мои рапорта, генерал Корнилов сразу увидит, куда клонит наш армейский комитет, и поймет ту роль, которую он желает принять на себя *).

Вчера генерал Врановский в телеграмме относительно вызова карательного отряда указывает, что, лишенный дисциплинарной власти, он не считает себя в праве пользоваться и карательным отрядом, который вызван по требованию комиссара.

Направляю этот рапорт со своим заключением главнокомандующему фронтом и высказываюсь за передачу права употреблять карательные отряды комиссарам в виду отнятия от нач-ков дисциплинарной власти, как предупреждающей крупные нарушения.

Позавчера пришло приказание о расформировании третьеочередных дивизий, при чем солдаты этих дивизий направляются из крепких полков в свои корпуса, а из слабых — в запасные полки для настойчивого и энергичного обучения.

У меня в армии подлежит, так. образ., расформированию 5 дивизий.

---

*) Телеграмму эту направляю в арм. комит. в дополнение к данным мною лично указаниям.

Некоторые к-ры корпусов (12-го) очень жалеют о расформировании этих дивизий, т. к. полки успели в боевом отношении показать себя превосходно...

Пришла новая телеграмма главковерха с указанием, что комитеты собираются собрать фронтовой съезд в Киеве, при чем объявляется и программа съезда, настолько расширяющая права и полномочия съезда, что касается, напр., пригодности командного состава, и т. п.

Указывая на самовольное расширение комитетами их прав, главковерх запрещает съезд...

Так. обр. нанесен второй удар по комитетам. Наглость этих последних, и особенно армейского, дошла до того, что в своем последнем постановлении он называет нач-ков контр-революционерами и постановляет впредь до смены этих нач-ков приверженцами революции упорно отстаивать права комитетов. Я предложил товарищу полевого прокурора высказаться, как понимает он это постановление, в смысле соответствия основному положению о комитетах по прик. по В. В. 1917 г. № 213.

Генерал Вирановский опять прислал телеграмму с указанием на ухудшающееся настроение войск и на необходимость ввести комиссаров в каждый полк, передав им управление полком вместо офицеров, которых оставить в качестве тактических и строевых работников...

6 августа. Мест. Ярмолинцы.

С утра опять бумаги, в числе коих характерный рапорт к-ра 34 арм. корп. о том, что корпусное бюро врачей признало непригодным к службе корп. врача доктора Бекаревича и выбрало доктора Войцеховского, который отказал к-ру корпуса в присылке протокола заседаний; т. к. подобный же случай был и в 3 Кавказ. корпусе, при чем совершенно определенно выясняется, как и у нас, тенденция убрать всех старших лиц командного состава, начавших службу при императоре Николае II (см. интервью Савинкова), а в то же время выборное начало еще не объявлено, то я представляю этот рапорт главнокомандующему фронтом и испрашиваю указаний...

Вопрос с 1 гв. стр. полком до сих пор не решен: и к-р корпуса, и комиссар медлят и заявляют, что для применения к полку силы необходимо вывести всю дивизию в резерв. Вместо решительных действий, шли только одни разговоры, при чем комиссар сваливает на к-ра корпуса, а последний на комиссара...

Требую к себе к-ра корпуса. С комиссаром сегодня поговорил очень крупно: этот господин стоит в явной оппозиции к командному составу, всюду отыскивая разные вины и придираясь буквально ко всему. И он же все время старается доказать мне, что нам с ним надо итти рука в руку.

Сегодня комиссар получил телеграмму о том, что постановления революционных судов подвергаются конфирмации командующего ар-

мией совместно с комиссаром, при чем в случае их несогласия дело представляется главнокомандующему.

Глубоко убежден, что соглашение будет очень редко, — настолько мы находимся на разных полюсах...

Новое положение о революционных судах сводит их фактически к обыкновенным судам, т. к. допускает заменять смертную казнь каторжными работами, — словом, все идет на попятный.

Что же происходит теперь в печати? Не только в газетах, но, главное, во всех постановлениях армейских комитетов идет травля командного состава, который обвиняют в отступлении армии, в нежелании укрепить революцию и т. п. И вот подобными газетами снабжаются наши части. Постановления арм. комитета особой армии дошли до того, что обвиняют даже Корнилова в желании узурпировать власть...

Хороши же и к-ры корпусов: если один просит для командования полком назначить комиссара (к-р 2 гв. корпуса), то другой (12 корпуса) на мой запрос, почему он не заставил председателя корпусн. комитета поехать в туземную дивизию и извиниться, как это приказано верховн. главнокомандующим, ответил мне, что не считает себя в праве приказывать председателю корпусного комитета. Я ответил ему, что даю срок до 12 час. 7-го авг., после чего доношу главковерху и главкоюзу о неисполнении их приказания...

Это господа, вышедшие из школы генерала Черемисова, окружавшего себя комитетами.

Сегодня капитан Нежинцев представил прокламацию, которая раздается в Проскурове из Совета Солдатск. и Рабочих Депутатов. Прокламация призывает к братанию с противником и к неповиновению нач-кам. Вообще развал армии продолжается усиленно. Приказал выбрать главнейшие постановления арм. комитета и их «Известия» и представлю главнокомандующему, как призыв, недопустимый со стороны комитетов как военно-общественных организаций.

7 августа. Мест. Ярмолинцы.

Поехал в Проскуров осмотреть аэрофотограметрический отдел штаба. Осмотрел в отделе «развертывание» аэрофотографических снимков, дал указания относительно фототипа, снялся в группе и поехал домой, благо, надо было еще беседовать с генералом Скоропадским, приехавшим по вопросам «украинизации» своего корпуса.

«Украинизация» эта идет довольно вяло, т. к. украинцев посылают не только в этот корпус, но и в другие дивизии (74, 56 и 113), чего я уже просил не делать. Заминка происходит и внутри корпуса, т. к. офицеры-украинцы недружелюбно относятся к офицерам не-украинцам, каковые временно оставлены еще в корпусе... Скоропадский кое-как улаживает недоразумения, но лично считает, что созданием

украинского корпуса Россия ставит себе в будущем очень большую политическую задачу. В частях корпуса работы очень много.

Кстати, сегодня прибыл генер. Левстрем, назначенный начальником гв. стрелк. дивизии. Трусость этих подлецов гвардейцев дошла до того, что не решаются присутствовать при назначенном на завтра приводе в порядок 1 Стр. полка. Особенно подлую роль сыграл Вирановский, вчера согласившийся назначить Левстрема для руководства карательными отрядами, а сегодня отказавшийся от своего решения.

Несомненно донесу главнокомандующему фронтом, дабы дать ему ясную характеристику.

Инцидент с туземной дивизией продолжает развиваться: дивизия требует извинения, а председатель корпусного комитета, не идя навстречу, ищет поддержки у армейского комиссара и затягивает время. А дивизия все волнуется. Подал новый рапорт-телеграмму главкоюзу, т. к. комиссар, приняв, конечно, сторону председателя, обвиняет дивизию.

Нач-к 2 Ф. стр. дивизии доносит, что он ничего не может сделать с 6 Финл. стр. полком, который отказывается выходить и на работы, и на занятия. Генерал Демидов [14]) доносит, что скоро едва ли удастся изменить настроение, т. к. полки дивизии пополнились реформированными бат-нами гв. Финляндского и 13 Финл. стрел. бат-нов.

8 августа. Мест. Ярмолинцы.

Ночь прошла спокойно. Встал в 7^{30} час. Утро идеальное.

Вчера из Каменец-Подольска приезжал ген.-майор Попов, который с каждым днем становится все невозможнее: будучи нач-ком гарнизона, Попов абсолютно ничего не берет на свою ответственность и за всяким пустяком телеграфирует в армию. Все обращения к нему жителей и комиссаров направляет опять-таки в армию, испрашивая разрешения, и дошел даже до того, что бумаги в соседнюю с ним армию направляет через наш штаб. К сожалению, до сих пор нет об нем никакого ответа из штаба Румынского фронта, — пора, давно пора убрать его. Вот такие господа подбирались у генерала Щербачева, как бывшие его знакомые и родственники... Говорят, что генерал Щербачев занимался главным образом своей семьей, очень мало или, вернее, вовсе не бывая в частях армии.

С Щербачевым жила его жена и замужняя дочка, и беда была штабным, которые рискнули бы не быть приятными этим дамам. Зато всяким комитетам давалась широкая свобода действий, полномочий.

Наглость комитетов доходит до того, что вчера от Савинкова (управл. воен. минист.) пришла телеграмма о том, что для издаваемой комитетом газеты должны быть возвращены шрифт, машина и отнятое помещение. Кем отнято помещение, какой шрифт надо вернуть, — это, конечно, неизвестно Савинкову, дающему телеграмму

со слов председателя комитета шт.-капит. Михайлова, уехавшего жаловаться на какие-то притеснения со стороны моей и штаба армии.

Решил написать особый доклад главнокомандующему фронтом, изложив весь вред деятельности армейского комитета.

После обеда еду смотреть части 56 пех. дивизии к сев.-зап. от Каменец-Подольска.

Сегодня же закончилось дело 1 гв. стр. полка, — арестовано 814 челов., при чем под угрозой действия артиллериею выдали и убийц полковника Быкова и капитана Колобова.

Примечания.

[1]) Новый главнокомандующий Юго-Западным фронтом.

[2]) Очевидно, автор разумеет под этим выражением требования момента.

[3]) Речь идет, очевидно, о части 108 пех. дивизии, отказавшейся от повиновения с оружием в руках и удалившейся на какую-то гору.

[4]) Контр-атака германцев, как ответ на известное «июньское» наступление Керенского.

[5]) Командующий XI армией.

[6]) Пропуск в подлиннике.

[7]) Начальник штаба VII армии.

[8]) Начальник штаба Юго-Зап. фронта, впоследствии наштаверх и главковерх.

[9]) Вновь назначенный вместо генерала Незнамова начальник штаба VII армии.

[10]) Делегация железнодорожных рабочих, прибывшая из Киева.

[11]) Командир 34 арм. корпуса, впоследствии был гетманом Украины.

[12]) Начальник этапно-хозяйственной части армии, ведавший вопросами транспорта и снабжения армии в целом.

[13]) Этот отряд, впоследствии переформированный в полк под командованием того же Неженцева, играл крупную роль в судьбах Корниловщины и добровольческой армии.

[14]) Начальник 2-й финляндской стрелковой дивизии.

Из дневника А. Д. Протопопова [1]).

21 апреля 1917 г. командированный в Чрезвычайную Следственную Комиссию Временного Правительства для производства следственных действий А. А. Спичаков-Заболотный в присутствии понятых Александра Владимировича Приселкова и Бориса Львовича Степанова производил осмотр тетради, полученной им от председателя Комиссии Н. К. Муравьева, о чем и составил протокол.

Тетрадь в клеенчатой обложке. На заглавной странице ее имеется следующая надпись: «15 марта 1917 г. А. Д. Протопопов. Петропавловская крепость, Трубецкой павильон. Камера № 43. — Взошел в нее 27 февраля 1917 г. вечером; привезен вместе с ген. Беляевым. На полу сохранился узор ковра, которым был покрыт пол, и несколько отметин от других предметов; кто в ней жил?»

На оборотной стороне заглавной страницы имеется текст следующего содержания: «облатка [2]), чай 9—10 ч., 10 до прогулки — чтение и ходьба (около $1^1/_2$ ч.), чт., прогулка, писать до обеда 2 ч. — около $1^1/_2$ ч. (с 2-х до 3-х) обед и отдых, 3 ч., облатка — (до 4-х писать — 1 ч. ($1^1/_4$ ч. $^1/_2$ ч. ходьбы (с $4^1/_2$ до 6 писать — $1^1/_2$— (6 ч. бром или валериан (6—7 читать — 1 ч.—($^1/_4$ ч. ужин и ходьба) $7^1/_4$—9 ч. чтение и писание — 2. (Сделать постель, спать, если богу угодно).

Писания 4 ч.
Чтения $4^1/_2$
Прогул $^1/_2$
На обеды и пр. 2.
Ходьбы $^1/_2$

$11^1/_2$ ч.».

Протопопов начал дневник 15 марта. К этому времени у него, видимо, произошел некоторый психологический перелом. Он несколько успокоился. Этому спосо-

---

[1]) Протопопов, Александр Дмитриевич, из потомственных дворян Симбирской губ., действительный статский советник. Родился 18 декабря 1866 г. в с. Марысове, Нижегород. губ. Имел в Красунском уезде 4657 десятин земли, суконную фабрику и лесопильный завод.

Симбирским губернским избирательным собранием 14 октября 1907 г. избран членом Госуд. Думы; 20 октября 1912 г. там же избран членом Госуд. Думы (4 созыв) 17 января 1916 г. избран, а 2 февраля 1916 г. утвержден симбирским губернским предводителем дворянства.

16 апреля 1916 г. назначен управляющим МВД; 2 декабря 1916 г. утвержден министром внутр. дел. (Из формулярного списка—Дело ЧСК, № 25.)

[2]) Протопопов принимал лекарство в облатках.

ствовало и свидание с женою, передача ему вещей и еды, — словом, в заботе о нем он должен был почувствовать смягчение одиночества. У него появился сон. «Расположение духа покойнее»,— пишет он 16 марта. Он составляет расписание порядка дня, в котором «писанию» отведено 4 часа.

В дневнике — две части. Первая запись событий перед революцией и ее дней, с 23 по 26 февраля включительно. После перерыва дневник начинается записью 13 марта и кончается 20 числом этого месяца. Эта часть дневника — покаянная, обращение к богу, попытки оправдать себя, найти в своей деятельности положительное.

20 марта сделана была последняя запись, а 21-го Протопопов допрошен был в первый раз Комиссией.

Передача ли дневника в Комиссию, изменение ли порядка в жизни Протопопова после первого допроса приостановили «писание» дневника, — этого мы не знаем. Известно, что до составления протокола осмотра дневника Протопопов допрашивался четыре раза: 21 марта, 8, 14 и 21 апреля.

На допросе 14 апреля председатель Комиссии обратился к Протопопову:

— Александр Дмитриевич, нам в Комиссию передана господином комендантом крепости черновая тетрадь с вашей рукописью. Это ваши заметки о первых днях. Вы подтверждаете правильность того, что там написано?

Протопопов: «Безусловно. Я очень искренно писал все, что там было» [1]).

Дневник печатаем точно, без исправлений, по тексту, приведенному в протоколе Спичак-Заболотного.

(«Св. Александр».)

23 февраля с утра, во время молебна, мне сказали, что забастовали рабочие на многих заводах, большими толпами ходят по улицам, и что командующий войск по докладу градоначальника распорядился вызвать и казаков. На мой вопрос по телефону Балк мне сообщил, что все дело в том, что к газетным уткам, будто в городе нет муки, сегодня выпечка опоздала, не успели будто во время выдать муку пекарям; народ ринулся расхватывать хлеб на сухари и запас, и многим совсем хлеба нехватило. Это вызвало громадное волнение и забастовку, — spontée без сговора и подготовки. Пока заведывал градоначальник, опозданий в выдаче муки не было [2]). Вейс же, его заменивший, по отзыву К., — бестолков и путанник. Но сделать я ничего не мог: продовольствие было не в м-ве вн. дел, а Риттих искренно верил в таланты Вейса. Было собрано засед. сов. м-в у Голицына; я не ожидал забастовки и равно не был в курсе решений команд. окр. на счет прекращения таковой и уличных беспорядков. Я знал, что план предупреждения беспорядков существовал. Он был выработан

---

[1]) «Падение царского режима», т. II, стр. 153.

[2]) Помощн. Петроградского градоначальника. Уполномоченный по продовольствию в Петрограде.

заранее у градоначальника в заседании под председ. команд. окр. (пользуясь правами генерал-губерн., а на театре военн. действий и более того). Градоначальник и вся полиция посему подчинена ему, и я совершенно не касался утвержденных им предположений. В виду этого кн. Голицын просил приехать Хабалова, который и заявил, что все нужное будет им сделано. К вечеру движение стихло; мне даже сообщили из деп. пол., что есть надежда, что на завтра некоторые заводы встанут на работу. В общем день 23-го прошел не очень страшно; пострадали несколько полицейских чинов; стрельбы не было. На Литейной в жандармский разъезд кинута ручная граната; ранены 2 лошади и всадник. Казаки выехали с пиками и народ разгоняли вяло, — были случаи, когда толпа им кричала «ура» и дружелюбно подавали уроненную пику или подправляли свалившуюся узду. Солдатские пикеты и отряды тоже разговаривали мирно с толпами, б. ч. молодежи и хулиганья, проходившими мимо их. Вечером, часов около 9, я дал по телефону знать ген. Гретену [1]) в Царское о бывшем дне и послал Воейкову в Ставку депешу.

24-го [2]) стрельба — ран. — Пол. полка, полков. Шалфеев. Депеша Царск. 25 сильнее. Веч. Засед. Мар. Дв. Мой уход. Ночь в контроле. 26 И. Фед. [3]) Г. Дума. А. Ф. Керенский. — Павильон. Ночь. 27 веч. переезд в крепость.

24 февраля. С утра мне сказали, что в городе неблагополучно. Большие толпы, разбито несколько магазинов, что командующий войсками приказал стрелять. Вскоре я узнал, что многие городовые, пешие и конные, ранены и убиты; на Выборгской изувечен полк. Шалфеев. Была особо стрельба на Знаменской площади, но раненых и убитых, как мне сказали, немного. Днём было совещание у кн. Голицына, кажется; Покровский и Риттих д. б. совещаться с членами Думы. Поднимался вопрос о закрытии ее, но был, помнится, единогласно отвергнут; принят был перерыв. Вечером я был у генерала Хабалова, который показал мне депешу царя, в которой от него категорически приказывалось генералу прекратить беспорядки в столице. От него я узнал, что запасный батальон Волынского полка самовольно оставил казарму и встал на Царицыном лугу, откуда его увел, уговорив солдат, священник. Вечер и ночь были спокойны. Заезжал в градоначальство узнать подробности, но нашел там ген. Хабалова и целый совет, посему ушел в столо-

---

[1]) Начальник царскосельской дворцовой охраны, за отсутствием Воейкова.

[2]) Видимо, план записей дневника.

Это место следует читать: «24—стрельба. Ранен полковник Шалфеев. Депеша в Царское. 25—сильнее. Вечером заседание в Мариинском дворце. Мой уход. Ночь в контроле. 26 Н. Фед. Государственная Дума А. Ф. Керенский.—Павильон. Ночь 27 веч. переезд в крепость».

[3]) И. Фед. — вероятно, то лицо, о котором Протопопов рассказывает в записи 26 февраля: «Я зашел к одному бедному мастеру».

вую, где и пробыл минут 20 с хозяйкой дома. Беспокойство у всех было большое, но никто, повидимому, не ожидал грядущих событий; в том числе был и я. По приезде домой, мне было подано донесение охранки, что завтра будет повторение беспорядков, с указанием на плохую надежду, которую можно возлагать на некоторые войсковые части. В этот же день Хабалов выпустил воззвание, что мука у города есть и что беспорядки будут подавлены всеми мерами.

25 февраля. С утра уже стало известно, что беспорядки принимают массовый характер; что части войск вместе с толпой производят сопротивление другим частям войск — жандармам и полиции. Разбита Выборгская тюрьма; разбит арсенал; вызвана артиллерия, пулеметы. По телефону говорить стало нельзя. Взят Финляндский вокзал, и разобраны рельсы. Громадная толпа народа на улицах, стрельба без порядка, пение революционных песен и разгромы лавок с вином и оружием. — Около 1 часу дня, в сюртуке, надев пальто не форменное, я пошел пешком к кн. Голицыну, на Моховую. Думал вскоре вернуться и ничего не захватил с собою. В правом ящике стола остались все документы, а в левом — ок. 5.000 казенных денег, ок. 3.500 руб. моих и, кроме того, мои чековые книжки (20% Юнкерс счета и простого, №, кажется, 6.615, и Международного банка пр. т. сч., — всего моих денег около 34.000 руб.). В несгораемом шкафу были 50.000 р., взятые мною у гр. Татищева под вексель, на выдачу лавкам общества «борьбы с дороговизной» (М.В.Д), для покупки муки и др. продуктов. Выдано мною было еще одно обязательство через Н. Ф. Бурдукова Манусу в 100.000 р.; деньги поступали чиновнику м-ва, заведующему этим делом (Кушнырь-Кушнарев — двойная фамилия — забыл) и пущены в оборот.

Когда я пошел к кн. Голицыну, было около часу дня. К нему мало-по-малу съехались все министры за исключением морского и Риттиха, который не мог выйти из своей квартиры, в виду толпы и стрельбы. Беляев (в. м-р.), говоря, что Хабалов растерялся, уже от себя давал распоряжения. Решено было ехать в Мариинский дворец, который лучше и сильнее охранен. Все постепенно переехали туда. Стрельба и смута на улицах была большая. На площади тоже были кучи народу. Переговорив между собою, г-да министры решили послать государю депешу о положении дел с просьбой назначить полномочного председателя совета министров и военного диктатора для приведения в порядок войск. Затем Голицын обратился ко мне с просьбой от лица совета «принести себя в жертву», как он выразился, и оставить свой пост, ибо мое имя «раздражает толпу», известие же о моем уходе внесет «успокоение». «Это — следствие травли газет и отношения к вам Государственной Думы». Я ответил, что охотно давно бы ушел и, как ему известно, о том неоднократно просил. Теперь же прошу считать меня ушедшим, в виду депеши, посланной царю, которая будет одобрена, и т. к. совет в экстренных случаях может принимать и экстренные меры,— мой уход правомерен.

Тут же м-ром вн. д. был назначен ген. Макаренко, и за ним послали, мне же выразили благодарность за мой поступок.

Так 25 марта вечером совершился мой уход.

Я вышел из зала и ушел в комнату к Крыжановскому, который тепло и мило со мною обошелся.

— Где вы будете ночевать, А. Д.?,— спросил он меня.

— Думал проехать на Фонтанку.

— Нельзя! Вам принесли записку, — весь дом разбит, разгромлены все ваши вещи. Ваша жена — у смотрителя на квартире. (Симановского.)

Он обещал затем устроить мне ночлег в кабинете пом. контролера Маликова. Дал мне адрес, — Офицерская 7, — и я оставил Мариинский дворец. Выйдя через черный ход, я попал на Вознесенский проспект. Толпы народа, выстрелы, угол Максимилиановского, громили лавку. Добрался до Офицерской, № 7. Звоню, — никого, дверь заперта; звоню, — высовывается швейцар:

— Маликов?

— Дома нет.

Бреду обратно через площадь на набережную, к Николаевскому мосту, — не пускают. Я думал пройти на Петербургскую сторону, Б. пр., д. № 74, к своей докторше Дембо. Перешел Неву по льду; на острове около университета тихо; через Биржевой не пускают, через Тучков тоже, а по Александровскому проспекту — стрельба ружей и пулеметов. Вернулся опять к Мариинскому дворцу. Опять пошел к Крыжановскому. Было заседание совета министров. Он не советовал мне входить туда, ибо м-ры опасаются, как бы мое присутствие не привлекло бы толпу на дворец. Я обещал уйти без задержки; он мне сказал, что вышла ошибка с адресом кабинета Маликова, где я могу переночевать; верный адрес — это Мойка, 72. Я вновь вышел на улицу; толпа была еще велика, и масса вооруженных, даже мальчиков, стреляли зря, направо и налево и вверх. Дальше от площади по Мойке было сравнительно тихо, и у входа в № 72 меня впустил ожидавший моего прихода швейцар, который и отвел меня в кабинет пом. гос. контр., где я провел ночь на диване.

26 февраля, утром, часов в 9, я встал, ибо не раздевался, попил чай с черным хлебом, и так как сторож очень беспокоился, не стали бы меня отыскивать, то я отправился к брату на Калашникову пристань. Однако, дойти туда было трудно: толпы запружали улицу, проезжали автомобили с солдатами и рабочими, шла канонада где-то; итти было очень опасно; могли узнать, и тогда — не знаю, остался ли бы я живым. (А теперь лучше ли? На все божья воля.) Я зашел к одному бедному мастеру, которого знал и которого любил. Он глазам не верил, глядя на меня; пригрел, угостил чем мог, утешал; и тени робости мое присутствие у него не вызвало. Великая душа в теле простолюдина. Насколько ближе к богу, к правде, чем наш брат. Он послал,

по моей просьбе, к Сергею узнать, могу ли я пристать у него. Ответ был — это неудобно, ибо и так хотели сделать у него обыск.

В листке я прочел, что Дума образовала Исполнительный Комитет и вызывает бывших членов правительства и что меня никак не найдут [1]). Подумав, я решил сам пойти в Думу. Неужели же я грешнее всех? Вся семья мастера меня провожала до Думы. Боже, что я чувствовал, проходя теперь, чужой, отверженный, к этому зданию, столь мне близкому в течение 9 почти лет. Господи, никто не знает путей, и не судьи мы сами жизни своей, грехов своих. У Думы — груда войск, пушек, народу. Все заполонено толпою. Я спросил какого-то студента провести меня в Исполнительный Комитет. Узнав, кто я, он вцепился в мою руку: «Этого не надо, я не убегу, раз сам сюда пришел»,— сказал я; он оставил меня. Стали звать А. Ф. Керенского. Он пришел—и, сказав строго, что его одного надо слушать, ибо кругом кричали солдаты, штатские и офицеры, повел меня в павильон министров, где я оказался под арестом. Я был болен и измучен, и, надо сказать, я тронут за сердце и никогда не забуду его ласку при этой первой тяжелой нашей встрече. Сестра Турцевич ухаживала за мной. Ночь я провел на диване, укрывшись пальто. Ген. Комиссаров лег на три стула и храпел отчаянно. Что это за человек, — не понимаю его. В комнате было два часовых. Приходил фельдфебель проверять. Было запрещено разговаривать между собою. Ночью я не спал. Этот фельдфебель подошел ко мне и почти в упор приставил к моей голове маузер; я не шелохнулся, глядя на него, рукою же показал на образ в углу. Тогда он положил револьвер в кобуру, поднял ногу и похлопал рукой по подошве; не знаю, что это обозначало. Наступил рассвет, пришел другой день, и он тянулся долго-долго. Молчание, отсутствие еды, и горе на душе. В с п о м н и л я с о в е т б р а т а С е р г е я и подумал, прав ли он был, дав мне этот совет. Вечером, как мне показалось, вышло какое-то

---

[1]) Комитет Госуд. Думы организован 27 февраля ст. стиля. Повидимому, память изменила Протопопову. Старший курьер М.В.Д. Оноприенко, допрошенный в Комиссии, говорит:

«В последний раз я видел Протопопова 27 февраля, утром. В этот день он встал раньше обыкновенного, и, войдя утром к нему в кабинет, я застал его уже говорящим по телефону. Телефон был соединен с Царским Селом. Протопопов рукою указал мне, что я должен выйти, а потому я не слышал, с кем именно он разговаривал».

Павел Иванович Савельев, камердинер Протопопова, допрошенный в качестве свидетеля по делу Протопопова 4 апреля 1917 г. Спичаковым-Заболотным, между прочим, показал: «27 февраля, в первый день революции, Протопопов со мною ушел из Мариинского дворца из заседания совета министров, при чем сказал мне, что сложил с себя полномочия. С 27 на 28 февраля мы ночевали в «контрольном доме» на Екатерининском канале, № 76 или 72. На другой день мы вышли на улицу и не знали, куда нам деться. Не желая подвергать меня опасности, Протопопов отпустил меня. Он говорил мне, что его заботит, куда деть находившийся при нем ключ от письменного стола, в котором были ключи от несгораемого шкафа, где был военный шифр. Я предлагал передать этот ключ Родзянке, но он оставил его у себя. Больше я его не видел».

столкновение в комнате рядом и шум, будто солдатского кружка. Затем А. Ф. Керенский меня вызвал, и я был посажен в автомобиль вместе с ген. Беляевым и доставлен в крепость. Впереди нас сидел офицер и держал револьвер на готове, о чем нас предупредили: за каждое движение — пуля в лоб.

13 марта, понедельник,—разг. с м. юст.

14 марта, вторник,— письмо Наташе [1]).

15 марта, среда,— свидание—б ы л а О л я [2]), забыл спросить адрес Мити, стирку белья, Дуняшу, Ивана Федоровича.

16 марта, четверг. После 12 ч. просил отворить форточку; дух грустный, хотя спал часа 4—5. Вещи, привезенные Ольгою, мне не отдали еще. Просил зайти доктора. До сего времени, 4-й день, не получаю supposit. butyr. cacao. У меня сделался herpes. Лечу его чаем. Был доктор; обещал лекарство от herpes'a. Вечером принесли вещи, что Ольга принесла. Чай, сахар, булки суш., масло и сыр. Расположение духа покойнее. В чем мой грех: против закона не грешен, а против всей своей жизни грешен, ибо сам не понял и меня не поняли.—Я виноват, что у ш е л от Думы; а она виновата: без справедливости и жестко оттолкнула меня, когда я с открытой душою шел к ней; а в ней было мое спасение; был бы сохранен работник родине и счастливый человек.

17 марта, пятница. Спал в два приема — дов. хорошо. Ночью пришло мне в голову: «В е ч н о е з а т о ч е н и е». Господи, что сделалось в душе моей. Отчасти невольно, м. б., зародила эту мысль Оля, говоря: «Привыкнешь, будешь поправляться». Что это значит? Боже мой, помоги мне. Длинные, длинные дни. Сидя здесь, вспоминаю: в чем я провинился? Клянусь, преступного с точки зрения закона и того режима, которому служил, я не совершил ничего. Ошибка роковая моя была верить, что надо сохранить тот режим до конца войны, и нездоровые люди, кои меня окружали. Грех не малый М. В. Родзянко: почему, за что он оттолкнул меня, обидел, отогнал меня от фракции, от своих. Сегод. утро тяжелое по настроению. М. б., вследствие того, что я отдохнул ночью побольше, нервы отдохнули и заработали. Господи, как тяжело, куда я дошел, и того даже и не заметил. Меня спросил м-р юстиции: давал ли я деньги из секретного фонда Маркову и еще кому. Он предложил мне это записать, что я и сделал и очень нелепо написал: «из секретного фонда я давал деньги Маркову, Орлову. Подпись». В сущности же как дело было? Видя крушение монархической идеи и считая себя обязанным ее поддержать, я решил, по просьбе многих лиц, дать деньги на поддержание советов и бюро «патриотических организаций». Однако, сумма была, по словам самого Маркова, ничтожной, на которую только некоторые из них едва прозябали. Орлову же я дал раз деньги на печатание

---

[1]) Дочь Протопопова—Наталья Александровна Чельцова.

[2]) Жена—Ольга Павловна, бывшая Носович.

брошюры и еще на что-то, помнится, 2.000 р. Он, как мне говорили москвичи, хвастался этим, и, когда он вновь ко мне приехал, я ему напел неприятностей и денег более не дал. Плохо, что вообще дал деньги за дело бесполезное, но колорит не тот, что вышло вследствие моей нервности при А. Ф. Керенском. Сегодня очень тяжелый по состоянию духа день. Не знаю, чем это себе объяснить, разве que les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas.

18 марта, суббота. Ночь провел довольно хорошо, но под утро опять пришло в голову, что по случаю этой слепой ненависти, которая ко мне родилась повсюду благодаря печати, сплетне и клевете, я обречен на заточение здесь. Боже мой, какой ужас я переношу в своей душе и какое раскаяние в своей самоуверенности, что я чистый человек и даже то, что неладно, сумею очистить и направить. Боже, прости меня, и, если есть на то воля твоя, выведи меня из темницы сей. Клянусь служить тебе без самомнения и быть опорою чужого горя.

Солдатик у двери, которого я спросил капли валерьяна, сказал мне несколько слов утешения: «Вовсе не так будет, как вы предполагаете; возьмите себя в руки: бог милостив, все объясните, все расскажете, и люди увидят, что злого в вас нет. Будьте покойнее, тверже». Спасибо ему, эти простые слова столь смягчили ужас моей мысли.

Не одними пособиями правым организациям исчерпаны мои начинания; я перевел Шептицкого [1]), дал ему его службу; мелкая земская единица. Земство в Сибири, земство в Прибалтийских губерниях, выкуп земель; часть земской реформы — в Думе; калмыцкий капитал, духовный д-т и его содержание; взял обратно закон о пораженчестве; закон о присутствовании чинов администрации в собраниях, циркуляры об евреях; предположение об ответственности м-ров перед сенатом и зависимости от голосования Думы. Меннониты — набор; из секретных сумм д-та я взял за все время т. 5 — по мелочам. 5 т. у меня было в столе — приготовлены к выдаче Шабельской, согласно приказу.

Весь день прошел в унынии, долгий день. Господи, подкрепи меня, грешного.

19 марта, суббота [2]). Ночь спал мало и плохо. Под утро помолился и опять заснул. Дерганье прекратилось в мускулах. День такой темный, что в камере нельзя читать. Услышал разговор об избиении корпуса жандармов и полиции во время беспорядков. Господи, — все это один ужас. Чем это все кончится? Что будет со мною? Будет ли суд? Какой? В чем меня будут винить? «Положение ваше тяжелое»,— сказал мне Керенский, А. Ф., последний раз. Что он хотел этим ска-

[1]) Шептицкий Андрей, униатский митрополит, задержанный австрийский подданный, содержался в Суздальском монастыре. По распоряжению Протопопова переведен на жительство в Ярославль.

[2]) Воскресенье?

зать? Ненависть, которой я окружен, действительно тяжела; но я не могу признать ее справедливой и заслуженной; это газетная травля, и я раздавлен клеветою, устною, печатною, скопом и в одиночку. Одно зло, — будто я ничего, кроме зла, всю жизнь не делал. Боже всесильный, спаси меня.

20 воскресенье [1]). Спал сравнительно хорошо. Как ни чудно,— смена мысли тому причина. Я вообразил себе, как было бы ладно сделать до конца шаг, который начал, — и не следуй чужой указке. Утром все же голова и душа болят. Кроме того, мне свело как-то шею, и болит жила от хребта к затылку. Я не знаю, в чем меня винят. Думаю: 1) излишняя ревность полиции, поведшая за собою лишние жертвы (военная власть), 2) правые организации получали от меня субсидии (все давали, как мне отказать), 3) Распутин и мои, якобы, особо близкие отношения к нему (видел раз 15—16, ничего его не просил, дружен быть с ним не мог; моя цель совсем не совпадала с его желаниями), 4) провокации? Клянусь — никогда ни за что не допустил бы, если оные были, и я бы узнал. Это стоило бы немедленно места д-ру д-та. Но я верю Васильеву — он честный человек. Денежных шашней никаких. Боже, обели меня в глазах людей; ненависть их меня одолела. Влиятельная придворная челядь».

Сообщил *Ив. Тоболин.*

---

[1]) Понедельник?

М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири.

Покойный В. И. Семевский достаточно подробно и с документальной обстоятельностью осветил жизнь М. В. Буташевича-Петрашевского. Последние главы его исследования, напечатанные в «Голосе Минувшего» за 1915 г. (январь, март и май) и относящиеся к сибирскому периоду, исчерпали весь известный до сего времени не только печатный, но и рукописный материал, хранившийся как в семейном архиве Петрашевских, так и в архивах Восточной Сибири. Вероятно, из цензурных соображений, В. И. Семевский не делал точных указаний и ссылок на дела сибирских архивов. Тем не менее, эти дела использованы им основательно, и вряд ли дальнейшие изыскания прибавят что-либо новое к материалам, изученным и опубликованным В. И. Семевским. Но один вопрос покойный историк оставил недостаточно освещенным. Речь идет об обвинении, брошенном Бакуниным по адресу Буташевича-Петрашевского. В своем «Ответе «Колоколу», защищая Муравьева-Амурского, Бакунин с решительностью заявил, будто Петрашевский сделался корреспондентом III отделения, «столы которого, говорят, завалены доносами Петрашевского и Завалишина».

В. И. Семевский, отвергая ряд других обвинений, несправедливо брошенных Бакуниным Петрашевскому, замечает мимоходом, что обвинение в «доносах» является повторением «таких же укоров относительно Петрашевского со стороны Муравьева», который слово «донос» отождествлял со всякой жалобой, направленной против безобразий администрации. «Притом же «доносы»,—замечает далее В. И. Семевский,—обыкновенно бывают безымянными; анонимность является одним из отличительных признаков доноса. Этот признак отсутствует в «доносах» Петрашевского: он не только подписывает их, но и сообщает их содержание своим знакомым, нисколько не скрывая своего авторства. Наконец, к «доносам» прибегают люди трусливого характера, боящиеся ответственности. Петрашевского никто не причислит к трусам, судя по тем сведениям, которые сохранились о нем в литературе» [1]).

Защита эта оказалась, однако, нисколько не убедительной для Б. Кубалова, автора небольшой работы о Бакунине, изданной в Сибири [2]).

Касаясь бакунинского обвинения, Б. Кубалов заявляет по этому поводу:

«Сообщая об этом Герцену, Бакунин говорил чистую правду. Неосновательные жалобы, дышащие не-

---

[1]) «Голос Минувшего», 1915 г., март, 48. «В. И. Буташевич-Петрашевский в Сибири».

[2]) Б. Кубалов. «Страницы из жизни М. А. Бакунина и его семьи в Сибири». Иркутск, 1923 г., 31 стр. Труды Государственного Иркутского университета. Вып. пятый.

годованием, полные злобы и желчи доносы, составленные в неприличных выражениях, доносы-прошения как Петрашевского, так и Завалишина в большом числе мы лично встречали в делах III отделения главного управления Восточной Сибири» [1]).

Для вящшей убедительности автор этого ответственного утверждения приводит список «дел», архивных дел, в которых он «лично» встречал и т. д. Нет, конечно. необходимости говорить о том, какое ошеломляющее впечатление производит утверждение Б. Кубалова. Несправедливость Бакунина мы склонны были объяснить его горячностью, неспособностью иногда взвешивать слова и т. п. В. И. Семевский, вскользь коснувшись этого обвинения, вряд ли придавал ему какое-нибудь серьезное значение. Но вот в 1923 г. автор, на основании архивных изысканий, в ученых трудах Государственного Иркутского университета, черным по белому заявляет, что защита Семевского — легкомысленная защита, что Буташевич-Петрашевский доносы в III отделение действительно писал.

Задавшись целью самым точным образом выяснить это обстоятельство, Центрархив выписал из Иркутска все те дела, на которые ссылается Б. Кубалов. Внимательное изучение их заставляет нас притти к заключению, что Б. Кубалов поставил себя в положение далеко не завидное.

Одно из двух: 1) либо он, доверившись Бакунину, попросту не заглянул в дела, на которые ссылался, ограничившись просмотром описи,

2) либо в дела заглянул и прошения Петрашевского читал, но обнаружил странное для взрослого человека непоминание предмета.

Мы не станем здесь спорить с Б. Кубаловым и опровергать его заявление. Мы попросту целиком опубликовываем те прошения и записки Буташевича-Петрашевского, которые он, вслед за Бакунинным, именует «доносами». Эти прошения и записки не требуют комментариев.

Необходимо лишь не забывать, в какой обстановке эти бумаги были писаны и против кого они были направлены. Автором их был «ссыльно-поселенец», лишенный всех прав состояния, сосланный в каторжную работу, жестоко гонимый сибирской администрацией, бесстрашно выступивший против всесильного «диктатора» Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского, за что снискал себе его бешеную ненависть. Надо вспомнить, что за непокорство Петрашевский был из Иркутска загнан в Минусинский уезд, Енисейской губ., и «сам» Муравьев следил за тем, чтобы никаких послаблений ему не делалось. Петрашевский своей непреклонностью наводил страх на администрацию. Муравьев сместил в Минусинске окружного начальника и назначил «такого, который бы не боялся Петрашевского», как сообщал он М. С. Карсакову. Борясь против местной администрации, Петрашевский добивался законности, здесь лежала его idée fixe, почти болезненное, маниакальное убеждение в том, что этим путем можно добиться каких-то положительных результатов. Сам он выразил эту свою идею весьма отчетливо в письме Д. Завалишину.

«Мои личные материальные и нравственные интересы требуют того же, чего требуют благо и общественные, разумно понимаемые интересы всей страны: полo-

[1]) Указанное сочин., стр. 14.

жить законом пределы для безумного самовластительства сибирских пашей и сатрапов».

Мы не будем здесь рисовать те необычайные условия, в которых вел свою борьбу Петрашевский. Читатель найдет их в указанном выше исследовании В. И. Семевского. Мы отметим лишь ту злобу, которою преследовал своего непокорного врага Н. Н. Муравьев-Амурский. Местная власть Енисейской губ. разрешила Петрашевскому отлучиться в Красноярск для свидания с родными и по другим делам. Проведав об этом, Н. Н. Муравьев-Амурский сообщает управляющему Енисейской губернией свою непреклонную волю:

«Так как Петрашевский должен находиться в Шушинской волости, Минусинского округа, куда переселен из Иркутстка по распоряжению главного начальника, то покорнейше прошу ваше превосходительство ныне же сделать распоряжение о высылке Петрашевского из Красноярска в место его поселения и на будущее время отнюдь не увольнять его из места его водворения без разрешения моего или заступающего в отсутствие мое помощника генерал-губернатора» (дело № 48, л. 39).

Сибирская администрация усиленно хотела сделать Петрашевского сумасшедшим. В его умственных способностях сомневались, так сказать, «официально». Его несколько раз подвергали медицинскому освидетельствованию. В страхе и повиновении выдрессированные чиновники просто не верили, чтобы нормальный человек, в положении Петрашевского, мог осмеливаться протестовать так, как это делал Петрашевский. Достаточно просмотреть вступительные строки его обращения к царю, в главное управление Восточной Сибири, его резкие определения действий той самой администрации, которой он открыто направлял свои прошения, чтобы понять бешенство и негодование, которое возбуждал в чиновниках неугомонный и бесстрашный ссыльнопоселенец. И нет ничего удивительного в том, что прошения его возвращались обратно, как «написанные в неприличных выражениях». Но если кто удивления заслуживает, то только Е. Кубалов, который в оценке прошения Петрашевского совершенно солидарен с чиновниками министерства внутренних дел. Жалобы Петрашевского, оказывается, были и «неосновательны», полны «желчи и злобы» и (какой ужас!) составлены в «неприличных выражениях».

При чтении прошений Буташевича-Петрашевского необходимо иметь в виду особенность его «идеи» борьбы. В его настойчивых домогательствах не было желания добиться частичных улучшений своей участи: в его юридическом крохоборстве, мелочной придирчивости, в его цеплянии за статьи и буквы закона проявлялась фанатическая вера в целесообразность такого пути борьбы. Нет нужды доказывать, что эта вера была своеобразной формой утопии, которая могла родиться только в сознании человека, начисто лишенного всяких человеческих прав, и только в такой бесправной стране, как царская Россия. Но эта гипертрофия идеи законности была все же своеобразным и уродливым проявлением того революционного протеста, той непреклонной решимости не сдаваться, какая до последних дней жизни осталась характерной для этого замечательного человека.

«Можно, руководствуясь чувством или соображениями мелочного благоразумия, винить меня за то,—писал Петрашевский родным,—что в сем случае я не высказал скромности только что вышедшей в свет институтки или savoir faire г. Молчалина, тогда бы, разумеется, я бы избежал многих неприятностей. Если бы я был сослан за воровство, мошенничество, измену отечеству, а не за то, что требования нравствен-

ные общества, требования общего блага понимал яснее других, говорил, когда все молчали, также отмалчивание и даже нахваливание явно бесчестных действий всякой власти... могло было быть мне по сердцу. Но если я смело однажды выступил на борьбу со всяким насилием, со всякой неправдой, то теперь уже мне не сходить с этой дороги ради приобретения мелочных выгод и удобств жизни. Мне теперь уже поздно обучать себя «выгодному подличанью» [1]).

Всеподданнейшие прошения Петрашевского написаны на гербовой бумаге с отпечатанным на ней бланком «Всепресветлейший, державнейший» и т. д. Он имел пристрастие к гербовой бумаге, учитывая, вероятно, особое чувство уважения, которое питали к ней чиновники. На той же бумаге, с тем же бланком «Всепресветлейший» и т. д. написаны прошения и губернатору Восточной Сибири.

Кроме прошений и записок Петрашевского, мы воспроизводим и несколько других документов. Все они были в свое время в руках В. И. Семевского; на них имеются указания в упомянутой выше его работе; из некоторых сделаны извлечения, чаще всего незначительные. Но говорить о значительной ценности публикуемых материалов для биографии Петрашевского, разумеется, не приходится. После их появления на свет окончательно и навсегда должно быть ликвидировано обвинение, брошенное Бакуниным и поддержанное Б. Кубаловым. Оценка борьбы, которую вел Петрашевский, уместная в устах генерал-губернатора Восточной Сибири и его чиновников, легкомысленно повторенная Бакуниным, должна быть раз и навсегда поставлена на свое место.

Все документы публикуем по новой орфографии.

Вяч. Полонский.

---

[1]) См. В. И. Семевский. «Голос Минувшего», 1915 г., май, 47.

№ 1.

Список с предписания г. военного министра генерал-губернатору Западной Сибири от 22 декабря 1849 г. за № 998.

Высочайшею его императорского величества конфирмациею, в 19 день сего декабря последовавшею на всеподданнейшем докладе генерал-аудиториата по военно-судному делу, произведенному по полевому уголовному уложению над злоумышленниками против правительства, между прочим, повелено поименованных в прилагаемом у сего списке подсудимых девять человек, за преступления, подробно в этом списке изъясненные, лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу: пятерых в рудниках, двоих в крепостях и двоих на заводах, на сроки, также в списке показанные.

По лишении означенных преступников, во исполнение высочайшей конфирмации, прав состояния Буташевич-Петрашевский отправлен ныне же закованным в сопровождении одного жандарма и одного фельдъегеря в тобольский приказ о ссыльных, а остальные восемь человек будут отосланы туда же, равномерно закованными, в сопровождении жандармов и фельдъегерей, вслед за сим, в двух партиях.

Уведомляя о сем ваше сиятельство, имею честь присовокупить, что государю императору благоугодно, дабы упоминаемые преступники, по распределении их распоряжением тобольского приказа о ссыльных по назначению, в полном смысле слова были арестантами, соответственно приговору. Облегчение их участи в будущем времени должно зависеть от их поведения и монаршего милосердия, но отнюдь не от снисхождения к ним ближайшего начальства. Для неослабного и строгого за ними надзора должны быть назначены надежные чиновники, под личною ответственностью местных гражданских губернаторов. О поведении сих ссыльных гражданские губернаторы обязаны доносить каждогодно его императорскому величеству в собственные руки.

Список этим преступникам сообщен также и тобольскому приказу о ссыльных.

Верно: Столоначальник *Пфаффиус*.

№ 2.

Статейный список

о злоумышленнике Буташевич-Петрашевском, который по высочайшей конфирмации лишен всех прав состояния и назначен в каторжную работу.

№	Какое имел звание, куда назначен и на какой срок.	В чем оказался по суду виновным.
1	Служивший в департаменте внутренних сношений министерства иностранных дел, титулярный советник Буташевич-Петрашевский. *(В каторжную работу в рудниках без срока.)*	В преступном замысле к ниспровержению существующего в России государственного устройства, в привлечении на бывшие у него сходбища разного звания большею частью молодых людей, в распространении между ними зловредных идей против религии, в возбуждении в них ненависти к правительству и, наконец, в покушении составить для этой преступной цели тайное общество.

Верно: Столоначальник *Пфаффиус.*

№ 3.

Письмо М. В. Буташевича-Петрашевского К. К. Венцелю.

Ваше превосходительство

милостивый государь

Карл Карлович.

Есть положения, в которых смелость есть благоразумие. В таком положении нахожусь и я ныне. Не утруждая вашего превосходительства его разъяснением, долгом считаю объяснить, что оно и заставляет меня обратиться ныне письмом к вашему превосходительству, как верховному блюстителю законов в Восточной Сибири в настоящее время.

19 декабря 1855 года подано было мною прошение в нерчинское горное правление на высочайшее имя, в коем просил я к нему приложенное прошение мое в V департамент Правительствующего Сената от 19 декабря 1855 года препроводить по принадлежности, горное

нерчинское правление оставляло его без всякого движения до марта месяца 1856 года, почему я сим обстоятельством, равно как и усмотренной мною неполнотою в оном моем прошении в Правительствующий Сенат и был побужден в добавление к оному прошению составить дополнительное прошение и приложить еще к оному для устранения могущих по предмету моего прошения возникнуть сомнений объяснительную юридическую выписку из законов отечественных, и к случаю сему относиться могущих. Таковое дополнительное мое прошение, вместе с вышеозначенным необходимым приложением, представил я при прошении на высочайшее имя в нерчинское горное правление, для присовокупления к прошению моему от 19 декабря 1855 года в Правительствующий Сенат, об отправлении сего всего по принадлежности. Нерчинское горное правление решило прошение мое от 19 декабря 1855 года в Правительствующий Сенат с мнением г. исправляющего должность начальника нерчинских заводов представить на благоусмотрение вашему превосходительству, и как мое дополнительное прошение в Правительствующий Сенат вместе с вышеозначенным приложением было мною в нерчинское горное правление подано до отправления им прошения моего в Сенат от 19 декабря 1855 года, то, по обыкновенному порядку деловодства, надлежало дополнительное прошение и приложение к оному вместе с прошением моим от 19 декабря 1855 года в Сенат отправить, но г. исправляющий должность начальника Нерчинских заводов, вопреки установленному порядку деловодства, решил, не основываясь ни на каком законе: дополнительное прошение мое и необходимое к ним приложение, мою юридическую выписку из законов, резолюциею своею — не отправлять к вашему превосходительству. Таковое распоряжение г. исправляющего должность начальника Нерчинских заводов есть явный отказ в справедливости, лишающий меня законных способов защиты, препятствие воспользоваться тем, чем пользоваться мне закон предоставляет, угнетение, ни законом, ни обязанностями службы, ни высшими политическими или государственными соображениями не оправдываемые.

Не находя никакого другого способа к устранению сего, как прибежище искать противу сего, в охранительной силе власти, вашему превосходительству законом предоставленной, я и нашелся вынужденным обратиться к вашему превосходительству с моею всепокорнейшей просьбой, дабы вашим превосходительством: во-первых, истребованы были от нерчинского горного правления сокрытые от вашего превосходительства вышеозначенные документы, по резолюции г. исправляющего должность горного начальника Нерчинских заводов, так и вся переписка, которая имеется или может иметься в делах нерчинского горного правления по предмету моего прошения. Во-2-х, дабы ваше превосходительство до получения сего всего вполне не чинили по сему предмету окончательного распоряжения.

Сию последнюю меру я считаю, как истец, лучшим способом для охранения моих интересов самою силою закона.

В полной уверенности, что вышеозначенная просьба покорнейшая моя, вполне законная и справедливая, не оставлена будет без внимания вашего превосходительства и чрез вас, как верховного блюстителя законов для здешнего края, и получит надлежащее и законное удовлетворение.

С чувством истинного уважения честь имею быть, ваше превосходительство, милостивый государь, покорнейший слуга

Михаил Васильевич сын Буташевич-Петрашевский,

сосланный в каторжные работы в Нерчинский завод.

1856 года, 20 марта, Большой Нерчинский завод.

№ 4.

Записка М. В. Буташевича-Петрашевского.

Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, сосланный в каторжную работу в Нерчинские заводы по приговору, объявленному ему в декабре месяце 1849 года в С.-Петербурге, желая воспользоваться неотрешимо принадлежащим каждому правом отыскивать справедливого и законного путями, непредосудительными для достоинства человеческого, — правом сим, положительно признаваемым отечественным положительным законодательством для лиц, лишенных прав состояния, по окончательном решении дела и по приведении по оному состоявшегося в исполнение, и на основании подтверждения сего права, особенно выраженного в манифесте от 27 марта 1855 г. в сих словах ст. XVIII: «Равным образом, кто за деяния, до обнародования сего манифеста учиненные, будет впоследствии подведен под силу оного и не пожелает тем воспользоваться, тот может в течение одного месяца со дня объявления ему состоявшегося о нем постановления просить о рассмотрении дела его на законном основании. Такие лица в случае их осуждения уже не могут подлежать прощению по силе сего манифеста» — в месячный срок со дня объявления ему о нем в силу сего манифеста состоявшегося постановления 27 сентября 1855 года помощнику управителя Константиновской дистанции коллежскому регистратору Рандину представил прошение, писанное на высочайшее имя, по существу и предмету его содержания к поданию надлежащее в V департамент Правительствующего Сената, в коем изложив: нарушения порядка, правил, обрядов и форм, для производства и следствия суда законами установленных, имевшие место при производстве дела, послужившего поводом к его ссылке, на основании XV т. св. гр. зак., изд. 1842 года, ст. 1221, гласящей: «Приговоры и мнения признаются недействительными, когда формы и обряды, для судопроизводства предписанные, были нарушены», и устава военно-уголов-

ного, изд. 1839 года К. II. Р. II. Гл. VII, ст. 362 и 373, выражающих то же самое, просил он, Буташевич-Петрашевский, Правительствующий Сенат объявить недействительным приговор, ему объявленный в декабре 1849 г. на основании сих законов, и в сем его удовлетворить по силе закона. — Прошение сие представлено было им управителю дистанции при прошении на высочайшее имя, в коем и просил он оное прошение в V департамент Правительствующего Сената отправить. Но г. управитель дистанции, вместо отправления его по принадлежности, представил в александровскую горную контору, которая также, вместо отправления его в Правительствующий Сенат, препроводила его в нерчинское горное правление, которым и получено оно было 12 октября 1855 г. Нерчинское горное правление, вместо отправления сего прошения по принадлежности, не основываясь ни на каком законе, к тому его уполномочивающем, самопроизвольно вошло в обсуживание прошения, ему неправильно представленного подчиненным ему местом, вошло в обсуживание прошения по существу его содержания, подлежащего собственно рассмотрению Правительствующего Сената. Вследствии такового законами недозволенного и ст. 895 XV т. Св. Гр. З., изд. 1842, X т. Св. Гр. З. Зак. Гражд. К. VI. Р. I Гл. IV, ст. 2225; II т. Св. Гр. З. Общего Губ. Учр., ст. 259, и Уст. Воен. Уголовного, изд. 1839 г. К. II. Р. I. Гл. I, ст. 2., и возбраненного под страхом ответственности ст. 317 и 370 Уголовного Уложения, изд. 1845 года, суждения о деле, суду его не подлежащем, нерчинское горное правление возвратило Буташевичу-Петрашевскому оное его прошение с следующею надписью: «Сообразив просьбу политического преступника Петрашевского с законами: т. I. Ком. Прошений, ст. 9, 13, 40 и V т. Уст. о пошлинах, ст. 88, т. X, ст. 2277 и 2278 и Св. В. Пост. т. XII К. II. Гл. VIII, ст. 421, 425, нашла, что таковая подана не по принадлежности, следовательно, не подлежит к принятию, а потому, сделав на оной надпись, 24 ноября того же года, за № 14.434, обратить ему через горную полицию.»—Таковая надпись сделана нерчинским горным правлением вопреки законов. — Вследствие сего постановления, вместо отправления оного прошения в Сенат по принадлежности, нерчинское горное правление явилось на основании I т. Св. Гр. Зак. Учреж. Правит. Сената, ст. 1, 3, 2, 223 и указа 1802 года от 8 сентября за № 20405, изъясняющего права и преимущества Правительствующего Сената, последней статьи оного, как исключившие предмет моего иска из круга подсудности Правительствующего Сената, положило пределы новые для власти его, каковые сам себе Сенат полагать может и единая власть его императорского величества, чрез что, по буквальному смыслу закона, оно оказалось виновным в присвоении себе прав и власти, исключительно принадлежащих Правительствующему Сенату и верховной власти его императорского величества, и поступившим прямо вопреки желаниям ныне царствующего императора, выраженным: в манифесте 27 марта 1855 г., «дабы совокупно действовало правосудие с милосердием» — для облегчения народа, ему подвластного, и в XVIII ст. то[го] же манифеста и

в манифесте 21 мая 1855 года, «дабы всеми отечественные законы были исполняемы». — Вместе с сим оно, лишая бывшего дворянина возможности воспользоваться охранительной силой того суда, которому он подлежал по праву и закону, совершило нарушение привилегий дворянства, невзирая на то, что соблюдение прав и преимуществ дворянства составляет одно из твердых и благих желаний ныне царствующего императора, в чем должны были удостоверить его следующие слова циркуляра министра внутренних дел от 28 августа к г.г. губернским предводителям дворянства: «всемилостивейший государь наш повелел мне ненарушимо охранять права, венценосными его предками дарованные дворянству». Все сие было изъяснено им в докладной записке, поданной г. исправляющему должность горного начальника и г.г. советникам нерчинского правления. Вслед за сим, он, Буташевич-Петрашевский, подал новое прошение в нерчинское горное правление, в коем просил приложенное к оному прошению, списанное от слова до слова с прошения его от 27 сентября 1855 года в Правительствующий и туда же адресованное от 19 декабря 1855 года препроводить по назначению. В марте месяце 1856 года узнал он, что прошение его от 19 декабря 1855 года, в Правительствующий Сенат к поданию надлежащее, остается без движения,—желая побудить нерчинское горное правление дать движение прошению его от 19 декабря 1855 года в Правительствующий Сенат и вместе с тем доставить большую определительность и полноту прошению его в Сенат от 19 декабря 1855 г., подал 7 марта 1856 года дополнительное прошение в Правительствующий Сенат. И как уже из надписи, сделанной на прошении его от 27 сентября 1855 года в Сенат, имел достаточно оснований, чтобы предполагать, что причина того, что его прошение в нерчинском горном правлении остается без надлежащего движения, заключается в недоразумениях, которые имело оно относительно того: следует ли таковому прошению Буташевича-Петрашевского в Правительствующий Сенат дать движение и предмет оного подсуден ли Правительствующему Сенату. Для устранения сих недоразумений нерчинского горного правления, препятствовавших движению его прошения, которые также могли повториться и в тех местах, в которые эти прошения могли поступить, следуя порядку подчиненности горного нерчинского правления, проситель приложил к прошению его в Правительствующий Сенат от 7 марта 1856 года, в нерчинское горное правление в это же самое число представленное, приложил о б ъ я с н и т е л ь н у ю ю р и д и ч е с к у ю в ы п и с к у и з о т е ч е с т в е н н ы х з а к о н о в, разрешающую силою, буквою и духом самых русских законов оба вышеозначенные вопроса утвердительно. Нерчинское горное правление, невзирая на то, что оба сии прошения в Правительствующий Сенат и пояснительная выписка из законов в том положении, в котором дело сие находилось, составляли одно целое, а пояснительная юридическая выписка из законов была важнейшею частью оного, вместо приложения прошения от 7 марта 1856 года с пояснительною выпискою из законов к прошению Петра-

шевского в Правительствующий Сенат от 19 декабря 1855 года, находившегося из горного правления не отправленным и отправления сего всего по принадлежности, как просил о том истец, вопреки просьбы истца и порядка, для деловодства в присутственных местах установленного, чрез восемь дней по подаче Петрашевским дополнительного прошения вместе с выпискою из законов отправило одно его прошение в Правительствующий Сенат от 19 декабря 1855 года, а дополнительное прошение от 7 марта 1856 года вместе с выпискою оставило не отправленным и указом своим от 23 марта 1856 года ему объявило чрез нерчинскую горную полицию, «что нерчинское горное правление по последнему прошению Буташевича-Петрашевского до получения резолюции его превосходительства никакого заключения сделать не может». При объявлении сего постановления горного правления в полиции 27 марта 1856 года истец объявил, что он находит его неправильным и при подписке в слушании указа выразит свое неудовольствие и оного причины. К совершению сего, вопреки законов, проситель не был допущен г. полицмейстром Нерчинского Большого завода, почему для заявки прав своих Буташевич-Петрашевский при прошении на высочайшее имя в нерчинскую горную полицию, выписав в оном II т. Св. Гр. Учр. Губерн. общих, ст. 264, к. I, обязывающую нерчинское горное правление не приводить в действие своего постановления по прошению моему, но в силу закона имеющее представить оное незамедлительно по принадлежности, просил он приложенную к оному прошению подписку с выражением неудовольствия препроводить в нерчинское горное правление, дабы оно в сем случае удовлетворило его по закону. В подписке неудовольствие на постановление нерчинского горного правления состояло в следующем: «Сим постановлением нерчинского горного правления недоволен, ибо в силу сего постановления нерчинским горным правлением совершено сокрытие двух важных актов, к предмету дела его, Буташевича-Петрашевского, относящихся. Особенно важно сокрытие его пояснительной выписки из законов, разрешающей силою положительных законов и словами манифестов ныне царствующего императора утвердительно все сомнения в том, во 1-х, надлежит ли давать прошениям Петрашевского дальнейшее течение, во 2-х, подсуден ли предмет иска его в настоящее время Правительствующему Сенату. Чрез таковое непредставление по принадлежности вышеозначенной выписки и сокрытие оной от высших властей, до коих может дойти это прошение, таковые власти легко могут быть введены в заблуждение по предмету сего дела, судя по проекту, представленному об оном нерчинским горным правлением господину председательствующему в совете главного управления Восточной Сибири. В коем изложено о сем мнение г. исправляющего должность горного начальника, с приведением на оное случаю сему несоответственных законов. Таковое сокрытие сих актов при настоящем положении дела Буташевича-Петрашевского составляет прямой отказ ему в справедливости. О сем подробно и обстоятельно изъяснено будет им своевременно в над-

лежащем месте. «Но как фактически может быть лишен проситель возможности разъяснить несоответственность сего постановления с законами своевременно, в форме прошения в нерчинское горное правление или на основании ст. 1549 XIV т. Св. Гр. З., изд. 1842, Устава о ссыльных, гарантирующей право его на жалобу на таковую несправедливость, ибо для него непосредственное представление таковой жалобы фактически пресечено, хотя законом гарантировано, почему и находится вынужденным сим просить, дабы в совете главного управления Восточной Сибири или г. председательствующим в оном от нерчинского горного правления была истребована вполне переписка, имеющая[ся] по сему предмету в делах нерчинского горного правления, по поводу прошения Петрашевского от 19 декабря 1855 года возникнувшая, так и та, какая за оным о том же предмете имелась, и особенно не оставлены были без представления нерчинским горным правлением прошения его от 7 марта 1856 года в Правительствующий Сенат и пояснительная юридическая выписка из законов, к нему приложенная, как имеющие особую важность в его деле при настоящем положении оного.

1856 г. 3 апреля Б. Н. завод.

№ 5.

Заявление М. В. Буташевича-Петрашевского.

Выслушав указ нерчинского горного правления от 23 марта 1856 г. по делу моему чрез нерчинскую горную полицию, сим объявляю, что: постановлением нерчинского горного правления об оставлении без движения моего дополнительного прошения от 7 марта 1856 года и приложенной коному прошению пояснительной выписки из отечественных законов до получения нерчинским горным правлением резолюции на прошение мое от 19 декабря 1855 года в Правительствующий Сенат от г. председательствующего в совете главного управления Восточной Сибири я недоволен, ибо в силу сего постановления совершено сокрытие двух важных актов, к предмету дела моего относящихся, — особенно важно непредставление пояснительной выписки из законов, разрешающей силою положительных законов и словами манифестов ныне царствующего императора утвердительно сомнения в том: во 1-х, надлежит ли прошению моему дать течение и, 2-е, подсуден ли предмет моего иска Правительствующему Сенату. Чрез таковое непредставление по принадлежности вышеозначенных двух актов, власти и лица, до коих может дойти первое мое прошение, легко могут быть по сему предмету в заблуждение, судя по проекту о сем, представленному г. председательствующему в совете главного управления Восточной Сибири. Таковое сокрытие сих актов и

составляет для меня в настоящем положении дела прямой отказ мне в справедливости.

Изъявив кратко причины моего неудовольствия на вышеозначенное постановление нерчинского горного правления, считаю необходимым указать на ст. 264 II т. Св. Граж. З. Общего Губернского Учрежд. к. II, в коей сказано: «Никакой суд не может приводить в действие своего решения, переносу надлежащего, когда со стороны недовольной соблюден срок, для удержания исполнения в законах о судопроизводстве предписанный», в силу коей нерчинское горное правление обязано представить оные акты, о коих последовало оное постановление его от 23 марта 1856 года, туда же, куда и представлено им прошение мое от 19 декабря 1855 г., в Правительствующий Сенат к поданию надлежащее. О сем, если будет надобность, будет изъяснено мною своевременно в надлежащем месте. Дал сию подписку в слушании вышеозначенного указа нерчинского горного правления с выражением на оный неудовольствия в нерчинской горной полиции 28 марта 1856 года сосланный в каторжную работу Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский. К сей подписке с изъявлением неудовольствия сосланный в каторжную работу *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский* руку приложил.

№ 6.

Свидетельство.

Вследствие отношения александровской горной конторы от 9 августа 1856 года за № 8929 свидетельствовал я 23 сегож августа в присутствии конторы государственного преступника Михайлу Васильева Буташевича-Петрашевского в состоянии его умственных способностей, при чем оказалось, что Петрашевский, имеющий 35 лет отроду, телосложения здорового, не имеет никакого общего расстройства своих умственных способностей: в удостоверение чего подписом с приложением моей гербовой печати свидетельствую. Александровский Завод. Августа 23 дня 1856 года.

Бригадный лекарь 2-ой конной бригады *Здановичь*.

При свидетельстве присутствовал помощник управляющего коллежский регистратор *Машуков*.

№ 7.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского.

Всепресветлейший, державнейший, великий государь император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит из г. Иркутска тайно вывезенный неизвестно за что и по чьему распоряжению в Минусинский округ Енисейской губернии поселенец Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, а в чем мое прошение состоит, тому следуют пункты.

1-е.

По высочайшему именному повелению от августа м-ца 1856 г. освобожден я из каторжной работы на поселение. *К*

2-е.

Так как такое высочайшее повеление для меня в моем положении имеет не меньшую юридическую важность, как всякая высочайшая грамота на графское или другое высшее достоинство в империи, ибо составляет акт, определяющий и ограждающий известные права мои в обществе. *сему*

3-е.

Такой акт ни для кого, а тем более для меня, не может быть предметом канцелярской тайны, и так как мне его иметь в руках своих необходимо, то всеподданнейше прошу. *прошению*

Дабы повелено было главному управлению Восточной Сибири: 1-е. Выдать мне копию с вышеозначенного высочайшего повеления на законном основании; 2-е. Если же главное управление почему-либо нашло нужным мне в сей просьбе отказать, то выдать мне копию с такового его об отказе мне в сей просьбе моей постановления, надлежащим порядком засвидетельствованную. 1860 г., декабря 13 дня.

К поданию надлежит в главное управление Восточной Сибири. Прошение сие сочинял и писал сам проситель поселенец Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил. Что по чищеному написано 13 декабря тому верить.

К сему поселенец Михаил Буташевич-Петрашевский руку приложил.

Жительство имею в г. Минусинске Енисейской губернии.

Верно: Столоначальник *Пфаффиус*.

№ 8.

Письма М. В. Буташевича-Петрашевского М. С. Карсакову.

Ваше превосходительство,
милостивый государь,
Михаил Семенович.

Если год тому назад сила могущественных влияний могла вас заставить поступить со мною незаконно и несправедливо, то не могу

ныне не полагать, чтоб в настоящее время они относительно вас не потеряли совершенно их властительственное и обязательное значение. Перемена условий, через которую из безусловного исполнителя чужих велений, какие бы они ни были, вы стали сами самостоятельным, нравственно-полноправным действователем и решителем дел, возлагает на вас неотрицаемо нравственную обязанность исправить не только то худое, в котором вы, против воли, как исполнитель, были участником, но и то, в котором личного участия вашего не было. Ни смотреть на него снисходительно, ни подверживать *) его заведомо вашим бездействием ныне самые обязанности вашего официального положения уже безусловно не допускают.

Не могу думать, чтоб иными понятиями о долге могли вы руководствоваться, как и приписывать личным свойствам вашим того, что было только несчастием, грустным явлением или результатом особенностей вашего прежнего положения и непосредственных обязательных личных отношений; а потому считаю позволительным думать: что в а м по природе н е с в о й с т в е н н о б ы т ь н е с п р а в е д л и в ы м по капризу или прихоти, или действовать под влиянием непохвальных страстей и по внушениям самолюбия, искусно разбереженного ловкими интригантами, и что не по желаниям вашим подвергаюсь тем странным преследованиям, которые меня тревожат и ныне.

Как прежде, так и теперь на моей стороне нравственность, право и закон. Права мои, явно нарушенные 27 февраля 1860 г., еще и ныне нарушаются. Образ моего действования для защиты их определяется фактом нарушения и законом, несомненность в его результате исключает всякий помысел об употреблении для сего тех средств, к которым, прикрываясь анонимом, любит прибегать коварная злоба и нравственное бессилие. Факты прошедшего, как и настоящего слишком явно свидетельствуют в мою пользу. Такими свидетельствами пренебрегать нельзя, почему значение до меня касающихся фактов и было мною заявлено прямо, как существо их требовало. Такие новые факты, действуя на меня столь же понудительно, естественно приведут меня к изъяснению как их взаимной связи, так и общности их значения без всякой о том недомолвки. К числу таких фактов относятся незаконные действия г. Романовича, так ими *) мотивированное предписание г. генерал-губернатора от 12 генваря 1861 г. за № 111 к г. исправляющему должность енисейского гражданского губернатора, которого содержание, мне объявленное, заставило меня г. енисейскому гражданскому губернатору представить прошение на высочайшее имя и в нем указать те обстоятельства и законы, которые имеют быть приняты в сем случае в соображение и руководство, но которые были упущены из виду пред отправлением меня из г. Иркутска. Таковые указания, делающие для местного начальства обязательным представление моего прошения вашему превосходительству, вместе с тем

*) Так в подлиннике.

образуют весьма удобный случай вам самим по отношению ко мне уничтожить то незаконное распоряжение, которого вы явились исполнителем.

Опасение, что в сем случае требования закона и справедливости местным начальством не будут как следует поняты, уважены и соблюдены, а потому ваше превосходительство может быть подвигнуто к неправильности решения, в сем случае представляющем наибольшие удобства к исправлению вами самими всего того, что по отношению ко мне с 27 февраля 1860 г. было сделано несправедливого и незаконного, желание, чтоб не миновал сей случай вам проявить себя справедливым, чуждый тех предубеждений, которые могут оправдывать обстоятельства и боязнь антипатий, я решился писать, чтоб о сем случае предварить ваше превосходительство и изъяснить вам прямо его безотносительное для вас значение.

Так как в означенном предписании г. генерал-губернатора от 12 января 1861 г. было сказано «не увольнять Петрашевского из места его водворения в города без разрешения г. генерал-губернатора или заступающего его г. помощника генерал-губернатора», то в прошении к енисейскому губернатору и было на основании сего написано: «Распоряжение г. помощника генерал-губернатора о непонуждении меня оставить г. Красноярск и о непрепятствовании проживать мне, где пожелаю, в Енисейской губернии сделает ненужными дальнейшие старания мои, так и моих поверенных к разъяснению объема прав, прав моих, установленным законами порядком», — в том предположении, что это прошение будет представлено вашему превосходительству, но как этого может легко и не случиться, через что и будет отнята у вас возможность сделать по отношению ко мне должное, то для устранения такой случайности посылается мною с сею же почтою вашему превосходительству прошение, которого содержание, обусловленное положением дел моих и законностью требований, из оного по отношению к вам проистекающих, представляет заново весьма достаточный повод и законное основание, дабы вами самими было совершено самостоятельно то же самое.

Доверенность моя к личным свойствам вашего превосходительства делает для меня обязательным вместе с сим изъяснить, что Ф. Н. Львов уполномочен мною надлежащим актом окончить п р и м и р и т е л ь н о то, что без этого не обойдется без неприятностей для иных. Он может удостоверить вас в том, что сей последний исход также поставлен мною в совершенную независимость от каких бы то ни было незаконных случайностей, от которых где-либо и как-либо могла пострадать моя личность.

Ваши решения покажут, справедливы ли мои ожидания, основывающиеся на представлении моем о свойствах вашей природы, или расчеты и надежды те, которым и ныне еще не чужды в Иркутске интриганты и враги правды и добра всех цветов и наименований.

Честь имею быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорнейший слуга

М. Буташевич-Петрашевский.

1861 года, 11 февраля
Красноярск.

№ 9.

Свидетельство.

Во исполнение предписания г. исправляющего должность енисейского гражданского губернатора от 11 февраля, полученного в управе 13 числа настоящего месяца, был свидетельствован сего числа членами врачебной управы поселенец Буташевич-Петрашевский в настоящем состоянии его здоровья, по коему оказалось, что он телосложения здорового, тучного, подверженного, впрочем, вообще более или менее геморроидальным приливам и климатическим влияниям; отроду ему около 38 лет. В настоящее время он всем здоров и не заметны никакие явления, могущие обнаруживать отступления от органического порядка. Но как он объявляет и подтверждается лекарскими свидетельствами 1) исправлявшего должность минусинского окружного врача доктора медицины Тимкина, произведенным над ним в Минусинске в сентябре, и 2) исправлявшего должность красноярского городового врача лекаря Павлова в Красноярске в декабре месяце прошлого 1860 года, что он одержим ревматическими лихорадочными припадками, зависящими от атмосферных влияний и не менее того иногда нервных потрясений, однакож в настоящем их виде, по мнению управы, легко и скоро удобоизлечимыми; то для ускорения возможности безопасного для его здоровья выезда его в Минусинский округ следует немедленно приступить к излечению их, которое потребует не более 2-х недельного срока, и вместе с этим поручено красноярскому городовому врачу Лессингу, с обязательством о выздоровлении Буташевич-Петрашевского, или по крайней мере о наступлении возможности ему отправиться в путь в Минусинский округ тотчас донести управе. В чем енисейская врачебная управа надлежащим подписом с приложением казенной печати сим свидетельствует. Февраля 14-го дня 1861 года.

№ 43.

Инспектор, коллежский советник *Е. Фроммер.*

За аудитора надворный советник *(подпись).*

№ 10.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского *).

Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит поселенец Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, а в чем мое прошение состоит, тому следуют пункты:

1.

Вследствие увоза меня из г. Иркутска в Минусинский округ, неизвестно за что и в силу какого закона совершенного, я потерпел значительные убытки, сумма которых еще увеличится, буде и в иркутском губернском суде последует не в мою пользу решение дела моего с г. Пермихиным. *К*

2.

Судя по сообщениям, которые сделаны были моими поверенными, я усмотрел, что от препятствий, законами не указанных, исполнение ими их обязанностей по отношению к моим делам невозможно; желание их не подвергать из-за себя неприятностям побудило меня уничтожить доверенность, данную мною г. Подлесному и о сем иркутский губернский суд поставить моим прошением в известность, как и о том, что все последующие вызовы он имеет обращать прямо ко мне. Иркутский губернский суд указом своим от 25 сентября дал мне знать, что просьбу мою будет иметь в виду. *сему*

3.

Имея в виду таковой указ иркутского губернского суда, я полагал, что, присутствуя при докладе этого дела, я буду иметь возможность исправить те упущения, которые в производстве его могли оказаться, но новый указ того же суда, состоявшийся по предложению г. иркутского гражданского губернатора от 8 ноября за № 2453, в котором однако не означено, на каком законе основан, признано удобным не чинить мне вывоза, а вместо сего предоставить мне прислать поверенного, что мне без указа сего хорошо известно. *про*

4.

Таковое устранение меня от присутствия при докладе с законами несовместно, ибо только я сам, как знающий вполне все обстоятель-

*) Вверху помета: «20 февраля 1861 г.».

ства дела, могу указать на то, что в докладе могло быть упущено или что противно существу оного в нем представлено. Почему в сем случае мое личное присутствие необходимо. Лишение же меня сего права в сем случае составляет прямой отказ в правосудии. *ше*

5.

Так как в предписании г. генерал-губернатора В. Сибири от 12 января 1861 года за № 111 к г. исправляющему должность енисейского гражданского губернатора сказано, что находиться в городах я могу с разрешения г. помощника генерал-губернатора, и прав на сие не лишен установленным законами порядком, почему всеподданнейше прошу. *нию*

Дабы повелено было: 1. Прошение сие по обстоятельствам и согласно закону надлежащим порядком рассмотреть и мне разрешить прибыть в г. Иркутск для присутствования при докладе дела моего в иркутском губернском суде и для объявления на решение оного суда удовольствия или неудовольствия, и какое на сие прошение решение последует мне объявить.

1861 года, 11 февраля. К поданию подлежит г. генерал-губернатору Восточной Сибири.

Сие прошение сочинял и писал сам проситель поселенец *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил.*

Жительство имею в г. Красноярске, в д. Пьяпикова, у острога.

№ 11.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского *).

Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит по законному месту причисления Оеккской волости, Иркутской губернии, а по незаконному Минусинского округа, Шушенской волости, Енисейской губернии, поселенец Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, а в чем мое прошение состоит, тому следуют пункты:

1.

Судя по последовавшему ко мне уведомлению, жалоба моя к бывшему министру внутренних дел на произвольное удаление меня из г. Ир-

*) Вверху помечено: «18 мая».

кутска в Минусинский округ была сообщена бывшему генерал-губернатору В. Сибири графу Муравьеву-Амурскому при отношении от министра внутренних дел, о содержании коего, согласно установленному законами порядку, по самой сущности его, мотивировавшего дела, так и содержания самого отношения, мне надлежит быть поставленным о нем в полную известность, но вопреки сего означенная моя жалоба возвращена была через минусинский земский суд без вышеозначенного министерского отношения, подлежащего сообщению мне. *К*

2.

В 1860 году подано было мною прошение в главное управление о выдаче мне копии с высочайшего именного повеления от 26 августа 1856 года, по которому последовало освобождение меня из каторжной работы на поселение, но сие мое прошение оставлено было без надлежащего по закону удовлетворения по причине того, что оно «написано в неприличных выражениях», чего однако же кем следует вовсе не найдено. Хотя ныне у меня из другого официального хранилища и имеется копия с означенного выше именного высочайшего повеления, но так как необходимо с достоверностью знать, нет ли в сем списке (т.-е. в копии, у меня имеющейся и подлежащим порядком засвидетельствованной) разницы от того списка с высочайшего повеления, который в делах 1-го отделения главного управления Восточной Сибири имеется. *сему*

3.

К сему моему прошению прилагая один лист гербовой бумаги 70 к. достоинства на предмет копии с высочайшего именного повеления от 26 августа 1856 года об освобождении меня из каторжной работы на поселение и другой лист того же достоинства для копии с означенного выше министерского отношения к г. генерал-губернатору, при коем послана была ему моя на него же жалоба, всеподданнейше прошу. *прошению*

Дабы повелено было главному управлению Восточной Сибири копии с означенных актов, надлежащим порядком засвидетельствованные, выдать поверенному моему отставному канцелярскому служителю Федору Николаеву сыну Львову, живущему в г. Иркутске, в доме г-жи Сорочинской, у Владимирской церкви, и о сем, как о постановлении по предмету сего поставить в известность согласно ст. 193, т. II ч. 1 Губернских учреждений. Мая 6 дня 1862. К поданию надлежит г. исправляющему должность генерал-губернатора или председательствующему в совете главного управления Восточной Сибири. Прошение сие писал и сочинял сам проситель поселенец *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил.*

Жительство имею в Красноярске, во II части, в доме Кузнецова.

№ 12.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского *).

Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит поселенец Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, а в чем мое прошение, тому следуют пункты:

1.

Имея надобность: 1) в копии с отношения г. министра внутренних дел, при котором сообщена была г. генерал-губернатору В. Сибири графу Муравьеву-Амурскому жалоба моя г. министру внутренних дел на увоз меня из г. Иркутска в Минусинский округ, 2) в копии с высочайшего именного повеления от 26 августа об освобождении меня из каторжной работы на поселение, 3) в копии с высочайшего именного повеления, последовавшего в 1861 году по жалобе, лично принесенной сестрой моей его императорскому величеству, на те стеснения, которым я подвергаюсь от администрации с 1860 года 27 февраля, сообщенного в списке или отношении г. шефа корпуса жандармов к г. исправляющему должность генерал-губернатора В. Сибири, к сему прилагая три листа гербовой бумаги 40 к. достоинства на предмет означенных выше копий, всеподданнейше прошу. *К сему прошению*

Дабы повелено было: главному управлению В. Сибири копии с сих актов учинить и их выдать доверенному моему отставному канцелярскому служителю Федору Николаевичу Львову, жительство имеющему в г. Иркутске, у Владимирской церкви, в доме г-жи Сорочинской. 1862 года, 25 июля дня. К поданию подлежит г. генерал-губернатору В. Сибири. Прошение сие сочинял и писал сам проситель поселенец *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил.* Прошение сие верю подать отставному канцелярскому служителю Федору Николаевичу Львову, поселенец *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил.*

Жительство имею в г. Красноярске, в доме Теселева, на Острожной площади в II квартале.

---

*) Помета: «9 августа».

№ 13.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского *).

Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, поселенец Енисейской губернии, Шушенской волости, и в чем мое прошение состоит, тому сследуют пункты:

1.

Высочайшим повелением, последовавшим в дополнение и разъяснение манифеста 26 августа 1856 года, объявленным чрез министра внутренних дел и сообщенным его отношением от 24 сентября за № 279 г. генерал-губернатору В. Сибири, для приведения им оного в исполнение, согласно ст. XV и XXXV манифеста 26 августа 1856 года, установленным законами порядком, всемилостивейше даровано мне право: свободно проживать в России везде, где жить пожелаю, с припиской к одному из свободных податных сословий на общем основании, а буде желаю, то и поступить и в военную службу солдатом на Кавказ, с правом на производство в чины за отличие. Так как сим высочайшим повелением разрешено мне возвратиться в Россию, то 7-й пункт и другие высочайшего указа 17 апреля 1857 года о «даровании некоторым политическим преступникам их прежних прав по происхождению» имеет быть и на меня распространен. Но сего по сие время, вопреки законам, по неизвестным причинам, не учинено. О сем обстоятельстве и его юридическом значении было заявлено мною в моих прошениях с 1862 года местной администрации; но сии мои о таковых моих правах предъявления, невзирая на представление самой копии с означенного выше высочайшего повеления, вопреки моим ожиданиям, на положительном смысле относящихся к сему делу законов основанные, имели последствием своим неприведение вышеизъясненных прав моих в надлежащую ясность и юридическую несомненность; но, вместо сего, предъявление местной администрацией требования: чтобы я в прошениях моих именовал себя поселенцем, сопровождаемым неправомерною угрозою, что по прошениям моим, в коих я себя не наименую поселенцем, никакого производства чинимо не будет, и что за неисполнение такого не юридического требования я буду подвергнут взысканиям по уставу о ссыльных. То, к чему сие обстоятельство меня обязывало, то мною в ограждение себя учинено. Так как материальный вред, причиненный и причиняемый мне через оставление дел моих без производства, немалозначителен и сие по действию своему на

меня равнозначительно действительному физическому принуждению квалифицировать мне себя поселенцем, тогда как мне, согласно воле его императорского величества, выраженной в актах, несомненно достоверных, по закону и по происхождению моему потомственным дворянином именоваться надлежит. По вышеизъясненным причинам и обстоятельствам я нахожусь вынужденным, для устранения сего не юридического предлога и оставлению изъясненного в сем моем прошении противузаконного противу меня поступка г. инспектора енисейской врачебной управы статского советника Фроммера безнаказанным, в сем моем прошении наименовать себя поселенцем, как сие и сделано мною, и по учинении сего в сем же моем прошении заявить, что сей факт значения добровольного отказа моего от прав, мне всемилостивейше дарованных, отнюдь не имеет, и что он нисколько действительности оных не умаляет, ибо сих прав я могу быть лишен не иначе, как за преступление и по приговору суда, а не каллиграфически через какие-либо административно-бюрократические манипуляции, подобные вышеизъясненным. О сем сим заявив, в предведении имеющих из сего возникнуть новых обстоятельств, я, по добродушию моему, признаю для себя обязательным предупредительно изъяснить, что все прочие, после сего поданные мною прошения, в которых, вследствие неустранения надлежащим актом власти, в сем деле компетентной, влияния на меня вышеизъясненных не юридических условий понудительных, буду еще вынужденным титуловать себя поселенцем, должны со временем получить характер документальных свидетельств и фактических доказательств оказанного к воле его императорского величества неуважения теми лицами и учреждениями, которым безусловно было обязательно принять все законом указанные меры к приведению высочайших повелений по отношению ко мне в надлежащее исполнение, о непринятии ими таковых мер и произвольности по сему предмету их действий, явно с законами несовместной и для меня утеснительной. *К*

2.

Г. инспектор енисейской врачебной управы в донесении своем г. начальнику губернии от 3 июня 1861 года за № 125 объявил меня вопреки истине одержимым мономанией и общим умопомешательством, — описал мое состояние в таких выражениях, каких обыкновенно в курсах патологии и судебной медицины описываются признаки сих болезней и какими они в них определяются. *сему*

3.

О сем обстоятельстве мною было с 7 августа 1861 года заявлено в разных прошениях, поданных мною г.г. начальникам Енисейской губернии, но ими не было обращено надлежащего внимания, а некоторые из них, в сем 1863 году поданные, были мне возвращены с надписью, без достаточных оснований к их возвращению. Отчего вред, причи-

няемый мне вышеизъясненным противным истине донесением, не умалился, а усилился, и так как это противозаконное действие г. Фроммера по отношению ко мне равнозначительно по своему действию действительному истреблению им производительных сил моего нравственного или умственного капитала, или похищению им оного у меня посредством учиненного им противного истине акта, то, дабы положить конец вреду, мне причиненному сим донесением, я 30 июля сего в енисейский губернский совет подал прошение, в котором просил о вышеизъясненном противозаконном поступке г. Фроммера определить произвести следствие и меня по предмету жалобы по закону удовлетворить. *прошению*

4.

Хотя сия моя просьба на основании ст. 33, т. II, ч. II Губ. Учр. и была по существу своему подсудна и губернскому совету, но г. начальник губернии по каким-то личным видам, присвоив себе права и власть совета, жалобу мою к рассмотрению в совете не допустил, а лично сам положил оставить оную без движения потому, «что им в делах енисейского общего губернского управления не усмотрено, чтобы г. Фроммер признавал меня находящимся в умопомешательстве». Сия резолюция, от 12 августа сего года за № 10053 последовавшая, одним начальником губернии подписанная и скрепы начальника отделения не имевшая, мне была объявлена через красноярскую общую городовую управу. *Михаил*

5.

Приведенное в сей резолюции основание к оставлению просьбы или жалобы моей без надлежащего движения заставляет невольно предполагать, что от г. начальника губернии донесение г. Фроммера от 3 июня 1861 года за № 125 г. начальнику губернии было скрыто; и что после выдачи мне с оного копии, последовавшей вследствие прошения моего от 7 августа 1861 года, из общего енисейского губернского управления оно было заменено другим. *Васильев*

6.

Находя вышеизъясненную резолюцию г. начальника губернии неправильной и в то же время указывающей на новое противузаконное действие, как возможное для избавления г. Фроммера от ответственности учиненное; имея в виду содержание ст. 294 и 295, 296, 315, 316, 317, 319, т. II, ч. II инструкции генерал-губернатором, всеподданнейше прошу. *сын*

Дабы повелено было: г. исправляющему должность генерал-губернатора В. Сибири сделать распоряжение о производстве следствия о вышеизъясненном противузаконном поступке г. Фроммера и о немедленном обязании его подпискою о невыезде из г. Красноярска

впредь до окончания сего дела; а о производстве следствия или удостоверения, есть ли в делах общего енисейского губернского управления донесение г. Фроммера начальнику губернии от 3 июня 1861 года за № 125, и не заменено ли оное в последнее время другим, и о том, какая на сие мое прошение резолюция состоится, и о том по месту жительства моего мне объявить. Сентября 9-го дня 1863 года. Прошение сие к подданию подлежит г. генерал-губернатору В. Сибири.

Прошение сие сочинял и писал сам проситель *Буташевич-Петрашевский руку приложил.* По болезни верю оное подать красноярскому мещанину Василию Афанасиевичу Петрову. К сему *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил.*

Жительство имею в Красноярске, в I части, в доме Минервина.

(Просьба сия вследствие непринятия просителей г. исправляющим должность генерал-губернатора в г. Красноярске 10 сентября посылается по почте. Сие считать неписанным. *М. Б. Петрашевский.*)

№ 14.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского.

Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, поселенец Енисейской губернии, Шушенской волости, Минусинского округа, а в чем мое прошение состоит, тому следуют пункты:

1.

Хотя факт перемещения моего из г. Иркутска, совершившийся в феврале 1860 года, по существу своему таков, что им совершенно уничтожена юридическая действительность моего долга в благотворительный капитал главного управления В. Сибири, но, вопреки сему и в противность ст. 2231, т. X, ч. I Св. Гр. 3. губ. 1857 года, и по сие время производится для пополнения сего долга удержание трети из назначенного мне от казны пособия и уже удержано 95 руб. *К*

2.

3 июня 1861 года г. инспектором енисейской врачебной управы было представлено донесение г. начальнику губернии, вопреки истине, представляющее меня одержимым частным и общим умопомешатель-

ством. О таковом качестве сего донесения г. Фроммера, так и том, что оно лишило меня возможности иметь средства к существованию — от занятий, соответствующих моим познаниям и способностям, было мною в мае 1862 года заявлено прошением г. начальнику губернии, для принятия им сего моего предъявления в надлежащее соображение и для учинения им по оному надлежащих действий, но г. начальник губернии на сие обстоятельство не обратил никакого внимания, ибо после 5 мая 1862 года поданные мною ему прошения для побуждения его сделать распоряжение о производстве мне пособия из казны в увеличенном размере, т.-е. по 230 рубл. в год, на основании высочайшего повеления, до сего предмета относящегося, изъясненного в отношении г. шефа корпуса жандармов от 11 марта 1861 года за № 378 к г. исправляющему должность генерал-губернатора В. Сибири, предписания г. исправляющего должность генерал-губернатора к управляющему Енисейской губернией от 4 мая 1861 года за № 4 и 2 пункта предписания г. генерал-губернатора В. Сибири к г. енисейскому гражданскому губернатору от 23 декабря 1860 года за № 3812, были г. начальником губернии не только что оставлены без удовлетворения, без всякого к тому достаточного основания, но вместо оного имели своим последствием невыдачу мне и тех денег, которые до сего мне были выдаваемы в замену пайка и одежды. *сему*

3.

Таким образом, его императорского величества всемилостивейшее соизволение на улучшение материального положения неимущих политических сосланных, находящихся в В. Сибири, чрез удвоение выдаваемого им из казны пособия, выраженное особым высочайшим повелением, чрез шефа корпуса жандармов объявленным и им его отношением, сообщенным здешней администрации для приведения оного его в надлежащее исполнение, увеличения средств моих к жизни не произвело, но было поводом к уменьшению их в весьма значительном размере. Сей факт свидетельствует столько же о неуважении к воле его императорского величества здешней администрации, как и о ее неблагорасположении ко мне. *прошению*

4.

Обстоятельства сего дела заставляют меня предполагать, что вышеозначенные просьбы мои имели для меня такие последствия потому, что приготовление по оным резолюций в общем енисейском губернском управлении зависело от г. Кандаурова, изобличенного мною вследствие подания мною оных прошений в сокрытии от г.г. начальников губернии вышеозначенного отношения шефа корпуса жандармов, которого я просил как за сие, так и вообще за неправильное производство моих дел подвергнуть определенной в законах ответственности. *Михаил*

5.

В силу означенного высочайшего повеления за 1861 и 1862 годы мне надлежало получить из казны в пособие 460 руб. серебр., но вместо сего в противность означенному высочайшему повелению мне было выдано 114 руб., т.-е. менее *) было выдано 346 рубл. с. менее, чем выдать мне надлежало. Неприведением сего высочайшего повеления, т.-е. невыдачею мне вдвое большего пособия из казны я поставлен в весьма затруднительное положение и понес от сего немалозначительные убытки. Сие поставляет меня в необходимость просить, что *) мне ныне же, кроме вышеозначенных денег, были выданы 230 руб., следующие мне в пособие на 1863 год, ибо значение вышеизъясненного донесения г. Фроммера по сие время остается по отношению ко мне в прежней его силе. *Васильев*

6.

По вышеизъясненным причинам и на основании содержания высочайшего повеления, изъясненного в отношении шефа корпуса жандармов от 11 марта за № 378 к г. исправляющему должность генерал-губернатора В. Сибири; 2 пункта предписания г. генерал-губернатора В. Сибири к г. енисейскому гражданскому губернатору от 23 декабря 1860 года за № 3812, ст. 2231, т. X, ч. I, ст. 294, 295, 296, 315, т. II, ч. I, инструкции генерал-губернаторам и других статей законов, сии статьи поясняющих и к сему делу относящихся, всеподданнейше прошу. *сын*

Дабы повелено было г. исправляющему должность генерал-губернатора В. Сибири все изъясненные в сем моем прошении обстоятельства принять в надлежащее уважение и сделать распоряжение: a) о возвращении мне неправильно удержанных из моего пособия 95 руб. с., b) о додаче мне неправильно недоданных мне из казны 346 руб. с., следующих в пособие за 1861 и 1862 годы, и чрез то вышеизъясненное высочайшее повеление по отношению ко мне привести в надлежащее исполнение, c) о выдаче мне за 1863 год ныне же 230 руб. с. из казны, и d) и том, какая на сие мое прошение резолюция состоится, мне на основании ст. 193, т. II, ч. I по месту жительства моего объявить. Сентября 23 дня 1863 года. К поданию надлежит г. исправляющему должность генерал-губернатора В. Сибири.

Прошение сие сочинял и писал сам проситель *Буташевич-Петрашевский руку приложил.*

Жительство имею в г. Красноярске, в доме г. Минервина, на Большой улице, в 1-й части, в 1-м квартале.

---

*) Так и в подлинном

№ 15.

Письмо Ф. Д. Петрашевской М. С. Карсакову.

Милостивый государь,
Михаил Семенович.

По распоряжению вашего превосходительства сын мой Михаил Буташевич-Петрашевский удален на жительство в Шушенскую волость, Минусинского округа, с самыми тяжелыми, как я слышала, ограничениями.

Не позволяя себе входить в рассуждения о причинах вашего на него неудовольствия, я обращаюсь прямо к вашему сердцу и убедительнейше прошу вас об одном: взяв во внимание несчастную жизнь моего сына и то естественное раздражение, в котором он находится, не только не препятствовать к перемещению его в Западную Сибирь, но даже не отказать в своем великодушном содействии.

Вы поймете ваше превосходительство, без сомнения, заботу престарелой матери об участи своего сына, каким бы он ни казался на ваши глаза, но для нее все-таки единственным и несчастным, и во всяком случае извините меня, что беспокою вас в первый раз своею покорнейшею просьбою.

С совершенным уважением имею честь быть вашего превосходительства покорнейшею слугою.

Федора Петрашевская.

6 декабря 1864 года.

Адрес мой: в С.-Петербурге, по Могилевской улице, в собственном доме. Вдове действительного статского советника Федоре Дмитриевне Петрашевской.

№ 16.

Письмо Ф. Д. Петрашевской М. С. Карсакову.

Милостивый государь,
Михаил Семенович.

Ваше превосходительство были так добры, повестив меня, что не будете препятствовать перемещению сына моего Михаила Петрашевского из Восточной Сибири в Западную. Но не зная, уважит ли князь Василий Андреевич мое о том ходатайство и когда состоится разрешение о просимом перемещении, я решаюсь снова утруждать вас своею убедительнейшею просьбою не заградить для сына моего царской милости, вероятно, имеющей излиться на несчастных по случаю предстоящего бракосочетания государя наследника цесаревича. В руках ваших

доставить радость и утешение престарелой матери, которая при физических страданиях своих не перестает скорбеть о тяжкой доле своего единственного сына.

По известной доброте и человеколюбию вашего превосходительства, позвольте мне надеяться, что вы сделаете это доброе дело. Не судите сына моего строго, вспомните сколько, может быть, незаслуженных несчастий обрушилось на его голову, которые при страшной натуре его могли довести его до ожесточения и крайнего раздражения; поверьте, что удаление его из той среды, в которой он теперь находится, подействует на него благодетельно и избавит ваше превосходительство от неприятной обязанности обуздывать строптивость моего несчастного сына.

Если невозможно будет оказать большой милости, то дозволение жить ему в Пермской губернии, где в настоящее время находится его сестра, могущая родственною заботливостью своею успокоить его страждующую душу, было, по мнению моему, самым действительным средством к облегчению его участи и моим успокоением.

Простите, милостивый государь, смелость, с которою я обратилась к вам, и примите уверение в отличном моем почтении, с которым имею честь быть вашего превосходительства покорнейшею слугою.

Федора Петрашевская.

20 марта 1865 г.

Адрес мой: в С.-Петербург, Федоре Дмитриевне Петрашевской, на углу Могилевской и Канонерской улицы, № 4/2, в собственном доме.

№ 17.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского.

Его превосходительству господину генерал-губернатору Восточной Сибири.

Михаила Васильева сына Буташевича-Петрашевского.

Прошение.

Чрезмерность неблагообразия поступков администрации Енисейской губернии со мною в течение последних полутора лет побудила меня желать воспользоваться всемилостивейше дарованным мне правом на поступление на военную службу, вследствие чего я прошением моим, посланным 24 июня с. г. из г. Минусинска по почте г. начальнику губернии, заявив о желании моем поступить на Кавказ в воен-

ную службу, просил его, согласно моему желанию в силу воли монаршей, сделать распоряжение о выдаче мне прогонных и подъемных денег для следования моего на Кавказ. В действительности сего моего права, так и в том, что на основании оного заявленное желание вышеизъясненное, согласно воле монаршей и закону, подлежит немедленному удовлетворению, ваше превосходительство сами убедиться можете, рассмотрев содержание исполнительного отношения министра внутренних дел к г. генерал-губернатору В. Сибири от 24 сентября 1856 г. за № 279 (в канцелярии вашей или главном управлении в подлиннике находящееся), в котором изъяснено высочайшее повеление или указ, последовавший от его величества в дополнение и изъяснение манифеста 1856 года 26 августа (в день коронования его величества), а именно XV пункта оного.

Так как, во-1-х, по обстоятельствам моих дел, вновь приведенных в расстройство заключением меня в тюрьму за заявление моего убеждения в действительность милости его императорского величества и столь же противузаконным удалением меня из г. Красноярска, мне необходимо, дабы умалить вред, от сего проистекший, и понесенные от сего убытки, пред отбытием моим на Кавказ быть в г. Красноярске для учинения по имуществу и делам моим разных распоряжений. Во-2-х, так как со времени отправления к г. начальнику губернии вышеозначенного прошения прошло слишком достаточно времени для учинения по оному согласно воле монаршей надлежащего исполнения, но оного, вопреки ожиданиям, по сие время не последовало, вследствие чего я и нахожусь вынужденным всепокорнейше просить ваше превосходительство соизволить приказать телеграммой кому следует, во-1-х, учинить мне выдачу подъемных и прогонных денег и казенной подорожной для следования моего на службу на Кавказ, во-2-х, о непрепятствовании моему прибытию в Красноярск и пребыванию там моему в течение двух недель пред отбытием на Кавказ по вышеизъясненной надобности и, в-3-х, сим же способом поставить м е н я в известность н е п о с р е д с т в е н н о о том, какие распоряжения по сему прошению от вашего превосходительства последуют.

1865 года, 21 июля дня. К сему прошению *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил.* Сие прошение сочинял сам проситель и его набело переписывал *Михаил Буташевич-Петрашевский.*

Жительство имею в г. Минусинске, в доме мещанина Тропина, близ нового базара.

№ 18.

К о п и я с о т н о ш е н и я м и н и с т р у в н у т р е н н и х д е л с в и т ы е г о в е л и ч е с т в а г е н е р а л - м а й о р а М е з е н ц е в а о т 6 с е н т я б р я 1865 г. з а № 2097.

В начале июля сего года получена была государем императором всеподданнейшая просьба находящегося на поселении политического

преступника Буташевича-Петрашевского, которую статс-секретарь князь Долгорукий препроводил к г. главному начальнику III отделения собственной его императорского величества канцелярии.

В просьбе этой, изложение которой вообще крайне неприлично, он позволил себе весьма дерзко осуждать действия главного начальства Восточной Сибири и жаловался, что оно не распространяет на него всемилостивейшего повеления, состоявшегося в 1856 году о политических преступниках, которое, по его мнению, дает ему будто бы, согласно отношению предместника вашего превосходительства к генерал-губернатору Восточной Сибири от 24 сентября того года за № 279, право свободного жительства по его желанию и выезда из Сибири, и также высочайшего указа 17 апреля 1857 года, предоставляющего ему, как он полагает, прежние права потомственного дворянства, затем он жалуется на невыдачу ему пособия по усиленному окладу (на основании высочайшего повеления, известного вашему превосходительству из отношения от 22 августа 1864 г. за № 2284) 230 р. в год и на преследования его местным начальством.

По всеподданнейшему г. генерал-адъютанта князя Долгорукова докладу о содержании как означенной всеподданнейшей просьбы Петрашевского, так равно и прошения его на высочайшее имя, поступившего в министерство внутренних дел, имею честь по высочайшему повелению покорнейше просить ваше превосходительство предложить генерал-губернатору Восточной Сибири: 1) Объявить Петрашевскому, что ему на основании всемилостивейшего повеления 26 августа 1856 г. оказано помилование освобождением его от каторжной работы и обращением на поселение в Сибирь, и что затем он может пользоваться только теми правами, которые предоставлены ссыльно-поселенцам из политических преступников; указ же 17 апреля 1857 года, как к нему не относящийся, применен к нему быть не может, 2) обязать его подпискою, что он затем просьбами по сему предмету никого утруждать не будет, и предварить его притом, что за нарушение сей подписки он будет подвергнут строгому взысканию и что нового облегчения участи он может ожидать только в таком случае, если заслужит того скромным своим поведением и поступками, которые могут свидетельствовать о его раскаянии в прежнем преступлении и желании загладить настоящее его поведение, весьма неприличное, 3) сделать ему строгое замечание, что он после воспрещения ему называться дворянином, званием ему не принадлежащим, позволил себ на конверте, в коем прислано было его всеподданнейшее прошение, именоваться этим званием и сделал это, как он объяснил в своем всеподданнейшем прошении, с тою целью, дабы местные власти знали, что их насилия были не властны над его убеждением в том, что ему принадлежат права, дарованные указом 17 апреля 1857 г., 4) объявить ему, что пособие в размере 230 р. разрешено производить только тем из политических преступников, которые по старости или болезни не могут снискивать себе пропитание

трудами или обременены семейством, 5) так как получение здесь прошений его прямо от него, а не чрез посредство местного начальства, доказывает, что в отношении его не исполняются правила, установленные для переписки политических преступников, то сделать распоряжение о подчинении его сим правилам.

Вместе с тем считаю долгом сообщить вашему превосходительству, что непозволительное неприличие, с каким он изложил свою всеподданнейшую просьбу, писанную им государю императору, доказывающее совершенное непонимание условий отношения его к священной особе его императорского величества, вызывает необходимость внушить Петрашевскому его обязанности верноподданнического долга и того чувства благоговения, с каким верноподданный должен относиться к государю императору.

Возвращая при сем прошение Петрашевского, препровожденное ко мне при отношении вашего превосходительства за № 1813, я имею честь препроводить при сем три бумаги, о которых он упоминает в сем прошении.

Верно: за правителя канцелярии *(подпись)*.

Примечания.

1. № 6/3. «Главного управления Вост. Сибири. Отделение I, стола 3. Дело по отношению IV отделения главного управления по жалобе государственного преступника Буташевича-Петрашевского на неправильное будто бы осуждение его в каторжную работу», л. 38. Воспроизводится заверенная копия.

2. *Там же*, л. 40. Воспроизводится заверенная копия.

3. *Там же*, л. 5—6. Воспроизводится подлинник. Курсив Петрашевского.

4. *Там же*, л. 14—15. Воспроизводится подлинник, подписанный Петрашевским.

5. *Там же*, л. 27. Воспроизводится подлинник. Курсив, как и в предшествующей бумаге, Петрашевского.

6. *Там же*, л. 62. Воспроизводится подлинник.

7. Предмет 13. Главн. управл. Вост. Сибири. Отделение I, стол 2. «Дело о переселении политического преступника Буташевича-Петрашевского из Иркутска в Минусинский округ Енисейской губернии. Тут о дозволении ему переселиться в Западную Сибирь», л. 35—36. Воспроизводится заверенная копия.

8. *Там же*, л. 46. Воспроизводится подлинник. На письме резолюция Карсакова: «Письмо это приобщить к делу о Петрашевском. Действия начальника края должны быть основаны на пользе края, а не на личных отношениях с кем бы то ни было; это правило и заставляет требовать, чтоб Петрашевский был выслан в волость».

9. *Там же*, л. 50. Воспроизводится подлинник.

10. *Там же*, л. 51. Воспроизводится подлинник, написанный на гербовой бумаге с отпечатанным бланком: «всепресветлейший, державнейший великий государь император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший». На прошении сверху в левом углу резолюция карандашом: «Петрашевский должен жить там, куда переведен из Иркутска, т.-е. в Минусинском округе».

11. *Там же*, л. 68. Воспроизводится подлинник на гербовой бумаге с печатным бланком (см. пред. примеч.). На прошении две резолюции карандашом:

а) «доложить с законом о том, из каких мест и какие акты в копиях выдаются просителям»; б) «на основании статьи 267 пун. 3 оставить без рассмотрения».

12. *Там же*, л. 71. Воспроизводится подлинник на гербовой бумаге с печатным бланком. Резолюции — против п. 1: «отказать»; против п. 2: «именное повеление находится у М. В. Д.», против п. 3: «не имеется».

13. *Там же*, л. 110. Воспроизводится подлинник на гербовой бумаге с печатным бланком.

14. *Там же*, л. 112. Воспроизводится подлинник на гербовой бумаге с печатным бланком.

15. *Там же*, л. 136. Воспроизводится подлинник, на котором подпись Ф. Петрашевской. На письме резолюция Корсакова: «Если правительство найдет возможным его перевести в Западную Сибирь, то я препятствия не имею, но сам ходатайствовать об этом не нахожу возможным, так как поведением своим он не заслуживает этого».

16. *Там же*, л. 138. Воспроизводится подлинник, подписанный Ф. Петрашевской. Резолюция: «на благоусмотрение Князя Вас. Андр.» [Долгорукова].

17. № 108/120. Предмет 11. Главного управл. Вост. Сибири. Отд. I, стол 2. «Дело по представлению нач. Енис. губ. с препровождением прошения поселенца Буташевича-Петрашевского об определении его в военную службу на Кавказе», л. 5. Воспроизводится подлинник, написанный на гербовой бумаге. Резолюция: «к докладу генерал-губернатору».

18. № 6/3. «Дело по отношению IV отделения» и т. д. Воспроизводится заверенная копия, л. 79.

ИЗ ДНЕВНИКА В. К. КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

Печатаемый ниже отрывок из дневника вел. кн. Константина Николаевича охватывает период его наместничества в б. Царстве Польском и прилегающие по времени моменты назначения его и отозвания с поста. Хронологически этот период укладывается между апрелем 1862 г. и сентябрем 1863 г. Тем самым отрывок этот примыкает к уже опубликованной переписке Константина Николаевича с братом — Александром II — за этот же период (см. журнал «Дела и Дни», №№ 1—3) и служит ей дополнением. Так, он бросает свет на историю назначения Константина Николаевича наместником в Польшу, колебания Александра II в этом вопросе и борьбу партий вокруг него. Он приоткрывает также закулисную сторону снятия Константина Николаевича с поста наместника, перенося читателя в царский кабинет в Зимнем.

Наконец, отрывок показывает нам во весь рост небезынтересную фигуру автора — этого царственного либерала — и тем самым позволяет нам измерить глубину (не слишком значительную) его либерализма. Симпатия к «добрым мужичкам» предстает перед нами в любопытном сочетании с материнскими заботами о тайной полиции; благочестивые вздохи сопутствуют подписанию смертных приговоров.

Либерализм К. Н. Романова, — это украшение, так мало подходящее к романовскому стилю, столь противоречащее всему, что самым своим положением был призван осуществлять его носитель, — до поры до времени мог оставаться невинной прихотью царственной особы или орудием дворцовой политики в ее руках, но в роковую минуту оно не замедлило обратиться против нее самое.

Читатель публикуемого отрывка будет свидетелем того, с каким рвением протискивался великий князь к посту польского наместника в напряженнейший момент революционного восстания в Польше. Наконец-то открывалось перед ним широкое поле для применения либеральных приемов управления. Притом на этот раз они должны были разрешить ответственнейшую задачу: погасить национальную революцию в растоптанной романовским сапогом стране. Перед великим князем открывались перспективы, далеко превосходившие все, что он делал до сих пор: ведь последнее сводилось главным образом к заигрыванию с русской общественностью для глухого фрондирования против крепостников, заседавших вместе с ним в государствен-

ном совете и многочисленных комитетах по проведению реформ. Но суждено было иное: вся затея оказалась покушением с негодными средствами.

В обстановке ожесточенной борьбы стихийного народного движения с реакцией, национальной польской революции — с романовским жандармским великодержавием царственный либерализм оказался не более уместным, чем всякий иной вид либерализма.

Три года, проведенные великим князем в фактическом изгнании, и полная потеря кредита у правящей клики, вот все, чем он был награжден за самонадеянность, с которою взялся распутывать там, где можно было только рубить.

Д. Горбов.

---

18 апреля. Все утро принимал разных личностей и почти не мог работать. Ездил к Laurent снимать фотографию с себя для жинки. В 1 ч. показывал Саше в Зимнем наши гидрографические работы. Он мне сказал, что желает, чтоб польское дело очиншевания [1]) было рассмотрено в нашем комитете [2]). Вечером у меня земский комитет [3]) до $^1/_2$12-го. Толковали про способы избрания и про ценз. Много спорили. Я хотел, чтоб про сословия не говорили, но это не прошло. Настоял по крайней мере, чтоб все землевладение было представлено. Это прошло.

19 апреля. Утром принимал Платонова [4]) и потом Виелопольского [5]). Говорил им, что дело очиншевания должно быть рассмотрено в главном комитете. Нашел маркиза ужасно de mauvaise humeur *); говорит, что холодно принят, что государь против него решил дело народного просвещения и что он хочет уходить. Я его уговаривал как мог, потом и жинка [6]) тоже, но это ни к чему не привело. Это на нас сделало очень глубокое впечатление. Вся будущность польского дела на волоске. Я тотчас отправился к Горчакову [7]) и пересказал ему все. Он также проникнулся важностью этой минуты и хотел со своей стороны приложить все старания. Он и маркиз—оба обедали у государя, и маркиз был очень не в духе и cassant **), но императрица была с ним очень любезна. Авось, это поможет. Вечером у меня в кабинете для жинки Шуберт [8]), Вениавский [9]) и Кюндингер [10]) играли 2 трио Бетховена. Прелесть, и весь вечерок очень хорошо удался.

20 апреля. Утром принимал Эноха [11]) и имел с ним длинный разговор про польские дела и про очиншевание. Он мне очень понравился. В 1 ч. большой майский парад. Когда после проезда государя я скакал между линиями, чтобы у гвард[ейского] эк[ипажа] встретить императрицу, моя лошадь на скаку меня ударила задней ногой в мою ногу ниже икры. Было не очень больно, но я скоро почувство-

---

*) В дурном расположении духа.

**) Резкий.

вал, что у меня мокро в сапоге. Поехал шагом домой, чтоб посмотреть, не кровь ли. Едва доехал до дому, почти дурно сделалось. Едва добрался до залы детей. Как сняли сапог, увидели огромное кровотечение из ноги. Со мной сделался совершенный обморок. В это время мне обмывали ногу и старались остановить кровь. Когда я пришел в себя, Битих [13]) мне делал перевязку. Скоро мне стало лучше, и я поднялся к себе, но был очень слаб. После парада и вечером почти вся семья у меня перебывала. Мне недурно, ноге не очень больно, но я очень слаб от большой потери крови.

21 апреля. Ноге лучше, но я весь день должен был сидеть в кресле с вытянутой ногой, а мне переменяли примочки. Утром был у меня Горчаков и рассказывал, что pour le moment *) он остановил письмо и отставку Виелопольского, но что минута чрезвычайно важная. В $^1/_2$ 2-го была у меня в биллиардной панихида по мама, а я слушал в кабинете в креслах. В 3 заходил ко мне Саша и был очень мил. Я ему говорил про неудобство рассматривать дело очиншевания в многочисленном комитете, но он без малейшего затруднения согласился, чтоб у меня был составлен уменьшенный домашний комитет. Я тотчас написал об этом Горчакову и позвал Эноха, чтоб ему это сказать. Он был очень доволен.

23 апреля. Лучше, и хожу с палкой только из предосторожности, но нога легко затекает. Был утром с обыкновенным докладом у Саши. За обедней была почти вся семья и потом у нас завтракала. Завтра будет у Саши маленький совет по польским делам ужасной важности, потому что от решения вопроса личностей будет зависеть вся будущность Польши. Поэтому имел длинные разговоры с Горчаковым и Виелопольским. Я с ним умею справляться, и он меня любит. Все будет зависеть от завтрашнего дня. Вечером у меня маленький финансовый комитет по вопросу о немедленном открытии промена [13]). Решили начать 1 мая по 360, или 5.70. Потом длинный разговор с Валуевым [14]) по Польше. Он смотрит на дело так же, как Горчаков и я.

24 апреля. Ничего не узнал про польский совет у Саши. Встретили во время прогулки с жинкой Горчакова с весьма длинным лицом, который объявил, что не имеет ничего сказать, но что ничего не решено, но que c'est très gris **). Ничего доброго от всего этого я не чую. Вечером были у Сумарокова [15]), где Henselt [16]) и какая-то довольно миленькая Bauer прелестно играли на фортепианах. Народу было очень мало, и оно было весьма мило и приятно.

25 апреля. Утром простился с Краббе [17]) и Гауровицем [18]), которые оба едут лечиться за границу. Принимал Зебаха [19]), который сюда приехал по наследству Нессельрода. В 12 ч. у меня финансовый комитет. Читали и подписали журнал об открытии промена с 1 мая.

*) В настоящее время.

**) Серо, неопределенно.

Тотчас после комитет земский. Подвинулись вперед, но долго спорили о председательстве в собраниях. Валуев хотел предводителей, я сильно против этого протестовал, требуя, чтоб председатель назначался от правительства. Все решительно меня поддерживали. Валуев был очень упрям, но под конец начал колебаться. Отложили до следующего раза. Продолжалось до 4 ч. Перед обедом окончательно простились с княгиней Максутовой [20]). Были большие слезы.

28 апреля. Очень тяжелый день. Утром с 9 часов работал с Голицыным [21]). В 11 ч. по чугунке в город. От 12 до 2 работал с Грейгом [22]). От 2 до $^1/_2$ 5-го у меня соединенные комитеты по выкупному предложению Валуева [23]). Много спорили. Почти все — не финансовые головы—за его проект. Мы доказывали его невозможность, но это не брало. Тогда я сделал предложение о том, чтоб выкуп сделать в такой форме, которая бы представляла менее финансовой опасности. Поручили Рейтерну [24]) с Валуевым приготовить это предложение. Дай бог, чтоб на этом мы могли соединить мнения. Воротился в Павловск в 7 час. ужасно утомленный. Пообедал, а вечером опять работал. Потом у нас сидел Сумароков, и мы все толковали про Польшу.

29 апреля. День рождения Сергея [25]); ему 5 лет. Поэтому к обедне ездил в Царское, после чего там был первый в нынешнем году развод на открытом воздухе. Утром работал с Бутковым [26]) и Заблоцким [27]) по завтрашнему делу о сметах. После обедни был у нас Миша [28]) с женой. Обедали в Царском, а вечером дома.

30 апреля. Ужасно тяжелый день. Утром обыкновенный мой доклад у Саши. Потом без завтрака в городе по чугунке и прямо в Совет, который продолжался до $5^1/_4$. Сперва возобновленное суждение по делу майоратов [29]) по отдельному мнению Горчакова. Большинство осталось на нашей стороне. Потом все суждение и споры по местам. Раз прения начали делаться неприличными и обращаться в личности, и я должен был их остановить. Воротился в Павловск в 7 ч. ужасно утомленный.

1 мая. Хоть оставался в Павловске, но день был ужасно тяжелый. С 9 утра до 2 ч. у меня доклады не прекращались, так что я один работать не мог. Перед обедом немного катались с жинкой на гановерских лошадках. Вечером от 7 почти до 10 работал с Энохом, и он мне объяснял чиншевой проект.

2 мая. В 11 ч. в город. Там у меня с братьями инженерный комитет [30]). Решились теперь ничего капитального, окончательного не строить, а готовить необходимые заводы пушечные и железные. Воротился к обеду. Вечером опять до $^1/_2$ 10-го с Энохом, а потом у нас молодежь по домашнему плясала.

3 мая. В 11 ч. в город. Сперва у меня кавказский комитет [31]) по постепенному заселению предгорий казаками, а потом крестьянский комитет по текущим делам. Воротился в 7 ч. весьма усталый.

4 м а я. Оставался весь день в Павловске и много работал один. Читал большей частью дела Государственного Совета и чиншевое дело.

5 м а я. Тоже весь день дома и много читал и работал. За обедом были у нас Сумароков и Виелопольский. После обеда долго с ними говорил про польские дела.

7 м а я. Ужасно тяжелый день. После утренней работы обыкновенный доклад у Саши. В 11 ч. по чугунке в город и прямо в Совет, который продолжался до ½ 4-го. По золотопромышленному процессу Зотова и Рыжкина [32]) разногласие, но большинство на моей стороне. Потом отправился с жинкой (она приехала в город по 2-часовой чугунке) с прощальным визитом к Елене Павловне [33]). Обедали в ½ 6-го. В 7 ч. видел отдельно Панина [34]) и Виелопольского, чтоб их помирить и чтоб они своей ссорой мне не мешали в комитете. От ½ 8-го до полуночи чиншевой комитет. Сперва я установил смысл, в котором мы должны были понять предстоящие рассуждения. Было предъявлено 9 вопросов, постановленных Платоновым. Из них он сам от одного отказался. Из остальных 8—5 решены единогласно в смысле Совета. Один решен единогласно против Виелопольского (распределение кланов земель). Он не настаивал на своем мнении, но остался при нем pour être conséquant *). В двух других вопросах разногласие, но большинство со мной. В вопросе об усадьбах со смешанной повинностью против Панин, Платонов и Чевкин [35]), а в вопросе о составе чиншевых комиссий [36]) только последние два. Оба раза я Тымовского [37]) добыл на мою сторону, а в самом важном вопросе и Панина. Я был ужасно счастлив и доволен этому результату, а лицо Виелопольского сияло, как я его никогда не видал. Ради этого я почти усталости не чувствовал. Ночевали в городе.

8 м а я. Утром в городе много работал, между прочим, долго говорил с Энохом и Валуевым по вчерашнему комитету и по предстоящему завтра совету по польским делам. В 1 ч. по чугунке домой в Павловск. Утром, только что встал, сходил в баню. В 4 ч. ездил в Царское, чтобы рассказать Саше про вчерашний комитет, а он уж знал от Платонова. Он мне тут сказал, что назначает Мишу в Варшаву, который tout abassourdi **). Я тоже порядочно abassourdi, и весь остальной день мы только про это и толковали с жинкой. Господь бог все устроит к лучшему, а наше дело этому безропотно покоряться, как бы оно подчас ни было трудно.

9 м а я. Отправился в Царское в комитет с биением сердца. В саду встретил Мишу. Успел перед заседанием с ним поговорить. Он мне рассказывал свое горе и борьбу его совести. Я подумал, что лучше всего быть с ним совершенно откровенным, и высказал ему все и как и почему я готов ехать в Варшаву. Мы друг друга совершенно поняли. В ½ 1-го

*) Чтобы быть последовательным.
**) Совершенно ошеломленный.

начался Совет: Платонов, Валуев с Мейендорфом [38]), Долгоруков [39]), Панин, Милютин [40]), Миша и я. Саша сперва прочел последнее письмо Лидерса [41]) о неприятной сцене с Фелинским [42]). Горчаков — последнее свое письмо Фелинскому и депешу в Рим. Потом перешли к тому, что́ теперь сделать в Польше, и вопрос сосредоточился на Виелопольском и на посылке великого князя. При этом Саша объявил, что он предназначает Мишу. Сперва шло хорошо, покуда стал говорить Платонов и повел старую песню о Виелопольском и о том, какое это будет иметь влияние на армию. Это явно поколебало Сашу. Милютин поддержал это, а Долгорукий еще испортил, требуя немедленной посылки великого князя. Таким образом спор продолжался и начал делаться неприятным, покуда Саша в 3 очень гневно прекратил заседание в отчаянии, что ни к какому заключению притти не могут. Воротился домой под весьма грустным впечатлением, которое меня не оставляло во весь день. Первый довольно приятный теплый вечер, и Штраус [43]) в первый раз играл на воздухе. Мы обедали у Николы [44]) на балконе.

10 мая. В 11 ч. по чугунке в город. Нашел у себя фл.-ад. Данаурова [45]) с приказанием Саши быть у него в $^1/_2$ 1-го. У меня сердце тотчас почуяло, что что-нибудь да будет. Заехал сперва к Мише и высказался ему еще раз по-вчерашнему. Он мне сказал, что и Валуев, и Горчаков ему высказали, что желают меня. У Саши застали Долгорукова, который сказал, что вчера вечером высказал государю, что с Виелопольским возможен только я. В $^1/_2$ 1-го опять Совет во вчерашнем составе. Саша был гораздо мягче и любезнее. Рекапитулировал три мнения, которые вчера высказались: 1) Долгорукий о немедленной посылке Виелоп[ольского] и вел. князя, 2) Платонова о невозможности Виелоп[ольского], 3) всех остальных о предназначении велик. князя теперь, с тем, чтоб его послать со снятием военного положения, и о немедленной посылке Виелоп[ольского], если можно уговорить Лидерса его принять. Саша объявил, что присоединяется к этому мнению. Тут Горчаков и Долгоруков начали довольно ясно указывать на меня. Я просил Сашу об этом говорить не здесь, а наедине. После этого Саша с Мишей и со мной пошел к себе в кабинет. Тут решилась моя участь. Саша сперва сказал, почему меня не может послать, что я ему здесь слишком нужен. Миша тогда начал отговариваться всеми своими, весьма ясными, резонами и указывал, почему нужен я, а не он. Наконец, собравшись силами, я сказал Саше, что я готов и желаю ехать; надеюсь, что я буду в состоянии иметь влияние на маркиза. Что предлагаю это как жертву, чтоб служить ему, потому что мое положение здесь таково, что лучшего желать не могу и не хочу, и что если готов ехать, то вовсе не для того, что там будет лучше или лестнее, а потому, что я надеюсь, что действительно могу быть там полезен в теперешнюю трудную минуту. Саша, кажется, нас настоящим образом понял и оценил, согласился и так мило обнял. Все мы были в слезах. Потом мы также нежно от души обнялись с Мишей.

Мы теперь на вечно должны быть с ним друзьями. Сказал тотчас об этом Горчакову и Долгорукову, и они оба ужасно обрадовались. После этого совет министров по временной инструкции цензорам [46]). До ½ 4-го. Воротился с Сашей по экстре. Дома рассказал все это жинке. Вечером с детьми катались в новом шарабане Саши. Славный, теплый вечер.

11 м а я. Утро очень теплое, так что я работал с открытым окном, но с полудни пошел дождь, и стало холодно. В 1 ч. отправился в Царское, застал Сашу и Марию вместе и рассказал им в подробности причины моего поступка, и почему я вызвался на варшавское дело, и как я желаю, чтобы они смотрели на это, дабы мы друг друга вполне понимали, и чтобы между нами не было тени сомнения. В 2 ч. по чугунке в город. Ехал с Дм. Милютиным и Валуевым и все время толковал про Варшаву, особенно про жалкий личный состав. В ½ 4-го у меня соединенное присутствие для выкупного дела. Был прочитан проект, составленный по моему предложению Валуевым и Рейтерном. Кажется, что не все с ним согласятся. Панин и Анненков [47]) желают принудительного перевода на оброк, а Бахтин [48]) первоначальный Валуевский проект. При этом Анненков читал скучнейшую и длиннейшую записку. В 6 по чугунке домой в Павловск. Весь вечер работал. Саша прислал письмо Лидерса, где говорит про предложение Фелинского смотреть самому, без полиции, за порядком в церквах и просит о позволении процессий. Лидерс на обе меры согласился. Дай бог, чтоб это было началом новой эры.

12 м а я. Все утро было очень рабочее. После полудни Головнин [49]); в отчаянии про Варшаву. Говорил, что государь удивляется. Это меня и жинку очень взбудоражило и вечером ездил объясняться с Сашей. Объяснение очень удовлетворительное. Он меня, кажется, вполне понял. Писал длинное письмо обо всем этом Оле [50]).

13 м а я. Ночью было 2° морозу, и весь день очень холодно. После нашей обедни ездил к гусарскому разводу в Царское, посмотреть, как Сашка [51]) вступал в караул. Он очень хорошо сделал всю проделку. Обедали тоже в Царском. Весь вечер дома читал и работал.

14 м а я. Утром после очередного доклада у Саши он со мною долго толковал про польские дела, главное, про разделение гражданских дел от военных. В 11 ч. по чугунке в город. Председательствовал в Совете. Ничего особенного не было. Воротился к обеду. Между тем жинка ездила с визитом в Михайловское [52]).

15 м а я. Утром в 10 ч. была у Саши конференция по Польше. Толковали про временное устройство впредь до моего приезда и как обстановить Виелопольского. Как ни вертись, это все будет un provisoire *) и потому опасно. Воротившись, принимал маркиза и Эноха. Оба очень довольны моим назначением, но тоже боятся provisoire.

*) Временный.

С Энохом читал журнал чиншевого заседания. Это продолжалось до 3 ч., и потому мы потом с ними обоими покатались по саду.

16 мая. Утром имел первый урок польского языка с Krziwickim [53]), которого маркиз прочит в директоры духовных дел. В 11 ч. в город. Работал с Платоновым. Он мне оставил массу бумаг для чтения, чтобы ознакомиться с делами. В 2 — председательствовал в совете кредитных учреждений [54]) с депутатами от дворянства и купечества. Читали второй отчет со времени учреждения банка [55]), весьма интересный и удовлетворительный. Заезжал к Горчакову толковать про Польшу. Обедал с Головниным. Вечером у меня комитет по земству. Сидели до $^1/_2$ 11-го, много спорили, но порядочно двинулись вперед. Ужасно устал и потому немного походил по набережной. Чудная, светлая, тихая ночь.

17 мая. Утром читал бумаги Платонова и работал с Грейгом. В 10 ч. по чугунке в Павловск. В вагоне работал с Мансуровым [56]) по иерусалимским делам. С жинкой и дочерьми отправились в Федоровский посад [57]) к обедне, ради храмового праздника (вознесение). После завтрака — в Царское. Саша мне читал свое письмо к Лидерсу, и мы еще потолковали про Warszawu. Он мне дал всю свою переписку с наместниками, начиная с 1856 года [58]). Вечером ездили с детьми на сельский праздник в Федоровское. Было очень мило, и добрые мужички были вне себя от радости, отпрягли лошадей и на себе повезли. За чаем мы им бросали орехи и разные гостинцы, а потом жинка сиротам и бедным роздала мелкие подарки. Заходили в избу к старосте. Все это было очень мило.

18 мая. Встал утром в 6 ч. и весь день читал переписку Саши с наместниками. Таким образом работал до обеда 8 часов, а после еще 3 ч., зато кончил все. Это меня порядочно утомило. Один час имел польский урок. Не легко. Два раза катались с жинкой.

19 мая. Весь день читал опять польские бумаги, главное—телеграфную переписку Саши с наместниками [59]). В 1 ч. ездил к Саше и передал ему журнал нашего чиншевого совещания. Боюсь, чтобы он не был уже приготовлен Платоновым против него. Погода очень холодная. Узнал от Чичерина [60]) подозрения, которые падают на Полуэктова (моего библиотекаря), и послал его и Казнакова [61]) к Потапову [62]).

20 мая. Чичерин и Казнаков воротились с обыска Полуэктова, где ничего не нашли. Утром работал с Бутковым и толковал с Платоновым про мои отношения с статс-секретариатом [63]). Оттого опоздал в Царское к обедне, куда ездил ради имянин Алексея [64]).

20 мая. Воротившись, принимал Эноха. Он мне читал составленный им контрпроект инструкции для управляющего гражданской частью Царства Польского. Она вообще мне понравилась, и я в ней сделал небольшие изменения. Обедали у нас Саша со всей семьей. Тут он мне сказал, что записывает меня ради Варшавы в свой кирасирский полк. Вечером жинка дала портреты детей.

21 мая. С утра пошли поздравления, так что работать почти не мог, только успел потолковать с Милютиным и Долгоруковым. К обедне собралось очень много народу, и оно глядело весьма парадно. После большой завтрак и развод стрелков. Погода тепла и хороша, хотя ветрено. Несколько раз катались. Приехала у нас гостить Маруся [65]). Телеграф из Варшавы, что там мое назначение сделало хорошее впечатление.

22 мая. Ездили в город на похороны бедного Апраксина [66]). На дороге имел мой доклад Саше, а на возвратном пути — доклад Тымовского. В городе ужасный пожар в Ямской [67]). Мери [68]) к нам приезжала и оставалась до обеда. Остальной день много работал, а вечером катались, как всегда.

23 мая. Ужасно рабочий день. Встал в 6 ч. и не выходил из комнаты до 3-х. Энох показывал последнюю редакцию указа о моем назначении. С Крживицким толковал про его будущее назначение и про отношение к католической церкви. Он мне очень понравился. Длинный разговор с Горчаковым. Немного катались, учась ездить four in hands *). В $^1/_2$ 5-го в город. Там три пожара за раз, и один огромный в Ямской. Обедал с Головниным и Н. Милютиным [69]). В $^1/_2$ 8-го у меня земский комитет, до 11 кончили. Передал Рейтерну разные польские финансовые записки. Немного ходил пешком по набережной.

24 мая. Утром работал с Грейгом и толковал с Арцимовичем (калужским) [70]) и Жуковским [71]), приглашая их в Варшаву. Оба сильно отказывались. В 10 назад в Павловск. В 1 ч. в Царском совет министров, неинтересный.

25 мая. Утром опять был Энох с русским проектом указа и с некоторыми бумагами от Виелопольского. Вчера поздно вечером воротился из Варшавы Саша Адлерберг [72]). Он был у меня утром. Говорит про хорошее впечатление, произведенное там, и про желание Лидерса, чтобы я скорее приехал. В 12 к Саше. Он мне читал письмо Лидерса, а потом толковали про время моего отъезда. Хочет указы подписать послезавтра, в троицу. Воротившись, застал Мейендорфа. Тоже толковали про Варшаву. Приехала Lischen Rothkirch [73]) с обоими детьми. Сегодня тепло. Много вечером катались и в первый раз могли сидеть на галлерее Гонзага до 11 часов ночи.

26 мая. По первой чугунке в $^1/_2$ 9-го в город. Там у меня совещание для последней редакции указа и для сравнения текстов русского и польского. Долго спорили и кончили только в $^1/_2$ 1, а в 1 час собрались у Саши. После небольшой дискуссии решили, что я поеду только в июле, после родов жинки. Потом решили назначение Келлера [74]) и Крживицкого. Я должен был кончать бумаги с Виелопольским и Платоновым и оттого опоздал к машине в $^1/_2$ 4 и должен был оставаться в городе до 6. Работал, а потом немного спал, потому что ужасно уто-

*) Four in hands (четверка в руках), управление четверкой лошадей, запряженных в экипаж попарно.

мился. В 6 назад, в Павловск, обедал в 7 и весь вечер оставался дома и читал.

27 м а я. Святая троица. Обедня дома, а потом на экстре с Сашей в город на Измайловский праздник. На станции в городе Суворов [75]) рассказал Саше про измайловского прапорщика Григорьева [76]), который подговаривал солдат к измене, о чем унтер-офицер тотчас сказал полковому командиру. Ужасно это грустно, показывая, что́ за дух в молодежи. Парад очень хорош, только ужасно ветрено. После службы, обхода госпиталя и казармы Саша собрал офицеров в дежурной комнате и прекрасно им говорил об этой истории. Громкое ура ему отвечало, и офицеры бросились его целовать. Все были в слезах. После этого Саша на станции подписал все указы обо мне, Виелопольском и другие. И в приказах мое назначение тоже сегодня. Был семейный обед у Саши, вечером же катались, как всегда, и до 11 ч. оставались на галлерее. С сегодняшнего, стало быть, начинается мое новое существование. Будущность наша в воле божией.

28 м а я. Утром мой обыкновенный доклад у Саши. Много говорили про Польшу. Воротившись, застал Виелопольского, Эноха и Крживицкого, которые приезжали представиться в полной форме и прощаться, потому что после завтра они отправляются в Варшаву. Долго говорил с маркизом, прося его вести себя осторожно, чтоб не ухудшить своего положения к моему приезду, и поддерживать достоинство Лидерса. Тоже долго толковал с Крживицким про духовные дела. Это продожалось до $^1/_4$ 5-го, и я ужасно утомился. К нам приехала погостить на один день княгиня Черногорская [77]). Мы с ней обедали и вечером катались. Тут узнали про страшный пожар в городе, на рынках и дома министерства внутренних дел, которое все выгорело с бумагами и архивами [78]). Это ужасно, и последствия неисчислимы.

29 м а я. Тепло. Весь день до 3 ч. сидел на галлерее и много мог работать, но зато и крепко устал. К вечеру погода нахмурилась, и иногда накрапывал дождь, но очень тепло, приятно, и аромат в воздухе чудный.

30 м а я. Весь день чувствовал себя очень нездоровым, голова болела, лихорадочное чувство и слабость. Все время оставался дома, тем более, что страшный ветер и холодно. Разные слухи ходят про пожары и поджоги. Народ, говорят, в большом остервенении.

1 и ю н я. Нашему милейшему Дмитрию [79]) два года. Обедню слушали дома. После приезжала Мария поздравить и оставалась довольно долго. Я в 2 ч. в город. Там сперва работал с Грейгом. Потом у меня соединенное заседание для выкупного проекта Валуева, измененного по моей идее. После небольших торгов и объяснений он принят окончательно. Я очень рад, потому что, таким образом, и волки сыты, и овцы (финансы) целы. Воротился в Павловск в 7 ч., а вечер оставался дома. Мне лучше.

5 и ю н я. Утром предложил Комаровскому [80]) мое адъютантство для Варшавы, и он принял с большим удовольствием. Ездил

к Саше к польскому докладу Тымовского. Ездил немного верхом, а вечером катанье на музыке, как всегда.

6 и ю н я. Ездили с жинкой в Михайловское посетить Мишу, но и он, и Ольга были в городе. Позавтракали у Миши в кабинете, поехали в Знаменское. Низи [81]) тоже в городе. Застали только одну его жену и потолковали с ней. Воротившись в Михайловское, застали, наконец, там Мишу и Ольгу. Они нам показывали их прелестный новый дом. На возвратном пути у нас лошадь поломала себе ногу в бабке.

7 и ю н я. Совет министров у Саши в Царском от $^1/_2$ 1-го до $^1/_2$ 5-го, по разным делам Головнина. Решили запретить на 8 месяцев «Современник» и еще другой журнал [82]). Рассуждали об открытии университета [83]). После долгих споров решились только открыть физико-математический факультет. Решено закрыть воскресные школы [84]). Одним словом, впечатление Совета для меня прегрустное, явно под влиянием страха теперешней минуты, что недостойно правительства. Вернулся верхом.

8 и ю н я. Утро рабочее в Павловске. В 2 ч. по чугунке в город, и там у меня главный комитет по госуд. крестьянам [85]). Толковали о повинностях и очень спорили. Зеленый [86]) и Валуев отстаивают систему оценок, а Бахтин, Чевкин и я — против. Жестоко спорили и ничем не кончили. Будем продолжать в понедельник. Воротился в 7 ч. очень утомленный.

9 и ю н я. Утром был у меня Крыжановский [87]), который приехал из Варшавы для личных объяснений по уничтожению генерал-губернаторства. Очень долго с ним толковал про варшавские дела, потом ездил к Саше и толковал про то же. Самое трудное — это личности, а от них все зависит. Воротился верхом, а вечер дома.

10 и ю н я. Обедня дома. После толковал с Алешей Толстым [88]), который воротился из Парижа, про Киселева [89]) и польскую эмиграцию [90]). Потом призывали Адлерберга [91]) и толковали с ним про будущий варшавский двор. Обедали в Царском. Вечером катались на музыке, но сделалось холодно. Краббе воротился вчера из-за границы и сегодня был у меня. Комаровский являлся в адъютантском мундире.

11 и ю н я. Обыкновенный доклад у Саши. В 11 ч. по чугунке в город. Жинка тоже, чтобы осмотреть вещи и бумаги перед отъездом. Я же — прямо в Совет. Там ничего особенного. Потом решили окончательно выкупной журнал, потом до 5 ч. главный комитет по казенным крестьянам. Много спорили. Мне это дело не нравится.

12 и ю н я. Оставался весь день в Павловске и, кроме своей обыкновенной работы, толковал с Крыжановским про варшавские дела. Обедали в Царском у Саши с Мишей и его женой, которые приезжали прощаться, потому что они отправляются в четверг за границу на три месяца. Весь день почти шел дождь. Вечером слушали музыку в вокзале, в комнате, нарочно для нас приготовленной. Катались с Сабуровым-лондонским [92]), которого отыскали в вокзале.

13 и ю н я. Утро, как всегда. В 2 ч. в город, где у меня последний комитет по земству. Кончили это дело, слава богу, единогласно. Вечером голова болела.

15 и ю н я. Такая же ужасная погода и холод, как вчера, хоть барометр начал несколько подыматься. В 2 ч. по чугунке в город. Там у меня совещание с Милютиным, Валуевым, Крыжановским и Платоновым об упразднении варшавского генерал-губернаторства и о распределении его дел. К 7 ч. воротился домой, где мне сказали, что Саша меня требует в $^1/_2$ 8-го. Едва успел второпях пообедать и отправился. У Саши совершенно опрокинутая физиономия, и он мне объявил, что Лидерс ранен [93]), что он сдал команду армии Мерхилевичу [94]) и просит о присылке кого-нибудь. Саша ужасно огорчен и предвидит, что, вероятно, придется меня отправить. В $^1/_2$ 10-го я опять был в Царском, вместе с Милютиным, Крыжановским и Платоновым. Милютин имел депешу от Бебутова [95]) несколько подробнее, с описанием раны, и что это случилось в Саксонском саду, когда он пил воды. После недолгого разговора решили, что Крыжановский поедет в воскресенье, а я во вторник. Жинке хочется ехать со мной.

16 и ю н я. Утром приводил в порядок бумаги. В 10 ч. ездил к Саше с последними бумагами по Совету. Гагарин назначается в Совет и в главный комитет [96]). В 11 ч. в город. Там с Крыжановским и Чевкиным решили подробности моего отправления, так, чтобы быть в Варшаве в среду вечером. С Платоновым написал об этом телеграф Виелопольскому. Потом приказал запечатать все мои столы и шкафы. Ездил в крепость, в Казанский и в Зимний, в комнаты папа. Воротился к обеду. Вечером Саша и Мария к нам приезжали и были очень милы. Узнал от Саши, что сегодня в Новогеоргиевске расстреляны оба стрелковые офицеры с одним унтер-офицером [97]). Саша и Мария разделяют желание Санни [98]) ехать со мной.

17 и ю н я. Длинный разговор со Шмидтом [99]) о поездке жинки. Тяжелый день ради прощаний и последних распоряжений. В последний раз семейный обед в Царском. Грустно.

18 и ю н я. Ездил к докладу к Саше в полной форме, чтобы официально проститься. После доклада он мне читал инструкцию [100]), которую он мне дает для Польши,—умная, откровенная и исполненная любви и доверенности ко мне. Тут мы оба расплакались и целовались. Дома все прощание и приготовление к дороге. Мария с детьми к нам приезжала до обеда и оставалась долго, потому что в это время была сильная гроза, а вечером приезжал и Саша.

19 и ю н я. День отъезда. Милое, сердечное, но грустное прощание и проводы. Отправились в 10 ч. Весь день благополучный. Обедали в Острове, легли спать, пройдя Динабург.

20 и ю н я. Первые встречи и «ура» в Гродне и Белостоке. На границе Царства встретили Энох, Крживицкий и сын Виелопольского [101]). Длинные разговоры. В 5 ч. в Варшаве.

20 и ю н я. Встреча на станции. Огромное «ура» пражских жидов. В городе приветливая встреча и поляков. В Бельведер [102]). Потом я с Крыжановским к Лидерсу. Его состояние мне не нравится. Обедал с жинкой один. Вечером длинные разговоры с Виелопольским и Крыжановским. Все плачутся об отсутствии настоящей полиции. От этого мы ходим в потемках. В Бельведере тесно, трудно разместиться.

21 и ю н я. В 10 ч. в Лазенках [103]); прием сперва военных, потом духовных и гражданских властей. В 12 ч. в соборы. Сперва православный св. троицы, потом католический св. Яна. Прекрасная встреча, речи и l'attitude *) народа. Минутку к Лидерсу — и домой. С жинкой в замок. Осмотрели комнаты и залы. Требуют больших переделок. Перед обедом писал Саше. За обедом гости. Потом один в театр, Страделла [104]). Не слишком дурно. После второго акта хотел отправиться. Только сел в коляску, выходит из толпы человек, я думал, проситель, но он приложил мне ко груди в упор и выстрелил **). Его тотчас схватили. Я бросился назад в театр, не зная, что я—убит или ранен. Оказалось, что пуля пробила пальто, сюртук, галстук, рубашку, ранила меня под ключицей, ушибла кость, но не сломала ее, а тут же остановилась, перепутавшись на снурке лорнетки с канителью от эполет. Один бог спас. Я тут же помолился. Какой-то доктор мне сделал первую перевязку. Телеграфировал Саше. Общее остервенение и ужас. Убийца Ярошинский [105]). Портной-подмастерье. В 11 ч. в карете с сильным эскортом воротился в Бельведер. Сказал жинке так, что не было испуга. Дома другая перевязка, и лег. Дрожь скоро прошла. Долго приходили разные донесения и ответный телеграф от Саши. Хорошо спал.

22 и ю н я. Весь день принимал поздравления с чудесным спасением. Были Кредитное общество [106]) с Замойским [107]). Очень сильно с ними говорил, требуя содействия и помощи правительству. Кажется, произвело впечатление хорошее, потому что Виелопольский и Замойский дали друг другу руки. Потом Государственный Совет, административный и городской [108]). С ними тоже говорил, и от души, и сердца. Оно не могло не сделать впечатления. Перед приемом имел премилый разговор с Фелинским, который мне весьма нравится. Потом начальство первой армии [109]). Все это меня очень утомило, и хоть рана хорошо идет, но я слаб, особенно под вечер. При всем этом беспрерывные отдельные разговоры, донесения полиции и чувство отсутствия единства и отсутствия власти. Не легко.

23 и ю н я. Вчера и сегодня телеграммы со всего света, даже от Наполеона [110]). Принимал горожан и депутацию от офицеров и солдат от всех здешних полков. Масса разговоров весь день, отымают все время. Убеждение в отсутствии власти, единства, такта и полиции. Просто ужасно. Рамзай [111]) вчера приехал, сегодня едет в Питер.

---

*) Внешний вид.

**) Так и в подлиннике.

Я с ним написал письмо Саше [112]). Фелинский сказал прекрасную проповедь в соборе, а Виелопольский в совете. Вечером приехал Гауровиц.

24 июня. Жалобы на полицию за придирчивость увеличиваются. В лагере в Повонске история панихиды по расстрелянным [113]). Пришел священник Ладожского полка мне это сказать. Офицеры арестованы. Поручил следствие Гечевичу [114]). Вечером длинная военная конференция. Восстановили потерянную связь между полицией и военною властью. По повторяющимся отовсюду слухам об готовящемся движении и резне решили завтра усилить войска на площадке.

25 июня. Утром конференция с маркизом об усилении войск на площадках. Он согласился, потому что сам получает тревожные вести. Жалобы на полицию. Пилсудский [115]) невозможен. Хотим назначить Муханова [116]). В 3 ч. панихида. В 6 ч. приехал Янковский [117]) с милыми письмами из дому. Долго писал ответ Саше [118]). Сегодня были первые регулярные доклады.

26 июня. День рождения моей сладкой жинки. Ей 32 года. Да сохранит ее бог. Она ездила к обедне в Лазенки и имела там потом представление. Получил от Саши согласие на замену Пилсудского Мухановым. Вечером город был добровольно иллюминован. Дай бог, чтобы это был хороший знак.

27 июня. Весь день сидел дома и работал. Рана идет хорошо, но одеться не могу. Призывали городскую депутацию благодарить ее за иллюминацию.

28 июня. Все одеться не могу и должен сидеть дома. Приехал Раух [119]) с премилым письмом от короля прусского. Он с нами обедал. Вечером шифрованный телеграф от Саши; желает прислать сюда 3-ю гвард. пехотную дивизию. Я отвечал, что прошу подождать.

2 июля. Ночью приехал Ухтомский [129]) с письмами и бумагами из дому. Весь день, после работы, писал длинное письмо Саше [121]) и давал Янковскому словесные поручения домой. Очень устал.

3 июля. Ужасно рабочий день. Долгий доклад Виелопольского, сперва с Непокойчицким [122]), потом с Кретковским [123]). Ужасно утомляюсь. Рана моя тихо заживает, и не могу еще одеваться.

4 июля. Был католический молебен по случаю рождения Вячеслава [124]), и потом весь люд явился ко мне с поздравлением. Я сказал несколько слов по-польски городскому совету. Потом с маркизом и Крыжановским толковали и решили, чтоб сделать суд над Ярошинским публичным, и телеграфировал о том Саше. К обеду приехал Притвиц [125]) с поздравительными письмами из Питера.

5 июля. Получил курьера от Миши с объявлением об адской машине из Генуи [126]). В 12 ч. принимал маркиза с тремя новыми губернаторами: Островским, Дзевановским и Ковetковским [127]) и долго с ними говорил. Надеюсь, что это будет иметь хорошие последствия. Получил от Саши разрешение на счет публичности суда. Весь день обыкновенный.

6 июля. Был ужасно занятой день. Долго толковали, как устроить публичный суд над Ярошинским, и выбирали для него помещение. Вечером от Ермолова [128]) узнал полное признание Ярошинского, которое носит совершенную печать вероятности. Через Вржеснёвского [129]) тотчас сообщил об этом маркизу. Стараемся отыскать Хмелинского [130]), но мало имею на это надежды.

12 июля. Весьма занятой день, но ничего особенного. Слух, будто видели Хмелинского на улице.

13 июля. В первый раз собирал у себя совет управления. Происходило хорошо, но женируются говорить. Это, надеюсь, не надолго.

14 июля. Тяжелый день. Утром обыкновенная работа. От 12 до $^1/_2$ 4-го Рамзай и Крыжановский. Это было прощанье с Крыжановским, и потому много толковали, и давал разные ему поручения для Саши. Потом принялся за письмо для Саши [131]). Вышло очень длинное. Писал о Сумарокове. Обедал у меня Крыжановский и в 8 отправился с письмами.

16 июля. Первый польский урок с Krziwickim. Потом первый выезд в город с эскортом. Делал визиты к маркизу, Рамзаю, нашему архиепископу [132]) и Фелинскому. С этим длинный весьма хороший разговор. Ужасно жарко. В тени 25°.

17 июля. Еще жарче, чем вчера. 28° в тени. Хрептович [133]) приехал. Ради жары весь день не выходил.

24 июля. Приехал из города Гауровиц и Рибопьер [134]) с церемониалом. Составили тотчас перевод по-польски с нужными изменениями. День обыкновенный. Длинная работа с маркизом, как всегда.

25 июля. Утром парад остальным частям гарнизона и Екатеринославским драгунам. Лучше всех саперы. Ходил в Лазенки, чтобы решить подробности выхода, а потом делал визит Хрептовичам. Вечером ездил встречать Сашку [135]) на чугунку на Прагу. Благополучно довез его домой. Признаюсь, что сердце у меня не было на месте. Он привез мне премилое письмо от Саши [136]) и другое от Крыжановского.

26 июля. Я много работал, а Саша делал визиты. В $^3/_4$ 3-го, когда маркиз шел в комиссию финансов, в него сделано два выстрела из револьвера. Славу богу, остался цел и не ранен. Убийцу схватили. Литограф Лудвиг Риль [137]). Подробности об этом с разных сторон. В 5 ч. с Сашкой к маркизу с поздравительным визитом. Подробности первого допроса. Вечером у Набокова [138]) конференция о подробностях суда над Ярошинским.

27 июля. Весь день слухи про убийства, которые еще будут предстоять.

28 июля. Ужасно занятой день. До $^1/_2$ 4-го не выходил из комнаты. Длинный разговор с Старжинским [139]). В Лазенках большой обед для Саши, а вечером опять театр в Померанчарне [140]) с миленьким балетом. Амнистия [141]) почти никакого влияния не произвела. Слухи про убийства продолжаются.

29 июля. Утром в 1/2 10-го слушали с Сашкой обедню в Лазенках, а потом после прощанья с жинкой отвез его в Прагу на чугунку. Ужасно за него боялся при проезде по улицам и стал спокоен только, когда поезд тронулся. Воротившись, имел длинный интересный разговор с Штиглицом и Кербедзом [142]) про проекты новых чугунок и вообще про финансовое дело. Остальной день писал длинное письмо Саше в три листа [143]) и очень устал.

30 июля. День обыкновенный. Длинное совещание с Рамзаем на завтрашний день, годовщины соединения с Литвою, в ожидании манифестации [144]).

31 июля. День прошел совершенно спокойно. Кроме снятия траура, никаких манифестаций не было [145]).

2 августа. Процесс Ярошинского от 9 утра до 1/2 9-го вечера. Приговорен к расстрелянию. Как первый опыт публичного процесса, весьма порядочный, хотя были некоторые прорухи.

3 августа. День обыкновенный до вечера. После обеда, когда я читал и курил, вбегает испуганный Тенгоборский [146]) сказать, что сейчас в Бельведерской аллее было новое покушение на маркиза. Тотчас разослал адъютантов. Оказалось, что Rzońca, товарищ Рылю по литографии, бросился на маркиза с отравленным кинжалом, но тут он был остановлен сыном и другими [147]). Ужасно.

4 августа. Весь день только и разговоры о вчерашнем и соображения о предстоящих мерах. Просил по телеграфу и получил от Саши разрешение конфирмовать дело Ярошинского самому, не посылая его в Питер, чтоб не терять время. Надо на красных навести страх. Дай бог, чтоб этим удалось их остановить. Вечером поздно у меня Тенгоборский с сведениями из Парижа. С жинкой в 3 ч. ездили с визитом к маркизу. Она принимала и его, и жену у себя в карете.

5 августа. За обедней с детьми в Лазенках. Остальной день дома. Ничего особенного. Приказал торопить дело Ржонцы. От Саши телеграф, чтоб их вешать, а не расстреливать.

7 августа. Утром подписал смертный приговор Ярошинского. Это ужасная вещь, и я никому не желаю перечувствовать то, что у меня в сердце происходило. Весь день я был ужасно расстроен. Получил с г[енералом] Соболевским письмо от Саши [148]). От 2 до 1/2 5-го у меня совет управления. Приезжал из Берлина доктор Либрейх [149]) свидетельствовать наши глаза.

8 августа. День обыкновенный, хоть очень занятой. Приехал из-за границы генерал Паулучи [150]), которого я выписал для тайной полиции. Долго с ним об этом толковал. Он просит несколько дней для размышления. Назначил процесс Ржонцы на субботу. Вечером просматривал проект прокламации, которую хочу издать после казней.

9 августа. В 9 ч. утра совершена казнь Ярошинского при большом стечении народа. Все обошлось тихо и спокойно. Мои чув-

ства в это время. Остальной день обыкновенный. Писал письмо Саше о казни [151]).

10 августа. Сегодня нашему милому Костюхе [152]) минуло 4 года. Обедню слушали в Лазенках. После дали Костюхе подарки. Принимал члена совета Венглинского [153]). Работал с маркизом и Кретковским. Рассказывал ему нашу систему выкупа. Вечером Муханов рассказывал про нового убийцу, приготовленного для маркиза, который про это объявил Развадовскому [154]). Дай бог, чтобы через это удалось найти и схватить зачинщиков. Читаю теперь Смита историю войны 1831 года [155]).

11 августа. В 11 часов переехали в Лазенки, начав с воцерковления [156]) жинки и Вячеслава. Прелесть как тут мило, хотя немного тесно. Имел длинный доклад военный, потом весь день писал длинное письмо Саше [157]). Сегодня два процесса,— публичный Ржонцы и домашний Рыля, ради его нездоровья. Оба кончились смертными приговорами, и все обошлось благополучно [158]).

12 августа. Обедня дома. День обыкновенный. Катались в первый раз со всеми детьми. Вечером Полтаранов [159]) приносил мне решенные полевым аудиториатом [160]) дела Рыля и Ржонцы, и я подписал обе конфирмации.

13 августа. После долгого времени мог снова заняться с Крживицким польским языком. Катался с жинкой, но неприятно — ветрено и пыльно. Был у нас первый порядочный обед с дамами. Маркиз рассказывал вчерашнюю свою историю с вероятно отравленным письмом, после которого вся семья почувствовала дурноту [161]).

14 августа. Утром совершена казнь Рыля и Ржонцы при огромном стечении народа. Все обошлось тихо и спокойно. Маркиз принес мне сделанный им перевод на польский язык моей прокламации, которую я подпишу после полуночи. Приехали Тотлебен и Корф, начальник 3-й гв. дивизии [162]). Они оба у нас обедали.

15 августа. Днем явилась моя прокламация и тотчас за ней маленький революционный плакат, приглашавший к żałobnie nabożeństwo za bohatyra i męzenika Ludwika Jaroszyńskiego*) с несколькими объяснительными строчками. Кажется, это произвело хорошее впечатление. Но долго ли оно продолжится с этим легкомысленным народом. Обедали с детьми на террасе. Вечером первая проба вечера. Дамы очень милы и приятны. Молодая графиня Виелопольская, Калерджи и Келлер [163]). Какая-то уродина Клейст играла преплохо на фортепьяно.

16 августа. Очень рабочий день. С Энохом и Минквицем [174]) толковали про ломки и постройки как для украшения города, так для войск. С жинкой ездили в замок. Очень вяло принимаются за работы. За обедом Массон [165]), Дембовский [166]) и Крживицкий. Очень шло хорошо.

---

*) Заупокойное богослужение по герое и мученике Людвиге Ярошинском.

19 августа. Обедня дома. Подписал судное дело по офицерской панихиде [167]). Длинное свидание с Кроненбергом [168]). Он, кажется, мною доволен. В 4 с жинкой и детьми в Прагу на чугунку. Не долго ждали. Радостное свидание с Николой, Катей и Жоржем [169]). Город имел очень хорошую физиономию, и кланялись. Вечером музыка на террасе, и я пустил народ. Это было очень мило и напоминало доброе старое время. Вечер провели очень приятно у Кати в белом доме.

20 августа. Рабочий день, как всегда. Разговор с Мирбахом [170]) о том, можно ли Николу оставить здесь на зиму, но ничего еще не решили. Гулял с детьми и рассказывал им подробности выстрела на меня... Вечером с Мухановым и Тенгоборским решились воспользоваться предложением Ришара достать бумаги Герцена и переписку о покушениях [171]).

21 августа. Утром работал, а потом писал письмо к Саше [172]). Таким образом мои занятия продолжались от 9 утра до $^1/_2$ 6-го беспрерывно. Это из рук вон тяжело. Вечером театр в Померанчарне. Очень мило. Никола, Оля и Вера [173]) были тоже там.

24 августа. Работал с Виелопольским. Хорошие известия об уездных советах в Радоме. Наш план—как снять там военное положение и собрать советы в губ. Люблинской и Августовской [174]). С жинкой и детьми ездили кататься в город и воротились внизу через Сольцы [175]). Очень жаркая погода. Вечером до двенадцатого часа оставались при полной луне на террасе.

25 августа. Очень жарко. За обедом Венглинский и длинный разговор с ним. Он человек толковый и умный, и с ним удовольствие говорить и спорить. В 8 ч. Андрей Замойский. Какая разница. Он сумасшедший, состоящий из злости и желчи. Не стоит с ним времени терять: только ругается про старину или бредит про Польшу по Днепр. Вечером собрание с музыкой и цветными фонарями на террасе, а потом m-me Калерджи немного играла на фортепьяно.

26 августа. День коронации, и у нас выход. За завтраком Виелопольский, Рамзай и Фелинский. Получил депешу, что Сержпутовский [176]) и сын Рамзая [177]) назначены ко мне адъютантами. День обыкновенный. Вечером театр в Померанчарне «Mlinarz i Kominarz» **) и балет.

27 августа. День обыкновенный. С маркизом и Рамзаем решили подробности о снятии военного положения в Радоме. Катались с жинкой и детьми по городу. Вечером много народу на террасе в Лазенках. Был в театре миленький балет «Парижский карнавал».

28 августа. День смерти Михаила Павловича [178]), имели панихиду в Бельведере. Потом у меня совет управления. Объявил о снятии военного положения. Вечером длинный разговор с Мирбахом об устройстве воспитания Николы здесь, в Варшаве.

**) Мельник и трубочист.

29 августа. День обыкновенный. Вечером с жинкой в первый раз в городском театре. «Orpheusz w piekle» *). Очень смешно, и большой entrain **). Сбор помещиков в Варшаве soit disant ***), чтоб подать адрес с требованием смены Виелопольского [179]).

30 августа. 14 лет нашей свадьбы. Большой выход. Прогулки. Обед домашний. Вечером театр в Померанчарне. Кажется, что съезд помещиков кончится ничем.

31 августа. Утром получил милое письмо от Саши [180]). Длинная работа с маркизом. Говорил ему про его тяжелый характер с подчиненными. Гулял с жинкой по внутренним улицам. Утром слух, что история адреса не состоялась, а вечером Муханов мне сказал, что он составлен, подписан двумя депутатами с каждого уезда и передан Замойскому, дабы он мне его вручил. Это выходит штука весьма серьезная, и мне ужасно хочется, в случае подачи, его арестовать и отправить в Петербург, дабы он там объяснил свой незаконный поступок.

1 сентября. Ужасный день. От 9 до $10^1/_2$ беспрерывные занятия, кроме обеда и послеобеденной сигарки. Утром маркиз ко мне приехал с копией адреса. Долго толковали, что делать. Он хочет немедленную арестацию и высылку за границу. Я хочу арестацию в случае подачи адреса и отправления в Петербург, дабы он отвечал в своем поступке перед своим законным государем. Телеграфировал об том и другом Саше, на его решение. Потом длинная работа с Рамзаем. Соображения о производстве набора [181]) и о квартировании в Варшаве. Потом писал письмо Саше [182]). В 5 ч. Сигизмунд Виелопольский [183]) у меня с экземпляром адреса, и разговор с ним. Он полагает, что Замойский его не подаст. После обеда продолжал писать. Вечером Муханов тоже говорит, что адрес не будет подан. Тогда надо придумать другое средство и арестовать Замойского за сбор помещиков и за принятие адреса и за поставление себя как бы представителем интересов Польши, к чему он вовсе не призван.

2 сентября. После обедни долгое рассуждение с маркизом, Рамзаем и Хрептовичем об Замойском. Ночью была депеша от Саши: адреса не принимать, а Замойского прислать немедленно арестованным в Петербург. Маркиз все настаивал на высылке за границу. Я на это не согласился. Рассуждения о том, как произвести арестацию, днем или ночью. К сожалению моему, решились на ночь. Вечером другая длинная конференция о способе исполнения, и решили завтра утром, в 9 ч. Видел всех нужных личностей и дал необходимые приказания. Страшно голова разболелась.

3 сентября. Вот день Замойского. Арестация должна была быть в 9 ч. Вдруг в $^1/_2$ 10 приезжает Муханов сказать, что она не состоялась, потому что его дома нет. Ужасное впечатление. Un coup manqué,

---

*) «Орфей в аду», оперетка Оффенбаха.

**) Живость, увлечение.

***) Будто бы.

fiasco complet *), стыд, срам, ужасно! Мысль, что он просто еще спал; послал Муханова звать его ко мне. Так и вышло. Это явно перст божий, который под видом затруднения заставил нас выбрать лучший путь. В двенадцатом часу он приехал. Я его принял при Хрептовиче. Весь наш разговор, начиная с пистолета Ярошинского, до приказания ехать в Петербург и до просьбы повести себя en gentilhomme, pour ne pas me forcer à avoir recours à des moyens que je serais le premier à regretter **).

Я был, слава богу, спокоен, не горячился, а говорил тихо и прилично. Затем все исполнение вышло очень хорошо и comme il faut ***). Он отправился в $^1/_2$ 4-го. В 2 ч. принимал Венглинского. Длинный с ним разговор. Сперва он очень raide ****), но я заставил его признать, что не мог иначе поступить, без непростительной слабости, и что de tous les moyens qui étaient à ma disposition j'ai choisi le plus doux *****). Слава богу, что все так обошлось, это явное благословение божье. Одно опасение о Петербурге. Потому, кроме письма Саше [184]), еще вечером телеграммы: Горчакову и Долгорукову. Вечером приехал Набоков.

4 сентября. Утро рабочее, как всегда. Говорил Хрептовичу и Тенгоборскому, как составить объяснительную записку всего этого дела и что делать с Замойским в Петербурге. В полдень вдруг у меня Фелинский. Испуг, что он приехал подать отставку. Ничуть не бывало. Просто разговор, где он выказал всю слабость своего характера, где я ему высказал все дело, как оно есть, и что меня заставило действовать так, а не иначе. После работы с маркизом у меня совет управления. Опять высказал всю историю с начала до конца, весь разговор с Замойским и все причины. Кажется, было ясно и понятно. Покуда в городе все спокойно. Ужасно устал. Это были тяжелые дни, один бог поддержал и благословил.

5 сентября. Утром Хрептович и Тенгоборский представили мне свою работу. Окончательно ее просмотрели и исправили, и только поздно вечером была она готова. Я тоже написал маленькое письмо Саше [185]), и все это отправилось завтра утром.

6 сентября. Ничего особенного. В городе все тихо. Кажется, что история Замойского порядочно напугала, показав, что правительство твердо, сильно и не шутит. С жинкой катались по внутренним улицам. Нам чрезвычайно учтиво кланяются, а жиды кричали ура.

7 сентября. Ничего особенного. Семья из Царского отправилась в Новгород [186]). Вечером у нас маленькое собрание, и г-жа Калерджи играла на фортепьяно.

---

*) Неудача, полное фиаско.

**) Как дворянин, чтобы не заставить меня прибегнуть к способам, о которых я первый буду жалеть.

***) Как следует, прилично.

****) Упрямый; непреклонный.

*****) Из всех способов, которые были в моем распоряжении, я избрал самый мягкий.

10 сентября. Холодно, вставили двойные рамы и начали топить. Принимал раввина Майсельса [187]). Кажется, что он тоже будет на нашей стороне. День обыкновенный.

13 сентября. Холодно. В Радомской губ. пошли опять духовные и политические манифестации. Очень досадно. Вечером в балете «Dwa złdzieja» *).

17 сентября. Вечером приехали Грейг [188]) и артиллерист Шварц [189]) с премилым письмом от Саши [190]). На счет Замойского он согласился на мой взгляд.

18 сентября. Очень тяжелый день. После обыкновенной утренней работы у меня совет управления. Тут ему объявлено о правилах на предстоящий рекрутский набор с исключением крестьян... С Виелопольским окончательно составил речь на завтра.

19 сентября. По новому стилю 1-е октября — важный день для Польши, ибо сегодня начало прихода гвардии, открытия учебных заведений и Государственного Совета [191]). В 11 ч. с жинкой на Прагу для приема стрелков. Чудная погода, бездна народа на улицах. Стрелки еще кончали одеваться. Я тут их посетил. Огромное ура. Выстроились развернутым фронтом для встречи. Потом знамя перед первый взвод и по отделениям направо с музыкой в город. Чудное зрелище. После работы с Энохом на открытие Совета. Прочел мою речь по-польски, и, кажется, недурно, впечатление хорошее. Потом три присяги: лютеранская, еврейская и католическая. Потом чтение указов и назначение дел на следующее заседание в понедельник. Потом с жинкой и детьми без эскорта на гановерских лошадках в экипаже Саши катались в городе и по аллеям. Это тоже сделало хорошее впечатление. Потом писал длинное письмо Саше [192]). Вечером собрание с семейством Голицыных [193]). Я ради письма пришел очень поздно. Очень смеялись.

20 сентября. Чудная теплая погода продолжается. День очень рабочий. Телеграф от Саши, что он вчера принял Замойского, который ему то же толковал, что мне, и приказал ему ехать на три года за границу. Он поедет по чугунке на Кенигсберг. У нас обедали стрелковые офицеры.

21 сентября. Работал с маркизом. Он мне рассказал про проделки уездного совета в Седльцах и про поведение Л. Гурского [194]). Решились совет этот кассировать. Катались с жинкой и детьми до Волынских казарм. Остальной день обыкновенный. Приехал Лидерс проездом в Одессу. Рана его еще не зажила.

24 сентября. Получил от Горчакова статью по истории Замойского, которую он хочет напечатать завтра в Journal de St. Pétersbourg [195]). Очень хороша. Энох заболел грудью и не мог у меня быть. От 2 ч. до 5 заседание Госуд. Сов. К моему большому удовольствию, я большую часть понимал. Шло очень прилично. Дело шло о кошер-

*) Два злодея.

ном и о водке [196]). Много спорили и не кончили. Большой обед для всех офицеров Волынских. Вечером фельдъегерь с премилым письмом от Саши [197]) и доклад о следственных комиссиях в Питере [198]). Очень интересно, но очень боюсь ретроградной реакции.

26 сентября. День обыкновенный, рабочий, как всегда. Потом писал длинное письмо Саше [199]) с характеристикой наших министров и с предложением о назначении Ленского [200]) на место Тымовского, а Багневского [201]) в финансы. Вечером у нас маленькое собрание. Пенхержевская [202]) пела, и я играл на органе, а m-me Калерджи на фортепьяно, и говорят, что эффект был очень хороший. Потом еще длинный разговор с Грейгом о том, как ему говорить в Питере. Он едет завтра.

27 сентября. Утро рабочее. В 12 на Прагу с жинкой встречать второй бат[альон]. Литовский. Потом собрание Государ. Совета. Сперва кончили дело о подати с водки, именно с которого числа, со дня ли публикации, или с 1 янв. 1863 г. Голоса поровну, именно по 16, и только мой дал перевес. Потом рассмотрение отчетов за прошлый год. Это, по настоящему, пустая формальность, потому что не было сообщено министрам. Продолжалось до $^1/_2$ 5-го.

28 сентября. Утром холодно, а днем погода чудная, теплая. Приехал Тишендорф с готовым изданием Синайской библии и с самой рукописью [203]). Все это было выставлено внизу в зале, и я пригласил бездну духовных и ученых, чтоб этим любоваться. Действительно, в высшей степени любопытно и интересно. От 2 до $^1/_2$ 5 у меня совет управления. Самое интересное история седлецкого совета с выходками Луи Гурского. Решились совет кассировать, уездного начальника уволить, но в то же время снять военное положение в губ. Люблинской и Августовской, за исключением городов: Люблина, Седлец и Сувалок, и созвать советы в губ. Плоцкой и Варшавской [204]). Немного ходил потом пешком. В первый раз у нас стоят в карауле волынцы, и я к ним заходил на гауптвахту. Обедали у нас литовские офицеры.

29 сентября. Сегодня встречали первый бат. Австрийского полка [205]). Очень хорош. Потом длинный доклад Рамзая. Погода чудная. Катались с жинкой и детьми на гановерских лошадках в городе и Лазенках. Вечером собрание, и Тишендорф объяснял Синайскую рукопись со всем ее значением. Простились с Распоповой [206]), которая нас оставляет.

9 октября. После долгого молчания вдруг явились опять революционные журналы «Рух» и «Стражница» [207]). Это очень досадно. Варшава, однако, совершенно спокойна, но говорят, что революционная пропаганда бросилась на провинцию, а там полиции почти что нет. День обыкновенный. Ходили пешком с жинкой и детьми. Энох выздоровел.

11 октября. Заседание Государственного Совета, в котором предъявили предложения Фелинского и Левинского [208]) с нашими

ответами. Этого никто вперед не ожидал, и потому прошло хорошо без большой оппозиции, а там, где шли на голоса, у нас было сильное большинство — 23 против 12.

13 октября. День рождения Миши. Ему 30 лет. День обыкновенный, рабочий. Снимали с меня фотографию в профиль для предполагаемого бюста. Князь Константин Любомирский [209]) приезжал ко мне сказать, что графиня Замойская [210]) при смерти больна. Кажется, желают, чтоб я воротил Андрея. Сердце мое мне то же говорит, но, кажется, маркиз сильно противится этому. Катались по городу с жинкой и детьми. У нас большой артиллерийский обед, и пили здоровье Миши. Вечером опять с Макушиной [211]) на фортепьяно и органе.

14 октября. Обедня дома. Детали от Вржесневского об Замойской. Все еще ничего положительного. Может прожить или 8 дней, или 5 месяцев. Поэтому длинный разговор с маркизом о временном возвращении Андрея. Он, кажется, готов на это согласиться. Катались с жинкой и детьми по городу. Воротившись нашли депешу о кончине тетушки Марии Альтенбургской [212]). Жинка в ужасном горе и много плакала.

15 октября. Утром от Вржесневского узнал, что Замойская внезапно умерла. Послал за маркизом. Толковали о похоронах. Настоящих похорон не будет, потому что со временем ее перенесут в их имение, а теперь оставят в подвальной церкви святого креста. Осматривал в подробностях Уяздовский военный госпиталь. Очень хорошо и в порядке. Ездил по городу, чтобы видеть его физиономию; совершенно тихо и спокойно. Вечером письмо от Саши.

16 октября. Был у меня совет управления. Толковали, между прочим, о замене выборных чиншевых делегаций [331]), в случае роспуска уездных советов, делегациями от правительства. Проездом за границу здесь Кушелева [214]). Она у нас провела вечер. Днем жинка была в городе, в госпитале св. духа.

17 октября. Утром были похороны, или, лучше, вынос графини Замойской из ее дома в церковь св. креста. Были приняты полицейские предосторожности, и все обошлось совершенно тихо и благополучно, несмотря на большое стечение народа. Поэтому, и ради траура жинки, я отложил смотр гвардии. Катались по городу. Физиономия его совершенно обыкновенная. В 4 ч. встречали Елену Пав[ловну] на станции чугунки, проводили ее до Бельведера и вечером у нее обедали. Много, разумеется, с ней болтали. Писал письмо Саше.

18 октября. Теперь все стоят чудные погоды. В 10 ч. ходил с Костюхой пешком в Бельведер с визитом к Елене Пав. и застал ее за панихидой. От 1 до $^1/_2$ 4-го Госуд. Сов. Продолжалось суждение по вниоскам Малаховского, Левинских и Розена [215]). Очень хорошо и прилично. При разногласиях у нас всегда сильное большинство. Обедали у Ел. Пав. с маркизом, Фелинским, Энохом, Крживицким и Хрептовичем. Было очень приятно, но вечером крепко устали.

19 октября. Утро обыкновенное. После работы заезжал в Бельведер к Елене Пав. Она принимала разные здешние личности. Потом отправился в Литовские казармы и осмотрел все, как Мокотовские, так и Иерусалимские. Довольно стары и несколько тесны, но сухи, и воздух хорош. Офицерам говорил про письмо русских офицеров ко мне, которое напечатал «Колокол» [216]), и обещался им прислать прочесть через Корфа. Это, кажется, сделало очень хорошее впечатление. Вечером обедали у Елены Пав. с некоторыми генералами.

23 октября. Очень холодно и ветрено. В $^1/_2$ 10-го проводили Елену Пав. на чугунку. Потом обыкновенная работа. Телеграф из Парижа, что Буатель [217]) извещает, что отправился в Варшаву какой-то итальянец, кажется, чтоб меня убить.

24 октября. Рабочий день, как всегда. За работой Рамзая Корф рассказывал, как он читал офицерам «Колокол» и какое громкое ура ему на это было ответом. Давал сеанс скульптору Гечелю, который делает мой бюст. Недурно. Ездил потом в Волынские казармы. Несколько тесны, но недурны и со временем могут быть очень хороши. Обедали у нас Рамзай с братом, который в восхищении от джигитовки казаков. Вечером писал длинное письмо Саше и порядочно устал.

25 октября. Было очень интересное собрание Госуд. Сов., которое продолжалось до 5 часа. Толковали об экзекуциях и секвестрациях. Потом толковал с Островским об делах в Радоме [218]). Кажется, тоже улучшается. Вечером с жинкой много играл на органе и фортепьяно.

26 октября. Так был занят, что вовсе не выходил на воздух. После обыкновенной работы был у меня совет управления. Главное был проект закона о подсудности духовенства [219]). Было очень интересно, и надеюсь, что закон будет хорош. Мы его предварительно посылаем в Питер. Вечером с жинкой играл на органе и фортепьяно.

28 октября. После обедни у меня с Рамзаем, Корфом и Шварцем конференция, чтобы окончательно определить расписание по тревоге. С сегодняшнего дня сняты все мелкие экстренные караулы на площадях, в бараках и палатках и оставлены только в хороших бараках теплых на Саксонской и на Арсенальной площадях. Вчера вечером зарезан Фелькнер, начальник секретного отделения у Рожнова [220]). Сегодня вечером вдруг разнесся слух, что ночью непременно будет бунт. Я приказал, чтобы ночью ходили сильные патрули. У нас было маленькое собрание, и я с m-me Калерджи играл на органе и фортепьяно.

29 октября. Ночь прошла совершенно благополучно, и об бунте и помину не было. В 11 ч. показывал жинке джигитовку казаков. Молодцы. Было заседание Госуд. Сов. Очень интересное и спорное. Сперва кончили закон об экзекуции и секвестрации. Потом закон о чиншевых учреждениях от правительства в случае роспуска уездных советов. Тут большая оппозиция, и у нас только большинство

4 голосов, а по вопросу о составе учреждений большинство 5 голосов против нас [221]).

4 ноября. После обедни принимал офицеров армейских, которые пришли благодарить за прочтение «Колокола». Я с ними говорил, объяснив, что предпочел обратиться прямо к их чувству военной чести, убежденный, что в этом не ошибусь. Они отвечали громким ура. Вечером в театре Modniarki *). Потом у нас маленькое собрание.

9 ноября. У меня был административный совет. Главное — инструкция для гражданских властей, как поступать при политических демонстрациях, и дисциплинарный закон для студентов. Этот отдали назад Крживицкому для переделки. Вечером у нас собрание, на котором французский консул и полковник Caulson [222]), по дороге из Питера в Париж.

17 ноября. Годовщина революции 1830 года, но весь день прошел совершенно спокойно. Утром был маленький шум в одной гимназии, но который прекратили без вмешательства полиции.

18 ноября. Вчера вечером приехал Орленок [223]) и утром был у меня. До обедни писал письмо Саше. После завтрака долго говорил с Крживицким и принимал еврейского проповедника Ястрова [224]). Потом с Мишами [225]) сделали большую прогулку. Обедал у нас Орленок. Потом с ним долго болтали. Его идея — отказаться нам теперь вовсе от Польши, что я оспариваю всеми силами. Вечером у нас первый бал. Собрали до 150 человек. Несколько дам, весьма хорошеньких. Для первого раза очень хорошо удалось. Было очень оживленно, и молодежь весьма забавлялась. Даже молодые поляки плясали, несмотря на их пост. Я плясал только одну французскую, а остальное время все говорил и с нашими, и с поляками.

19 ноября. Утром длинная и интересная работа с Энохом. Подписал бумагу в Питер о гминных судах [226]). Мои идеи про устройство гмин и громад все более и более делают успехов. Сильно у меня голова болела, потому кататься не ездил, а ходил немного пешком с Олей. После завтрака был Попель [227]) и учил мазурке. Вечером в театре Modniarki.

25 ноября. После обедни объявил Литовским офицерам про новую прокламацию в «Колоколе» [228]). Погода ужасная. 9° с сильным ветром, гулять неприятно. Утром получил письмо от Киреева [229]) про дело в Хелме [230]), которое так удачно раскрыто, как еще ни одно. Главные мошенники в наших руках. Немировский, начальник Люблинской губернии, и священник Маркевич, который освятил убийство. Вечером длинный разговор об этом с маркизом. Я ему предложил назначить туда Венглинского. Вечером у нас большое собрание с деканами университета.

---

*) Модницы.

28 ноября. 18° морозу, без снега, но с ветром и пылью, просто ужас. Ездили в замок; работы подвигаются, обещают кончить к 15 декабря. Киреев приехал из Хелма и рассказывал подробности следствия и состояния края. Ce n'est pas couleur de rose *). Решили с ним дальнейший ход его, чтоб разделить дело убийства от революционной пропаганды. Вечером маленькое собрание и Контский [231]) играл на скрипке недурно. Но, по-моему, куда как Венявский лучше.

29 ноября. Наконец пошел снег, но погода ужасная, и мы совсем из дому не выходили. Сегодня начался публичный суд над 66 заговорщиками [232]).

30 ноября. В суде маленький скандал,—аплодировали адвокату. Сказано Корниловичу [233]), чтобы вперед не допускать. Катались на коньках и ходили пешком. Вечером у нас маленькое собрание с музыкой, фортепьяно, орган, скрипка и виолончель, — очень недурно.

3 декабря. Принимал епископов Маршевского и Юшинского [234]) и серьезно с ними говорил, потом грека Пициписс, который должен быть порядочная каналья, и Старжинского гродненского [235]). Катались на коньках.

4 декабря. В 11 ч. принимал Маерчака [236]), которого в воскресенье посвятили в епископы in partibus infidelium Иерихона, для управления Келецкою епархией. От 2 до ½ 5-го у меня совет управления. Самое главное отчет про уездные советы в губерниях Варшавской и Плоцкой. Почти везде были вздоры, особенно в Праснеже **) и в Пиоткове. Поэтому мы праснежский совет кассировали и распустили, а снимая военное положение в губерниях, сохранили его в уездах Липновском и Пиотрковском и ради Хелмской истории возобновили его в Красноставском уезде. Остальной день обыкновенный.

5 декабря. День обыкновенный. Гулять не ездили, а катались на коньках. Особенного ничего. Вечером писал письмо Саше, от которого получил письмо вчера. С духовенством идет плохо, и у нас уже теперь 14 ксендзов арестованы [237]).

6 декабря. Получил от Саши телеграмму, что он назначил Мишу наместником на Кавказ [238]). Всем объявил, общая радость. Потом толковал с маркизом про предполагающийся обыск Бернардинского монастыря в Радоме.

8 декабря. Тает, и мокрый снег. Были с жинкой и детьми с визитом у Ржевуской [239]). Спор с жинкой о квартире Набокова в замке. Вчера ночью взяли Николая Эпштейн, который должен быть одним из главных членов Центрального Комитета [240]). Вечером письмо от Киреева. У них открытия хорошо идут.

---

*) Это не розового цвета.

**) Т.-е. Прасныш, уездный город Плоцкой губернии.

10 декабря. Имел длинный разговор с Фелинским при Крживицком о теперешнем состоянии духовенства и о средствах его исправить. Решились на общее пастырское письмо и на реформу монастырей. Потом разговор с Лубинским [241]). Очень умен. Остальной день обыкновенный. Катались в санях в башлыках, ради снега.

11 декабря. Ночью на улице Видок взяли всю типографию центрального народного комитета с массой его изданий, устроили там мышеловку и днем взяли эмиссара Шварца, который успел сделать один выстрел, и на нем револьвер, кинжал, где и квитанции комитета [242]). Дай бог, чтобы это привело к дальнейшим хорошим результатам. Имел днем опять скучный спор с Набоковым о квартире, он даже говорил про отставку. Длинный разговор с Виктором Старжинским про Литву и Польшу. Был очень откровенен, и мы остались очень довольны друг другом. На прогулке провозил жинку по улице Видок, мимо дома типографии. Назначил Сержпутовского к следствию.

12 декабря. Финляндский и Волынский праздник. Церковный парад Волынский был на плаце брони, а молебен в полковой церкви. Переоделся в замке и осматривал его. Идет к концу, и на будущей неделе можно будет переехать. Обед был у нас для Волынских офицеров. Весь день возились с горбатым типографщиком и Шварцом и не могли их довести до какого-либо сознания. Неприятные затруднения с Фелинским, чтобы освободить горбуна от революционной присяги (sic!).

13 декабря. Ночью в спальной и моем кабинете промокли потолки, и все время капало, так что в спальной было совершенное наводение. Продолжался допрос Шварца уже полковником Талаевским [243]), который, наконец, заставил его сознаться, что он действительно Шварц. Погода ужасная, оттепель и дождь, так что мы очень мало катались, а больше сидели дома.

14 декабря. Ужасная погода, оттепель и страшнейший ветер, особенно под вечер. Днем ничего особенного не было. Призывал Развадовского, чтобы немного пихнуть вперед его следствие. Работал с маркизом, который очень в духе. Вечером у нас маленькое собрание.

16 декабря. Утром Муханов рассказывал мне неприятную историю о полицианте, ударившем своего офицера саблею по голове [244]). Придется его расстрелять, и я его вечером же отдал под полевой военный суд. Обедня дома. Мало гуляли ради сильного снега. Вечером у нас собрание.

17 декабря. Утром приехала депутация от Финляндского полка, Ганецкий, Григорьев и Алхазов [245]), и поднесли мне образ в память об выстреле. Прелесть как мило. Они у нас обедали. На гулянии заезжали с визитом к Ржевуской. Вечером призывали пианиста Пешке [246]), и я с ним долго играл на фортепиано и органе,

сперва «Stabat mater» Pergolese *), а потом разные другие вещи. Это было невыразимое удовольствие.

18 д е к а б р я. Маркиз мне принес 11-й номер «Руха», который явился, несмотря на то, что мы главную типографию взяли. Это ужасно досадно. Опять придется охотиться.

20 д е к а б р я. За докладом Полторанова подписал смертный приговор полицианта, ударившего своего офицера саблею. В 2 ч. ездил в замок принимать весь польский люд, по случаю здешнего нового года. Кажется, что оно все благополучно обошлось. Потом ездил с визитами поздравительными к Фелинскому (не застал дома), Рамзаю, маркизу и графине Ржевуской. Остальной день дома. Жинка весь день в постели. Лихорадка прошла, но осталась сильная боль в голове и горле и особенно в одном зубе, так что она вечером к десне приставляла пиявку, что ее немного облегчило. Киреев воротился из Замосце. Их дело очень распространяется, и он уверен, что такая же революционная организация существует по всему царству.

21 д е к а б р я. Продолжал толковать с Киреевым про дела, открытые в Люблинской губ., и про положение края, которое не больно красиво. Решали, как под ведением Витковского открыть следственные отделения по всей губернии. Рассказывал про это положение и маркизу, который попризадумался. Потом с Старжинским толковал про невкусное положение крестьянского дела в Гродненской губернии [247]). В 3 ч. катался в коляске с Олей. Чудная погода, 3° тепла. Жинка после полудни встала, но очень слаба, и горло болит. Однако вечером она сходила вниз. Я играл с Пешке сперва на органе с фортепьянами «Die Sieben Worte» von Haydn **), потом в 4 руки скрипичный концерт Мендельсона, который мы так любим, когда его играет Венявский.

22 д е к а б р я. Жинке лучше, но она не выезжала, несмотря на чудесную погоду. Я катался и ходил пешком с Олей. Во весь день ничего особенного не было. Вечером был Развадовский. Следствия в цитадели идут туго. Потом играл с Пешке на органе септуор Бетховена и в 4 руки октет Мендельсона. Прелесть.

23 д е к а б р я. Был у меня маркиз, и мы решились набор сделать в будущую среду, со 2-го на 3-е января [248]).

26 д е к а б р я. Были за обедней ради второго дня праздника. На гуляньи ходили пешком по Бельведерской аллее. Вечером играл с Пешке. Сегодня история кинжальной раны того жида, который раскрыл Гарволинскую историю [249]). Убийца схвачен, но еще не вполне уверены, действительно ли это он.

27 д е к а б р я. Был очень рабочий день. Полиция взяла предполагаемых убийц Фелькнера, но полагает, что это пуф. Ходил с жинкой

---

*) Произведение итальянского композитора Перголезе.

**) «Семь слов» Гайдна.

и детьми по аллеям, а потом с визитом у гр. Ржевуской. Вечером с жинкой играл на органе.

28 декабря. У меня была сегодня военная конференция на счет подробностей предстоящего набора в присутствии маркиза. Набор назначили в ночь с 2 на 3 января. Дай бог, чтобы благополучно обошлось и без крови. Днем ходили пешком по аллеям с жинкой и детьми. Вечером у нас большое собрание, чтоб обновить комнаты замка.

29 декабря. Получены бумаги из Парижа, взятые там на трех схваченных поляках [250]). Революционная организация выходит еще гораздо серьезнее, чем мы полагали. Все готовится, чтоб во время набора произвести общее восстание. Вечером играл с Пешке.

30 декабря. Писал письмо Саше к новому году. День обыкновенный, обедня и прогулка как всегда. Вечером в театре новая опера «Флибустьеры». Ничего особенного. Возили туда Николу и Олю.

31 декабря. На прощание с годом был очень рабочий день. С Корфом утвердил окончательное расписание войск для набора. Катались с жинкой и детьми как всегда. Вечером были на всенощной. Потом Тенгоборский читал интересные депеши к кн. Горчакову.

Примечания *).

[1]) Очиншевание—перевод крестьян тогдашнего Царства Польского с барщины на оброк (чинш), что означало их формальное раскрепощение. Указ 26 мая 1846 г. (статья 5-я), между прочим, обязывал административные власти оказывать помощь помещикам, желающим заключить с крестьянами сделки об очиншевании. Перевод на оброк распространялся и на казенные и другие, не принадлежавшие частным лицам имения. Однако через 10 лет было очиншовано менее трети помещичьих деревень. 16 декабря 1858 г. было высочайше утверждено постановление совета управления Царства Польского о добровольном очиншевании, несколько изменившее порядок заключения чиншевых сделок, но имевшее ничтожные практические результаты. Земледельческое общество, обсуждавшее крестьянскую реформу, пришло к убеждению, что нельзя ограничиться очиншеванием, а необходимо дать возможность крестьянам приобрести в собственность свои наделы посредством выкупной кредитной операции. В 1861 г. главный директор комиссии внутренних дел маркиз Велёпольский спешно принялся за выработку проекта крестьянской реформы. 9 мая 1861 г. был высочайше утвержден выработанный земледельческим отделом комиссии внутренних дел закон об окупе — определенном оброке взамен барщины, а затем комиссия юстиции выработала положение об обязательном очиншевании, которое было передано на рассмотрение в Петербург в особый комитет.

[2]) Говорится о главном комитете об устройстве сельского состояния, учрежденном 19 февраля 1861 г. «для приведения к одним общим началам устройства и управления всего сельского или крестьянского состояния в государстве». Константин Николаевич был председателем этого комитета.

[3]) Земский комитет — особое совещательное собрание совета министров под председательством Константина Николаевича для рассмотрения и исправления положения о земских учреждениях, закончившее свою деятельность в июне 1862 года.

[4]) Платонов, Валериан Платонович, 1809—1893, сенатор, товарищ министра-статс-секретаря Царства Польского.

---

*) Примечания составлены Н. П. Чулковым.

[5]) Велёпольский, граф Александр Иосифович, маркиз Гонзаго-Мышковский, 1803 — 1877, член польского сейма, руководившего восстанием 1830 г., после его подавления эмигрировал за границу. В 1846 г. написал брошюру: «Lettre d'un gentilhomme polonais au prince M.» (Письмо польского дворянина князю М.), направленную против австрийского канцлера Меттерниха; в ней В. заявляет себя сторонником Николая I и России, противопоставляя австрийскому влиянию идею панславянского объединения. Составленный им проект реформ в Царстве Польском (крайне умеренный) получил одобрение Александра II (1861 г.). Поддерживаемый тогдашним наместником в Царстве Польском кн. Горчаковым, В. назначается членом совета управления Царства Польского и главным директором правительственной комиссии народного просвещения и вероисповеданий, а потом и комиссии юстиции. При преемниках кн. Горчакова его влияние ослабевает, в результате чего он подает в отставку. Однако, в октябре 1861 г. он вызван в Петербург, где входит в полное доверие к власти. По назначении Константина Николаевича наместником, В. получает назначение начальником гражданской части в Царстве Польском и вице-председателем Государственного Совета Царства Польского с правом замещать наместника в случае его отсутствия. За время наместничества Константина Николаевича В. был правой рукой великого князя. Однако политика, им проводимая, оказалась непригодным оружием в борьбе самодержавия с польской общественностью: не удовлетворяя ни «красных», ни даже умеренных, она лишь ускорила неизбежный революционный взрыв. В 1863 г., вслед за уходом Константина Николаевича, В. получил отставку и остальную часть жизни провел за границей, где и умер. В дневнике Константин Николаевич называет Велёпольского то по фамилии (при чем пишет ее согласно польскому правописанию, Виелопольский), то маркизом.

[6]) Великая княгиня Александра Иосифовна, 1830—1911, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская.

[7]) Горчаков, кн. Александр Михайлович, 1798—1883, министр иностранных дел.

[8]) Шуберт, Карл, 1811—1863, виолончелист и композитор. В 1836 г. приехал в Петербург, где был придворным солистом, директором Филармонического общества и инспектором музыки при императорских театрах. Играл партию виолончели в струнном квартете с Венявским, Пиккелем и Вейкманом.

[9]) Венявский, Генрих, 1835—1880, знаменитый польский скрипач и композитор. В 1860 г. поселился в Петербурге, где получил место солиста императорских двора и театров, с 1862 по 1865 г. профессор Петербургской консерватории.

[10]) Кюндигер, Рудольф, 1832—.., немецкий пианист и педагог, в 1856 г. переселился в Россию и с 1860 г. был преподавателем музыки в семье Константина Николаевича.

[11]) Энох, Юлий Яковлевич, 1822—1880, в период 1861—1863 г. статс-секретарь Государственного Совета Царства Польского и совета управления Царства Польского, уволен от этих должностей вместе с уходом Велёпольского.

[12]) Вероятно, Биттиг, Вильгельм Иванович, врач.

[13]) Финансовый комитет — высшее совещательное учреждение, образованное еще в 1806 г., но в качестве постоянного учреждения начавшее функционировать с 1822 г. В него поступали расходные сметы на предварительное рассмотрение прежде внесения их в Государственный Совет. С целью поднятия курса кредитного рубля была предпринята в 1862 г. операция размена кредитных билетов на звонкую монету. Вследствие недостаточности металлического фонда для подкрепления разменного фонда был заключен заграничный заем в 15 миллионов фунтов стерлингов. 25 апреля 1862 г. был издан указ о размене, основанном на составленных финансовым комитетом правилах. С 1 мая был открыт размен кредитных билетов по возрастающему постепенно курсу; для начала ценность полуимериала была определена в 5 р. 70 к., а рубля в 1 р. $10^1/_2$ коп. Операция не имела желаемого успеха, а развила лишь спекуляцию, так что размен пришлось вскоре прекратить.

[14]) Валуев, Петр Александрович, 1814—1890, министр внутренних дел.

[15]) Сумароков, граф Сергей Павлович, 1793—1875, член Государственного Совета, генерал-адъютант, участвовал в подавлении польского восстания 1831 г.

[16]) Гензельт, Адольф Яковлевич, 1814—1838, известный пианист, композитор и педагог, родом баварец, приехал в Россию в 1828 г., преподавал музыку в семье Николая I.

[17]) Краббе, Николай Карлович, 1814—1876, генерал-адъютант, адмирал, управляющий морским министерством.

[18]) Гауровиц, Иван Самойлович, 18..—1882, лейб-медик, главный инспектор медицинской части морского ведомства, был очень близок к Константину Николаевичу, при котором состоял с 1838 года.

[19]) Зеебах, барон, потом граф, Лео, саксонский дипломат, посол в Париже, муж дочери государственного канцлера, графа Карла Васильевича Нессельроде, умершего 11 марта 1862 г.

[20]) Максутова, кн. Розалия Ипполитовна, рожденная Ланг (во 2-м браке за министром путей сообщения адмиралом Посьетом), воспитательница детей Константина Николаевича.

[21]) Голицын, кн. Михаил Павлович, 1822 — 1868, свиты контр-адмирал, директор инспекторского департамента морского министерства.

[22]) Грейг, Самуил Алексеевич, 1827—1887, генерал-майор, директор канцелярии морского министерства, впоследствии министр финансов в 1878—1880 гг.

[23]) Предложение по выкупной операции, т. е. государственно-кредитной операции, в связи с уничтожением крепостного права, с целью перехода надельной земли в собственность крестьян.

[24]) Рейтерн, Михаил Христофорович, 1820—1890, министр финансов в 1862—1878 гг., впоследствии граф.

[25]) Сын Александра II, вел. кн. Сергей Александрович, 1857 — 1905, впоследствии московский генерал-губернатор.

[26]) Бутков, Владимир Петрович, 18..—1881, статс-секретарь, государственный секретарь в 1856—1865 гг., участник крестьянской и судебной реформ.

[27]) Заблоцкий-Десятовский, Андрей Парфенович, 1808—1881, статс-секретарь департамента экономии Государственного Совета, участник крестьянской и главный деятель акцизной реформ.

[28]) Младший брат Константина Николаевича, вел. кн. Михаил Николаевич, 1832—1909, его жена—вел. кн. Ольга Федоровна, 1838—1891, урожд. принцесса Баденская.

[29]) В Государственном Совете в это время рассматривался вопрос об освобождении владельцев заповедных имений (майоратов) от взноса в кредитные установления особой суммы при уступке ими временно-обязанным крестьянам безвозмездно четверти поземельного надела. Мнение Государственного Совета по этому вопросу было высочайше утверждено 28 мая.

[30]) Инженерный комитет — коллегиальное установление, входившее в состав главного инженерного управления (военного), но здесь идет речь не об этом постоянном учреждении, в которое великие князья не входили, а о каком-то другом, имевшем целью рассмотрение какого-либо частного вопроса.

[31]) Кавказский комитет, существовавший в 1840—1882 гг., рассматривал все дела по Закавказью и Кавказскому краю, разрешение которых превышало власть кавказского наместника и министров.

[32]) В Государственном Совете в январе—июне 1862 г. рассматривалось дело о правах коллежского ассесора Ивана Рышкина на участие в золотых приисках, открытых купцом Титом Зотовым в Восточной Сибири.

[33]) Елена Павловна, великая княгиня, урожд. принцесса Виртембергская, 1806—1873, вдова дяди Константина Николаевича, вел. кн. Михаила Павловича, играла видную роль во время подготовки крестьянский реформы и в деле насаждения музыкального образования в России.

[34]) Панин, граф Виктор Никитич, 1801—1874, министр юстиции в 1839—1862 гг., член Государственного Совета, бывший председатель редакционной комиссии при главном комитете по крестьянскому делу, затем член главного Комитета об устройстве сельского состояния и член чиншевого комитета.

[35]) Чевкин, Константин Владимирович, 1802—1875, генерал-адъютант, главноуправляющий путями сообщения в 1855—1862 гг., член Государственного Совета и главного комитета об устройстве сельского состояния.

[36]) Чиншевые комиссии — комиссии на местах, на которые возлагалось очиншевание. Положение об обязательном очиншевании утверждено 24 мая 1862 года.

[37]) Тымовский, Иосиф Игнатьевич, 1791—1871, министр, статс-секретарь Царства Польского с 1856 г. до 16/28 ноября 1862 г.

[38]) Мейендорф, барон Петр Казимирович, 1796—1863, член Государственного Совета, президент кабинета, бывший посол в Берлине, был в дружественных отношениях с Константином Николаевичем.

[39]) Долгоруков, князь Василий Андреевич, 1804—1868, генерал-адъютант, член Государственного Совета, в 1856—1866 гг. шеф жандармов и главный начальник 3-го отделения собств. е. в. канцелярии.

[40]) Милютин, Дмитрий Алексеевич, 1816—1912, генерал-адъютант, военный министр, впоследствии граф и генерал-фельдмаршал.

[41]) Лидерс, граф Александр Николаевич, 1790—1874, генерал-адъютант, главнокомандующий Крымской армией в 1855—1856 гг., наместник в Царстве Польском в 1861—1862 гг.

[42]) Фелинский, Сигизмунд-Феликс, 1822—1895, бывший профессор римско-католической духовной академии в Петербурге, архиепископ варшавский с конца 1861 г., назначен в Варшаву по рекомендации Велёпольского, отозван в июне 1863 г. и сослан в Ярославль, где пробыл до 1883 г. Автор дневника пишет фамилию Фелинского то согласно польскому произношению с мягким знаком после н, то согласно русскому правописанию.

[43]) Штраус, Иоганн, 1825—1899 г., знаменитый композитор танцев и дирижер, прозванный «королем вальсов», с 1856 г. дирижировал в Павловском вокзале концертами, привлекавшими в Павловск, принадлежавший Константину Николаевичу, массу публики.

[44]) Старший сын Константина Николаевича — вел. кн. Николай Константинович, 1850—191.

[45]) Донауров, Алексей Петрович, 1830—1897, флигель-адъютант, капитан Измайловского полка, командир роты его величества, впоследствии генерал-лейтенант в отставке.

[46]) Говорится о временных правилах по цензуре, утвержденных 12 мая и обнародованных 14 июня 1862 г.

[47]) Анненков, Николай Николаевич, 1799—1865, генерал-адъютант, член Государственного Совета, с 1855 г. государственный контролер, с 1862 г. киевский генерал-губернатор.

[48]) Бахтин, Николай Иванович, 1796—1869, статс-секретарь, член Государственного Совета, член главного комитета об устройстве сельского состояния.

[49]) Головнин, Александр Васильевич, 1821—1886, член кружка, группировавшегося вокруг Константина Николаевича, и бывший его секретарь, с 1861 г. министр народного просвещения.

[50]) Сестра Константина Николаевича — вел. кн. Ольга Николаевна, 1822—1892, бывшая замужем за королем виртембергским Карлом.

[51]) Сашка—второй сын Александра II, будущий Александр III.

[52]) Михайловское — имение вел. кн. Михаила Николаевича близ Петергофа.

[53]) Крживицкий (или, согласно польскому произношению, Кшивицкий), Казимир Адамович, 1820—1882, старший чиновник 2-го отделения собств.

е. в. канцелярии, одновременно с назначением Константина Николаевича наместником 27 мая 1862 г. назначен членом совета управления Царства Польского и главным директором правительственной комиссии духовных дел и народного просвещения.

[54]) Совет кредитных учреждений — совет государственных кредитных установлений, учрежденный в 1817 г. для высшего наблюдения за комиссией погашения государственных долгов, в заведывание которой были переданы все обороты по государственным долгам. Упразднен в 1895 г.

[55]) Государственный банк, учрежденный в 1860 г.

[56]) Мансуров, Борис Павлович, 1826—1910, чиновник морского министерства, впоследствии сенатор и член Государственного Совета, исследователь палестинских древностей, был управляющим делами Палестинского комитета, состоявшего под председательством Константина Николаевича. Комитет имел своей главной задачей устройство помещений для паломников.

[57]) Федоровский посад — село в 5 верстах от Павловска, к которому было приписано; Федоровские крестьяне — бывшие крепостные Константина Николаевича.

[58]) С 1856 г., после смерти кн. Паскевича, наместниками в Царстве Польском были кн. М. Д. Горчаков, гр. К. К. Ламберт, гр. А. Н. Лидерс и временно исполнявший обязанности наместника военный министр Н. О. Сухозанет.

[59]) Телеграфная переписка Александра II с наместниками в Царстве Польском частично напечатана в «Русской Старине» 1882 г.

[60]) Чичерин, Константин Петрович, 1816—1867, в должности гофмейстера, управляющий гофмейстерской частью двора Константина Николаевича.

[61]) Казнаков, Николай Иванович, 1834—1906, капитан-лейтенант, адъютант Константина Николаевича, впоследствии адмирал, генерал-адъютант.

[62]) Потапов, Александр Львович, 1818—1886, генерал-майор, управляющий 3-м отделением собств. е. в. канцелярии и начальник штаба корпуса жандармов, впоследствии виленский генерал-губернатор, а затем шеф жандармов.

[63]) Статс-секретариат по делам Царства Польского. Министр-статс-секретарь являлся посредником между верховной властью и управлением Царства Польского.

[64]) Великий князь Алексей Александрович, 1850 — 1908, четвертый сын Александра II, впоследствии генерал-адмирал.

[65]) Маруся — Мария Максимилиановна, 1841 — 1914, герцогиня Лейхтенбергская, княжна Романовская, старшая дочь вел. кн. Марии Николаевны от первого ее брака с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, в замужестве за Вильгельмом, принцем Баденским.

[66]) Апраксин, граф Степан Федорович, генерал-адъютант, состоявший при императрице Марии Александровне, умер 17 мая 1862 г.

[67]) 16 мая начались в Петербурге сильные пожары и продолжались до конца месяца. В Ямской выгорело большое количество домов между Кобыльской улицей и Лиговкой.

[68]) Мери — сестра Константина Николаевича, великая княгиня Мария Николаевна, 1819—1876, в первом браке за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским и во втором за графом Григорием Александровичем Строгановым.

[69]) Милютин, Николай Алексеевич, 1818—1872, младший брат военного министра, бывший товарищ министра внутренних дел и руководитель работ по крестьянской реформе, в 1861 г. был уволен от должности с назначением сенатором и уехал за границу, откуда был вызван, будучи намечен кандидатом на пост заведующего гражданской частью в Царстве Польском; однако назначен был не он, а маркиз Велёпольский. Впоследствии руководил крестьянской реформой в Царстве Польском.

[70]) Арцимович, Виктор Антонович, 1820—1893, в 1858 — 1862 гг. калужский губернатор, подготовивший и осуществивший в Калужской губернии крестьян-

скую реформу, вызвал своими действиями неудовольствие местного дворянства. Впоследствии принимал участие в проведении крестьянской реформы в Царстве Польском.

[71]) Жуковский, Степан Михайлович, 1818—1877, деятель крестьянской реформы, с 1861 г. управляющий делами главного комитета об устройстве сельского состояния, впоследствии статс-секретарь и управляющий делами комитета по польским делам.

[72]) Саша Адлерберг — граф Александр Владимирович, 1818—1888, генерал-адъютант, командир императорской главной квартиры, впоследствии министр императорского двора, друг Александра II.

[73]) Lischen Rotkirch — лицо, близкое к великокняжеской семье, вероятно, родственница Василья Алексеевича Роткирха, в то время вице-директора особой канцелярии при наместнике Царства Польского по делам военного положения (впоследствии жандармский генерал, печатавший под псевдонимом Теобальд статьи мемуарного характера).

[74]) Келлер, граф Эдуард Федорович, 1819—1903, минский губернатор, одновременно с назначением Константина Николаевича в Варшаву был назначен 27 мая 1862 г. главным директором правительственной комиссии внутренних дел, занимал эту должность до 13 июня 1863 г., когда был назначен сенатором.

[75]) Суворов, князь Александр Аркадьевич, 1804—1882, петербургский генерал-губернатор.

[76]) Подпоручик л.-гв. Измайловского полка Николай Григорьев был обвинен в намерении «распространить между нижними чинами возмутительные идеи против правительства и верховной власти» и приказом по гвардейскому корпусу 22 июня предан военному суду с тем, чтобы быть судимым на основании полевых уголовных законов. Военный суд «за распространение между нижними чинами посредством разговоров и сообщения ложных слухов превратных понятий о их обязанностях относительно начальства и правительства и намерение поселить между ними чувство неудовольствия к существующему порядку» приговорил Григорьева к лишению чинов, дворянства и всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири.

[77]) Даринка, вдова первого черногорского князя Данила I Негоша, дяди короля Николая.

[78]) В этот день был самый большой пожар, когда выгорело большое пространство по обе стороны Фонтанки и сгорели рынки—Щукин и Апраксин дворы, вмещавшие до 2000 лавок и ларей, и здание министерства внутренних дел.

[79]) Третий сын Константина Николаевича — вел. кн. Дмитрий Константинович, 1860—1919.

[80]) Комаровский, граф Владимир Егорович, 1835—1886, штабс-капитан л.-гв. стрелкового баталиона.

[81]) Низи—вел. кн. Николай Николаевич, 1831—1891, третий сын Николая I. Знаменское — его имение близ Петергофа.

[82]) 19 июня объявлено о запрещении на 8 месяцев журналов «Современник» (основан А. С. Пушкиным и П. А. Плетневым, а в это время принадлежал Н. А. Некрасову) и «Русское Слово» (издавался гр. Г. А. Кушелевым-Безбородко под редакцией Г. Е. Благосветлова). В числе сотрудников «Современника» был Н. Г. Чернышевский, в это время арестованный и посаженный в Петропавловскую крепость, а в числе сотрудников «Русского Слова» — Д. И. Писарев, статья которого «Бедная русская мысль» и навлекла кару на журнал.

[83]) В связи со студенческими беспорядками Петербургский университет был закрыт по высочайшему повелению 20 декабря 1861 г. впредь до пересмотра общего университетского устава. Вновь возобновились занятия осенью 1862 г. на физико-математическом факультете, а осенью 1863 г. открылись все четыре факультета уже на основании нового университетского устава 1863 года.

[84]) Движение в пользу учреждения воскресных школ в России началось в конце 1850-х гг. Главное участие в этом движении приняли учащаяся молодежь и офицеры. Правительство первоначально относилось благосклонно к открытию таких школ, но уже в конце 1860 г. его отношение к ним стало изменяться. В начале 1861 г. было издано высочайшее повеление о надзоре за воскресными школами и о назначении в них священников, которым был поручен общий надзор за школами. В конце 1861 г. реакция против воскресных школ усилилась в связи с тревожным временем, переживавшимся тогда русским обществом. 7 июня 1862 г. вследствие обнаруженного в некоторых воскресных школах вредного направления приказом военного министра были закрыты все воскресные школы и другие училища, учрежденные при войсках для лиц, не принадлежащих к военному ведомству, а 13 июля высочайше повелено закрыть все существующие воскресные школы и читальни впредь до преобразования означенных школ на новых основаниях.

[85]) 5 марта 1861 г. министру государственных имуществ было поручено составить предположения о применении главных начал Положений 19 февраля 1861 г. к государственным крестьянам. Вопрос этот рассматривался также в главном комитете об устройстве сельского состояния. Результатом было Положение 24 ноября 1866 г.

[86]) Зеленый, Александр Алексеевич, 1819—1890, министр государственных имуществ.

[87]) Крыжановский, Николай Андреевич, 1818—1888, генерал-лейтенант, начальник штаба 1-й армии и варшавский генерал-губернатор, впоследствии оренбургский генерал-губернатор. Должность варшавского генерал-губернатора с назначением Константина Николаевича в Варшаву была упразднена, и 28 мая Крыжановский был уволен от должности с пожалованием в генерал-адъютанты и оставлением в должности начальника штаба армии, затем он был зачислен 7 июля в генеральный штаб и назначен председателем комиссии для начертания общих оснований нового военного и морского судоустройства и членом комитета по обсуждению главных оснований в организации войск.

[88]) Алеша Толстой—известный поэт, граф Алексей Константинович, 1817—1875, друг Александра II, до 28 сентября 1861 г. флигель-адъютант и подполковник л.-гв. стрелкового императорской фамилии батальона.

[89]) Киселев, граф Павел Дмитриевич, 1788—1872, бывший министр государственных имуществ, посол в Париже, в 1862 г. оставил последний пост.

[90]) Париж являлся в то время центром польской эмиграции.

[91]) Адлерберг, граф Владимир Федорович, 1791—1884, министр императорского двора в 1852—1870 гг.

[92]) Сабуров-лондонский — Петр Александрович, 1835 — 1918, младший секретарь посольства в Лондоне, впоследствии посол в Берлине.

[93]) Бывший наместник в Варшаве А. Н. Лидерс 15 июня в $7^1/_2$ часов утра во время прогулки в Саксонском саду, где он пил минеральные воды, был ранен в шею неизвестным лицом, стрелявшим в него сзади.

[94]) Мерхилевич, Сигизмунд Венедиктович, 1800—1872, генерал-адъютант, начальник артиллерии 1-й армии, впоследствии член военного совета.

[95]) Бебутов, князь Давид Иосифович, 1793—1867, генерал-лейтенант, варшавский комендант с 1851 г.

[96]) Гагарин, князь Павел Павлович, 1789—1872, председатель департамента законов Государственного Совета, был назначен заместителем в случае болезни или отсутствия председателя Государственного Совета и главного комитета об устройстве сельского состояния графа Блудова, в свою очередь замещавшего Константина Николаевича.

[97]) 16/28 июня 1862 года были расстреляны в Новогеоргиевской крепости по приговору военно-полевого суда офицеры 4-го стрелкового батальона поручик Аргольд и подпоручик Сливицкий 2-й и унтер-офицер Ростковский, обвиненные в подговоре солдат к заговору.

[98]) Санни—жена Константина Николаевича, вел. кн. Александра Иосифовна.

[99]) Шмидт, Яков Яковлевич, 1809—1891, лейб-акушер.

[100]) Инструкция Александра II, данная Константину Николаевичу при назначении его наместником в Варшаву, напечатана в журнале «Дела и Дни», кн. I, под № 1.

[101]) У маркиза Велёпольского было два сына: Сигизмунд, 1833 — 1902, бывший офицер л.-гв. кирасирского полка, назначенный 4/16 августа 1862 г. президентом г. Варшавы (впоследствии обер-егермейстер и управляющий княжеством Ловичским), и Иосиф, 1834—1901.

[102]) Бельведер—дворец в Варшаве в Бельведерском саду, построенный в 1822 г. при цесаревиче Константине Павловиче.

[103]) Лазенки — дворец в Варшаве в Лазенковском парке, построенный в 1784 г. королем Станиславом Понятовским.

[104]) «Александр Страделла», опера Флотова.

[105]) Ярошинский, Людвиг, сандомирский мещанин, по профессии портной, 19 лет, должен был произвести покушение еще накануне, в момент приезда наместника, но его остановило присутствие великой княгини. Покушение было организовано Игнатьем Хмелинским.

[106]) Кредитное земское общество Царства Польского, основанное в 1825 г., имело целью выдачу ссуд под ипотеку сельских недвижимых имений в пределах Царства Польского. Членами общества считались все владельцы заложенных в нем имений.

[107]) Замойский, граф Андрей, 1800—1874, участник восстания 1830 г., бывший председатель земледельческого общества, закрытого Велепольским в 1861 г., политический противник маркиза и глава умеренной партии (белых). Основанное в 1857 г., земледельческое общество в октябре 1859 г. получило от правительства поручение обсудить и разработать крестьянский вопрос, почему оно приобрело большое значение.

[108]) Государственный Совет Царства Польского был учрежден по проекту Велёпольского указом 14/26 марта 1861 г. и заменил собою общее собрание варшавских департаментов сената. Кроме дел, подлежавших ведению сената, в его компетенцию входило рассмотрение годовой сметы расходов и доходов, отчетов главноначальствующих всех частей управления, донесений генерал-контролера о ревизии денежных отчетов, представлений губернских советов и жалоб на злоупотребления должностных лиц. Он состоял из государственных советников, постоянных членов и временных членов по назначению правительства из именитых граждан и духовных сановников. Члены заседали в отделениях и в общем собрании, при чем временные члены участвовали только в общем собрании, которое ежегодно созывалось на 1 октября нов. ст. Административный совет или совет управления Царства Польского — высшее административное коллегиальное учреждение в Царстве Польском. Городские советы в Варшаве и других городах были учреждены по проекту Велёпольского и являлись собраниями выборных для местного самоуправления.

[109]) 1-ю армию составляли войска, расположенные в Царстве Польском и прилегающих к нему губерниях Виленского и Киевского генерал-губернаторств. Штаб армии находился в Варшаве. По упразднении армии эти войска составили Варшавский, Виленский и Киевский военные округа.

[110]) Наполеон III, император французов.

[111]) Рамзай, барон Эдуард Андреевич, 1799—1877, генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, командир гренадерского корпуса, 6 июля 1862 г. назначен командующим войсками в Царстве Польском, впоследствии член Государственного Совета.

[112]) Письмо Константина Николаевича к Александру II — см. «Дела и Дни» кн. I, под № 4.

[113]) 24 июня (6 июля) была отслужена в походной церкви Ладожского пехотного полка в лагере в Повонзках близ Варшавы, по просьбе нескольких офицеров разных частей, панихида по расстрелянным в Новогеоргиевске 16/28 июня офицерам Аргольде и Сливицком (см. выше), о чем донес священник Виноградов. В результате виновные в заказе панихиды были преданы военному суду.

[114]) Гечевич, Лев Викентьевич, 1805—1874, генерал-лейтенант, состоящий в распоряжении главнокомандующего 1-й армии, а затем с 6 июля 1862 г. для особых поручений при наместнике, впоследствии председатель главной дирекции Кредитного земского общества Царства Польского.

[115]) Пилсудский, Сигизмунд Иванович, генерал-майор, варшавский обер-полицмейстер, после покушения на Константина Николаевича уволенный 27 июня 1862 г. по прошению от должности.

[116]) Преемником Пилсудского на посту варшавского обер-полицмейстера был действительно с 27 июня бывший адъютант наместника Лидерса, штабс-ротмистр л.-гв. Уланского полка Сергей Сергеевич Муханов, 1834—1897, впоследствии заведующий дворцами в Варшаве и председатель дирекции варшавских театров.

[117]) Янковский, Людвиг Антонович, капитан л.-гв. стрелкового баталиона, флигель-адъютант, впоследствии генерал-лейтенант. Письмо Александра II, привезенное Янковским,—«Дела и Дни», кн. I, № 3.

[118]) Ответное письмо Константина Николаевича Александру II — «Дела и Дни», кн. I, № 5.

[119]) Майор Раух, адъютант прусского короля Вильгельма I.

[120]) Ухтомский, князь Эспер Алексеевич, 1834—1885, капитан-лейтенант, адъютант Константина Николаевича с 1856 года. Письмо Александра II, привезенное им, см. «Дела и Дни», кн. I, № 6.

[121]) Письмо к Александру II—«Дела и Дни», кн. I, № 8.

[122]) Непокойчицкий, Бенедикт Станиславович, тайный советник, член Государственного Совета Царства Польского, председатель Польского Банка до 4/16 декабря 1862 г., потом член Совета управления Царства Польского.

[123]) Кретковский—и. д. председателя главной дирекции Кредитного земского общества.

[124]) Младший сын Константина Николаевича, родившийся 1 июля в Варшаве и названный Вячеславом (по-польски Wacław) в намерении сделать приятное полякам. Он умер в 1879 г.

[125]) Притвиц, барон Карл Карлович, 1797—1881, генерал-адъютант. Письмо Александра II, им привезенное, см. «Дела и Дни», кн. I, № 7.

[126]) Адской машиной называется снаряд, назначение которого — уничтожить наверняка людей или причинить разрушения различного рода. Идея ее заимствована из минного дела. Название вошло в употребление со времени покушения в 1800 г. на жизнь Наполеона, бывшего в то время консулом. Машина могла быть прислана из Генуи потому, что там была открыта вождем польской революционной партии Мерославским школа для приготовления инструкторов для готовившегося восстания. Школа была закрыта в 1862 г. итальянским правительством по требованию русского правительства.

[127]) Новые губернаторы с 22 июня/4 июля: радомский — Александр Островский, постоянный член Государственного Совета Царства Польского, плоцкий — Доминик Дзевановский, временный член того же совета на 1862 г., и августовский — действительный статский советник Осип Корытковский.

[128]) Ермолов, Николай Семенович, 1800 — 1864, инженер-генерал-майор, комендант Варшавской Александровской цитадели.

[129]) Вржеснёвский, Альф, чиновник при наместнике.

[130]) Хмелинский, Игнатий, помещик, один из видных деятелей польского восстания, член революционного варшавского городского комитета первого со-

става (1861—1862), организатор покушений на Лидерса и Константина Николаевича, после которых бежал во Францию.

[131]) Письмо Константина Николаевича к Александру II—«Дела и Дни», кн. I, № 12. Великий князь желал, чтобы С. П. Сумароков (о нем см. выше) был назначен его заместителем по званию наместника, и в этом письме дал объяснение своего желания.

[132]) Иоанникий Горский, 1810—1877, с 1860 г. по 1875 г. архиепископ варшавский, потом херсонский.

[133]) Хрептович, граф Михаил Иринеевич, 1809—1892, дипломат, с 7 июля 1862 г. управляющий двором Константина Николаевича, впоследствии обергофмейстер и член Государственного Совета.

[134]) Рибопьер, граф Иван Александрович, 18..—1871, церемониймейстер.

[135]) Вел. кн. Александр Александрович приезжал в Варшаву на крестины вел. кн. Вячеслава Константиновича в качестве заместителя Александра II.

[136]) Письмо Александра II—«Дела и Дни», кн. I, № 14.

[137]) Литограф Людвик Рыль, 19 лет, 26 июля /7 августа сделал два выстрела в Велёпольского при входе последнего в здание правительственной комиссии финансов, но пули пролетели над головой маркиза.

[138]) Набоков, Дмитрий Николаевич, 1826 — 1904, бывший вице-директор комиссариатского департамента морского министерства, с 4/16 июня состоял при Константине Николаевиче и заведывал его личной канцелярией; впоследствии министр юстиции.

[139]) Старжинский, граф Казимир Осипович, 1816—1899, постоянный член Государственного Совета Царства Польского.

[140]) Помаранчарня (оранжерея) — театр в Лазенковском парке в здании бывшей оранжереи, от которой и получил свое название.

[141]) В ознаменование дня крещения вел. кн. Вячеслава Константиновича была объявлена амнистия 114 политическим преступникам, сосланным в русские губернии.

[142]) Штиглиц, барон Александр Людвигович, 1814—1884, банкир, первый управляющий Государственным банком, железнодорожный строитель. — Кербедз, Станислав Валерианович, 1810—1893, строитель мостов Николаевского через Неву в Петербурге и Александровского через Вислу в Варшаве, железнодорожный строитель, начальник VII округа путей сообщения, член совета управления Царства Польского.

[143]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. II, № 16.

[144]) Годовщина соединения с Литвой—12 августа 1569 г. закончился Люблинский сейм, установивший соединение Литвы с Польшей в одно государство.

[145]) В этот день женщины сняли траур и оделись в цветные платья, костелы были переполнены, день был нерабочий. То же самое было и в других городах.

[146]) Тенгоборский, Юлий Людвигович, 1823—1877, чиновник особых поручений министерства иностранных дел, с 20 декабря 1862 г. управляющий дипломатической канцелярией наместника Царства Польского, впоследствии управляющий двором Константина Николаевича и сенатор.

[147]) 3/15 августа произведено было второе неудачное покушение на жизнь маркиза Велёпольского литографом Яном Ржонцой, бросившимся на него с отравленным стрихнином кинжалом, в то время как Велёпольский ехал с женой в открытом экипаже по Уяздовской аллее.

[148]) Письмо Александра II — «Дела и Дни», кн. II, № 17. Соболевский—генерал-майор, бывший помощник начальника 3-й гренадерской дивизии, вновь назначенный состоять для особых поручений при командующем войсками в Царстве Польском.

[149]) Доктор Либрейх, Рихард, 1830—..., известный немецкий окулист, практиковавший в Берлине, с 1862 г. в Париже и затем в Лондоне.

[150]) Паулуччи, маркиз Амилькар Карлович, родом итальянец, генерал-майор, состоявший в распоряжении командующего 1-й армией, при наместнике кн. М. Д. Горчакове начальник тайной полиции и председатель следственной комиссии.

[151]) Письмо Константина Николаевича к Александру II — «Дела и Дни», кн. II, № 18.

[152]) Костюха—второй сын Константина Николаевича, вел. кн. Константин Константинович, 1858—1915, впоследствии президент Академии Наук и поэт, подписывавший свои произведения инициалами К. Р.

[153]) Венглинский, Франц, деятель кредитного земского общества, член Грубешовского уездного совета, с 12/24 июля постоянный член Государственного Совета Царства Польского.

[154]) Развадовский, Константин Иванович, 1814—1885, генерал-майор, помощник начальника 4-й пехотной дивизии, председатель особой следственной комиссии по политическим делам в Царстве Польском, впоследствии варшавский комендант и граф.

[155]) Смит, Федор Иванович, 1787—1865, военный историк, в 1830—1831 гг. состоял при главной квартире действующей армии в Польше и исправлял должность редактора известий о действиях русских войск для заграничных газет. Составил историю польской войны на немецком языке: «Geschichte des Polnisches Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830—1831», T. I—III, Berlin 1839—1848.

[156]) Воцерковление — обряд православной церкви, совершаемый над младенцем и его матерью в сороковой день от рождения.

[157]) Константин Николаевич закончил письмо, начатое 9 августа (см. выше).

[158]) 11/23 августа происходил публичный суд над Ржонцей в здании губернского правления и закрытый (вследствие болезненного состояния подсудимого) над Рылем в комиссии военного суда в цитадели. Оба приговорены к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение 14/26 августа на гласисе Александровской цитадели.

[159]) Полторанов, Николай Иванович, действ. стат. советник, состоящий при аудиториатском департаменте.

[160]) Полевой аудиториат — военный суд при армии.

[161]) Подробности покушения на отравление Велёпольского посредством письма см. в «Воспоминаниях В. А. Докудовского», Труды Рязанской Архивной Комиссии, 1898 г., т. XIII, вып. 3, стр. 356.

[162]) Тотлебен, Эдуард Иванович, 1818—1884, знаменитый военный инженер, прославившийся организацией обороны Севастополя, генерал-адъютант, с 1859 г. директор инженерного департамента военного министерства, впоследствии главнокомандующий действующей армией в 1878 г., виленский генерал-губернатор и граф. — Корф, барон Павел Иванович, 1803—1867, генерал-адъютант, начальник 3-й гвардейской пехотной дивизии и гвардейского отряда в Царстве Польском.

[163]) Молодая графиня Велёпольская — жена младшего сына маркиза Велёпольского — Иосифа Александровича, Мария, рожд. графиня Валевская, 1841—...., Калерджи, Мария Федоровна, 1822 — 1874, дочь жандармского генерала в Варшаве — графа Фридриха Нессельроде, по матери полька, родственница и воспитанница государственного канцлера графа К. В. Нессельроде, талантливая пианистка-дилетантка, игравшая видную роль в высшем обществе 1840 — 1860-х гг., воспетая Теофилом Готье и Генрихом Гейне, друг Альфреда де Мюссе, Листа, Вагнера и Таузига; в 1863 г. вторично вышла замуж за упомянутого выше варшавского обер-полицмейстера С. С. Муханова. Графиня Келлер, Мария Ивановна, рожд. Ризнич, 1827 — ..., жена директора правительственной комиссии внутренних дел гр. Э. Ф. Келлера, с которым впоследствии развелась.

[164]) Минквиц, барон Александр Федорович, 181.—1882, начальник штаба войск в Царстве Польском с 6 июля 1862 г.

[165]) Массон, Александр Петрович, 1799—18.., тайный советник, варшавский почт-директор, член совета управления Царства Польского.

[166]) Дембовский, Леон Осипович, 1789—18.., бывший сенатор-кастелян Царства Польского, член Государственного Совета Царства Польского и первоприсутствующий в финансово-административном отделении этого совета, главный директор правительственной комиссии юстиции с 22 октября/13 ноября 1861 г. до 4/16 декабря 1862 г., когда был уволен с оставлением постоянным членом Государственного Совета.

[167]) Военному суду за устройство панихиды по казненным в Новогеоргиевске офицерам были преданы поручики стрелкового баталиона Готский-Данилович, Огородников и Зейн и приговорены к отставлению от службы и заключению в крепость, — первые двое на год, а последний на 9 месяцев.

[168]) Кроненберг, Леопольд-Станислав Самуилович, 1812—1878, варшавский банкир, вице-председатель администрации Варшавско-Венской железной дороги, член партии «белых», один из виднейших польских промышленных и финансовых деятелей.

[169]) Никола — вел. кн. Николай Константинович, Катя — вел. кн. Екатерина Михайловна, 1827—1894, дочь вел. кн. Михаила Павловича, двоюродная сестра Константина Николаевича; Жорж — ее муж, Георг, герцог Мекленбург-Стрелицкий, 1824—1876, бывший на русской службе.

[170]) Мирбах, барон Роман (Рейнгольд) Андреевич, 1825—1902, капитан-лейтенант, состоял при вел. кн. Николае Константиновиче, впоследствии вице-адмирал.

[171]) Третье отделение принимало меры к тому, чтобы иметь в самом доме Герцена источник сведений обо всем, в нем происходящем; ему удалось ввести туда своего агента, имя которого осталось неизвестно редактору последнего издания сочинений Герцена М. К. Лемке (см. т. XV, стр. 180). Ришар, — вероятно, агент тайной полиции.

[172]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. III, № 20.

[173]) Никола, Оля и Вера — дети Константина Николаевича.

[174]) В Радомской губернии уездные советы были созваны к 13/25 августа, а в Люблинской и Августовской губерниях — к 10/22 октября 1862 г.

[175]) Сольцы — местность в Варшаве.

[176]) Сержпутовский, Иосиф Адамович, полковник лейб-гусарского Павлоградского полка, впоследствии генерал-от-кавалерии, ум. 1900 г.

[177]) Сын командующего войсками в Царстве Польском барона Э. А. Рамзая, Георгий Эдуардович, поручик л.-гв. Финского стрелкового баталиона.

[178]) Дядя Константина Николаевича, вел. кн. Михаил Павлович, 1798—1849.

[179]) По почину дирекции партии «белых» в Варшаве был организован съезд помещиков (около 300 человек) под предлогом составления ответа наместнику на его прокламацию к полякам от 15/27 августа. Первоначально предполагалось составление адреса непосредственно на имя великого князя, но когда это оказалось невозможным выполнить, члены съезда выразили свои чувства и пожелания в заявлении на имя своего лидера графа Андрея Замойского, которое он должен был передать наместнику. В заявлении выражались пожелания, чтобы правительство было польским и чтобы были соединены воедино «все области, составляющие наше отечество», т.-е. чтобы Литва и Русь (т.-е. юго-западные губернии) были присоединены к Польше. Правительство заявило, что оно не допустит, чтобы частные лица присвоивали себе право говорить от общего имени, а Замойский, принявший заявление, был отправлен в Петербург, а оттуда выслан за границу.

[180]) Письмо Александра II — «Дела и Дни», кн. III, № 22.

[181]) Указом 20 августа 1856 г. Царство Польское, как и вся Россия, было освобождено от рекрутского набора на 3 года, после чего этот срок был еще продолжен. Указом от 1 сентября 1862 г. был объявлен набор рекрутов на 1863 г. в Европейской России, включая и Царство Польское, при чем для Польши срок набора дол-

жен был быть объявлен впоследствии. В Царстве Польском жеребьевка, установленная законом, заменялась поименным призывом, с целью избавления от опасного элемента. Совершенно освобождались от призыва землевладельцы, крестьяне и сельско-хозяйственные рабочие. Городские и уездные советы должны были избрать своих представителей в конскрипционные комиссии, на обязанности которых лежало переосвидетельствование призываемых, но многие из советов в знак протеста отказались избрать своих делегатов.

[182]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. III, № 23.

[183]) Старший сын маркиза (см. о нем выше).

[184]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. III, № 25.

[185]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. III, № 26.

[186]) На открытие памятника в память тысячелетия России.

[187]) Майсельс, Бер, раввин главной синагоги в Варшаве, австрийский подданный, примыкал к партии «белых», 28 октября 1861 г. был арестован и выслан за границу за то, что по примеру католического духовенства закрыл синагоги в знак протеста за осквернение костелов, выразившееся в том, что туда были введены войска для ареста демонстрантов. 15/27 августа 1862 г. Майсельсу разрешено было наместником вернуться в Варшаву.

[188]) Начальник канцелярии морского министерства (см. о нем выше),

[189]) Шварц, Владимир Максимович, 1807—1872, генерал-адъютант, с 6 июля 1862 г. начальник артиллерии в Царстве Польском.

[190]) Письмо от Александра II — «Дела и Дни», кн. III, № 29.

[191]) В Варшаву была переведена 3-я гвардейская пехотная дивизия, состоявшая из Волынского и Литовского полков и Царскосельского и Финского стрелковых батальонов, а также гренадерские, впоследствии гвардейские, полки: Кексгольмский императора австрийского Франца и С.-Петербургский короля прусского Фридриха-Вильгельма III; эти полки раньше имели стоянку в Царстве Польском. По плану, выработанному Велёпольским, в Царстве Польском намечен был к открытию ряд высших и средних учебных заведений, в том числе Главная школа в Варшаве (впоследствии университет), Политехнический и Сельско-хозяйственный институт в Новой Александрии (Пулавах), Александро-Мариинский женский институт в Варшаве и др.

[192]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. III, № 30.

[193]) Может быть, с семейством вышеупомянутого Михаила Павловича Голицына.

[194]) Седлецкий уездный совет отказался избрать членов в конскрипционную (рекрутскую) комиссию, почему и был распущен. Людвик Гурский, сторонник Замойского, был президентом этого совета.

[195]) Статья о Замойском, действительно, появилась в «Journal de St.-Pétersbourg» от 24—25 сентября/6—7 октября 1862 г.

[196]) Законопроекты об уничтожении налога с кошерного, т.-е. употребляемого евреями в пищу мяса, и возвышении налога на водку, выкуриваемую на заводах Царства Польского; результатом их обсуждения были указы от 16/28 октября 1862 г.

[197]) Письмо от Александра II — «Дела и Дни», кн. III, № 31.

[198]) Доклад следственной комиссии, учрежденной по поводу распространения в Петербурге преступных печатных воззваний и случаев возбуждения воинских чинов против правительства.

[199]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. III, № 32.

[200]) Ленский, или, вернее, Лэнский, Адам Осипович, 18..—1883, бывший главный директор правительственной комиссии финансов и казначейства, член Государственного Совета, с 16/28 ноября 1861 г. министр-статс-секретарь Царства Польского.

[201]) Багневский, Адам Францович, 1803—1875, государственный советник и председатель финансово-административного отделения Государственного Совета

Царства Польского, с 16/28 ноября 1862 г. главный директор правительственной комиссии финансов и казначейства.

[202]) Пенхержевская, вероятно, жена или сестра Ивана Александровича Пенхержевского, чиновника особых поручений при наместнике.

[203]) Тишендорф, Константин, 1815—1874, протестантский богослов, совершил несколько путешествий на Восток, откуда вывез много ценных древних рукописей. Из своего третьего путешествия, предпринятого на счет русского правительства, он привез в 1859 г. в Петербург древнейшую (IV века) греческую рукопись библии, сделавшуюся известной под именем Codex Sinaiticus. Она была издана осенью 1862 г. к юбилею тысячелетия русского государства.

[204]) 28 сентября/10 октября военное положение было снято в Люблинской и Августовской губерниях, за исключением Люблина, Седлеца и Сувалок.

[205]) Кексгольмский гренадерский императора австрийского Франца полк.

[206]) Распопова — гувернантка детей Константина Николаевича.

[207]) «Стражница» (Маяк) — первая тайная газета в Варшаве, выходившая с 1 августа 1861 г. и издававшаяся кружком сибиряков (т.-е. бывших ссыльных в Сибири) под редакцией Болеслава Денеля и Агатона Гиллера; «Рух» (Движение) — тайная газета, орган Центрального Народного Комитета, выходившая с 5 июля н. с. 1862 года.

[208]) Левинский, Михаил Иванович, 1797—18.., член Государственного Совета Царства Польского. Фелинский — архиепископ варшавский.

[209]) Любомирский, князь Константин Ксаверьевич, 1786—1870, генерал-лейтенант, бывший волынский губернский предводитель дворянства.

[210]) Замойская, графиня Роза, рожд. гр. Потоцкая, жена гр. Андрея, высланного за границу, 1802—15/27 октября 1862 г.

[211]) Макушина, Анна Петровна, 18..—1887, камер-фрау вел. кн. Александры Иосифовны.

[212]) Жена дяди вел. кн. Александры Иосифовны по отцу, Георга, герцога Саксен-Альтенбургского, Мария, 1803—14/26 октября 1862, рожд. принцесса Мекленбург-Шверинская.

[213]) Чиншевые делегации — выборные делегации для очиншевания крестьянских земель, для перевода их с барщины на оброк и определения размера последнего. В виду того, что многие уездные советы, в обязанность которых входило избрание чиншевых делегаций, по политическим причинам были распущены, в конце октября старого стиля в Государственный Совет Царства Польского был внесен на рассмотрение проект постановления об учреждении временных чиншевых делегаций в уездах, где не соберутся уездные советы. 11/23 ноября состоялось постановление совета управления Царства Польского о порядке образования чиншевых делегаций.

[214]) Кушелева, графиня Екатерина Дмитриевна, 1811—1874, рожд. Васильчикова, гофмейстерина вел. кн. Александры Петровны, вдова гр. Григория Григорьевича Кушелева, управлявшего двором Константина Николаевича.

[215]) «Вниоски Малаховского, Левинских и Розена», т.-е. предложения, законопроекты перечисленных членов Государственного Совета Царства Польского. Левинские — Михаил Иванович (см. выше) и отставной полковник польских войск Яков Иванович, постоянный член Гос. Совета. Розен, Матиаш, 1804—1865, еврей, глава банкирского дома, основатель многих благотворительных заведений в Варшаве, в 1862 г. первый из евреев избран в члены Варшавского городского совета, 12/24 июля 1862 г. назначен временным членом Государственного Совета на 1862 г.

[216]) В «Колоколе», № 148, от 22 октября 1862 г., напечатано письмо «е. и. в. вел. кн. Константину Николаевичу от русских офицеров, стоящих в Польше».

[217]) Вероятно, лицо, имеющее отношение к тайной полиции.

[218]) 29 августа/10 сентября снято было военное положение в Радомской губернии (кроме гг. Радома и Келец), после чего там начались религиозные демонстрации.

[219]) Законопроект о подсудности духовенства всех исповеданий за совершенные им преступные дела; результатом его обсуждения явился именной указ от 26 декабря 1862 г./7 января 1863 г.

[220]) Фелькнер, Павел Иванович, бывший офицер генерального штаба, потом штатный смотритель уездного училища в Варшаве и, наконец, начальник тайной полиции; он был найден в воротах дома, где была его квартира, заколотым кинжалом и с отрезанным ухом. Рожнов, Евгений Петрович, 1807—1875, генерал-майор, директор особой канцелярии при наместнике по делам военного положения, впоследствии варшавский губернатор и сенатор.

[221]) Постановление об экзекуциях и секвестрации утверждено 28 декабря 1862 г. (9 января 1863 г.). О чиншевых учреждениях см. прим. 213.

[222]) Французский генеральный консул в Варшаве де-Вальбезан, недавно назначенный вместо де Сегюр-Дюпейрона, который был отозван по требованию русского правительства за связи с польскими революционерами. Кольсон (Colson, а не Caulson, как пишет автор дневника) — французский военный атташе в Петербурге.

[223]) Орленок, — по всей вероятности, князь Николай Алексеевич Орлов, 1827—1885, генерал-адъютант, слушал вместе с Константином Николаевичем курс законоведения, в 1846—1848 гг. состоял при нем, с 1859 г. посланник в Брюсселе, впоследствии посланник в Вене, Лондоне и Париже и посол в Берлине.

[224]) Ястров, Маркус, 1829— , доктор философии Галльского университета, прусский подданный, в 1858—1862 гг. проповедник варшавской синагоги; одновременно с Майзельсом (см. выше) был выслан из Варшавы и затем возвращен; впоследствии проповедник в Филадельфии.

[225]) Вел. кн. Михаил Николаевич и его жена, бывшие в Варшаве проездом из-за границы.

[226]) Гминные суды — сельские суды в Царстве Польском. Устав о сельских судах был высочайше утвержден в 1860 г. и обнародован 1 марта 1861 г. Гминными судьями были местные помещики или их заместители. Только Положением о сельской гмине 19 февраля 1864 г. патримониальная юрисдикция и власть помещиков уничтожены.

[227]) Пэпель (ум. 1878 г.) — известный варшавский танцовщик.

[228]) В «Колоколе» № 151 от 1 декабря 1862 г. напечатано «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше».

[229]) Киреев, Александр Алексеевич, 1833—1910, адъютант Константина Николаевича, впоследствии состоявший при нем, а после его смерти при его вдове, генерал-от-кавалерии, писатель-славянофил и богослов.

[230]) Дело в Хелме, т.-е. Холме. Местный обыватель Александр-Андрей Смарчевский донес о том, как его приняли в революционное общество, и после доноса исчез. Оказалось, что 21 ноября/2 декабря Смарчевский и его домоправительница Констанция Черняк были убиты по поручению Центрального Народного Комитета. Исполнителем приговора был помещик Леон Немировский, бывший революционным окружным начальником. В деле были замешаны ксендз Маркевич и ряд других духовных лиц, принимавших присягу от вступающих в революционное общество лиц.

[231]) Контский, Аполлинарий, 1824—1879, скрипач, директор Варшавского музыкального института.

[232]) Военному полевому суду были преданы 66 человек дворян, мещан и крестьян по обвинению к принадлежности к тайному обществу, имевшему целью произвести всеобщее восстание в Царстве Польском. Суд происходил при открытых дверях и с защитниками.

[233]) Корнилович, генерал-майор, член полевого аудиториата войск Царства Польского и председатель суда над 66 революционерами.

[234]) Михаил Маршевский, епископ калишский с 1856 г. Иосиф Юшинский (а не Юхшинский), епископ сандомирский с 1859 г.

[235]) Скаржинский, граф Виктор Александрович, белостокский уездный предводитель дворянства, и. д. гродненского губернского предводителя дворянства, умер в 1882 г.

[236]) Матвей Маерчак, апостольский викарий, управляющий Келецкой епархией, был возведен в сан епископа иерихонского, при чем ему было разрешено правительством продолжать управлять епархией. In partibus infidelium — в стране неверных. Обычай назначать епископов на несуществующие кафедры основан на том, что раз возникшая кафедра юридически не считается прекратившей свое существование, хотя бы для епископа и было фактически невозможно занять ее. Иерихон — город в Палестине.

[237]) Следственные комиссии в Холме и Радоме раскрыли деятельное участие католического духовенства в революционном движении, то же обнаружилось и в других местах.

[238]) Вел. кн. Михаил Николаевич был назначен наместником на Кавказ 6 декабря 1862 г.

[239]) Ржевусская, графиня, Розалия Александровна, 1791—1865, рожд. княжна Любомирская, статс-дама русского двора, филантропка, известна была как сторонница России.

[240]) Николай Эпштейн не был членом Центрального Комитета.

[241]) Лубенский, граф Константин, настоятель католической церкви Пажеского корпуса в Петербурге, впоследствии с 1863 г. епископ августовский, по отзыву Н. В. Берга «человек замечательного ума, но вместе с тем чрезвычайно хитрый»; его влиянию приписывался выбор Фелинского в варшавские архиепископы. За участие в восстании был сослан в Н-Новгород, где и умер в 1869 г.

[242]) В ночь на 11/23 декабря была захвачена тайная типография, где печаталась газета «Рух» № 10, и арестован в ней типографщик Ромуальд Клосович. В тот же день был арестован Бронислав Шварц, один из видных деятелей партии «красных», член Центрального Народного Комитета, заведывавший районом за Вислой.

[243]) Для расследования по делу о захваченной тайной типографии на улице Видок была назначена комиссия под председательством жандармского полковника Талаевского.

[244]) Городовой, унтер-офицер Злобицкий, 15/27 декабря обнаженной саблей ранил в голову пристава штабс-капитана Бродовского из мести за служебное взыскание и «позволил себе дерзкий поступок» против полицмейстера полковника Зенгбуша. Он был расстрелян.

[245]) Депутация от л.-гв. Финляндского полка: командир полка генерал-майор Иван Степанович Ганецкий (1810—1887), впоследствии комендант Петербургской крепости, баталионный командир полковник Михаил Яковлевич Григорьев и полковник Яков Кайхозрович Алхазов (1826 — 189.), впоследствии генерал-от-инфантерии.

[246]) Юлий Пешке — преподаватель Варшавского музыкального института.

[247]) 10 сентября 1862 г. было высочайше утверждено мнение Государственного Совета об устройстве крестьян, поселенных в односельях губерний: Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской и части Витебской.

[248]) Рекрутский набор был объявлен на 3/15 января 1863 г., что и послужило сигналом к открытому восстанию.

[249]) Гарволинская история состояла в том, что еврей, хозяин корчмы в Гарволине (Седлецкой губ.), заметив оружие у трех молодых людей, остановившихся в его корчме, дал знать об этом бурмистру; обыск обнаружил большой запас оружия в их бричке.

[250]) В ночь с 8 на 9 января нов. ст. 1863 г. были арестованы в Париже по требованию русского правительства польские революционеры Влад. Милович, Цверцякевич и Годлевский (по другим сведениям Подлевский или Игнатий Хмелинский, организатор покушения на Константина Николаевича). Один из арестованных был сейчас же освобожден, а двое других высланы из Парижа.

14 ДЕКАБРЯ 1825 Г. В ПИСЬМАХ ГР. М. Д. НЕССЕЛЬРОДЕ.

Письма гр. Марии Дмитриевны Нессельроде, жены министра иностранных дел К. В. Нессельроде (1780—1862), к ее брату Николаю Гурьеву, русскому послу в Гааге († 1849 г.), к его жене и к матери, вдове министра финансов Д. А. Гурьева (1751—1825), охватывающие время 1820—1849 годов, давно были оценены по достоинству, и не только историками: ими интересовались и в той придворной среде, к которой принадлежал их автор. Об этом свидетельствуют две каллиграфические копии, сделанные для членов царской семьи; одна, изготовленная в 1874 г. для Александра II, представляет обширное извлечение, охватывающее переписку на всем ее протяжении; другая, хранившаяся в библиотеке б. Зимнего дворца, содержит письма от декабря 1825 года.

Интерес к письмам Нессельроде-Гурьевой вполне понятен. Наблюдательная и умная женщина, она, по своему положению при дворе и в кругах бюрократической знати, была очень хорошо осведомлена об интимной, закулисной стороне крупнейших политических и дворцовых событий; склонная к резким и определенным суждениям, она умела к тому же передать их живо и ярко.

Наибольший интерес в переписке Нессельроде представляют, несомненно, печатаемые здесь письма времени междуцарствия 1825 года и восстания 14 декабря — недаром они были дважды скопированы при дворе. Письма эти очень обстоятельны. Некоторые из них написаны в виде поденной записи событий между двумя очередными почтами; записи делались, так сказать, по горячим следам событий и шаг за шагом отмечают и смену отдельных эпизодов, и изменения общей придворной ситуации.

Корреспондентов Нессельроде в ее письмах, конечно, больше всего интересовал этот именно рассказ о событиях, о поведении отдельных лиц, их характеристики, оценки общего положения дел во дворце. Рассказ этот сохраняет большой интерес и для современного читателя, дает подчас очень ценные детали. Однако, для нас теперь письма Нессельроде интересны прежде всего как отражение мыслей, толков и настроений той среды, к которой она принадлежала и против которой в первую очередь и было поднято знамя восстания 14 декабря.

В дни междуцарствия в этой среде толковали прежде всего, конечно, о личных качествах обоих кандидатов на престол; но, как это всегда бывает при сменах царствований, разумеется, много говорили и об общем положении дел и о желательном направлении политики предстоящего царствования. Письма Нессельроде, писанные до 14 декабря, дают несколько интересных замечаний на эти темы, чрезвычайно

характерных по определенности и яркости их дворянской, помещичьей окраски. Хозяйственные затруднения дворянства, падение цен на продовольственные продукты, стеснения крестьянской базарной торговли, казенные повинности, крестьянские неплатежи и бунты против господ, — вот, что прежде всего приходит Нессельроде на ум при характеристике «печального состояния внутренних дел». Внимание к интересам дворянства, твердый полицейский порядок на местах и наверху, на престоле носитель власти, при котором «не было бы утрачено очарование службы», — вот ее желания от предстоящего царствования.

Когда разразилось 14-е декабря, подлинный смысл событий для Нессельроде, как и для многих других людей ее круга, еще не знавших подробностей о заговоре, сначала был не вполне ясен. Среди мятежников было так много хорошо знакомых людей, близких по светским и семейным связям, по службе, по имущественному положению; казалось, что все происшедшее — не больше, как очень крупное и неприятное, но все же лишь недоразумение в своей среде, в роде тех, какие бывали и при прежних сменах на престоле. Но как скоро стало ясно, что дело идет не о лице, а о порядке, о всем самодержавно-крепостном укладе и что в лице мятежного каре в русскую жизнь вступает впервые та самая революция, которую уже знали во Франции, Испании и Италии, сторона Зимнего дворца не знает колебаний и свою позицию в развернувшейся борьбе занимает с гораздо большей решимостью и твердостью, чем сторона противоположная. На ружейные выстрелы она отвечает картечью, на планы цареубийства — действительными виселицами на кронверке Петропавловской крепости, на призывы к «вольности» и увещания из тюрьмы — ссылкой в Сибирь, учреждением третьего отделения и двойной-тройной цензурой; она запечатывает в тайниках архивов «Русскую Правду» и конституционные проекты декабристов и в глухой тишине всеобщего молчания открывает простор клевете и шулерству казенного «Донесения» и «исторического труда» статс-секретаря Корфа.

В семейной переписке Нессельроде та же смена настроений придворной среды проходит перед нами, так сказать, в бытовом преломлении. Первоначальные сравнительно сдержанные суждения ее о происшествии и об отдельных лицах сменяются безудержной злобой и ненавистью, когда она узнает о настоящих целях тайного общества. Забываются все личные связи; заговорщики — изверги, смерть — заслуженная кара для всех них; Николай — герой и спаситель России, после 14-го исчезают последние колебания в оценке его личности. С злорадным торжеством Нессельроде отмечает растерянность и малодушие в рядах декабристов; но настороженным чутьем врага она угадывает среди них и отдельных крупных противников. То же чутье подсказывает ей и общую оценку движения: это—не преходящее недоразумение, а большая опасность и на долгое время; у заговора глубокие корни, широкие разветвления, и вслед за разгромом тайного общества пред новым царствованием станет значительно более трудная задача — дать иное направление общему настроению умов молодежи.

Таково содержание печатаемых ниже писем Нессельроде-Гурьевой.

Письма М. Д. Нессельроде хранятся в настоящее время в «Древлехранилище» («Московском Историческом Архиве»), в составе 3 разряда Государственного Архива под № 43; там же хранится и выборка, сделанная для Александра II. Другая копия находится в «Архиве Октябрьской Революции» в Москве в составе бумаг «Библиотеки Зимнего дворца», под № 1414. Письма печатаются здесь с небольшими

купюрами: выпущены места, касающиеся чисто семейных обстоятельств. К декабрьским письмам 1825 года присоединены отрывки и из трех писем 1826 г., примыкающие к ним по содержанию. В оригинале письма написаны по-французски; здесь они даются в переводе, выполненном научной сотрудницей Центрархива Е. А. Васильевой.

В письмах к брату, сообразно их тону, обращение «Vous» передано по-русски через «ты», в остальных—через «вы». Допущены некоторые отступления от пунктуации подлинника. Разрядкой набраны слова, подчеркнутые в оригинале.

Б. Сыроечковский.

1.

М. Д. Нессельроде Н. Д. Гурьеву 2 (14) декабря 1825 г.

Год тому назад в этот день я была в Риме [1]); несмотря на мое восхищение перед этим городом, первым в анналах истории, первым в мире, я в нем не чувствовала себя счастливой. Сколько бедствий за это время, и насколько постигшее нас только что несчастье еще сильнее омрачает наши дни! Мы должны будем вечно оплакивать нашего государя и все то, что он для нас сделал! Чем только мы ему ни обязаны! Какой внезапный удар! Кто бы мог думать, что переживет его! Никто! Вспоминая с восхищением его фигуру, его мощь, невозможно поверить, что он умер.

Ты можешь себе представить состояние августейшей семьи; бедная императрица - мать! Вся ее жизнь пройдет теперь в оплакивании этой, столь чувствительной для нее потери. Представь себе, какое горе, какие чувства должна испытывать императрица Елизавета,— и в какой момент? В то именно время, когда она была так счастлива доказательством привязанности государя, который за ней последовал. Она уехала умирающей, и ей же пришлось закрыть ему глаза. Имели сведения о ней от двадцать первого; здоровье ее было хорошо, поскольку это возможно при столь печальных событиях. В виду скорбных приготовлений, ей предложили покинуть занимаемое ею помещение, — ей было отведено помещение за городом; она нашла в себе достаточно силы, чтобы два раза в день приезжать в это скорбное место на богослужения. Князь Петр [2]) пишет, что он был поражен силой ее духа. Она выразила желание сопровождать тело; вопрос лишь в том, хватит ли у нее для этого сил,—ведь каждую минуту будут происходить все новые и новые душу раздирающие сцены. Как тяжело делается при мысли о том, что останки государя проследуют через его страну, как тяжело,

---

[1]) Конец 1824 года и часть 1825 г. графиня Нессельроде провела в путешествии по Италии.

[2]) П. М. Волконский, сопровождавший Елизавету Алексеевну на юг.

когда думаешь обо всем этом шествии, о том, что́ все будут испытывать, когда узнают, что тело его приближается к столице, и о том, в каком возрасте мы его теряем. Все способствует тому, чтобы горе это было еще более удручающим.

Князь Волконский предполагал, что наследник,— у меня нехватает мужества сказать: государь,— приедет в Таганрог в конце этого месяца; но еще неизвестно, не прервет ли он своего пути, когда узнает об этом несчастьи, которое его несомненно очень поразит. До настоящего времени здесь ничего неизвестно относительно его приезда; если я что-либо узнаю по этому поводу, я тебе сообщу, так как в течение еще нескольких часов не буду запечатывать письма. Из письма, посланного тебе Александром [1]) через курьера, ты можешь составить себе представление о том, что́ мы здесь переживаем; растерянность крайне велика, и любопытно, что большинство отдает предпочтение отсутствующему. В один из ближайших дней, по прибытии государя, к тебе будет отправлен курьер...

Государь простудился при посещении монастыря св. Георгия, расположенного невдалеке от Бахчисарая. Дорога туда идет через большую равнину; он был верхом, в одном лишь мундире. В это время дул очень холодный ветер. Сопровождавший его фельдъегерь Годефруа все время предлагал ему надеть бурку; он отказывался и вышучивал его, что тот жаловался на температуру; с этого именно дня он и почувствовал недомогание. Еще не доезжая до этого города, сделавшегося столь памятным, один из фельдъегерей, по фамилии Масков, был выброшен из телеги и умер на месте. Государь увидел скопление народа; он остановился, сошел с лошади и был поражен при виде этого человека; он сказал сопровождавшему его доктору: «Это причиняет мне больше страданий, нежели моя лихорадка»; он говорил и часто затем повторял, что с ним никогда не случалось ничего подобного. Со свойственной ему сердечностью, которую мы так в нем ценили, он тотчас же подумал о вдове, о детях.

Я прилагаю несколько краткий, но точный рассказ о болезни государя; я извлекла его из письма князя Петра к моему мужу; он в отчаянии, но ему все же можно позавидовать; он имел возможность доказать его величеству до последней его минуты свое усердие, свою преданность.

На Голицына [2]) положительно тяжело смотреть. Теперь передают его размышления по поводу отъезда государя. Были странные вещи; самое примечательное то, что обыкновенно перед отъездом государя богослужение совершалось в Казанском соборе, на этот же раз оно происходило в Невской Лавре между четырьмя и пятью часами утра; там он молился с жаром и со слезами; ко дню св. Александра он всегда делал какой-либо дар монастырю; в этот раз он пожертвовал туда

---

[1]) Брат М. Д. Нессельроде, член Государственного Совета.

[2]) Кн. А. Н. Голицын.

свечей, ладана и масла на целый год. Можно было бы рассказать и еще много такого, что теперь кажется примечательным.

Мой муж, как ты можешь себе представить, совершенно разбит, душевные страдания отражаются и на его здоровьи. Я радуюсь тому, что ему приходится быть все время в действии: это хотя несколько его поддерживает.

Из Варшавы нет никаких известий; неизвестно, покинул ли ее государь и когда именно; все неясно, все лишь предположения. С каждой почтой ты будешь получать от меня хотя бы несколько слов...

2.

М. Д. Нессельроде Н. Д. Гурьеву 6/18 декабря 1825 г.

Постараюсь мало-по-малу, худо ли, хорошо ли, описать тебе, что́ происходило здесь в эти дни междуцарствия; хочу приступить к этому за несколько дней ранее, чтобы не быть застигнутой врасплох отправкой фельдъегеря; он повезет окончательное известие о провозглашении государя, которого, я надеюсь, господь по милосердию своему, изберет для нас.

Брат мой описал уже тебе заседание Совета [1]). Со дня этого рокового события великий князь Николай не мог поступать иначе, нежели как он поступал, но он внес в свои прекрасные действия слишком большую поспешность: он всех и без всякого порядка заставил принести присягу, что и повело к тому, что войска присягнули ранее, нежели представители власти. Решение его передать престол брату могло бы быть лучше осуществлено, если бы он тотчас же созвал Совет и обсудил эту мысль с членами Совета; он же в этом деле руководился одним лишь собственным побуждением. Конечно, нельзя не восхищаться этим его непосредственным решением, этим его добровольным отречением; но мысль эта не лишена и глубокого расчета. Если брат будет настаивать на содержании акта, прочтенного в заседании Совета, где он заявляет, что отрекается от царствования, чувствуя свою неспособность, поведение великого князя Николая обяжет его; оно исключит возможность всех тех претензий, тех упреков, которые брат мог бы ему сделать, если бы он объявил себя императором, как он и имел на то право, в виду того, что документ совершенно законен. Но надо было, чтобы великий князь Николай и императрица Мария сохраняли спокойствие и терпеливо выжидали ответа Константина. Между тем можно ли было сделать больше того, что было сделано, поскольку по всей империи была принесена присяга?

[1]) Заседание Государственного Совета 27 ноября, в коем был оглашен манифест Александра I об отречении Константина.

Как только сделалась известна эта альтернатива и пререкания по этому поводу между двумя князьями, общественное мнение всех классов высказалось за отсутствующего; особенно не скрывали своего предпочтения военные, которые боялись Николая. Мне думается, что императрица и Николай, воспринимавшие, может быть, даже с некоторым преувеличением это единодушное желание, были им напуганы и хотели удержать Константина; к нему посылали курьера за курьером; на этих днях отправили Опочинина, который является доверенным лицом отсутствующего; уверяют, что императрица-мать, отпуская его, сказала: «Привезите мне Константина».

Прибывший сюда великий князь Михаил, после того как он узнал эту ужасную для его брата весть, вплоть до самой Риги делал остановки для ночлега; но когда он узнал о поведении своего брата Николая, его радость видеть провозглашенным своего любимца [1]) была столь велика, что он помчался со всей поспешностью и приехал сюда в шесть часов утра. Он бросился Николаю на шею, говоря, что он гордится тем, что он русский и что он так с ним близок, вообще все то, что в подобных случаях может подсказать энтузиазм. Он пробыл здесь два дня и был отправлен назад в Варшаву, чтобы, как говорят, склонить своего брата к восшествию на престол. Предполагают, что он привозил акт своего любимца с изъявлением его покорности Николаю в качестве подданного,—что эта бумага была прислана с ним.

Во всем этом непостижимым является то, что дело такого огромного значения решалось исключительно в пределах самой высочайшей семьи, что его ни с кем не обсуждали, несмотря на то, что это надлежало бы сделать. Мне стыдно сказать, что единственным лицом, которое, кажется, до некоторой степени посвящено в события, является Милорадович; может быть, это доверие к нему вызвано мыслью, что именно ему обязаны сохранением полного спокойствия, но спокойствие это поддерживается каждым в отдельности, а отнюдь не этим бессердечным полишинелем. Можно также предположить, что этот-то господин постоянно твердит им, что все хотят Константина, и, может быть, запугивает их возможными последствиями второй присяги, в случае, если Константин будет настаивать на своем нежелании царствовать. Высказываемые мною здесь предположения можно вывести из слов самого великого князя Николая, переданных из достоверных источников из дворца.

Итак, этот великий князь, относительно которого император Александр в мудрости своей решил, что ему не следует царствовать, призывается на трон своей семьей и общественным мнением! На чем оно основывается? Я утверждаю, что ни на чем серьезном. Он удалился двенадцать лет тому назад, и не потому ли его теперь хотят, что, по слухам, он переменился? Но так как я глубоко убеждена, что он все тот же, я дрожу при мысли, как бы

---

[1]) Известна дружба Михаила Павловича с Константином.

он не поддался соблазну быть возведенным на престол. Помимо того, что он сам совершенно не соответствует этому положению, приходится также подумать и о княгине Лович и обо всем ее антураже, который будет ужасен. Те самые люди, которые сейчас хотят его, будут позднее плакать кровавыми слезами; он не проявит себя в первые же месяцы, но я ручаюсь, что не пройдет и года, как все горько раскаются в своей оценке и будут вдвойне оплакивать почившего государя. Это будет царствование недоверия, шпионства, с тысячью мелочных и ужасных придирок.

Очень печально для великого князя Николая, что поведение его было столь неразумно; он вызвал ненависть и проклятия со стороны войск; его считают вспыльчивым, суровым, мстительным, скупым. Опасаются, как бы он, если будет царствовать, не оказался недостаточно опытным и не проявил слишком большой охоты воевать и создать себе этим имя, к чему он и в самом деле стремится. Он постоянно говорит, что стыдно командовать войском, которое покрыло себя славой, и в то же время самому даже не понюхать пороха. Но ведь ему всего двадцать девять лет; может быть, сделавшись государем, он отбросил бы пристрастие к военным мелочам, проявил бы себя хорошим администратором и прислушивался бы к советам опытных людей. Я утверждаю, что в его царствование дышалось бы легче, и каждый имел бы больше личной свободы, чем это было бы под властью того князя, восшествие которого на престол ожидается в ближайшие дни и которое можно было бы сравнить с деспотическим ураганом (un ouragan despote). Он не любит великого князя Николая, и я сомневаюсь, чтобы то обстоятельство, что он обязан ему престолом, восстановило между ними добрые отношения; он бы сумел дать дурное истолкование самоотвержению брата.

Акт, устраняющий Константина от престола, составлен Голицыным; с ним он тогда и беседовал по этому поводу; он говорил, что мысль эта не была ему никем внушена, что он возымел ее сам и сам приехал сообщить ее императору Александру, который согласился выполнить его желание, тогда же об этом и был составлен акт. Жаль только, что акт этот не предали гласности: этим было бы устранено столько столкновений, да и вообще все то, что происходит теперь. С этой мыслью свыклись бы; на это смотрели бы, как на нечто вполне естественное; тогда не пришлось бы, как теперь, с огорчением видеть, что как только император Александр закрыл глаза, первое, что сделали, — это нарушили его волю. На конверте, в котором находился акт, было написано, что содержание подлежало прочтению прежде всего прочего. Великий князь Николай, говоривший об отступлении Константина от закона об императорской фамилии, изданного его отцом, узнал также, что, поступая иначе, Константин прегрешил бы против его (Александра) памяти.

Только бы он царствовал! Все мои желания направлены к этому. Не то, чтобы я строила на этом личные свои расчеты, но я уверена,

что это царствование не было бы так произвольно, так мучительно, как царствование Константина. Все очарование службы утрачено ныне, особенно для тех, кто имел счастье быть приближенным к государю. Может быть царствование более удовлетворительное в отношении внутреннего управления, но никогда не будет столь отеческого, столь кроткого! Неслыханное множество лиц оплакивает в нем своего благодетеля. Теперь получено описание его болезни и лечения в начале ее. Все специалисты сходятся в том, что Виллие [1]) не распознал его болезни, которая была не что иное, как лихорадка,—болезнь, распространенная в Крыму, лечить которую надо хиной для предупреждения повторных приступов и слабости. Вместо этого, начали с того, что стали изнурять его слабительными, как ты можешь это видеть по выдержке из письма Волконского, которую я тебе послала. Что еще спасает этого человека, так это то, что в течение нескольких дней государь отказывался от лечения. Говорят, что лекарства были как раз противоположные тому, чего требовала болезнь.

Во многом из того, что говорил государь и что теперь становится известным, видно, что он как бы предчувствовал, что долго не проживет; он говорил Странгфорду [2]) в Вероне и Ла-Ферронэ [3]), когда видел его в последний раз, что надо как можно скорее притти к соглашению в восточных делах, что он простой смертный, дни которого сочтены, что если вопросы эти не будут разрешены при его жизни, то он отнюдь не может поручиться, что наследник его будет действовать с той же умеренностью, как действовал он, говорил, что затруднения могут еще усилиться. Он сказал Ла-Ферронэ:

— Я знаю, какое истолкование дают моей умеренности; это меня нисколько не затрагивает; я буду попрежнему придерживаться своих принципов.

Еще надо тебе вкратце сообщить недавнюю историю с Аракчеевым; ты увидишь, что́ это за человек. Знаешь ли ты, или нет, что десятого сентября люди Аракчеева расправились с его любовницей? Над его людьми производились всякого рода ужасы: их били по сто, по двести ударов кряду, подвергали истязаниям, от которых волосы встают дыбом; и душою всего этого была эта госпожа. Наконец, потеряв терпение, одна девушка лет пятнадцати подговорила своих товарищей, словом, всю челядь, и убедила своего брата принять на себя роль мстителя. Десятого, рано утром, этот молодой человек входит с кухонным ножом, опрокидывает эту даму, вонзает нож ей и скрывается, лишь удостоверившись в том, что она более не дышит. Письмо, подготовляющее графа к этому происшествию, было ему передано во время его остановки на пути в Грузино; по дороге ко дворцу ему несколько раз делалось дурно. Он выходит из экипажа, ему сообщают

---

[1]) Лейб-медик.
[2]) Английский посол.
[3]) Французский посол.

о событии; он, как сумасшедший, вбегает в комнату жертвы, бросается на ее тело, хватает ее окровавленный платок, надевает его на себя; он велит собрать всех своих людей, появляется перед ними с обнаженной грудью, приказывает им пронзить его. Нет вообще такого безумия, которого бы он не совершил, вплоть до того, что он пишет государю письмо, сообщая ему о своем несчастьи и заявляя, что он совершенно не в состоянии заниматься делами; он отстраняется от всех дел, включая и поселения. Монах Фотий [1]), который объединился с этим влиятельным человеком, чтобы низвергнуть Голицына, приехал из Новгорода, совершил обряд погребения и произнес надгробное слово, в котором восхвалял умершую, почти как святую! Нет такого проявления скорби, которому не предавался бы граф при погребении, вплоть до того, что он даже бросался в могилу, вырытую для покойной. Он похоронил ее у подножья памятника Павлу первому, на том месте, которое он приготовил для себя. Смерть этой любовницы показала, что она была для него всем; именно она посредством своей жестокости поддерживала весь этот порядок, эту исключительную чистоту в доме; она имела надо всем строгое наблюдение, успокаивавшее недоверчивость графа; она пробовала каждое кушанье прежде, нежели оно бывало ему подано; он, в конце концов, не делал ни одного шага, не посоветовавшись с нею. Она была уже пожилой женщиной.

Следствие над его людьми производилось в Новгороде. Оказалось, что весь дом был в заговоре,— никого не оставалось для услужения. Очутившись в столь бедственном положении, он возымел странную мысль выписать слуг из Риги. Он обратился к Паулуччи [2]), который, как говорят, прислал ему людей. С этого времени он совсем отстранился от дел, проводил все свое время то в Новгородском монастыре у Фотия, то в самом городе. Государь написал ему, высказал сочувствие его горю, убеждал вновь приняться за дела и прибыть к нему, но он остался при своем решении. Говорят, что, узнав о болезни государя, он намеревался отправиться в дорогу, но тут до него дошла фатальная весть. Посуди, как все мы были удивлены: вместо того, чтобы теперь продолжать упорствовать в своем решении отстраниться от дел, он издает приказ, в котором объявляет о своем полном выздоровлении и о том, что с этого дня он возобновляет все свои занятия! С этой ночи он находится здесь, но он положительно забаррикадировался и, говорят, ни с кем не видится. При жизни государя он причинил ему огорчение тем, что бросил дела, наиболее его интересовавшие, как, например, дела поселений; он упорствовал вопреки всем его письмам, в которых тот убеждал его вновь приняться за них; известие же о его кончине, которым *все мы были морально убиты*, *вернуло его к жизни*! Все убеждены, что вся эта история

---

[1]) Известный архимандрит Новгородского Юрьевского монастыря.

[2]) Маркиз Фил. Осип. Паулуччи, лифляндский и курляндский генерал-губернатор.

причинила бы большое горе государю, так как она показала эту личность в таком отвратительном свете! В то время рассказывали столько анекдотов, один ужаснее другого.

7 [19] декабря. Мой муж был у великого князя; он его, однако, не застал. Он говорил с его матерью; когда он выходил от нее, одно из доверенных ему лиц сообщило ему, что курьер от императора Константина прибыл; известно, что он был послан в ответ на отправленное военным министром с курьером же сообщение о принесенной войсками присяге. Очень интересно узнать, что то он привез; у меня сердце замирает от страха. Боюсь, как бы уговоры Опочинина и великого князя Михаила не испортили всего дела. Еще никогда Россия так не нуждалась в помощи провидения...

Еще никогда ни одна нация не ожидала решения своей судьбы столь спокойно, с такой покорностью. История не знает другого такого примера,— двух братьев, столь великодушно перебрасывающихся короной, словно мячом. Александр Бенкендорф пользуется полным доверием у великого князя Николая, и бедная голова его не в состоянии выдержать всей значительности момента: он почти совершенно открыто несет сплошной вздор. Жаль, что монархи большей частью заблуждаются в избираемых ими лицах; позднее же, когда они замечают это, они в оправдание ссылаются на отсутствие достойных людей, тогда как если бы они только захотели иметь лучших советников, таковые нашлись бы!

8 [20] декабря. Прибыл курьер из Варшавы, но ничто не выяснилось; он, должно быть, прислан в ответ на бумаги, отправленные с курьером же к Константину. По некоторым фразам Милорадовича можно предполагать, что Константин придерживается своего первоначального образа мыслей, однако, когда к стопам его будут повергнуты просьбы его семьи, а также желание народа, он может переменить решение; я этого очень боюсь. Впрочем, все эти соображения бесполезны, так как ко времени отправки этого письма этот важный вопрос будет уже разрешен.

10 [22] декабря. Ничего интересного; впрочем, шансы попрежнему на стороне того, кого желает мое сердце. Говорят даже, будто бы великий князь Константин присягнул своему брату. Пора бы уже кончить эти церемонии. Командующему отдан приказ приготовить войска к принесению новой присяги; посмотрим,— если за это дело возьмутся умело, все сойдет хорошо; больше всего опасаются за пехоту и особенно за дивизию, которой командовал его высочество. Вопреки всему, что ставится ему в упрек, он все же имеет все данные, чтобы выдвинуться,— только бы он не проявил слишком большой поспешности. На-днях он высказал одну мысль, которая меня тронула; говоря о возможности своего воцарения, о трудности найти подходящих людей, он горячо пожалел о нашем отце. Когда же ему указали на то, что он последнее время был очень слаб, он ответил: «Я прекрасно понимаю, что он бы не мог более быть администратором, но он был бы хорошим советником,— он был другом нашей семьи».

Аракчеев имел дерзость просить у императрицы аудиенцию; она имела слабость разрешить ему ее в тот же день. Это достойная государыня, но у нее нет такта, она доказала это неоднократно, также и в данном случае! Ее роль могла бы быть превосходной, но она не сумела использовать положения. Говорят, будто она заставила прождать эту важную персону минут двадцать, и что он пробыл в ее кабинете лишь несколько минут; о чем они говорили,— я не знаю.

Никаких новостей; за это время я несколько успокоилась, теперь же я боюсь, как бы Опочинин не увлек провозглашенного государя, расписывая ему любовь его подданных относительно последних я думаю, что им достаточно будет нескольких месяцев, чтобы жестоко разочароваться. Запечатываю письмо, так как больше мне нечего тебе сказать; курьер сообщит тебе, что́ ниспошлет нам господь по милосердию своему или во гневе своем.

Впрочем, если бы Константин отказался от престола, он выявил бы этим прекрасные черты своей личности; он невольно вызвал бы этим к себе интерес; ведь, действительно, он мог бы заявить, что он провозглашен народом и гвардией. Здесь озабочены вопросом, каким образом удастся убедить войско, когда дело дойдет до принесения присяги великому князю Николаю. Все будет закончено через неделю. Впоследствии мы узнаем многое о том, как происходили все эти переговоры между обоими братьями. Говорят, будто Константин написал своей матери, что он остается при своем решении ни в коем случае не царствовать, и что как только его брата признают императором, он приедет к ней оплакивать понесенную ими только что утрату. Говорят, он неистовствовал по поводу того, что воля его брата не была соблюдена; он сказал, что отрекся по собственному желанию и что не изменил своего решения. Есть основания полагать, что он и не догадывается, какую прекрасную роль дают ему сыграть. Манифесты готовы, ждут лишь подписанного Константином; ему, как говорят, будет присвоен прежний его титул; каково вообще будет его положение, — я не знаю. Иностранцы воздают должное поведению обоих братьев, поведению народа.

Великий князь Николай легко может завоевать симпатии, упразднив некоторые стеснительные мероприятия, восстановив порядок; его роль может быть превосходной. Великий князь Николай сказал: «Я знаю, что я был неприятным командиром бригады, невозможным командиром дивизии, — тогда я должен был быть таким; но теперь, с изменением моего положения, я изменюсь». Тут есть преувеличение; никто не предписывал ему быть вспыльчивым, мелочным; но от него, действительно, требовали поддержания очень суровой дисциплины в войске, ему доставалось за малейшее упущение, и ему публично делались выговоры. Но, когда он станет императором, характер его может значительно измениться...

Нельзя скрыть того, что внутренние дела в печальном состоянии. Дорожная повинность, история с этими гильдиями, лишающими кре-

стьянина возможности заниматься мелкой торговлей, существовавшей с тех пор, как существует Россия; к тому же падение цен на предметы продовольствия—все это приводит к тому, что дворянство находится в трудном положении и что его доходы в общем сократились более чем на половину. Прибавь к этому, что зажиточные крестьяне, находясь в соседстве с крестьянами, которые не платят, следуют их примеру. Власти слабы и не имеют мужества предавать суду тех, кто злоупотребляет общей неурядицей. В связи с этими серьезными недочетами очень часто происходят в разных местах бунты против помещиков. Один такой был и у вас; к счастью, за ним не последовало других. Конечно, твои крестьяне отнюдь не угнетены, но, зная, что многие не платят, они хотят поступать таким же образом; это-то и является в большинстве случаев истинною причиной их бунтов. Дорожная повинность разоряет крестьянина, не улучшая дорог; еще никогда они не были в столь невозможном состоянии, в каком находятся с тех пор, как начали их приводить в порядок, — работа, возобновляющаяся каждую осень. Сколько несчастных, которые не возвращаются оттуда, сколько таких, которые теряют своих лошадей, свое имущество. Воровство стало обычным явлением.

Предстоит произвести множество изменений, но отнюдь не следует торопиться с ними, — они должны вызреть, прежде нежели приступят к их осуществлению. Мне известно, что великий князь Николай сознает необходимость заняться внутренними делами; он об этом говорил, и понимает всю трудность этого. Что касается политики, то он сказал моему мужу, что его линия намечена, что он совершенно не будет вмешиваться во внутренние дела соседних стран, постарается давать меньше советов и, насколько возможно, будет стремиться к сохранению мира.

13 [25] декабря. Мой муж вернулся от великого князя, к которому он был вызван в девять часов утра. Он сообщил мне, что завтра Николай будет провозглашен императором, что все нужное прибыло из Варшавы. Несмотря на то, что это провозглашение того, кого я хотела, я сильно плакала, вспоминая императора Александра. Константин вел себя восхитительно; он был огорчен, что воля его брата не была тотчас же выполнена; теперь же он написал брату письмо, которое муж мой находит прекрасным по тем советам, которые в нем даются. Он советует серьезно подумать, прежде чем предпринимать какие-либо изменения, советует отнестись с доверием к тем, кто пользовался доверием его августейшего брата; он просит Николая итти по его стопам в деле сохранения мира, что является единственной гарантией для Европы, — говорит, что в этом вопросе никто не может его наставить лучше, чем граф Нессельроде, который пользовался доверием его величества; заканчивает письмо уверением в том, что в нем он всегда найдет нежного брата, друга и верного подданного.

Государственный Совет собрался в три часа дня; сейчас уже за полночь; заседание еще продолжается, обсуждают манифест. Завтра

в семь часов генералы соберутся у великого князя Николая, провозгласят его императором и отправятся приводить к присяге полки. Если все это пройдет в порядке, это будет единственным в истории примером. Великодушное поведение этих двух великих князей, спокойствие всей нации — прекрасное зрелище для Европы, которая сумеет его оценить. Только бы удалось хорошо привести войска к присяге! Да поможет господь завершить это дело!

Манифест будет тебе послан. Я думаю, что Константин снова примет свой прежний титул и останется в Польше; в настоящее время — это хорошо; неизвестно, как он поведет себя в дальнейшем, — будет ли достигнуто согласие в вопросах управления. Но не будем предугадывать, — преклонимся перед его поведением в эти дни. Ларивон Васильчиков [1]) везет указ императора в Москву; он уезжает завтра.

Среди всех этих волнений я не могу не думать об императрице Елизавете, которой, вследствие этого междуцарствия, пришлось так долго находиться при смертных останках покойного государя; ей пришлось видеть начавшееся разложение: 3-го в последний раз она поцеловала ему руку; затем пришлось накрыть ему лицо, а теперь уже закрыли крышку; более не представляется возможным его показывать. По прибытии тело останется еще три дня в Царском Селе и пробудет десять дней в крепости; во дворец же его не перенесут. Может быть, теперь оно уже отбыло. Императрица очень слаба; опасаются той минуты, когда ей придется расстаться с телом, а также боятся, как бы она не пожелала сопровождать его. Каждый лишний день жизни — для нее лишний день горя.

15 [27]. Увы, дорогой друг, вчера в 12 часов дня, когда я была совершенно спокойна, мой муж пришел мне сообщить, что в городе произошли беспорядки. Московский полк не стал присягать; два батальона отправились на Сенатскую площадь; они останавливали всех проходящих, заставляя их кричать: «Да здравствует Константин». Правительственное сообщение, в котором с величайшей точностью излагается это событие, будет тебе послано из канцелярии; я же ограничусь лишь сообщением тебе того, что в него не могло быть включено. Несомненно, что здесь должен был быть заговор, руководимый офицерами разных полков; к счастью, он не принял тех размеров, какие предполагались; кроме того, твердое и мужественное поведение императора произвело должное воздействие.

В тот самый момент, когда Фредерикс [2]) выстроил полк и собирался приводить его к присяге, некто по фамилии Бестужев бросается на него с занесенной саблей и говорит солдатам: «Вас обманывают! Следуйте за мной! Кричите: «Да здравствует император Константин!» Ему удалось возмутить только два батальона; они последовали за ним, выстроились в карре вокруг памятника Петра I, спиной

[1]) Иллар. Васильевич Васильчиков, генерал-адъютант.
[2]) Командир Московского полка.

к Сенату. Император, выйдя из своего дворца, отдавал распоряжения с невозмутимым хладнокровием. По мере приближения полков он спокойно приветствовал их, разъясняя им, по какому праву он взошел на престол, говоря, что их товарищей ввели в заблуждение.

Все полки проявили большую твердость; они встретили монарха продолжительным ура, и по мере того, как он выявлял перед ними свой прекрасный характер, все больше им восхищались. Сначала он пообещал амнистию, но не главарям. Все, что он говорил, было продумано, полно энергии. Бедного Милорадовича ранили в печень, он не выживет. В лейб-гренадерском князь Оболенский поднял на восстание батальон, но не весь; прочие остались непоколебимы. По эскадрону конной гвардии, намеревшемуся окружить их, был дан залп; были ранены один офицер и шестеро солдат.

Прибыла артиллерия. Государю, однако, крайне не хотелось разрешить ей стрелять; только с наступлением сумерек, в виду того, что темнота ночи могла скрыть виновных, пушки были пущены в ход, но все же с большой осторожностью: было убито всего лишь двадцать пять человек. Мятежники побросали оружие, принялись прыгать через парапет; многие разбежались в стороны и по льду Невы, но многие были задержаны, так что вчера к вечеру насчитывали до пятисот человек, заключенных в крепость. Стюрлер, полковник лейб-гренадерского полка, был убит. Шеншин, бригадный командир Московского полка, при своем приближении к мятежникам был сбит с ног и один штабс-капитан нанес ему два сабельных удара в голову.

Бестужев и князь Оболенский еще не арестованы; остальных по очереди приводили во дворец; их опрашивала следственная комиссия, составленная из нескольких генерал-адъютантов, в числе которых и Левашов. В результате этого расследования подозрение пало на зятя Лаваля, князя Трубецкого, который служит при главном штабе армии, расквартированной в Киеве; он находился здесь в отпуску и ночевал у Лебцельтерна [1]), может быть, потому, что, квартируя на Английской набережной, он не мог вернуться к себе. В пять часов утра государь прислал к моему мужу адъютанта с тем, чтобы он отправился его арестовать, что́ он и исполнил. Трубецкого разбудили; он поехал с Голицыным. Я, однако, сомневаюсь, чтобы этот человек был виновен.

Александр, находившийся при государе, был восхищен им; он передавал много его удачных фраз; он находит, что государь умеет разговаривать с солдатами и достаточно краток. Михаил отличился: едва только он прибыл из своего путешествия, как узнал, что полк, которым он командовал, намерен примкнуть к мятежу; он отправляется туда один, входит в казарму, разъясняет им, что их обманули, убеждает их в том, что его брат Константин отрекся по своей воле, призывает их выступить против их восставших товарищей и говорит им, что так как он сам еще не присягал своему брату, то он предлагает им сделать

---

[1]) Австрийский посол, женатый на другой дочери И. С. Лаваля.

это заодно с ним, что они и выполнили. Таким образом он имел счастье стать во главе шести остававшихся батальонов и готовыми к повиновению привел их к брату, который его обнял.

Я уверена, что впоследствии откроется, что этот отвратительный заговор имеет много разветвлений; в него были вовлечены несколько офицеров различных полков, покинувших своих товарищей, чтобы присоединиться к мятежникам. Я также убеждена, что при этом не рассчитывали на мужество наших князей, — еще не была забыта история Семеновского полка, когда они по молодости и в отсутствие государя не слишком-то отличились. Теперь, напротив, они держали себя восхитительно, и, может быть, это поднимет их в глазах войска.

Князь Евгений Вюртембергский назначен комендантом дворца, Воинов — Дворцовой площади, Ларивон Васильчиков — места расположения войск, где произошел мятеж. Приводимые солдаты плачут, говоря, что их обманули. Тем, что государь держал себя столь мужественно, всюду показываясь войскам и находясь вблизи них, он многих удержал от выступления. Если бы Людовик XVI также сел на коня, французская революция была бы приостановлена.

Государь озабочен, как и все мы, военными поселениями, которые еще не приносили присяги; по крайней мере, об этом нет еще сведений. Мой муж отправился к нему; государь, кажется, намерен поручить ему объявить в поселениях, что Аракчеев отстранен от своего поста и что он назначает Кутузова, генерал-адъютанта. Это могло бы приостановить возмущение, если бы таковое началось; здесь необходимы уступки, и лучше сделать их заблаговременно. Говорят, что Милорадович скончался от раны.

Дай бог, чтобы в следующий раз мне не пришлось браться за перо лишь для того, чтобы описывать тебе несчастье за несчастьем.

3.

М. Д. Нессельроде Н. Д. Гурьеву 18 (30) декабря 1825 года.

Запечатывая свое письмо к тебе, мой дорогой друг, я думала, что бурный день 14-го был вызван вопросом о Константине; только ночью я узнала, что это послужило лишь предлогом, что восстание было произведено просто-напросто из любви к беспорядкам и что в основе его лежали демагогические идеи. Дело это подготовлялось уже в течение нескольких лет, и о нем все более или менее догадывались; оно — результат многих обстоятельств, и нужно было бы много времени, чтобы подробно рассказать о них; одним словом, когда мне сообщили цель мятежа, она меня не слишком удивила. Я припомнила тысячу всевозможных слухов и толков относительно некоторых сумасбродных голов, которые, чтобы осуществить свои либеральные принципы, искали случая вызвать потрясение, как то было и в остальной Европе.

Пример их собратьев в Неаполе и Пьемонте отнюдь не послужил им уроком; они так же потерпели неудачу, несмотря на размеры своего заговора.

От всего того, что раскрывается в связи с мрачной славой этого 14-го, волосы встают дыбом; мы все были на краю огромного бедствия. План их был таков: два батальона выстроились в карре около памятника Петра I, против Сената, предполагая, что именно в это время там должны были собраться представители власти и сенаторы для принесения присяги; затем они надеялись увлечь конногвардейцев, казармы которых находились тут же поблизости; лейб-гренадеры должны были взять крепость и захватить дворец. Если бы это им удалось, они бы представили властям конституцию, столь же бессмысленную, как и все подобные конституции, предлагаемые этими сумасшедшими.

Но надо тебе сказать, что собравшийся накануне Совет разошелся только к часу; при этом, к счастью, государь настоял на том, чтобы для принесения присяги сенаторы явились в Сенат к семи часам утра; тогда же вечером ему указывали на то, что это слишком рано, но он сказал, что это время удобно по другим соображениям. Итак, благодаря этому-то решению план их провалился, и им не удалось захватить всех этих сановников. Узнав о начавшихся беспорядках и о приближении мятежников к Сенату, государь спустился во дворцовый двор, где находился саперный батальон. Он велел им зарядить ружья и поставил их у ворот, — второе обстоятельство, расстроившее планы батальона лейб-гренадер: прибыв ко дворцу, мятежники были поражены поведением войск. Любопытно, что войска думали, будто эти молодцы шли к ним на помощь; командир предложил им войти, чтобы выстроиться; они взошли, но как только увидели, что приняты меры для охраны дворца, тотчас же покинули дворец, двинулись по направлении к Сенатской площади, оттеснили окружавших государя преображенцев, прошли сквозь их ряды и на Сенатской площади присоединились к восставшим. Этим отрядом руководил офицер по фамилии Панов; ему лет восемнадцать. Ты можешь сам судить, насколько все это было рисковано; все это могло бы закончиться резней! Один отряд этих самых гренадер прибыл к крепости; оказывается, их же товарищи несли охрану ее; они, однако, предвидели это обстоятельство и закрыли вход в крепость; таким образом, господь сделал так, что они нигде не поспели во-время.

Многие из этих господ в каре восставших были во фраках; они подбодряли остальных, стреляли, когда замечали, что те слабеют. Князь Оболенский, адъютант Бистрома [1]), проявил себя одним из наиболее решительных: это он убил Милорадовича; не ограничившись ружейным выстрелом, он, кроме того, нанес удар штыком. Он—в крепости, так же, как и Бестужевы, и Рылеев; их там человек пятьдесят и даже больше. Трубецкой вел себя малодушно; это отвратительно. Ему надлежало бы

[1]) К. И. Бистром, начальник гвардейской пехоты.

желать для себя самого полного осуждения; вместо того, он просил даровать ему жизнь; противно даже вспомнить!

Общество имеет много разветвлений, но так как и бумаги их и сами они себя выдают, есть надежда, что удастся дойти до корня зла. Узнав о причинах этого восстания, я ни мало не удивилась; мне вспомнилось, что в течение нескольких лет уже делались мрачные предостережния по поводу того, что что-то замышляется; это меня заставило также вспомнить всевозможные толки и замечания по поводу молодежи, по поводу настроения офицеров второй армии в пору, когда Раевский командовал одним из ее корпусов. Армия эта сильно скомпрометирована. Дибич, в виду полученных им сообщений, направил по смерти государя Чернышева для производства арестов во второй армии, но пока еще у нас нет оттуда никаких сведений. Послано предупреждение в Москву; арестован некий Пущин из канцелярии военного губернатора. В ближайшее время нам, может быть, представится оказия; тогда ты получишь все возможные подробности.

Кончая письмо еще раз хочу сказать тебе, что государь попрежнему продолжает всех поражать своим неизменным присутствием духа, гуманностью, твердостью, активностью. Завтра он будет принимать дипломатический корпус. В войсках о нем говорят с уважением. Посылаю тебе план сражения. Когда я думаю о том, что все это произошло в нашей стране, на моих глазах, мне кажется, что все это — сон.

Забыла тебе сказать, что эта следственная комиссия состоит из нашего Голицына, Левашова, военного министра, который председательствует, и великого князя Михаила. Императрице Елизавете лучше; тело его величества должно отбыть на-днях. Говорят, следование его будет медленным. Во всех губерниях идут приготовления к воздванию почестей в дни прибытия кортежа. Дибич должен приехать...

Забыла еще сказать, что четырнадцатого император был окружен изменниками всех родов оружия; некоторые были вооружены пистолетами, иные саблями, кинжалами. Часть их арестована. Говорят, что они находились в нескольких шагах от монарха. Во всем виден перст божий!

4.

М. Д. Нессельроде П. Н. Гурьевой [2]) 19 (31) декабря 1825 г.

Слава богу, все спокойно. В день своего восшествия на престол император Николай спас Россию. Эти слова включают в себе также ту любовь и преклонение перед ним, которые испытывают к нему его подданные. Он был восхитителен. Из всего, что ныне открывается,

[2]) Вдова покойного министра финансов Д. А. Гурьева, жившая в Москве.

видно, что, если бы он не проявил такого присутствия духа и не стал во главе войск, камня на камне не осталось бы. Мятежники намеревались арестовать в Сенате сенаторов, так как они рассчитывали прибыть как раз к моменту принесения присяги. Они хотели захватить дворец, крепость. С божьей помощью все их планы рухнули, и мы обязаны этим нашему юному государю, провозглашенному всего лишь за несколько часов до того.

К концу вторых суток все мятежники были арестованы; их больше пятидесяти, не считая того, что сам государь милостиво отпустил тех, которых он счел просто введенными в заблуждение,—совсем еще молодых людей, как, например, младший Коновницын; старший, однако, в тюрьме. Княгиня Туркестанова будет поражена, как и все мы, тем, что князь Трубецкой, зять Лаваля, замешан не только в качестве вожака, но и был главным их руководителем. Против него имеются самые неопровержимые доказательства; кроме того, он проявил малодушие в том, что в самый день выступления он не был с мятежниками, которые его ожидали; он, кажется, укрылся у своей сестры Потемкиной,—у m-me Потемкиной; ему несколько раз делалось дурно. Когда он предстал перед государем, он сначала хотел отрицать свое участие, но когда ему предъявили доказательства, он бросился перед ним на колени и трусливо молил о даровании ему жизни. Он — в крепости. Его жена, его семья достойны сожаления; государь простер свою доброту до того, что утешал их и разрешил им переписываться, но, конечно, посредством открытых писем. Со следующей почтой вы получите, дорогая мама, имена всех виновных, они будут напечатаны.

Говорят, что содержащиеся в тюрьмах старые солдаты плачут, они в отчаянии. Они были введены в заблуждение офицерами, которые уверили их в том, будто бы великий князь Константин содержится под арестом в Царском Селе, а великий князь Михаил — в 24 верстах от Петербурга, что государь силой завладел престолом. Утешением для княгини Туркестановой может служить то обстоятельство, что князь Мещерский [1]) удержал свою роту, между тем как весь полк взбунтовался. Он произведен в адъютанты, и о нем говорят с энтузиазмом.

Нити заговора — в руках, они простираются очень далеко и, может быть, даже очень высоко. Со временем многое раскроется. Вы припомните теперь массу обстоятельств, стоящих в связи с этим событием и доказывающих, что оно подготовлялось годами. Следственная комиссия состоит из нашего Голицына, Левашова, военного губернатора Кутузова, генерал-адъютанта, военного министра, — он председатель,—и великого князя Михаила. Мне все еще кажется, что, сообщая вам обо всех этих удивительных вещах, я просто грежу; каким образом у нас может повторяться нечто подобное тому, что происходило в Турине и пр.?

---

[1]) Капитан лейб-гвардии Гренадерского полка.

Сухозанет [1]) вел себя восхитительно, также Орлов [2]) и многие другие. Не верьте всему тому, что вам будут говорить об этом дерзком выступлении; скажите, что еще очень хорошо, что оно произошло: благодаря ему удастся избежать огромных бедствий, угрожавших России, — надо надеяться, что теперь все раскроется. Конечно, сердце разрывается на части, когда думаешь об отчаянии матерей и жен, мужья и дети которых были причастны к этому гнусному заговору, который рано или поздно все равно разразился бы с еще большей силой. Но, в конце концов, благодарение богу и нашему государю, нам удалось избегнуть самого ужасного. Да простит милосердный господь Милорадовича, но из всего этого видно, какова была его полиция. Он будет погребен с большой торжественностью...

...Об императрице получены более утешительные сведения. Я думаю, что она останется в Таганроге; тело его величества, вероятно, уже отбыло на-днях. Мы все еще не можем притти в себя.

5.

М. Д. Нессельроде П. Н. Гурьевой 26 декабря 1825 г. (7 января 1826 г.).

... Аресты виновных все еще продолжаются; почти все они военные. Здесь с нетерпением ожидают новостей от Чернышева, который был отправлен во вторую армию также для производства арестов. Понадобится много времени на очные ставки, чтобы открыть руководителей этого общества. Трудно поверить, чтобы в это дело не было замешано более видных лиц, нежели те, которые уже арестованы.

Вчера, в первый день рождества, московскому губернатору князю Голицыну и графу Петру Толстому [3]) посланы ордена св. Андрея Первозванного, Бенкендорфу и Комаровскому, отправленному в Москву с сообщением о восшествии на престол, — ордена св. Александра, Алексею Орлову пожаловано графское достоинство, что меня очень радует. Все очарованы государем; он продолжает восхитительно держать себя; роль же его, конечно, очень трудна... Сожаление, высказываемое Европой по случаю кончины покойного государя, является некоторым утешением для нашего народа. Смертные останки государя должны отбыть сегодня; решено, что тело пробудет в Москве в течение трех дней и будет выставлено в соборе; затем оно будет находиться в Царском Селе, сюда же прибудет к концу февраля. Ларивон Васильчиков уехал сегодня ночью, чтобы руководить кортежем и командовать войском. Императрице Елизавете лучше; где она поселится,

---

[1]) И. О. Сухозанет командовал гвардейской артиллерией.

[2]) А. Ф. Орлов командовал конной гвардией.

[3]) Командир пятого корпуса, стоявшего в Москве.

еще неизвестно. Она пишет, что не в состоянии еще собраться с мыслями и что-либо решить...

... По утрам я посещаю некоторых удрученных горем дам, имеющих несчастье видеть своих братьев и родственников участниками заговора. Я до такой степени возмущена этими преступниками, что мне часто хочется высказать все прямо этим дамам. Передайте, пожалуйста, княгине Туркестановой, что m-me Потемкина горько раскаивается в том, что устроила брак Катоши с Трубецким; по-моему, утешением для нее может служить то, что ведь все общество заблуждалось на его счет...

6.

М. Д. Нессельроде М. Д. Гурьевой [1]) 30 декабря 1825 г. (11 января 1826 г.).

Я слишком нежно привязана к вам, дорогой мой друг, чтобы не упрекать себя за то, что я так долго не писала вам в дни, когда наше отечество было охвачено скорбью и когда оно сделалось жертвой самых демагогических принципов. Я представляю себе, как сильно вы были поражены, узнав о событиях 14-го числа, за которым тянется еще хвост, длинный, как хвост кометы. Я часто спрашиваю себя, не сплю ли я и неужели же у нас, в России, могли быть задуманы все эти ужасы, которые с минуты на минуту могли произойти! Перо мое не в состоянии описать вам все то, что эти чудовища замышляли в адских своих планах. Они настолько ожесточены, что многие из них совсем не испытывают раскаяния; возбуждение же против них так велико, что никто не пожалел бы их, если бы они были приговорены к смерти. К несчастью, много молодых людей из лучших семейств было замешано в эту организацию, разделявшуюся на отдельные общества. Говорят, что все будет опубликовано: и их планы государственного правления, и самый их заговор. Это необходимо сделать, чтобы показать обществу, до чего доходила их чудовищность и глупость. Вам уже известно, что император Николай, провозглашенный монархом всего лишь за несколько часов до того, доказал того же четырнадцатого числа, что он способен к управлению пятнадцатью миллионами вверенных ему судьбою душ. Утром того дня в нем еще не подозревали тех великих качеств, которые внезапно были им обнаружены перед лицом этих печальных событий. В течение нескольких часов своим мужеством, присутствием духа, твердостью и гуманностью он сумел завоевать все сердца и доверие как войска, так и всех жителей столицы; они с восторгом уверовали в ту добрую славу, которая укрепилась за ним в этот день и сохраняется поныне...

... Вы можете себе представить, какая скорбь, какой траур царит повсюду; только и разговору, что об арестах. Несмотря на мое негодо-

---

[1]) Жена Н. Д. Гурьева, Марина Дмитриевна Гурьева.

вание против виновников, дни мои проходят сейчас в утешении их жен, матерей и сестер. Какое это должно быть ужасное чувство — иметь в своей семье преступника! По сравнению с этими извергами приходится и смерть находить чем-то очень мягким.

Царствующая императрица очень интересна. День восшествия на престол наложил на нее печать какой-то скорби; она худа, бледна и полна доброты по отношению к родственникам виновных. Одним из них она написала, другим послала денег. Да, скверное время, мой дорогой друг; не представляю себе, когда, наконец, прояснится горизонт. Общество это имеет слишком много разветвлений, чтобы можно было надеяться разрушить все их махинации через посредство захваченных уже преступников. Еще более сложная работа — направить в иную сторону стремления этих молодых, до крайности развращенных умов. Сколь счастлив тот, кто имеет сейчас лишь малолетних детей! В движение вовлечено столько молодежи, что, право, ни за кого нельзя поручиться. Прошедший год казался нам трудным; что́ он по сравнению с этим! и каким-то будет следующий? что то нас ожидает? Лично для меня этот минувший год был ужасен. К тягостной утрате отца и моего благодетеля-государя присоединилось еще недоброжелательное отношение ко мне семьи...

7.

М. Д. Нессельроде Н. Д. Гурьеву 30 декабря 1825 г. (11 января 1826 г.).

Хотя и не имею сообщить тебе ничего особенно интересного, я все же хочу написать тебе несколько строк. Не приходится скрывать того, что в эти тягостные дни более, чем когда-либо, хочется иметь известия о своих близких и о своем отечестве, только что подвергшемся такой большой опасности.

Каждый день открываются ужасные вещи и все новые и новые р а з в е т в л е н и я. Между тем эти негодяи, при составлении заговора считавшие себя римлянами, оказались ничтожествами: будучи схвачены, они без конца говорят и пишут; есть надежды, что все удастся раскрыть. Арестован и брат г-жи Жеребцовой [1]), которого привезли третьего дня; полагают, однако, что его вина не столь значительна и что он вышел из этого общества два-три года тому назад. Привезли также брата Алексея Орлова — Михаила; он не сумел воспользоваться милостью, которую хотели проявить по отношению его; на допросе, учиненном ему с а м и м г о с у д а р е м, он заартачился, так как увидел третье лицо, пришедшее записать его показания. Это заставило его переменить свое намерение,—он отказался отвечать. Его поместили

[1]) Лопухин, кн. Павел Петрович; сестра его, Александра Петровна, была замужем за камергером А. А. Жеребцовым.

в крепость, в секретное отделение [1]). Теперь он пишет, но он упустил благоприятную для его будущего минуту, тем более, что хотя уже три года как он вышел из общества, но вина его в том, что он был одним из первых распространителей его идей и что еще недавно ему были сделаны конфиденциальные сообщения, о которых он не донес. Вчера мне передали, что доставлен также младший брат Сони, матери Алины [2]). Ну, этот-то относится к огромному числу лиц, не заслуживающих никакого интереса. Ты ведь помнишь все, что бродило в его безмозглой голове? Доставлен также один из твоих старых товарищей, Пестель; это — один из главных организаторов; думаю, что он доставит не мало хлопот членам следственной комиссии, — ты ведь знаешь его характер! В их обществе, однако, его не любили: находили, что он слишком стремится быть Наполеоном и недостаточно Вашингтоном. Вообще в их головах немало всяческого бреда, но многие из них просто изверги. Положительно противно подробно описывать их планы!

Мой муж получил твои телеграммы и письма; я заранее знала, какое впечатление произведет на тебя кончина нашего государя, нашего благодетеля. Да, не скоро изживется эта скорбь. Она с каждым днем все сильнее. В Таганроге стоят такие морозы, что предполагают, что кортеж не мог еще двинуться. Сообщения об императрице более или менее удовлетворительны; она избавилась от бессонницы и ночью отдыхает в течение некоторого времени. Твоя жена прислала мне несколько очень грустных строк; я упрекаю себя за то, что не подала ей и признака жизни со времени этих тягостных событий; но я так много писала тебе, прибавь к этому еще остальную мою корреспонденцию,— в общем у меня не оставалось ни минуты. Я нахожу, что скорбь, которую испытывает вся Европа по поводу кончины нашего дорогого покойного государя, может служить для нас большим утешением; она нашла горячий отклик везде, во всех классах...

8.

Из письма к Н. Д. Гурьеву от 27 февраля (11 марта) 1826 г.

... Следственная комиссия занята теперь лишь составлением протоколов. Суд начнется после погребения. Он будет закончен до отъезда в Москву, назначенного приблизительно на половину мая. Как хорошо будет, когда все это уже останется позади. Сколько слез, сколько отчаяния! Какой год! Он подрывает последние силы, — положительно никто не блещет сейчас здоровьем.

---

[1]) См. рассказ о допросе М. Орлова в записках Николая I. «Красн. Архив», № 6, стр. 231.

[2]) С. Г. Волконский, брат Софьи Григорьевны Волконской, супруги П. М. Волконского.

9.

Из письма к Н. Д. Гурьеву от 19 (31) марта 1826 г.

... Чтобы доставить тебе удовольствие, поддаюсь искушению сообщить тебе о бесчисленных предположениях, касающихся нашей обширной империи. Твое внимание занято новым царствованием; ты, как, впрочем, и все мы, хотел бы видеть многие изменения в различных отраслях административной деятельности, — видеть, что к этим столь нужным изменениям уже приступлено. На этот счет ничем не могу тебя порадовать, так как все обстоит приблизительно так же, как обстояло шесть месяцев тому назад. Мы в своем нетерпении опережаем правительство, правительство же как будто не склонно слишком торопиться; оно хочет все продумать прежде, нежели что-либо предпринять; вопрос в том, сумеют ли все хорошо выполнить, когда приступят к действиям. В средствах, в добрых намерениях недостатка нет, но нужно еще содействие со стороны многих лиц, нужно также прислушиваться к советам и не принимать слишком быстрых решений, этому недостатку у нас подвержены.

Полагают, что к пасхе или ко времени коронации произойдут различные перемещения в министерстве; это более чем необходимо. Думают произвести значительное сокращение расходов по армии, что тоже было бы хорошо. О чем я не могу ничего определенного тебе сообщить и что я не одобряю, так это то, будто предполагают аннулировать некоторые пенсии; это досадная экономия, недостойная нашей монархии, но о ней все говорят. Сенат получил несколько головомоек; одни их одобряют, другие относятся к ним отрицательно. Так как я не знаю точно, чем они были вызваны, и, кроме того, писать, об этом было бы очень долго, я умолчу о мотивах, но ты ведь получаешь «Сенатские Ведомости»?

Государь до сих пор еще вершит государственные дела с помощью лиц, одаренных лишь второстепенными качествами и свойствами; начальник же его личной канцелярии Муравьев [1]) отнюдь не представляет собой хорошей гарантии для блага государства. Это бывший фаворит Аракчеева; решения же комитета и Совета ему докладывает некий Гежелинский [2]); не знаю, каким образом этот писаришка удостоился такой милости. Конечно, он смотрит на государя, как на какого-то полубога. Во многих распоряжениях его величества сказывается его желание поступать справедливо, его добрые намерения, но все это еще не то, что хотелось бы видеть; в каждой строчке проглядывает отсутствие опыта, которое этот господин не умеет скла-

---

[1]) Муравьев, Николай Назарович (1775—1845), тайный советник, статс-секретарь; управлял I отделением собственной е. в. канцелярии.

[2]) Гежелинский, Федор Федорович, действ. ст. сов., управляющий делами комитета министров.

дить. Таково наше внутреннее положение в данный момент. Он регулярно работает с Канкриным; что из этого выйдет, еще не знаю; этот человек совершенно не годится для такого поста.

Военным, кажется, теперь не так тяжело; им изготовляют новую форму — с широкими штанами; они этим довольны, так как выгадывают несколько утренних часов, в которые им приходилось подновлять и белить их одежду. Для высшего состава, по-моему, штаны эти отвратительны; я от всей души жалею о сапогах.

Дружеского согласия между императрицей-матерью и ее августейшим сыном все еще нет; полагаю, что ей бы хотелось, чтобы с ней больше советовались, чтобы она была более влиятельной; то, с чем она мирилась при жизни покойного государя, она не прощает теперешнему и недовольна им. По всякому поводу у них возникают пререкания; это раздражает государя, постоянно занятого серьезными делами. Эти пререкания, эти несогласия можно было предвидеть заранее, зная бестактность матери. При всех ее ангельских качествах, она совершенно не умеет себя поставить; вот уже четвертое царствование сказывается этот недостаток. Имей она немного больше характера, ей легко было бы пользоваться всем весом и достоинством жены государя и матери двух государей; она могла бы импонировать своим коронованным детям, неизменно сохраняя нежные с ними отношения. Но это—качество, которого приобрести нельзя, которого не может дать никакой опыт. Несчастье преследует эту бедную императрицу; она потеряла своего друга, с которым прожила сорок лет, — эту добрую и почтенную графиню Ливен. Сейчас ей лучше; но можно ли рассчитывать на долгую жизнь в восемьдесят три года? Да и вообще в каком возрасте и при каком состоянии здоровья можно строить подобные расчеты? Наш дорогой государь — печальный пример того. Я беспрестанно скорблю о нем, это чувство глубоко вкоренилось в меня; скорбь моя основана на моей благодарности к нему. Ведь он был всем для нашей семьи; когда я вспоминаю все, что он сделал как для нас, так и для моего мужа, я думаю, что никто не обязан ему столь многим, как я.

Сегодня была в крепости; несмотря на то, что я немного запоздала, я все же присутствовала на панихиде об усопшем, отслуженной по заказу какой-то неизвестной женщины, заплатившей священнослужителям. Сколько панихид служатся таким образом каждый день! С каким рвением люди всех классов приходят молиться, приложиться ко гробу, где покоится этот благодетель всех и наш в частности! Кучер Илья, известный своей привязанностью к своему господину, своему благодетелю, тоже был там. Я, кажется, не писала тебе об одном случае, где он доказал свою преданность. При вступлении кортежа в Москву, сначала думали, что понадобится парадный кучер. Чтобы не лишиться утешения сопровождать траурную колесницу и править ею, Илья готов был пожертвовать своей бородой. Однако его желанию уступили и без этого и больше к этой мысли не возвращались. В народе, который долгое время сомневался в смерти государя, говорили, что смерти его

не поверят, пока не повидают Илью и пока он сам не подтвердит истинность этого сообщения; видя его на козлах траурной колесницы, все убедились в том, в чем до тех пор сомневались.

С кем государь видится ежедневно, с кем он совершенно откровенно беседует, так это с Александром Бенкендорфом, на обязанности которого лежит сообщать ему все, что говорится в обществе такого, что может повредить его репутации. Это очень порядочный человек, полный добрых намерений, но он бесхарактерен и поразительно легкомыслен; но все же он полон рвения к добру, поэтому я предпочитаю, чтобы столь приближенным к государю лицом был он, а не кто-либо иной, кто мог бы тысячу раз повредить делу...

10.

Из письма к М. Д. Гурьевой от 2 (14) декабря 1826 г.

... Развлечения у нас еще не возобновлены, за исключением театров, которые открылись и очень плохи. Черное уже снято, однако заметно стремление продлить срок траура, — это вполне естественное чувство, когда подумаешь о том, кого мы оплакиваем. Какая скорбь! Как часто за этот год у меня сердце разрывалось на части при мысли о том, что его больше нет! Но господь, поразив нас этим горем, ниспослал нам также огромное утешение в лице его наследника; трудно было бы поступать лучше, нежели он поступает, и вести себя с большей умеренностью. Помимо высоких своих качеств, он еще является образцовым мужем и отцом. Ничто не может столь содействовать поддержанию нравственности, как этот пример, преподаваемый нам с высоты престола...

Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге.

Революционная волна, спавшая после поражения московского декабрьского восстания 1905 года и роспуска 1-ой Государственной Думы, снова начинает подниматься к 1911 году, когда Ц. К. большевиков решил созвать общерусскую конференцию.

Легальные организации и профессиональные органы, задушенные полицейским вмешательством, уже не удовлетворяли передовые слои рабочих. Им хотелось иметь орган, в котором можно было бы хотя и неполным голосом обсуждать все вопросы рабочей жизни, все политические задачи,—от задач текущего дня, от частного случая на заводе до конечных целей рабочего движения.

Вопрос о газете не раз поднимался в думской социал-демократической фракции, но внутренние разногласия мешали осуществлению задачи, и только в 1910 году удалось создать газету «Звезда», первый номер которой вышел 16 декабря. Официальным издателем был тов. В. А. Шелгунов, старейший член РКП (б), рабочий, вступивший в движение еще в 80-х годах. Он был уже тогда слепым. Ответственным редактором числился рабочий тов. П. Г. Гриталев. Этот был и первым редактором, сидевшим за рабочую газету.

Редакция прекрасно понимала, что издавать спокойно, без помех, рабочую газету в царской России, конечно, нельзя. Она предвидела неминуемые репрессии и сознательно шла на них, лишь бы свободное и ярче высказать свою мысль. Она так хорошо ориентировалась в обстоятельствах, что точно знала, когда будет штраф, конфискация и т. п. Так как касса, естественно, была небогата, то редакторы понимали, что им придется отсиживать, и на это они шли.

В июне были кончены работы Государственной Думы, депутаты разъехались по местам. В. Д. Бонч-Бруевич, один из руководителей газеты, был арестован. Газета перестала выходить. Возобновилась она осенью, как определенно большевистская газета. Из «Звезды» родилась «Правда», — та «Правда», которую мы читаем сейчас, которая не раз вынуждена была менять свое название, которая была разгромлена в июльские дни 17 года и воскресла с октябрьским переворотом.

Естественно, что царская цензура внимательно следила за рабочей прессой, но она разбиралась только в общих вопросах, — призыв к ниспровержению существующего строя, разжигание классовой борьбы и т. п. В вопросах внутрипартийной жизни и борьбы, политической и организационной тактики она совсем не разбиралась. В печатаемом ниже документе решительно нет никаких следов хотя бы минимального понимания этих вопросов.

Из прилагаемой таблицы об уголовных преследованиях революционной прессы видно, что, главным образом преследованию подвергались меньшевики. Конечно, это не потому, что они были революционнее. На 416 номеров большевистской

печати, «Правды» под разными названиями, возбуждено 126 преследований, а на 294 номера меньшевистских газет — 130 преследований. Особенно почему-то преследовался «Луч».

Как вообще была тяжела жизнь рабочей прессы, можно судить потому, что 36% всех вышедших номеров повлекли уголовное преследование.

Недогадлива была царская цензура и относительно сотрудников. «По имеющимся у нее сведениям», в большевистских газетах принимали участие тов. Каменев и т. Зиновьев. Но цензура совершенно не доглядела, что деятельное участие принимал в «Правде» тов. Ленин и немного тов. Плеханов. Чтобы руководить делом, тов. Ленин из Парижа переехал в Галицию. Как всем хорошо известно, он всегда придавал газете большое политическое и организационное значение.

Трудно было под псевдонимами Градова или О—ли—чана узнать тов. Каменева, под псевдонимом Зарина, Зуева, Скопина — тов. Зиновьева. Но ведь псевдоним — В. Ильин, К. Тулин и даже Фрей были уже широко известны, особенно первый.

В конце «памятной записки» указывается, что редакторы, подвергнутые в административном порядке денежному взысканию, часто уклонялись от уплаты и отбывали штраф. К сожалению, в документе по этому вопросу нет никаких данных, а они интересны и необходимы, тем более, что эта сторона дела, насколько мы помним, нигде не подкреплена и не освещена фактическими данными.

Надо отметить, что появившиеся три интересных сборника «Из эпохи «Звезды» и «Правды», давая характеристику партийной работы и обстановки, не дали еще достаточного фактического материала о нашей прессе. А это имеет большое значение при изучении истории РКП (б).

Валерьян Полянский.

«Записка» была составлена в сентябре 1913 г. в петербургском комитете по делам печати, по указанию тогдашнего председателя комитета С. Е. Виссарионова (бывшего перед тем вице-директором департамента полиции), с его собственноручными поправками и дополнениями. Вероятнее всего, «Записка» должна была служить источником ответов и разъяснений, которых ждали от министра внутренних дел по многочисленным запросам в Государственной Думе о притеснениях, испытываемых периодической печатью вообще, а рабочей — в частности, и о нарушениях «свободы слова», возвещенной 17 октября. Практического применения «записка» эта, повидимому, не получила, да его и не потребовалось, так как вскоре по ее составлении началась война, в Думе интересы внутренней политики заслонились вопросами военного времени, и вся не только рабочая, но просто мало-мальски оппозиционная периодическая печать подверглась запрещению, а уцелевшие издания были подчинены строжайшей военной цензуре, охватившей собой все стороны общественной жизни. Текст «Записки» подготовил к печати С. В. Любимов.

Ред.

Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге *).

Революционное движение 1905—1907 г.г. в области периодической прессы отразилось появлением значительного количества изданий различных оттенков, но с общим ярко выраженным революцион-

*) Дело с.-петербургского комитета по делам печати, 1910 г., № 26.

ным направлением, при чем многие из этих органов ближайшей своей целью ставили пропаганду противогосударственных начал среди рабочих и крестьянских масс; таковы были, между прочим, газеты: «Вперед», «Голос Труда», «Товарищ», «Невская Газета», «Известия Совета крестьянских депутатов» и мн. др.

После роспуска I и II Государственной Думы, вследствие наступившего в стране затишья, издания эти исчезли и вновь начали появляться в 1910 г. с возобновлением рабочего движения. Издававшиеся в 1910 и 1911 гг. рабочие газеты «Звезда», «Живое Дело», «Невская Звезда» и некоторые другие, однако,не имели еще за собой достаточной поддержки и потому, появившись в небольшом количестве номеров, прекращались. Лишь с выхода в свет социал-демократических органов: большевистской «Правды» (22 апреля 1912 г.) и меньшевистского «Луча» (16 октября 1912 г.) и органа партии социалистов-революционеров «рабочей и крестьянской» газеты «Трудовой Голос» (17 февраля 1913 г.) дело революционного рабочего издательства стало на твердую почву. Обладая, очевидно, достаточными материальными средствами, издания эти, — под измененными, правда, именами, — продолжают выходить, несмотря на неоднократную остановку их судом, штрафы, конфискации и, наконец, очевидную бездоходность их, как коммерческих предприятий. Эти издания находятся в связи с центральными комитетами названных партий, которые снабжают русские издания денежными средствами и статьями своих постоянных сотрудников — политических преступников.

Необходимо заметить, что постановления закона о печатании периодических изданий чрезвычайно затрудняют достижение удовлетворительных результатов при конфискации признанных преступными номеров газет. Согласно ст. 8 прилож. к ст. 114 уст. о ценз. и печ., контрольные экземпляры газет доставляются в комитет по делам печати одновременно с выпуском издания из типографии, а так как на доставление экземпляров этих из типографии в комитет, прочтение газеты и телефонные распоряжения об аресте требуется не менее $1 - 1^1/_2$ часа, то типографии имеют полную возможность выпустить в обращение все отпечатанные номера газеты. Благодаря этому конфискации подвергаются в редких случаях больше 10—20% общего тиража газеты, а обычно и меньше.

Судя по направлению рабочих газет, последовательная смена их может быть установлена в следующем порядке:

I. Органы большевиков Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

«Правда» — с 22 апреля 1912 г. по 5 июня 1913 г.
Приостановлена с.-петербургской судебной палатой 3 июня 1913 г.
«Рабочая Правда» — с 13 июня 1913 г. по 1 августа 1913 г.
Приостановлена 31 июля 1913 г.

«Северная Правда» — с 1 августа по 7 сентября 1913 г.
Приостановлена 6 сентября 1913 г.
«Правда Труда» — с 11 сентября по 1 октября 1913 г.
«За Правду» — с 30 сентября 1913 г.

II. Органы меньшевиков Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

«Луч» — с 16 октября 1912 г. по 5 июля 1913 г.
Приостановлен 3 июля 1913 г.
«Живая Жизнь» — с 11 июля по 1 августа 1913 г.
Приостановлена 31 июля 1913 г.
«Новая Рабочая Газета» — с 8 августа 1913 г.

III. Органы Партии Социалистов-Революционеров.

«Трудовой Голос» — с 17 февраля по 23 июля 1913 г.
Приостановлен 17 июля 1913 г.
«Живая Мысль» — с 17 августа по 6 сентября 1913 г.
Приостановлена 6 сентября 1913 г.
«Заветная Мысль» — с 28 сентября 1913 г.

Прежде чем перейти к подробной характеристике направления рабочих газет, необходимо остановиться на двух существенно важных обстоятельствах, предварительное объяснение которых помогает определить правильную точку зрения, с которой издания эти должны быть раєсматриваемы.

I. Выразителями каких мнений являются рабочие газеты, кто руководит ими, каковы политические взгляды руководителей и какова конечная цель их стремлений?

Судя по данным, сообщаемым самими рабочими газетами, непосредственное и постоянное участие в них принимают депутаты Государственной Думы: в большевистских органах социал-демократы большевики Бадаев, Петровский, Малиновский и Муранов, а в меньшевистских органах — Чхенкели, Чхеидзе, Туляков и др. Сверх того, по имеющимся сведениям, в «Правде», «Северной Правде» и «Правде Труда» принимают постоянное участие Юрий Каменев (Розенфельд) и Зиновьев (член заграничного Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии Григорий Радомысльский), а в органах социалистов-революционеров — «Живой Мысли» и «Заветной Мысли» — помещали свои статьи, между прочим, известные революционеры: Ракитников, Инна Ритина (она же Ракитникова), Евгений Колосов, Степан Нечетный (Слетов) и Борис Воронов (Лебедев), сотрудники издающегося в Париже центрального органа партии социалистов-революционеров «Знамя Труда».

Таким образом, принадлежность руководителей рабочих газет к ярко революционным кругам несомненна. Обращаясь засим к тому

источнику, на котором зиждется все политическое мировоззрение этих лиц, а именно, к основным программам наших революционных партий, между прочим, читаем: «самым могучим оплотом... (русского) варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата. Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой» (Программа и устав Р.С.Д-Р.П. Париж. 1909. Издание газ. «Социал-Демократ», стр. 6). Что же касается партии социалистов-революционеров, то она, проповедуя террор и всякие насильственные средства, прибегает для политического развращения крестьян и рабочих и к более мирным средствам в виде прессы. Весьма оригинальным является то обстоятельство, что социал-демократы Государственной Думы, предъявляя в Думе запросы о притеснениях рабочей печати, требуют от правительства объяснений и негодуют на то, что оно своими репрессиями мешает революционным органам печати подрывать тот самодержавный государственный строй, который правительство призвано охранять.

II. Для правильного суждения о рабочих изданиях нужно иметь в виду еще следующие особенности, резко отличающие их от других, даже наиболее оппозиционно настроенных периодических изданий. Рабочие газеты имеют узко классовый и строго партийный характер; они не допускают на свои страницы ничего такого, что бы нарушало цельность и стройность основного социал-демократического или социал-революционного мировоззрения их руководителей. Все события текущей жизни рассматриваются с одной строго определенной точки зрения, обусловленной партийной программой; те события, которые не дают возможности приложить это общее мерило, отбрасываются или о них сообщается мимоходом, в нескольких словах и притом с тенденцией. Самые статьи и сообщения лишь в редких случаях имеют характер осведомительный, обычно же они заключают в себе весьма ясные для читателя указания, как рабочие должны смотреть на эти события и что им надо предпринимать в этих и подобных случаях.

Рабочие газеты издаются в расчете исключительно на полуобразованных читателей из рабочего пролетариата и являются для них не интересным чтением только, как все остальные газеты, но и поучением. Благодаря этому они не имеют скоропреходящего, злободневного лишь интереса: те заметки и агитационные статьи, которые помещаются на страницах рабочей прессы, воспринимаются рабочими как указание их поведения в отношении и к государственному строю, и к правительству, и к другим классам населения; в этом отношении и при общем революционном настроении своем газеты эти с успехом заменяют те подпольные прокламации, которые распространялись революционными партиями в предшествующее десятилетие. Необходимо отметить, что каждая из рабочих газет рассчитана на читателей своего,

так сказать, лагеря, и притом на читателей постоянных, вполне свыкшихся с фразеологией своей газеты. Таким образом, несмотря на то, что все номера этих газет в равной мере проникнуты одним и тем же революционным настроением, число признанных преступными номеров сравнительно невелико. Это объясняется тем, что уголовные преследования оказывалось возможным возбуждать только в тех случаях, когда авторы статей допускали в них объективные признаки преступных деяний; в большинстве же случаев статьи выливались в таких формах выражения, которые, имея скрытый преступный смысл, исключали возможность применения к ним уголовной репрессии.

I.

Преступный материал рабочих газет громаден и затрагивает почти все статьи уголовного закона, применимые к делам о печати. Охватить его, не впадая в повторения и не смешивая существенного со случайным, было бы затруднительно, в виду чего ниже приводится таблица, заключающая в себе сведения по 25 сентября сего года включительно и имеющая целью указать, с одной стороны, те явления государственного и общественного строя, на которые особенно настойчиво и резко нападают рабочие газеты, с другой — те уголовные репрессии, которые вызывались этими нападками со стороны учреждений, наблюдающих за печатью, и судебных установлений. (См. табл. на след. стр.)

Из этой таблицы усматривается, что около 30% (точнее 28%) всех номеров рабочих газет были признаны преступными, и что 85% возбужденных комитетом по делам печати уголовных преследований были утверждены судом. Таким образом, едва ли можно считать имеющими под собою твердую почву те нарекания на неосновательные и жестокие притеснения рабочей печати, которые неоднократно появлялись и в печати, и в думских запросах. С другой стороны, эта таблица показывает, что наиболее типичными для рабочих газет являются: 1) статьи, возбуждающие к ниспровержению государственного и общественного строя (1 и 2 п.п. 129 ст. Угол. Улож.), 2) статьи, подрывающие уважение к установленному основными законами образу правления и доверие к правительству посредством дерзостных отзывов о первом и распространения заведомо ложных сведений о втором (128 ст. Угол. Улож. и 3 п. 1034 ст. 4 Улож. о наказ.), и, наконец, 3) статьи, возбуждающие вражду между отдельными классами населения, в особенности между рабочими и хозяевами, и статьи, призывающие к устройству стачек и забастовок (6 п. 129 ст. Угол. Улож. и 1 п. 1034—3 ст. Улож. о наказ.).

I. К нашему государственному и общественному строю рабочие газеты относятся отрицательно, при чем отрицание это имеет характер не спокойного обсуждения тех или иных с их точки зрения недостатков, а возбуждающего читателей указания на необходимость полного уничтожения этого строя и замены его демократическим и социалистическим.

		Число №№.	Возбуждено судеб. преследов.	Рассмотрено судом.	Утверждено арестов.	Уголовные преследов. возбуждены по статьям: 103 Ул.	128 Ул.	120/1 Ул.	129/2 Ул.	129/3 Ул.	129/5 Ул.	129/6 Ул.	1034—2 Ул. Нак.	1034—3 п. 1 Ул. Нак.	1034—4 п. 1 Ул. Нак.	1034—4 п. 2 Ул. Нак.	1034—4 п. 3 Ул. Нак.	1034—5 Ул. Нак.	1038—1 Ул. Нак.
I.	1) «Правда	355	52	46	33	—	2	20	10	2	1	9	—	10	—	5	12	1	—
	2) «Рабочая Правда».	17	12	2	2	—	—	2	—	—	—	1	—	10	—	—	—	—	—
	3) «Северная Правда» . . .	31	20	12	10	—	—	2	2	—	—	10	—	10	—	—	—	—	—
	4) «Правда Труда» .	13	8	—	—	—	—	2	—	—	—	5	1	6	—	—	3	—	—
II.	1) «Луч» .	237	68	60	53	—	8	27	12	4	1	12	—	12	1	7	15	—	—
	2) «Живая Жизнь» .	19	10	5	5	—	1	3	1	—	—	—	—	9	—	—	—	—	1
	3) «Новая Рабочая Газета» .	41	12	3	2	—	2	1	—	—	—	7	—	3	—	—	3	—	—
III.	1) «Трудовой Голос». . .	23	17	15	15	—	3	9	9	—	3	4	—	4	—	—	2	—	—
	2) «Живая Мысль» .	7	7	6	6	1	—	3	2	—	—	4	—	2	—	—	—	—	—
	Итого . .	743	206	149	126	1	16	69	36	6	5	52	1	66	1	12	35	1	1

Одной из наиболее важных для правильного понимания роли рабочих газет в развитии революционного настроения среди рабочих является помещенная в № 15 — 209 газеты «Правда» статья «Жизнь учит». Статья эта посвящена доказательству того, что «между освободительным движением в целом, с одной стороны, и рабочими движением, с другой, существует самая тесная и неразрывная связь», и что «лучшим барометром всей общенародной освободительной борьбы в России служит стачечное движение русских рабочих». Обосновав это положение рядом цифровых выкладок, автор говорит, что в настоящее время «от отдельных, ч а с т н ы х вопросов рабочая масса идет к постановке общего вопроса», и что «речь идет теперь не о реформах, а о реформе». «Живая борьба» отбрасывает, как ненужное, требования частичных прав, и «живые, реальные миллионы (рабочих, участников политических забастовок 1912 г.) мобилизовались... под самыми широкими, старыми, неурезанными формулами».

«Только эти формулы (очевидно, революционные требования 1905—1906 г.г.) зажигали энтузиазм масс», и «бодрое, свежее, могучее движение самих масс отметает, как негодную ветошь, искусственные, высиженные в кабинетах рецепты и идет все вперед, все вперед».

Таким образом, по точному смыслу этой программной статьи, сами же рабочие газеты отождествляют рабочее движение (выдаваемое обычно за экономическое) с движением «освободительным», иначе, чисто революционным, «за старые неурезанные формулы».

Что нужно понимать под этими неурезанными формулами, вполне точно выясняется из другой статьи той же газеты «Правда», помещенной в № 126 под заглавием «Спорные вопросы». В числе их на первом месте стоит требование полной демократизации государственного строя, а затем передачи земли крестьянам и 8-часового рабочего дня. Эти требования, по мнению автора статьи, являются в настоящее время самыми насущными в России, и те, кто заменяет их иными, так называемыми «частичными требованиями», те лишь «обманывают» народ. Те же ярко-революционные требования служат темой для множества других статей. Вот что говорит, например, «Трудовой Голос» в статье «Урезанные лозунги и общая программа» (№ 17): «Общая программа, выраженная с.-р-овской фракцией второй Думы, осталась неизменной и является единственно возможным решением в России аграрного вопроса. Попрежнему борьба за землю есть основная задача крестьянства. Но теперь еще яснее и отчетливее понимают крестьяне, что земля тесно связана с волей, что земли нельзя добиться без классовой организации трудового крестьянства, без завоевания ими политической свободы»... «Участвуя в земстве или действуя на него в деревне, трудовое крестьянство неминуемо будет организовываться для борьбы с поместным дворянством и с тем строем, который отдал земское дело в руки дворян. Идя в кооперацию и придавая ей трудовой характер, крестьяне опять-таки вступают в организованную борьбу с капиталистами, дворянами и тем режимом, который служит интересам этих классов»... Организовавшись, оно станет «бродилом массового движения», «истинным выразителем классовой воли организующегося в борьбе и для борьбы пролетариата».

Во многих случаях такие статьи и по содержанию, и по форме подходят к типу подпольных прокламаций и заключают в себе не только возбуждение к насильственному ниспровержению государственного и общественного строя, но и прямые призывы к учинению бунтовщических деяний. Так, автор статьи «Недостатки русского кооперативного движения» («Трудовой Голос», № 21), указав, что обещания манифеста 17 октября остались и останутся неиспользованными, и что на Думу, при нынешнем избирательном законе, нельзя полагать никаких надежд, приходит к выводу, что «политическую свободу народ может получить только своими силами». «Итак, — восклицает он, — долой административный произвол. Да здравствует политическая свобода».

Наконец, к этой категории преступного содержания статей должны быть отнесены статьи, написанные не по каким-либо вопросам текущей русской жизни, а имеющие общее революционное значение. Такова, например, статья, посвященная восхвалению известного пролетарского поэта Эмиля Верхарна («Луч», № 87—179). «Шире дорогу, — говорится в этой статье, — пришло новое человечество. Пролетариат идет завоевывать мир... Труден и тернист путь к победе, и кровью приходится обагрять холодные стены препятствий. Но так ткется пряжа жизни ликующей: «убивая, творить, обновлять»... Верхарн — певец пролетарской борьбы, восстание — его стихия. В медном ритме его чеканных стихов слышится грозный топот мятежной толпы, в гневном пафосе его восклицаний звучит набат революции, и вся поэзия Верхарна — в дыму и огне последнего боя, победной борьбы. Он знает, что лучшим и вернейшим залогом победы является «единение»... «И когда читаем, — прибавляет автор статьи, — его стихи — молодеет душа, воскресают весенние надежды, и бурная, горячая, мятежная кровь приливает к расцветающему сердцу».

II. Статьи второй группы в общей программе рабочих газет не имеют самостоятельного значения. И дерзкие выходки против верховной власти, и распространяемые заведомо ложные обвинения правительства важны газетам лишь потому, что они подрывают в народе доверие к существующему государственному порядку и дают возможность строить и обосновывать свои выводы о негодности этого строя и необходимости замены его новым — демократическим.

Одной из наиболее характерных таких статей является напечатанная в «Трудовом Голосе» (№ 21) статья «Очередная ласка». «В старой самодержавной России издавна велась своя особая «политика» по рабочему вопросу, которая заключалась в применении «репрессий» к рабочим»... Но патриархальное самодержавие не все карало, оно и «ласкало»... «Почему же не поласкать рабочих и одетому в европейский мундир самодержавию», и далее, как пример такой «ласки», приводится и резко критикуется распоряжение правительства о санитарном надзоре на фабриках (см. также статью «Триста лет» («Луч», № 42), в которой период «самодержавия» в русской истории характеризуется, как «темное царство»).

Что касается статей, заключающих в себе заведомо ложные сведения о деятельности правительства, то статьи эти чрезвычайно разнообразны: то измышляются никогда не существовавшие — факты, например, сообщается, будто бы освобожденные из тюрьмы по манифесту 21 февраля были немедленно вновь арестованы по распоряжению администрации («Правда», № 50—254), чего в действительности не было; то деятельность правительства получает настолько искаженное тенденциозное и ложное освещение, что цель возбудить таким сообщением вражду к правительству становится несомненной, — так, например, говоря о деле Бейлиса, «Луч» (№ 140) выражается так: «Русские власти вместе с русскими черносотенцами стряпают нечистыми руками дело

Бейлиса», и в другой статье («Луч», № 5) по тому же делу газета утверждает, что «стоящему во главе кампании (против евреев) г. Щегловитову и его подчиненным необходимо питать средневековый фанатизм, так как здесь, в этом фанатизме, они видят лучшее средство спасения шатающихся основ».

III. Статьи третьей группы, — возбуждение классовой борьбы и подстрекательство к стачкам и забастовкам, — занимают центральное место в программах всех рабочих газет. И это вполне понятно. Газеты эти издаются исключительно для рабочих. Конечные цели революционной пропаганды, — ниспровержение государственного и общественного строя России, — не могут быть им так близки, как насущные вопросы текущего дня, вопросы, касающиеся лично их, их отношения к предпринимателям, их экономического положения. Вопросы обще-революционной тактики для них менее понятны и ясны, чем вопросы, касающиеся возникновения забастовок на заводе. Между тем, как уже было сказано выше, экономические движения рабочих благодаря искусной тактике вожаков почти всегда имеют большую или меньшую примесь элемента политического, и, таким образом, переход их в чисто политические весьма облегчается и часто делается совершенно незаметно. В этом отношении деятельность рабочих газет представляется особенно вредной: раздувая ничтожные случаи заводской и фабричной жизни до степени серьезных нарушений права и справедливости, ежедневно натравливая рабочих и на ближайшее их заводское начальство, и на владельцев, и на весь класс предпринимателей, наконец, рисуя заманчивые картины борьбы и успехов рабочих Западной Европы, — газеты эти поддерживают фабричных и заводских рабочих в состоянии хронического недовольства своим положением и раздражения против всех «эксплоататоров» и создают удобную для себя почву, на которой с особым успехом прививаются революционные идеи о полном переустройстве существующего и государственного, и общественного строя России. Вполне сознавая громадную важность такого способа революционизировать рабочие массы, газеты значительную часть своего содержания отводят именно статьям и заметкам этого рода. По числу инкриминирований эта группа занимает первое место; следует отметить, что число их было бы несравненно больше, если бы закон карал за возбуждение к забастовкам на всех фабриках и заводах, а не в одних только предприятиях государственного и общественного значения. Сказанное выше в общем относится и к статьям об отношениях крестьян к помещикам, которые печатались в органах партии социалистов-революционеров.

Очень характерна статья «Из словаря иностранных слов», напечатанная в газете «Правда» (№ 102), — «общество состоит из классов и групп, которые различаются по своему экономическому положению, а вследствие того и по своим интересам и стремлениям... Одни классы эксплоатируют другие: напр., капиталисты-кулаки эксплоатируют крестьян и кустарей, капиталисты-фабриканты — рабочих. Одни

классы эксплоатируют, т.-е. лишают собственности, разоряют, другие, — так, капиталисты-промышленники... разоряют ремесленников и кустарей, крупные помещики... крестьян...». Своих эксплоататорских целей классы достигают при помощи нынешнего капиталистического государства, которое ограждает интересы и собственность только эксплоатирующих классов в ущерб эксплоатируемым рабочим и крестьянам.

В других статьях то же стремление возбудить классовую вражду проявляется в несравненно более резкой форме: «Товарищи! Бросьте спячку и интересы к балканской «бойне». Наши эксплоататоры-фабриканты тоже немало высасывают нашей крови и попирают наши человеческие права» («Луч», № 57). «Товарищи, время постоять друг за друга. Все за одного, и один за всех. Нужно отбросить все личные счеты и объединиться против общего врага. Дело освобождения — дело самих рабочих. Не забудьте, товарищи, что... все рабочие России поддерживают нас в общем деле освобождения от капитала» («Правда», № 141). «Стыдно вам, крестьяне, поддаваться тем, кто старается заковать вас в железные цепи. Ведь вы — хозяева на своей земле, она залита вашей кровью и потом. Вы должны объединиться, гнать этих господ из пределов, принадлежащих вам» («Трудовой Голос», № 21). Последние три призыва непосредственно примыкают к той прокламационной литературе, которой наводнена была вся Россия в революционные 1905—1906 годы.

Что касается статей и заметок, в которых рабочие возбуждаются к приостановке работ на фабриках и заводах и к невозобновлению их, пока все требования рабочих не будут удовлетворены, то здесь имеются в виду только те из них, которые касаются таких предприятий, «прекращение или приостановление которых угрожает безопасности государства или создает возможность общественного бедствия» (1 п. 1034—3 ст. Улож. о наказ.); сюда включаются казенные заводы военного и морского ведомств, заводы, на которых исполняются заказы этих ведомств, железные дороги, телеграф и телефон общественного пользования и, наконец, трамваи в больших городах.

В этих статьях газеты обращаются к рабочим с такими призывами: «стыдно, товарищи, работать вечера, когда другие товарищи борются с этим злом. Этим вы не улучшите свое состояние, а хуже становится от этого всем...» («Луч», № 116). «Настроение (бастующих) бодрое; уверены в скорой победе. Еще раз напоминаем, что места под бойкотом... товарищи... будьте солидарны с нами. Мы будем стойки и не пойдем ни на какие уступки» («Луч», № 121). «Мы уверены, что рабочая солидарность у нас не погасла и что на наши места не пойдут работать другие рабочие. А без рабочих рук они (хозяева) обойтись не могут, как не могут закрыть заводы во избежание огромного убытка. Просим товарищей наши места не занимать, на места наложен бойкот» («Правда», № 117). Впоследствии, под давлением уголовных репрессий, эти прямые призывы сменились краткими директивами («места бастующих под бойкотом») или даже косвенными, но, конечно, вполне понятными для

читателей указаниями: напр., «*выяснилось*, что забастовка *будет* продолжаться»... и т. п. (курсив автора).

В заключение всех этих выписок необходимо остановиться на немногих, правда, статьях, обрисовывающих отношение рабочих газет к милитаризму вообще и к нашему войску и воинской повинности в частности. В статье «Вооруженный милитаризм» («Трудовой Голос», № 3) автор говорит: «Воинская повинность и так ежегодно выбирает из среды населения самых молодых и здоровых работников. Следовательно, все растущее усиление военной силы отзывается на трудовом народе только тяготами. И если эти тяготы в мирное время можно перевести на рубли, то как оценить потери трудового народа во время войны. Погибших отцов и мужей, братьев и сыновей, поильцев и кормильцев не воскресить... Между тем трудовому народу вовсе и не нужно войско, не нужна и война... Трудовому народу нужна земля и воля. Но не международным кровопролитием можно достигнуть этого. Война нужна и выгодна не работникам, а командующим классам, эксплоататорам трудового народа... Поэтому в интересах трудового народа бороться против войн»... Не менее резка и другая статья, напечатанная в том же «Трудовом Голосе» (№ 10, статья «Изнанка милитаризма»): «Все больше и больше растет «налог крови», все больше и больше отнимается от населения наиболее крепких и здоровых сил, обреченных на то, чтобы убивать лучшие годы в бессмысленной муштре, а в случае войны быть пушечным мясом... Весь гнет вооруженного мира... всей своей огромной тяжестью лежит на плечах трудового народа... Паны дерутся, у хлопцев чубы трещат, — говорит народная пословица... Нет, в том-то и беда, что «паны» сами не дерутся, а искусно заставляют «хлопцев» своей страны драться с «хлопцами» чужой и наживаются на кровопролитии». Статья заканчивается указанием, что в настоящее время возникновение войн между европейскими государствами затруднено тем, что «европейский пролетариат уже вышел из того состояния, когда его безнаказанно можно было гнать, как стадо баранов, и он сумеет привлечь к ответу тех, кто виновен в его страданиях».

Приведенные выписки далеко не исчерпывают того преступного материала, который предлагают рабочие газеты своим читателям; число их без труда могло бы быть увеличено во много раз. Самые выписки в достаточной мере характеризуют направление и тон этих газет и полное соответствие их с программами наших революционных партий, в виду чего те жалобы на несправедливые и неосновательные притеснения правительством рабочей печати ни в какой мере не могут считаться основательными.

II.

Кроме уголовных репрессий, рабочие газеты неоднократно подвергались также административным взысканиям, налагаемым с.-петербургским градоначальником за нарушение обязательного постановления от 4 сентября 1911/1913 г. г.

Раздел XI обязательного постановления с.-петербургского градоначальника от 4 сентября 1911/1913 г.г. воспрещает опубликование статей, возбуждающих вражду к правительству (1 п. об. пост.), заключающих в себе ложные сведения о деятельности должностных лиц (4 ст.) или войсковых частей, вызывающих в населении враждебное к ним отношение, а также ложных, возбуждающих общественную тревогу слухов и, наконец, статей, посвященных восхвалению преступных деяний (3 п.). Напечатание таких статей карается штрафом до 500 руб. или арестом до 3 месяцев.

Относясь отрицательно ко всему государственному строю России и к его органам, эти газеты, в целях дискредитировать в глазах общества представителей власти, часто помещают статьи, которые направлены к тому, чтобы посредством резкого осуждения действий правительственных агентов, подтасовки и одностороннего освещения фактов возбудить у читателей вражду к правительству и его органам. Характерным образцом такой статьи может служить напечатанная, наприм., в «Северной Правде» (№ 20) заметка о несостоявшейся лекции по вопросу о страховании рабочих. Представив в тенденциозном освещении действия администрации, не допустившей чтение лекций, автор заканчивает заметку таким общим выпадом: «но у нас ведь власть для того и существует, чтобы воспитывать в гражданах полное неуважение к законам».

Данные об административных взысканиях, наложенных на рабочие газеты за время по 25 сентября текущего года, сведены в нижеследующей таблице:

		Число вышедших в свет №№.	Число взысканий	Сумма штрафа.	Арест без замены штрафа.
I.	**Органы большевиков Р.С.-Д.Р.П.**				
	«Правда».	355	19	8.000	3 м.
	«Северная Правда».	17	3	1.250	—
	«Рабочая Правда»	31	2	1.000	—
	«Правда Труда»	13	1	250	—
II.	**Органы меньшевиков Р.С.-Д.Р.П.**				
	«Луч».	237	19	8.100	6 м.
	«Живая Жизнь»	19	4	2.000	—
	«Новая Рабочая Газета»	41	9	4.300	—
III.	**Органы социалистов-революционеров.**				
	«Трудовой Голос»	23	3	750	—
	«Живая Мысль»	7	—	—	—
	Всего	743	60	25.650	9 м. ар.

Необходимо заметить, что редакторы, подвергнутые в административном порядке денежному взысканию, часто отказывались от уплаты пени и в таких случаях в течение известного срока отбывали арест взамен денежного штрафа.

Для того, чтобы устранить неизбежные при этом перерывы в издании газет, было принято представлять на утверждение с.-петербургского градоначальника, в качестве ответственных редакторов, сразу по нескольку человек: например, в газете «Правда», как видно из свидетельства с.-петербургского градоначальника от 11 сентября 1912 г., состояли одновременно девять редакторов. Последние судебные процессы показали, что эти редакторы набирались обычно из среды полуграмотных рабочих и, конечно, никакого отношения к действительному редактированию газет не имели.

Кроме того, на случай неожиданной приостановки газет судом практикуется заблаговременное получение разрешений сразу на несколько изданий.

Наконец, последние дни замечается одновременный выход одной и той же газеты под двумя заглавиями: «Правда Труда» и «За Правду», при чем газеты эти выпускаются, чередуясь друг с другом».

Из записной книжки архивиста.

Письмо кн. Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Государственной Думы.

Печатаемое ниже письмо принадлежит перу покойного проф. Московского университета кн. Евгения Трубецкого, кандидата от конст.-демокр. партии в Виттевский «кабинет общественных деятелей» в октябре 1905 г., вышедшего, однако, вскоре из этой партии и затем игравшего влиятельную роль в бесцветной партии «мирного обновления», никогда не имевшей, как известно, серьезного политического значения.

Письмо Николаю Романову написано Трубецким 24 июля 1906 г., т.-е. через две недели после разгона I Госуд. Думы, всерьез именовавшейся некоторыми кругами «Думой народного гнева». Как отнесся к этому письму самодержавный адресат, — неизвестно (на оригинале письма никаких помет нет), но документ этот сам по себе, во всяком случае, примечателен и по содержанию и по тону. Автор письма сумел уловить «переворот в воззрениях и чувствах народных», ускоренный политикой правительства Горемыкина, и верно угадывал близость гражданской войны, которая, будучи лишь вопросом времени, должна была «революционизировать всех». Ужасом перед гибелью монархии, под которой уже «разверзлась бездна», и перед конфискацией помещичьих земель, которую несла с собой революция, продиктовано патетическое письмо Трубецкого. В чем же он видел спасение? Прежде всего, в самом факте существования Госуд. Думы, ибо, «пока в Петербурге заседала Дума», помещики «могли надеяться сохранить часть своих земель и получить справедливое вознаграждение за остальные». Вследствие этого необходим был, по его мнению, скорейший созыв, вместо разогнанной, новой Думы. Но, поскольку Дума не смогла работать с министрами, обнаружившими «непонимание, бездарность, отсутствие непосредственной близости с деревней и полное незнакомство с общественной жизнью» и поскольку министры-советчики царя вели страну к республике, необходимо было создать кабинет из одних «общественных деятелей, искренность конституционных убеждений коих не внушает сомнений». Такой кабинет совместно с Госуд. Думой должен был спасти царю трон, а автору письма — его поместья.

Письмо Трубецкого воспроизводится здесь по подлиннику, хранящемуся в Особом Отд. Архива Октябрьской Революции. Оно написано на 7 стр. бумаги академического формата и печатается здесь полностью, без купюр; изменена только орфография.

А. С.

Ваше императорское величество.

Не сочтите дерзостью мое непосредственное обращение к вам. Решаясь на столь необычный шаг, я льщу себя надеждою, что он оправдывается тем долгом верноподданного, о котором говорится в изданном вами 8 июля манифесте [1]).

---

[1]) 8 июля 1906 г. была распущена Государственная Дума манифестом, в котором указывалось, что Дума уклонилась «в непринадлежащую ей область» и обратилась к «действиям явно незаконным». Манифест заканчивался словами: «верные сыны России, царь ваш призывает вас, как отец своих детей, сплотиться с ним в деле обновления и возрождения нашей святой родины».

Вы призываете ваших подданных сплотиться вокруг престола, участвовать вместе с вами в святом и великом деле обновления родины. Теперь, когда в России не слышен более голос народных представителей, я не вижу иного способа последовать вашему призыву. И пример моего почившего брата князя С. Н. Трубецкого [1]) убеждает меня в правильности избранного мною пути.

Год тому назад он увидел престол в опасности и, горя любовью к родине, бесстрашно предстал перед вами. Вы вняли его смелой речи: ваши ответные слова никогда не изгладятся из памяти народной. Они укрепили ту нравственную связь между царем и народом, которая составляет залог величия и крепости русского государства.

Теперь я, — единомышленник моего брата и продолжатель его дела, — испытываю такую же, как и он, тревогу. Я также вижу престол в опасности и решаюсь следовать примеру того, кого вы почтили вашим вниманием.

Теперь, как и тогда, опасность заключается не в отдельных проявлениях смуты, не в периодически возникающих беспорядках, а в том приказном строе, благодаря которому предначертания ваши или вовсе не исполняются, или искажаются в исполнении.

Я с невыразимой тревогой слежу за тем глубоким переворотом, который изо дня в день, из часа в час совершается в воззрениях и чувствах народных.

Прислушайтесь, государь, к тому, что в различных местностях поют крестьяне на полевых работах! То самое, за что два-три месяца тому назад они растерзали бы. Социалистическая марсельеза начинает вытеснять народную традиционную песнь! Ее поют даже в тех еще пока мирных уголках, которых не коснулись ни погромы, ни волнения; поют иногда даже без особого возбуждения, поют машинально, как что-то привычное. Меня приводит в ужас то, что говорится в этой песне про «царский чертог»! Ведь эти понятия только что вошли в обиход! Привычка вырабатывалась за последние два-три месяца управления министерства Горемыкина [1])!

Еще во время выборов господствовало совершенно другое настроение: народ посылал выборных поведать царю свои нужды, — тогда лозунгом служило единение царя с народом. И это—вопреки пропаганде, направленной всецело к бойкоту Думы, вопреки революционерам, которые стремились во что бы то ни стало воспрепятствовать укреплению связи между престолом и подданными. Но то, что было не под силу пропаганде, теперь сделано злейшими врагами вашего величества—вашими советниками.

Когда по повелению вашему министерство Горемыкина предстало перед Думою, у него был случай укрепить нравственную связь между вами и народными избранниками, — теми, кого вы признали лучшими людьми. Оно могло возвысить престиж безответственного монарха, прикрыв его ответственностью министров. Вместо того оно малодушно прикрывалось вашею ответственностью. Когда думская депутация не была принята вами, министры своим образом действий внушили народным массам несоответствующую действительности мысль, что государь не желает выслушивать их выборных. Министры вместо вас выступили с ответом на всеподданнейший адрес Думы и заговорили при этом тем языком, которым в праве выра-

---

[1]) Кн. Сергей Ник. Трубецкой, доктор философии, ректор Моск. унив., был участником принятой Николаем Романовым 6 июня 1905 г. депутации уполномоченных Моск. объедин. съезда зем., городских деятелей и дворян вместе с представителями Петербурга. Он произнес речь, в которой указал, что выходом в переживаемой смуте может быть лишь «созыв избранников народа», но народное представительство не должно быть сословным, указывал на узурпацию верховной власти безответственной бюрократией и на необходимость свободы печати и собраний. В ответной речи Николай Романов просил «отбросить сомнения» и выразил пожелание о восстановлении «единения между царем и всею Русью, общения между царем и земскими людьми».

[1]) Ив. Логг., премьер-министр в эпоху I Госуд. Думы.

жаться только верховная власть [1]). Узурпируя ваши полномочия, они отказали в амнистии и заранее наложили veto на аграрные проекты Думы. Тем самым они внушили населению мысль, что их ответ — ответ самого царя, и взволновали крестьянство повсеместно расклеенными правительственными сообщениями.

Они обнажили корону. Они обнажали ее всякий раз, когда они выступали с тем или другим правительственным сообщением. Они постарались связать с именем монарха все ненавистное народу — отказ в дополнительном наделении землею путем принудительного отчуждения, господство исключительных законов, белый террор, полный отказ в милости политическим преступникам. Стерев всякую грань между монархом и его слугами, они дали пищу нелепым, клеветническим толкам. И, наконец, воздвигнув между вами и народными представителями новое средостение, они создали то невозможное положение вещей, которое привело к роспуску Думы.

Верьте, государь, что в суждении об этом событии мною не может руководить какое-либо пристрастие. Я не принадлежу ни к какой из существующих партий. К деятельности крайних я отношусь с глубокой антипатией; по моим убеждениям я стою правее партии народной свободы и прошлою зимою вышел из ее состава. Тем не менее, узнав о роспуске Думы, я был близок к отчаянию. Ибо как посторонний наблюдатель я не могу не видеть, что этим нанесен страшный удар монархической идее.

Трудно себе представить ту степень сочувствия, каким пользовалась Дума среди народных масс: вокруг нее сосредоточивались народные надежды, в особенности в тех местностях, коих не коснулись аграрные волнения. В этих местностях только надежда на Думу удерживала крестьян от насильственного захвата чужой собственности.

Государь, это не преувеличение! Стремление крестьян к земле имеет неудержимую силу: одними добровольными продажами земли они не удовлетворятся; и всякий, кто будет противиться принудительному отчуждению, будет сметен с лица земли. Крестьяне с напряженным вниманием следили за конфликтом между Думою и министерством. Из правительственных сообщений они узнали, что конфликт возник на почве земельного вопроса [2]). Теперь, когда Дума распущена, они убеждены, что причиной роспуска послужил отказ в наделении землей. И ваши советники переложили ответственность за этот отказ на монарха. Они сумели превратить вопрос земельный в вопрос династический, в вопрос об образе правления. Они отдали в жертву крестьянство той самой республиканской пропаганде, за которую еще так недавно бросали в огонь агитаторов.

Государь, ваши министры рассчитывают на преданность и верность войска. Но прислушайтесь к тому, что говорят солдаты! Где двое или трое сойдутся на разговор, там можно услышать отрывочные фразы: «за правду разогнали Думу», или: «сегодня я солдат, а завтра — пахарь; я это помню!» И с этими солдатами-крестьянами советники ваши собираются воевать против крестьян, бороться против заветной мечты о дополнительном наделении! События в Свеаборге, Кронштадте, Брест-Литов-

---

[1]) Автор, повидимому, имеет в виду декларацию Горемыкина от имени правительства в Госуд. Думе 13 мая 1906 г., явившуюся ответом на адрес депутации Гос. Думы по поводу тронной речи (как известно, Николай Романов не захотел принять эту депутацию). Правительство ответило категорическим отказом на требования Думы о принудительном отчуждении частновладельческих земель, ответственности министров перед Думой, упразднении Гос. Совета, находя, что эти требования противоречат «основным законам» страны. В. И. Ленин напечатал тогда по поводу этой декларации статью в «Волне» под заглавием: «Ни земли, ни воли» (14/V. — 1906 г.).

[2]) 20 июня 1906 г. было опубликовано правительственное сообщение по аграрному вопросу, полемизировавшее с крамольной Госуд. Думой, посягающей на священные устои земельной собственности, и обещавшее утолить земельный голод крестьянства при помощи Крестьянского банка.

ске и на Кавказе [1]) наглядно доказывают, что́ такое в настоящее время преданность войска. И если теперь революционное брожение охватило еще не все части и правительство п о к а может подавлять военные бунты, то в ближайшем будущем положение должно резко измениться: гражданская война вскоре революционизирует всех. Это — не более как вопрос времени.

Повторяю, государь, я из тех, кто желал бы последовать вашему призыву — сплотиться вокруг престола! Но как это сделать, когда вокруг престола плотною стеною стали злейшие враги монархии,— те, кто под предлогом защиты вашей прерогативы защищают собственную свою прерогативу. Как и чем защитить престол против т а к и х защитников! А потому я обращаюсь к вам как м о н а р х и с т. Государь, удалите ваших советников! Устраните от защиты престола их, ведущих Россию к республике: ведь они губят то самое, что защищают!

Ваше императорское величество! Я знаю, что вы воодушевлены благим намерением защищать частное землевладение. А потому я обращаюсь к вам как землевладелец. Нет большей опасности для землевладения, чем пребывание у власти нынешних министров! И х з а щ и т а сулит землевладельцам нищету и гибель. Пока в Петербурге заседала Дума, мы могли надеяться сохранить часть наших земель и получить справедливое вознаграждение за остальные. Теперь надвигающаяся революция угрожает нам конфискацией, более того, — подвергает опасности самую нашу жизнь. Министры ваши вселили в крестьянство убеждение, что Дума распущена во имя интересов частного землевладения, что роспуск вызван происками помещиков. Тем самым помещики отданы на растерзание; в деревне уничтожен самый призрак безопасности. И если раньше, нападая на нашу собственность, крестьяне щадили личность, то теперь нельзя ручаться ни за что.

Я всегда испытывал и неоднократно высказывал в печати глубокое отвращение к аграрным погромам. Я не из тех, кто думает, что можно смотреть на них, сложа руки. Необходимо защищать мирное население против разбойничьих нападений и отражать силу силою. Но при нынешнем настроении крестьянства отказ в коренной земельной реформе делает силу никуда негодным орудием. Силой можно покарать мятежников, но невозможно предупредить волнений. Наконец, при нынешнем настроении войска нельзя предугадать, куда в решительную минуту повернутся штыки: против крестьян или против помещиков.

Но допустим, что среди пылающих усадеб владельцев можно восстановить мир и порядок! Что толку помещикам в кровавом порядке на развалинах! И если у них останется что-нибудь, кроме развалин, что́ станется с ними, когда, после удаления военной силы, они снова очутятся лицом к лицу с озлобленным и доведенным до отчаяния населением? Чем т о г д а может быть обеспечена их безопасность? Есть только одно средство умиротворить деревню: включить в правительственную программу широкую земельную реформу на основе принудительного отчуждения, ускорить созыв Думы и образовать новое общественное министерство. Тогда и применение военной силы будет достигать цели. А главное, оно будет вполне справедливым: ибо тогда придется бороться против отдельных бунтарей и громил, а не против всей крестьянской массы!

Вот те причины, государь, которые побуждают меня обратиться к вам. Я вижу, как стараниями ваших министров прогрессивно ухудшается положение. Они всеми силами стараются изолировать ваш престол, лишить вас всякой поддержки и опоры. Я с ужасом вижу, что вокруг вас постепенно образуется пустота, и под вами разверзается бездна. И в довершение всего русское общество взволновано тревожными слухами о нависшей над Россией грозной опасности диктатуры.

---

[1]) Восстание в Свеаборге происходило 17—20 июля 1906 г. под руководством офицеров с.-д. Емельянова и Коханского; 20 июля вспыхнуло восстание в Кронштадте среди 4 и 5 мор. экипажа и части сапер.

Да отвратит господь от вас и от России эту новую беду! Те, кто советует вам учредить диктатуру, не отдают себе отчета в значении этого ужасного совета! Ведь это значит поставить престол против подданных и подданных — против престола. Это значит бросить в революцию или обречь на полное бессилие все те мирные слои русского населения, которые доселе ей не сочувствовали или прямо ей противодействовали. Опасность — не в революционерах и не в революционной пропаганде, а в том широком общественном сочувствии ей, которое растет с ужасающей быстротой благодаря правительственной политике последнего времени. Быть может, правительству удастся т е п е р ь репрессивными мерами подавить революционное движение, загнать его в подполье! Но да не вводят вас в заблуждение эти временные успехи. Тем ужаснее будет тот последующий и п о с л е д н и й взрыв, который ниспровергнет существующий строй и сравняет с землею русскую культуру!

Теперь грозный признак заключается в ужасающем бессилии умеренных партий. Защитники престола умолкают, ибо их не слушают: у них вырвана почва из-под ног, и отняты все доводы. Они не могут уверить население, что правительство когда-либо согласится на коренную земельную реформу, что оно когда-либо послушает голоса народных представителей и вернет земле тот мир, в котором она нуждается.

Но как ни грозно положение, оно еще не безнадежно. Ибо пока, к счастью, государь, в ваших руках ваш престол и судьба родины. И есть исход для мирного разрешения тяжелого кризиса.

Я знаю, что невозможно сделать бывшее небывшим; я прекрасно понимаю, что невозможно свести на-нет совершившегося факта роспуска Думы. Но образование нового министерства из людей, не связавших свои имена с роспуском, м и н и с т е р с т в а и з о д н и х о б щ е с т в е н н ы х д е я т е л е й не выходит из пределов возможного. И в этом, я в том уверен, заключается единственный способ спасения. Если, в связи с ускорением срока созыва Думы, вы составите кабинет из людей, коим верит страна, искренность конституционных убеждений коих не внушает сомнений, вы успокоите общественное мнение, которое теперь взволновано опасением государственного переворота. Не скрою, государь, что это опасение в настоящее время находит себе почву в обстоятельствах, сопровождавших роспуск Думы. Ибо, вследствие назначения срока созыва новой Думы на февраль следующего года, государственный бюджет будет, вопреки основным законам, рассмотрен без участия Думы. Этим подрывается в населении вера в искренность желания министров исполнить вашу волю — сохранить незыблемыми основные законы вообще и представительные учреждения в особенности.

Но дело не в одном успокоении общественного мнения. Вам нужны слуги, искренне вам преданные, люди с общественным чутьем, понимающие значение переживаемого нами кризиса. Ибо нынешних ваших советников губит непонимание, бездарность, отсутствие непосредственной близости с деревней и полное незнакомство с общественной жизнью.

Государь, тот приказный строй, который вы осудили, во всяком случае обречен на гибель. Но если вы будете медлить его упразднением, если вы не поспешите удалить советников, воспитанных в его преданиях, вы сами будете погребены под его развалинами. А вместе с вами погибнет и наше лучшее будущее, наша надежда на мирное обновление родины.

Как монархист, я говорю от всей души: да сохранит всевышний ваши дни, да минует нас чаша сия.

Вашего императорского величества верноподданный профессор московского университета

Князь *Евгений Трубецкой*.

Москва. 24 июля 1906 года.

К. П. Романов в характеристике княгини Д. Х. Ливен.

Печатаемая ниже характеристика великого князя Константина Павловича и рассказ об отречении его от престола принадлежат княгине Д. Х. Ливен (1784—1857). И по положению своему при дворе, и по редкой наблюдательности княгиня Ливен представляется чрезвычайно ценной свидетельницей в вопросах интимной истории русского двора.

Она была дочерью баронессы Бенкендорф (урожденной Шиллинг-фон-Канштадт), которая связана была тесною дружбою с женою импер. Павла, Марией Федоровной. Ее брат, Александр Христофорович Бенкендорф, играл видную роль в царствование Александра I, а при Николае I был одним из самых близких к нему лиц и по личной дружбе, и по должности шефа жандармов. По окончании Смольного института Дарья Бенкендорф была назначена фрейлиной к императрице Марии Федоровне. В 1801 г. она вышла замуж за графа (позднее князя) Христофора Андреевича Ливен, сына известной Шарлотты-Екатерины Карловны Ливен, которой, по выбору Екатерины II, поручено было воспитание детей Павла Петровича и которая занимала совершенно исключительное положение при дворе в царствования Екатерины, Павла, Александра и Николая. Жених Д. Х. пользовался расположением императора и, несмотря на свою молодость, — ему было тогда 25 лет, — уже третий год занимал пост военного министра. Он был близок и к Александру I в течение всего его царствования: состоял при нем во время Аустерлицкого сражения, сопровождал его в Тильзит. В 1809 году Х. А. Ливен был назначен посланником в Берлин, а в 1812 году, по восстановлении дружественных отношений с Англией, был аккредитован при Сент-Джемском дворе, при котором и оставался до 1834 года, когда ему было поручено воспитание наследника престола—Александра Николаевича.

Графиня Ливен сумела у себя в Лондоне создать блестящий салон, где собирались все дипломатические знаменитости и выдающиеся политические деятели без различия партий. Чрезвычайно наблюдательная и с детских лет знакомая с интимными отношениями русского и других дворов, графиня играла крупную роль в дипломатическом мире и оказывала известное влияние на политику английского правительства в интересах России. Муж постоянно советовался с нею по всем вопросам своей деятельности. Однажды он предложил ей составить очередную депешу к гр. Нессельроде, и затем графиня не раз писала для мужа донесения в Петербург. Это не осталось тайной для русского двора и встречено было сочувствием, так как графиня, несомненно, превосходила дарованиями своего мужа. Нессельроде, минуя последнего, завел с нею непосредственную переписку. Сам Александр беседовал с нею об европейской политике, а в 1818 и 1822 годах графиня, по его приглашению, приезжала на конгрессы в Ахен и в Верону и играла немалую роль в их закулисной истории.

Возвратившись в 1834 году в Россию, графиня Ливен не могла сжиться с атмосферой николаевского двора. Николай оказывал ей особенное внимание и всячески старался снискать ее расположение, но не имел в этом успеха: Ливен плохо скрывала свою антипатию к нему, и Николай, в свою очередь, ее не взлюбил. В 1839 году, после смерти мужа, она окончательно поселилась в Париже, в старинном отеле Талейрана, который она приобрела. Только два раза покидала она Францию — в 1848 году и во время восточной войны. В ее салоне опять собирались дипломатические и политические знаменитости всех стран, и он приобрел широкую известность.

После Д. Х. Ливен осталась обширная переписка и воспоминания, небольшая часть которых опубликована в разных изданиях. В «Государственном Архиве» в Москве, в фонде I (бывший «Библиотеки Зимнего дворца»), под № 1427, хранятся четыре тетради ее записок. Из них печатается здесь отры-

вок, в оригинале озаглавленный — «Le grand duc Constantin».

Представляет несомненный интерес характеристика Константина Павловича, даваемая столь осведомленным и умным наблюдателем, каким была Ливен. Она весьма недвусмысленна, как ни смягчает ее благодушный юмор княгини, несмотря на все недостатки Константина, к нему расположенной. Но наибольший интерес в печатаемом отрывке представляет рассказ самого Константина об его отречении от престола, который Ливен слышала от него лично в Варшаве в 1830 году и тогда же записала. Правда, в рассказе этом есть очевидные и очень крупные неточности: помолвка, брак Константина с кн. Лович, манифест Александра о детях некоронованных супругов членов царской фамилии и отречение Константина — все отнесено к одному времени, между тем как на самом деле события эти шли в определенной последовательности. 20 марта 1820 года последовал манифест о разводе Константина Павловича с в. кн. Анною Федоровной, содержавший постановление о том, что дети от брака членов императорской фамилии с некоронованными особами не имеют права на престол. 12 мая того же года состоялось бракосочетание великого князя с Иоанной Грудзинской. Письмо Константина Павловича об отречении было составлено во время пребывания его в Петербурге в январе 1822 года и помечено 14 января. 2 февраля того же года последовало ответное письмо Александра I, а неопубликованный манифест о назначении наследником Николая Павловича был подписан 16 августа 1823 года.

Таким образом, в рассказе Ливен совершенно очевидна известная путаница, кто бы ни был в ней повинен— Константин ли, от которого исходит рассказ, или Ливен, его записавшая; можно, пожалуй, даже сомневаться, имела ли вообще когда-либо место в действительности сцена между двумя братьями, так ярко передаваемая в рассказе. И тем не менее рассказ этот имеет определенное психологическое значение, ибо очень характерно, что в 1830 году Константин (или хотя бы Ливен) могли так именно представлять себе отношения между братьями и тон их разговоров, как это изображено в рассказе. Рассказ интересен так же, и как восходящее к самому Константину свидетельство о том неотступном давлении, которым старший брат и мать старались привести его к окончательной решимости осуществить на деле давнишние свои планы об отречении от престола. Очень интересен и отзыв Константина о Николае I и о взаимных их отношениях в 1829 году.

Рассказ Ливен, написанный по-французски, печатается здесь в переводе. Французское «Vous» в разговоре Константина и Александра передано русским «ты».

Б. Сыроечковский.

Великий князь Константин.

Великий князь Константин, сын императора Павла, родился в 1779 г. в царствование своей бабушки, императрицы Екатерины. Екатерина дала ему историческое имя в тайной надежде на великое будущее; его окружили молодыми греками, обучили ново-греческому языку; несомненно, он был воспитан в предположении, что займет когда-нибудь константинопольский престол. В 1796 г. он женился на принцессе Саксен-Кобургской; в том же году умерла императрица Екатерина. Великая княгиня была прелестна. Муж ее оставил; она утешилась, и последствия этих утешений заставили ее в 1801 г. покинуть Россию, с тем, чтобы больше туда не вернуться.

Великий князь отличался большим умом; у него было доброе сердце, он был великодушен, симпатичен, но эти хорошие склонности его натуры заслонялись недостатками его характера: он был вспыльчив, своенравен, даже жесток и очень распутного нрава. До бессмыслия увлеченный военщиной, он любил парады, но недолюбливал войны; он говорил, что она портит сол-

дата. С солдатами он обращался безжалостно, офицеров отправлял под арест за какую-нибудь слишком высоко или низко пришитую пуговицу, но и для тех и для других он широко открывал свой кошелек. Немного сумасбродный, а в сущности добрый человек, он возбуждал к себе в России всеобщую ненависть и страх, и он прекрасно это знал. Одно качество приписывали ему все единодушно — трусость, и были правы; и этому его свойству мы обязаны тем, что не имели его своим повелителем.

Он долго добивался развода, но императрица-мать, опасаясь вторичного брака, постоянно противилась этому. Она слишком хорошо знала своего сына, чтобы не опасаться на этот счет, да и сама по себе мысль о возможном потомстве у Константина была ей неприятна: она любила великого князя Николая и мечтала о престоле для него. Однако, после 18 лет стараний и просьб, уверенная, что великий князь заключит брак неравный, несоответствующий его званию, она согласилась на развод, а великий князь действительно женился на молодой польке, избранной им из среды мелкого дворянства Варшавы. Одновременно появился указ императора Александра, который объявлял лишенными прав на корону всех детей, происходящих от союза, в котором стороны будут неодинакового ранга. Статья эта была дополнительно внесена в законы империи, регулирующие порядок престолонаследия, которые обнародованы были императором Павлом при его короновании, в апреле 1797 г.

Великий князь Константин получил этот указ в Варшаве, две недели спустя после свадьбы; часом позже он садился уже в экипаж, чтобы ехать в Петербург. Он мчался день и ночь и явился неожиданно перед императором Александром в кабинете последнего.

Вот дословный рассказ об этом свидании самого великого князя; он рассказал мне это в Варшаве 27 июня 1830 г., и я тогда же все записала.

— Зачем ты приехал и притом без моего разрешения?

— Мне не нужно разрешения, чтоб явиться требовать отчета в оскорблении!

— Каком?

— Твой указ!

— В том, что делаю, я не обязан отчетом никому.

— Ты обязан дать отчет мне. Ты сделал меня мишенью своего издевательства, и я явился сюда именно затем, чтобы объявить тебе и доказать, что твои стрелы меня не задевают. Ты могуществен, ты всесилен, но ведь будет день, когда и я буду таким, и я сумею переделать тогда все, что ты сделал. Что останется от твоего указа, когда я издам указ противоположный? Все будет в моей воле. Но я хочу тебе доказать, что уже и теперь моя воля, и только моя воля, решает все дело. Престол? кто тебе сказал, что я его хочу? Мой отец, мой дед были убиты,— я хочу спокойно жить и спокойно умереть. Я люблю служить и не люблю управлять. Чтобы сказать тебе это, я и приехал сюда, и вот—акт, которым я отказываюсь от своих прав на империю.

Брат был поражен, он отшатнулся и не хотел брать бумагу, которую я ему протягивал. Но я настаивал и не брал ее обратно. Тогда император сказал мне, что мы прежде всего обязаны послушанием нашей матери и что только она может решить вопрос. Я понял, что́ он хотел сказать этим. Мы сейчас же отправились к матушке. Она не была непреклонна,—у нее были на то свои причины,—и тут же в присутствии только двух свидетелей, князя Александра Голицына и князя Петра Волконского, она и брат скрепили подписями привезенный мною акт, который был положен в двух экземплярах—в архиве Государственного Совета, в Петербурге, и в Кафедральном соборе, в Москве.

Так вот с тех пор я—свободный человек, и завтра, 28 июня, вы меня увидите на заседании польского сейма, бок-о-бок с добрым обывателем Праги [1]), благоговейно слушающим речь, которую мой младший брат будет произносить с высоты трона. Я думаю, что я поумнее его, и уж, конечно, я счастливее.

[1]) Константин Павлович, как известно, заседал в сейме в камере нунциев в качестве депутата от Пражского предместья.

И он заскрежетал зубами, говоря мне это.

Это был большой чудак, но я его знала только с хорошей стороны.

Любезный, остроумный, галантный— со мною он был всегда таким, и притом всегда оказывал мне полное доверие.

Его дурачества были подчас грубы, и проделывал он их одно за другим на тысячу ладов, притом самых нелепых.

Одно время была полоса мистификаций. В 1804 г. в Петербурге, во французском придворном театре, был актер-комик Фроже; человек умный, довольно хорошего тона, принятый в некоторых немного эксцентричных домах. Он скоро стал предметом забав великого князя, который часто приглашал его к себе обедать. Однажды великий князь подговорил двух своих адъютантов затеять ссору с Фроже; тот защищался остроумно и немного задорно. Вскоре и великий князь вмешался в спор и сказал несколько резких слов Фроже. Привыкший к шуткам великого князя, который обыкновенно допускал возражения, Фроже решил что может воспользоваться этим обычным своим правом; тогда великий князь вдруг гневно вскочил из-за стола и сказал Фроже:

— Сударь, вам не пройдет безнаказанно оскорблять великого князя!— и, обращаясь к одному из адъютантов

— Сударь, возьмите этого нахала и выбросьте его за окно!

Великий князь занимал первый этаж в Мраморном дворце, здании очень высоком; окно открыли, и офицеры схватили несчастного, дрожавшего всем телом Фроже и выбросили его на дворцовый двор. Там Фроже мягко погрузился в кучу пуха, нарочно приготовленную для этой сцены. Великий князь смеялся, как безумный, глядя на него сверху, и Фроже смеялся внизу, растянувшись на пуховике. В тот же вечер великий князь послал Фроже кошелек с 10.000 р. Своеобразное и немного дорогое высочайшее времяпрепровождение!

Корф в полемике с Герценом.

В августе месяце 1857 года выпущено было в свет первое «для публики» издание книги статс-секретаря барона Модеста Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». Два предшествующих издания этой книги— в 1848 г. и в 1854 г. — были выпускаемы всего лишь в 25 экземплярах, предназначавшихся только для членов царской семьи и лиц высокопоставленных. Известен характер этого сочинения, составленного по высочайшему повелению, на основании записок «высоких персон» и под редакцией самого Николая: написанное витиеватым и напыщенным «придворным» слогом, полное лести, оно имело задачей прославить великодушие, благородство и храбрость Николая и выставить заговорщиков легкомысленными и гнусными трусами. При этом работе своей автор стремился придать видимость полной объективности, постоянно указывая свои источники и обильно цитируя документы. Тем не менее в его искусном построении легко вскрывается и подтасовка фактов, и фальсификация документов, и весьма вольная композиция отдельных подробностей.

В подцензурной русской печати не могло, разумеется, появиться никакой критики книги, выпущенной «по высочайшему повелению», но «вольный русский станок» за границей дал ей должную оценку.

В четвертом № «Колокола» от 1 октября 1857 года напечатано было, помеченное 20 сентября, письмо Герцена к императору Александру II. Минуя Корфа, которому уделено лишь несколько презрительных замечаний, Герцен обращается прямо к Александру с вопросом, зачем понадобилось ему выпускать в свет это полное лжи и клеветы, бестактное и неприличное восхваление предшествующего царствования, которого он, Александр, не является, как хочет верить Герцен, продолжателем.

Александр II читал «Колокол». Октябрьский номер 1857 г. был в его руках в начале ноября; через шефа жандармов, кн. В. А. Долгорукова, он переслал его Корфу.

Корф был очень задет и встревожен статьею Герцена; первою его мыслью было, что инцидент может отразиться на служебной и придворной его карьере, вызвать немилость Александра, которого подвел он под бичующие удары беспокойного эмигранта.

Корф берется за перо и составляет предназначаемое только для царя возражение Герцену. Через В. А. Долгорукова 12 ноября 1857 г. он представляет его Александру; через два дня он получает свою записку обратно с собственноручною резолюциею царя, в которой тот вновь выражает ему благодарность за его труд, а «на бранные слова Герцена» весьма решительно советует «плевать».

Таким образом, при дворе инцидент был улажен. Теперь Корфу хотелось ответить Герцену. В начале 1858 г. редакция «Полярной Звезды» выпустила книгу «14 декабря 1825 г. и император Николай», с предисловием Герцена, в которой вновь, и не менее беспощадно, доставалось Корфу. Вскоре появилась на французском, а затем на немецком и итальянском языках брошюра Герцена «Русский заговор 1825 года», в которой опять затронут был мимоходом и Корф. Корфа считали в публике, а главное — он сам себя считал, просвещенным и либеральным сановником, и он очень дорожил этой репутацией Между тем обличения Герцена отбрасывали его в одну кучу с Бенкендорфами, Левашовыми, Орловыми и другими «стариками, пустыми и легкомысленными, баснословного невежества, без малейшего понятия о государственном деле», которые десятилетиями сидели в канцеляриях и достались Александру по наследству от Николая; Корф для Герцена лишь «юнейший» из этих «старцев».

Как видно из позднейших пометок Корфа на его записке, представленной Александру, у него мелькала мысль огласить ее в печати. Но после энергичного совета «плевать» на Герцена Корфу вообще нельзя было вступать от своего имени в полемику со своим обличителем, а, кроме того, записка, изготовленная для царя, и по содержанию своему не годилась для восстановления либеральной славы честолюбивого статс-секретаря; наоборот, она дала бы Герцену лишь новый повод к еще более язвительным и убийственным нападкам. Между тем о своих сборах отвечать Герцену Корф, повидимому, говорил кому-нибудь из «друзей»; во всяком случае, слухи об этих его планах дошли и до Герцена, и в 14 № «Колокола» — от 1 мая 1858 г. — появилась задорная заметка:

«Правда ли, что Модест Корф хочет отвечать на нашу книгу о «14 декабря 1825 г.»? Просим и желаем».

И вот, под впечатлением этого прямого вызова, Корф в летние месяцы 1858 г. делает набросок письма к Герцену. Оно составлено было от имени неизвестного автора и о Корфе говорило в третьем лице. Содержание его явствует из того несколько иронического заглавия, которое сам Корф дал позднее своему писанию — на обертке, в которую вложены листы его манускрипта: «Самовосхваление против Герцена». «Самовосхваление» осталось незаконченным, и мысль послать его Герцену, очевидно, мелькавшая первоначально у Корфа, была им скоро оставлена. Записку эту при жизни автора никто не видал и не читал, однако, он ее и не уничтожил, и она сохранилась среди бумаг, переданных сыном его в «Библиотеку Зимнего дворца»; теперь она находится в «Архиве Октябрьской Революции» в Москве.

Соединенные в одном и том же архивном фонде [1]), обе записки — и представленная Александру, и предназначавшаяся для Герцена — остаются выразительным памятником борения двух душ, происходившего в груди николаевского сановника, раболепно служившего самодержавию и в то же время стремившегося уверить если

[1]) Арх. Окт. Рев. Отдел IIа, бумаги «Библиотеки Зимнего дворца», №№ 2073 и 2566.

не других, то хотя бы самого себя в том, что он не чужой и для либерального движения русской общественности, — двойственность, имевшая место в психологии русских бюрократов крупных и мелких, и до и после Корфа.

Ниже печатаются обе записки Корфа и сопровождающие первую из них документы. Из этих документов — письмо Корфа В. А. Долгорукову и резолюция Александра II были уже напечатаны по копиям Шильдера М. К. Лемке в дополнениях к 9 тому выполненного под его редакцией «Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена» — ПТБ. 1919 г. Стр. 605.

Б. Сыроечковский.

I.

М. А. Корф В. А. Долгорукову.

«Колокол» в руках у государя, и д р у з ь я мои, конечно, не упустят этого доброго случая мне услужить. Надо же чем-нибудь им противодействовать, и вот я написал мой plaidoyer [1]), который предаю на ваш суд, любезный князь. Помогите мне здесь, как всегда. Очень чувствую, что бумага моя никуда не годится, потому что я никогда не упражнялся в литературной полемике и у меня недостает на такие отпоры ни остроты, ни нужной дозы насмешливости. Очень чувствую далее, что здесь нужны три условия: 1) conserver ma dignité vis-à-vis d'un pareil être, 2) le couvrir de ridicule и 3) tout en le faisant au moyen de quelques traits incisits, ne pas montrer de rancune personnelle [2]); но как соединить эти условия—that's the question [3]). Ваше перо и ваша дружба мне помогут. Вы, вероятно, бросите мою бумагу под стол и напишете совсем новую.

Одно, чего не надо упускать из виду: эта бумага собственно для государя, а отнюдь не для публики.

Вслед за моей бумагой вы найдете выписку из самой статьи Герцена; но дай бог вам ее прочесть: для выигрыша времени я написал ее с большими сокращениями.

8 ноября (1857 г.).

2.

Докладная записка М. А. Корфа Александру II.

Генерал-адъютант князь Долгоруков сообщил мне с высочайшего соизволения нумер «Колокола», в котором помещен пасквиль на книгу: «Восшествие на престол императора Николая I».

Ваше императорское величество, всемилостивейше простите мне, если, изложив некоторые мысли по поводу этой статьи, я осмелюсь отнять ими несколько минут драгоценного вашего времени, не из авторского тщеславия, здесь неуместного, но из священного для каждого русского желания охранять свою честь перед лицом монарха, даже если бы грязь была брошена в нее рукою Герцена.

Мне нельзя было не предвидеть, что мое имя, выставленное на книге, будет мишенью для подобных выстрелов; но я с первой минуты готов был их перенести: я дорожу в этой жизни лишь вашею, всемилостивейший государь, милостию, благодарною памятью о царственном моем благодетеле и спокойствием моей совести.

Статс-секретарь барон *Модест Корф*.

12 ноября 1857 г.

---

[1]) Защитительное слово.

[2]) 1) Сохранить достоинство пред лицом подобного субъекта, 2) выставить его смешным и 3), делая это посредством нескольких резких штрихов, не показать личного раздражения.

[3]) Вот вопрос.

На этой записке карандашом, рукою Александра II, написана следующая резолюция, относящаяся, как видно из пометки Корфа, к 14 ноября:

«На бранные слова Герцена советую вам плевать, они большего не заслуживают. Вам же все благородные люди останутся вечно благодарны за сохранение для потомства одной из самых примечательных страниц нашей истории. О личной моей благодарности я не говорю, — она вам давно известна».

Под текстом записки рукою Корфа сделаны следующие две карандашные заметки:

«После моей смерти, и когда обстоятельства позволят, прошу моего сына напечатать это оправдание его отца против человека, которому сам он, с своей стороны, давно в сердце простил, но которого нарекания должны быть опровергнуты во имя исторической истины.

9 июня 1867 г., в день пятидесятилетия моей службы».

«Нет: смерть Герцена прежде меня слагает с моего сына исполнение этого завета. Теперь мой несчастный противник предстоит другому суду, нежели человеческий, и там определится, на чьей стороне была истина.

22 февраля 1870 года».

3.

Возражения Корфа на статью Герцена.

«Вольный русский писатель» г. Герцен-Искандер уже несколько лет тому назад с восхищением передавал русским, что народ польский, в то время как сейм произносил низвержение дома Романовых, служил торжественную панихиду по Муравьеве, Пестеле и их друзьях.

Тот же «вольный русский писатель» постоянно украшает заглавный лист своей «Полярной Звезды» портретами пяти государственных преступников, казненных в Петербурге в 1826 году, а по его словам «беспощадно побитых грозою за то, что они слишком верили в Россию и слишком рано вышли на поле, запечатлев мученичеством свой подвиг».

Посему легко было заранее предвидеть, с каким чувством встретит этот писатель книгу «Восшествие на престол императора Николая I», где мятежники названы «мятежниками», какими они были в самом деле, а не «спасителями отечества, замученными тираном», какими изображает их революционная его кисть. Заранее также можно было предвидеть, какою ядовитою желчью обольет г. Герцен и составителя книги, будь он даже не «какой-нибудь Корф», а первый историк и первый публицист в мире, и содержание книги, которое само собою рисует величественный, рыцарский образ монарха, бывшего всегда метою злобных, площадных его клевет и ругательств.

Предвидения эти исполнились. Щедрая брань Герцена не могла, однако же, ни оскорбить, ни даже огорчить меня: голословность ее служит, напротив, лучшим доказательством, что события в книге изложены верно и с истинной точки зрения, ибо критик, чувствуя невозможность опровергнуть самые факты, должен был истощить свою изобретательность на фразы, — фразы à l'effet обыкновенное оружие памфлетистов, — и эти стрелы свои направить против личности и нравственных свойств редактора, не имеющего чести быть ему известным.

Но, являясь в настоящем деле не столько частным лицом, сколько исполнителем воли правительства и даже его органом, я считаю долгом оговориться от тех нареканий, которые во всяком другом случае забыл бы тотчас по их прочтении.

Г. Герцен называет текст книги «отталкивающим по своему тяжелому, татарскому раболепству, по своему

канцелярскому подобострастию, по своей уничиженной лести». Г д е мой критик нашел следы всего этого в книге, излагающей одни голые факты, без всяких личных рассуждений ее редактора? Н а ч е м, при изложении событий или изображении характеров, отразились эти качества? Сам император Николай не дозволил бы, в описании событий 14 декабря, как и во всем другом, не только слова, даже и тени лести. Так, в первой редакции он собственноручно вычеркнул одно место, где рассказывалось, как Сперанский, при разговоре о дне 14 декабря, назвал его «героем». Вина моя перед г. Герценом и ему подобными — в том, что я, говоря об императоре Николае, выражался почтительно, как свойственно всякому русскому, если бы даже не по сердцу, то по долгу приличия, когда он пишет о монархе России. Эту вину я не только с радостию принимаю на себя, но, по христианскому чувству, сердечно желал бы, чтоб и г. Герцен был в ней соучастником. Почтительность выражений о почившем в бозе государе я соблюл бы, несмотря на всех Герценов в мире, и тогда, когда писал бы что-либо собственно от своего имени; тем еще более лежал на мне этот долг в книге, изданной в свет от имени русского императора, от имени сына, передающего современникам и потомству страницу из исторической жизни своего отца. Конечно, г. Герцену, по свойствам его, трудно понять различие между раболепством и почтительностию и еще труднее ему оценить, как следует, все то, что не носит на себе следа злобы и клеветы против монарха, которого он низко обманул при его жизни и которому за свой собственный обман порывается в бессильном ожесточении мстить еще и после его смерти.

Продолжая разражаться своими эффектными фразами, мой критик рисует отвратительную картину, где представляет меня «идущим за тогдашними палачами для того, чтобы осквернить гробы людей если и заблуждавшихся, то ч и с т ы х и пламенно любивших Россию».

К счастию, не таково чувство, возбужденное моею книгою во всех людях благомыслящих, во всем огромном большинстве. За изъятием немногих отдельных лиц или кружков, привыкших все порицать или всего бояться, все с признательностью приняли благородную мысль монарха обнародовать ныне же, пока еще живы многие из современников, и с т и н н ы й очерк событий, уже принадлежащих истории; все оценили и ту бережливую снисходительность, с которою говорится в книге о преступниках, — снисходительность, простертую до того, что имена п е р е ж и в ш и х заговорщиков в ней совсем умолчаны; не осталось незамеченным публикою и то, что вся книга проникнута состраданием к несчастным, а не упреками виновным. Но людей, замышлявших цареубийство и готовившихся привести его в исполнение или действительных убийц Милорадовича и Стюрлера, или изрубивших Шеншина, Фредерикса и Хвощинского, или посягавших на митрополита, шедшего в волнующуюся толпу с крестом и словом примирения,— таких людей называть «ч и с т ы м и» может лишь г. Герцен. Э т о г о утешения он никогда не дождется от истории. Милосердие Александра II все простило и забыло; соответственно сему чувству милосердия эпилог книги всех, принимавших участие в 14 декабря, покрыл белым знаменем, назвав одних: «обольщенными самонадеянностию», других — «увлеченными неопытностию молодости». Но событие все-таки остается событием; убийства уже ничто не смоет со страниц летописи; скрыть его или умалить значило бы д е й с т в и т е л ь н о исказить истину, известную всякому в России, заподозреть верховный уголовный суд в бесчеловечной несправедливости, а членов сего суда и самого даже монарха признать преступниками против закона и совести. Да не будет так! История всегда с праведным отвращением назовет имена Равальяков, Анкерштремов [1]), Каховских, какими бы лаврами

[1]) Равальяк — убийца Генриха IV, Анкерштрём в 1792 г. покушался на убийство короля шведского Густава III.

единомышленники ни старались их увенчивать; с таким же омерзением станет говорить о Мацциниях, Кошутах, Герценах, потому что защищать преступление и возбуждать к нему есть иногда вина тягчайшая самого преступления; наконец, не забудет и того, ч т о̀ ожидало бы Россию 14 декабря, еслиб предприятие этих «ч и с т ы х, столь пламенно любивших ее людей» имело успех хоть на несколько часов!

Замечательно, что в том же номере «Колокола» г. Герцен объявляет о своем намерении перепечатать вполне «Донесение следственной комиссии и приговор верховного уголовного суда 1826 года». Нельзя, конечно, ни минуты сомневаться в том, что он выдаст эти исторические акты, как и мою книгу, за ложь, раболепство и подобострастие, а свой пасквиль возведет на степень неумытной правды. Но все ли ему поверят? А между тем этою перепечаткою давно забытых и исчезнувших актов не осквернит ли он, гораздо более нашего, любезные ему могилы, возобновив в памяти людской ковы, умыслы и трусость участников 14 декабря, о которых у нас упомянуто только вскользь; огласив снова имена переживших, которые у нас сокрыты; наконец, еще положительнее обнаружив безрассудство и ничтожность тех, которых он силится изобразить невинными мучениками святого дела? Где же будет тут то «примирение и понимание, то почтительное благоговение перед былым», которых он требует от других, и не сам ли он первый дерзко разроет могильные холмы своих друзей, мимо которых мы прошли с спокойным молчанием?

Далее г. Герцен винит «статс-секретаря и кавалера» в «жалком, ложном и рабском воззрении на события, которых смысл и сам Николай лучше его (т.-е. лучше Корфа) понимал, потому что вспомнил о них еще на смертном одре, и в бросании оскорбления людям, так беспощадно побитым грозой за то, что слишком верили в Россию».

Вопреки диктаторскому тону г. Герцена, напоминающего собою другого печальной памяти диктатора за кулисами, никто, считающий несчастием безначалие, кровопролитие и междоусобие, не может иметь другого «воззрения» на события 14 декабря, как выраженного в моей книге. Точно так же, а не иначе, понимал смысл их и император Николай, которого с о б с т в е н о р у ч н а я записка послужила главным материалом всей книге, но который на смертном одре, вопреки клевете г. Герцена, только в с е и в с е х п р о с т и л, не упомянув н и о д н и м с л о в о м о сих событиях. Если наименование революции «революциею» и сознательно принимавших в ней участие «заговорщиками и мятежниками» составляет «жалкое, ложное и рабское воззрение», то я и здесь опять охотно беру на себя упрек г. Герцена. Пусть он изобретает для этих действий новые выражения, а я «в рабском моем воззрении» не могу назвать бунта благом, ни возбудителей его—благодетелями человечества. Но и из числа этих его героев никто не был «б е с п о щ а д н о побит грозой», потому что император Николай д л я в с е х смягчил приговор, основанный на точной силе законов, не вновь сочиненных именно на этот случай, а давно существовавших; не многие и погибли за то, что «слишком верили в Россию», потому что большая часть настоящих заговорщиков думала совсем не о России, а только о самих себе, точно так же, как г. Герцен, все обливая своею желчью и всем подавая свои советы, думает, конечно, совсем не о пользе покинутого им отечества. В противоположность тому, что совершается теперь в наших глазах, деспот Николай великодушно призрел семейства осужденных, а с в о б о д н а я Англия, дающая притон русскому изменнику, расстреливает у пушечного дула своих непокорных подданных, хотя и они, может быть, только «слишком верили в Индию», и растерзывает их невинных жен и детей, при рукоплесканиях своего вольного книгопечатания, столь взыскательного к другим. Отчего г. Герцен, отъявленный враг «рабских воззрений» и «татарского раболепства», не почтил своим вниманием этого контраста?

Чтобы нанести редактору окончательный, решительный удар, г. Герцен

воспользовался весьма известною в журнальной полемике уловкою. Желая убедить своих читателей, что книга достигла чего-то совершенно противоположного той цели, для которой ее издали, он говорит, что я «выдал императора Николая и всех присных его на всеобщее посмешище, не щадя ни пола, ни возраста». Ясно, что в этом замечании должно крыться что-то очень остроумное, но истинный смысл его не легко понять, потому что никому из нас не легко вознестись на высоту воззрения г. Герцена. Разве, может быть, показались ему смешными не изменявшее императору Николаю в этот день ни на минуту мужество и присутствие духа; или волнение и слезы его родительницы и супруги; или решимость царского брата с опасностию жизни войти в толпу увлеченных к бунту солдат, чтобы вывести их на прямой путь; или подвиги геройского самоотвержения, явленные митрополитом Серафимом, Милорадовичем, Стюрлером, Орловым и другими верными сынами России; или общая преданность к царю и престолу огромного большинства войск и народа; или восторг, с которым саперы приветствовали вынесенного к ним царственного отрока? Позволено думать, что если бы во всем этом проявлялась хотя одна сторона, одна точка, доступная насмешке или осуждению, то г. Герцен превознес бы мою книгу до небес; но именно в неистовых его ругательствах я и нахожу высшую ей похвалу. Смешны тут,—и если бы г. Герцен мог писать иначе, то, верно, он сам бы в том сознался, — смешны тут, говорю, но печально-смешны, одни собственные его герои, с их безрассудною попыткою, не имевшею ни цели, ни возможной, не только вероятной, надежды иного успеха, кроме анархии и кровопролития.

Что же касается способа, употребленного г. Герценом, излагать события для потехи своих читателей в смешном виде, то это — дело весьма легкое. Ход *всей* всемирной истории мог бы быть изложен в той же самой форме, в какой критик передал факты благородной, беспримерной в народных летописях борьбы между братьями, отрекавшимися от верховной власти. К счастию, наука и ее жрецы только с улыбкою презрения смотрят на клоунов, вторгающихся иногда в ее священную область с своими фарсами.

Наконец, еще несколько последних слов о смешном упреке, делаемом мне г. Герценом, «в безграмотности» книги, которой составление, однако, как сам он далее говорит, поручили мне будто бы потому, что знали мое «бойкое, хотя и несколько горячее» перо. Уверенность в блестящее и непогрешимое знание русского языка есть вообще слабая струна моего критика. Точно такие же упреки делал он не понравившимся ему манифесту о мире и всемилостивейшему манифесту 26 августа 1856 года, писанным не мною. Если бы я мог снизойти до печатной полемики с г. Герценом, то нашел бы, в моей безграмотности, достаточные средства доказать, если и не «горячо», то, может быть, довольно «бойко», что г. Герцен, впадающий на каждом шагу в ошибки против первых правил нашего языка, не есть судья в этом предмете.

В статье г. Герцена встречается однако же одна очень справедливая мысль: «Вместо брани,— пишет он,— не лучше ли обратиться к тогдашним событиям с серьезной и покойной (т.-е., должно быть, «спокойной») мыслию и постараться понять их смысл».

Жаль, что г. Герцен сам не пользуется теми советами, которыми он так щедро наделяет других!

4.

Самовосхваление против Герцена.

(Оставшееся, разумеется, только в рукописи и еще никому мною не показанное.)

Барона Корфа невозможно подводить под один уровень с теми из числа сановников наших, которых вы избираете метою ваших, к сожалению часто справедливых порицаний. Государственная деятельность его всегда

стояла на первом плане, и Россия помянет его не одним благим делом. В свое время правая рука Сперанского, Корф один создал 5 томов из числа 15-ти, составлявших первое издание Свода законов. Он же извлек потом канцелярии комитета министров и государственного совета из той моральной грязи, в которой обе валялись при прежних начальниках, и возвел ту и другую на невиданную у нас степень честности, правдивости и порядка. С изумительною деятельностию и быстротою в работе, с неприкосновенною чистотою правил, с светлым практическим умом, с высшим образованием [1]), он везде и во всем служил сам примером и руководителем для своих подчиненных.

Ему же было поручено впоследствии довершение воспитания в науке законодательства и управления в. к. Константина Николаевича и, позже, обоих младших его братьев. В государственном совете, в главном правлении училищ, в опекунском совете — он теперь член всех этих установлений,— как и в разных высших комитетах, часто раздавалась увлекательная и энергическая его речь за правду, за все доброе и полезное, и часто предупреждала она много дурного и нелепого.

Из хаоса библиотеки, называвшейся Публичною, но в существе представлявшей только огромную кладовую без света и без жизни, Корф успел создать такой дом науки, который если еще не первый в мире по своему богатству, то, конечно, первый по своему устройству и особенно по той либеральности и приветливости, с которой принимаются и удовлетворяются многочисленные его посетители от первого вельможи до крепостного человека, от знатнейшей дамы до повивальной бабки. Самое издание книги, возбудившей в вас столько негодования [1]), Корф, не только не богатый, но не имеющий ничего, кроме служебных окладов, с самоотвержением обратил на пользу действительнейшего теперь у нас рассадника просвещения: тотчас при выходе в свет «Восшествия на престол Николая I» объявлено было, что государь, по просьбе редактора, предоставил всю выручку в пользу Публичной библиотеки, а из напечатанного отчета за 1857 год видно, что до 1858 г. этот источник принес свыше 24-х т. р.

Наконец, тому же лицу наша литература и наша наука обязаны чрезвычайно верным шагом — уничтожением по его докладу в самые первые месяцы нынешнего царствования тайного, порожденного политическим страхом 1848 года цензурного комитета, который представлял настоящую литературную инквизицию, тем более страшную, что она карала писателей и цензоров, ни у кого не спрашивая ответа и сама ни перед кем ни за что не отвечая [2]).

И одних исчисленных мною действий — многое, быть может, осталось мне еще неизвестным — достаточно, чтобы привязать имя этого благородного человека и истинного патриота к нашей административной истории. Свет и движение вперед во всем полезном для отечества были всегдашним его девизом, и, товарищ по школе Пущина и Кюхельбекера, он, хотя и другими путями, стремился к одинаковой с ними цели. Напрасно же вы его называете «каким-нибудь» и осыпаете насмешками или, прямее сказать, ругательствами. В России они не найдут ни веры, ни отголоска и только разве заподозрят правдивость

---

[1]) Вы ошибаетесь, относя окончание воспитания Корфа к царствованию Николая. Он был воспитан в Царскосельском лицее в самую светлую его эпоху (1811 — 1817) и принадлежал к одному выпуску с Пушкиным. (Примечание Корфа.)

[1]) Вычеркнуто: «сколько ни естественно всякому пользоваться для самого себя плодами своего труда».

[2]) К сожалению, Корф не упоминает, что комитет этот и учрежден был в 1848 г. в результате представленной им тогда докладной записки о вредном влиянии «Отечественных Записок» и «Современника» и что он состоял членом, а позднее председателем, этого комитета.

многих из числа ваших замечаний насчет других лиц [1]). Скажу более, вы сами не верите ничему тому, что говорите о Корфе, потому что, верно, слыхали о нем совсем другое в бытность вашу и в Москве, и в Перми, и в Новгороде, как, может быть, продолжаете слышать теперь в Лондоне.

Имя его начало выдвигаться вперед — извините, вы ведь не любите старости — еще с тридцатых годов, и общий голос уже десятки лет призывает его на министерские посты, преимущественно юстиции и народного просвещения. От этого самого, вероятно, и не был он министром при Николае, не любившем слушаться общественного мнения. Теперь же обойдение Корфа при увольнении Норова [2]) приписывается в публике совсем другой причине, истекшей, впрочем, также лишь от благородства его характера и, так сказать, государственной его честности. Быв назначен государем в число членов высшего комитета по крестьянскому вопросу, он прямо и смело просил уволить его от этого звания, не по недостатку сочувствия к великой мысли,— Корф всею душою издавна ей предан,— а потому, как гласно высказал, что не имел сам крестьян, никогда не жил в деревне и не находит в себе нужной опытности для помощи святому начинанию, а главное — боится, чтобы его имя, как человека беспоместного, не заподозрило дела в глазах помещиков и тем не повредило успеху. Это известно целому Петербургу, а из Петербурга разнеслось и по всей России; и такая черта самоотвержения стяжала Корфу еще бо́льшую популярность, хотя, разумеется, не понравилась многим из его товарищей, которые внутренно чувствовали, что для блага России и им надлежало бы по его примеру уступить место людям более сведущим. Со всем тем, они не нашли в себе довольно духа, чтобы отказаться подобно Корфу, которого вы выставляете искателем почестей, от наград и отличий, ожидающих их при конце этого дела. От этого самого многие из них, натурально, старались представить государю подвиг Корфа [1]) в превратном виде; но если и успели через то охладить прежнее расположение к нему Александра, то не могли, однако, подорвать доверия к государственным его достоинствам; доказательством этому то, что при увольнении весною 1858 г. больного графа Блудова за границу должность его, т.-е. управление важнейшею — законодательною — частию государевой канцелярии [2]), та самая должность, которую занимали некогда Сперанский и Дашков, вверена была не другому кому, как именно Корфу, и ему же, перед совершеннолетием наследника, велено было ознакомить его для подготовления к присяге с основными началами законоведения, что тоже так вам не полюбилось.

[1]) Вычеркнуто: «занимающих у нас высшие посты».

[2]) Норов оставил пост министра народного просвещения в 1858 году.

ПРИМЕЧАНИЕ.

К о р ф, Модест Андреевич, граф, статс-секретарь, член государственного совета (11 сент. 1800—2 янв. 1876). По окончании в 1817 г. Царскосельского лицея поступил на службу в департамент юстиции. С 1818 г. по апрель 1826 г. состоял редактором в комиссии составления законов, выполнял и другие служебные поручения. Одновременно с 1823 по 1826 г. служил в департаменте разных податей и сборов министерства финансов. В 1826 г. Сперанский привлек его во II отделение собственной е. и. в. канцелярии, где он принимал участие в работе по составлению Свода законов. С 6 мая 1831 г. он назначен был управляющим делами комитета министров

[1]) Вычеркнуто: «в превратном виде, как бы вроде оппозиции или трусости, и таким образом человека, еще от времен первой молодости горячо призывавшего освобождение у нас крепостных людей, человека, уничтожившего у нас тайную цензуру и открывшего в библиотеке широкие двери просвещению»... «этот подвиг истинной государственной честности».

[2]) Д. Н. Блудов с 1839 г. состоял главноуправляющим II отделения с. е. и. в. канцелярии.

и по этой должности стал ближе известен Николаю I. В 1834 г. он назначен был исправляющим должность государственного секретаря. С 1 января 1839 г. — утвержден был государственным секретарем. 11 апреля 1843 г. был назначен членом государственного совета. В 1848 г. Корф представил докладную записку о вредном влиянии «Отечественных Записок» и «Современника», в результате которой учрежден был особый комитет о цензуре под председательством Бутурлина, членом, а позднее и председателем которого Корф состоял до его упразднения при Александре II. В сороковых годах Корф преподавал юридические науки в. кн. Константину Николаевичу и другим великим князьям. 8 октября 1849 г. на него было возложено управление Публичной библиотекой». 6 декабря 1861 г. Корф был назначен главноуправляющим II отделения собственной е. и. в. канцелярии. 27 октября 1864 г. был назначен президентом департамента законов государственного совета. 1 января 1872 г. был уволен по прошению в отставку, при чем Корфу, имевшему уже все русские ордена, было пожаловано графское достоинство. В оба царствования Корф принимал участие в работах различных правительственных комитетов и комиссий.

Корфу принадлежит несколько исторических работ, среди которых, кроме книги о восшествии на престол Николая I, крупнейшей является двухтомная биография Сперанского, вышедшая в 1861 г.

Стихотворение декабриста.

Стихотворение это печатается по копии, находящейся в «Архиве Октябрьской Революции» в Москве в бумагах быв. «Библиотеки Зимнего дворца». Под № 2284 в составе этого фонда имеется тетрадь с пометкой: «Из бумаг кн. А. Б. Лобанова-Ростовского» и озаглавленная: «Из записок Александра Михайловича Муравьева». Первые 20 страниц этой тетради заняты выдержками из записок А. М. Муравьева на французском языке; затем на стр. 21 написаны «Требования Общества» (о которых см. ниже), и далее идет печатаемое здесь стихотворение «Желания».

Несколько лет тому назад стихотворение это, написанное рукою Ф. Ф. Вадковского, находилось и в нашем семейном архиве. Теперь утрачено. Стихотворение было написано на 4-й странице писчего листа грубой желтоватой бумаги. На первом листе была пометка рукою моего отца, Е. И. Якушкина: «Из бумаг Пущина». Весь лист был исписан мелким, узорным почерком Вадковского. $2^1/_2$ страницы были заняты известным рассказом о восстании Черниговского полка. Текст не отличался от печатного. Внизу третьей страницы находилось два стихотворения: известное стихотворение С. И. Муравьева-Апостола и сочиненная М. А. Бестужевым «Песня» — «Что не ветр шумит во сыром бору»... На 4-й странице находились два стихотворения: печатаемое здесь с нумерованными пояснениями «Требования Общества» (как и у Лобанова-Ростовского) и другое стихотворение, озаглавленное «Странная история». В последнем стихотворении в юмористической форме рассказывалось о свержении самодержавия.

Я указал выше, что этот документ утрачен; а так как утрата из архива такого документа составляет тяжкий проступок и ложится пятном на хранителя, в данном случае на меня, то я считаю необходимым объяснить, как это произошло.

Лет пять тому назад копии этих двух стихотворений я передал П. Е. Щеголеву, с тем, чтобы он напечатал их в «Былом». Приблизительно через год П. Е. Щеголев, будучи в Москве, зашел к нам и попросил познакомиться с подлинником этих стихотворений, говоря, что в моих копиях он не все разбирает. Я передал П. Е. Щеголеву до следующего дня три документа: кроме

листа, писанного Вадковским, еще письмо М. А. Бакунина к моему отцу и копию письма Бакунина к Гастфорду. Все эти документы он обещал вернуть на другой день. Но на другой день утром П. Е. Щеголев сообщил мне по телефону, что он вчера вечером все эти документы потерял.

Несколько раз потом я просил П. Е. Щеголева прислать мне копии этих стихотворений; он обещал и не прислал.

Печатаемое стихотворение с художественной стороны очень слабо, но содержание его надо признать очень значительным. В нем содержится программа, которую ставили себе декабристы. В общем программа эта совпадает с той, которую приводит в своих «Записках» А. М. Муравьев, как программу «Союза Благоденствия» [1]). Но в этом стихотворении программа выражена гораздо подробнее, определеннее и резче. Она близка и к тем «Требованиям», которые изложены в писанных рукою Ф. Ф. Вадковского пунктах, печатаемых ниже.

В тексте, находящемся в бумагах Лобанова-Ростовского, пропущен 5-й стих. Насколько я могу припомнить, в нашем списке стих этот читался так: «Вот, за что хотели мы нашу кровь пролить»... Стих этот внесен в печатаемый ниже текст в квадратных скобках—[ ]. 4-й стих читался: «А твой Белый царь»...

Копия кн. Лобанова-Ростовского называет автором Вадковского. Наш список не давал для этого указаний, так как из 4-х стихотворений, которые там были помещены, два не принадлежат Вадковскому. Написано стихотворение в Сибири, не позднее 1843 г.

Стихи Ф. Ф. Вадковского.

ЖЕЛАНИЯ.

1. Помнишь ли ты нас, Русь святая, наша мать,
Иль тебе, родимая, не велят и вспоминать?
Русский бог тебе добрых деток было дал,
А твой бестия [2]) царь их в Сибирь всех разослал!
5. [Вот, за что хотели мы нашу кровь пролить:]
Чтобы кровию той волюшку тебе купить,
Чтобы на Руси цепь народа разорвать,
Чтоб солдатушкам в службе век не вековать;
Чтоб везде и всем одинаковый был суд,
10. И чтобы никто больше не слыхал про кнут,
Чтоб судили вслух, а не тайно, не тишком,
И чтоб каждому воздавалось поделом;
Чтобы всякий мог смело мыслить и писать,
Правду-матушку на весь мир провозглашать;
15. Чтобы твой народ сам собою управлял,
Чтобы чрез избранных он законы поставлял,
Чтобы всяк берег те законы пуще глаз
Помня про себя: глас народа — божий глас!
Чтобы на Руси всюду школы основать,
20. С тем, чтобы мужичков не могли бы надувать;
Чтобы не было ни вельможей, ни дворян,
Дармоедов тех, что живут на счет крестьян.

---

[1]) См. эти «Записки» в книге Ф. Шимана: «Убиение Павла I и восшествие на престол Николая I». Берлин. 1902, стр. 165; по-русски «Записки» изданы под ред. С. Я. Штрайха — СПБ., 1922.— Напомним здесь эту программу: «Уничтожение рабства. — Равенство граждан перед законом. — Гласность в государственных делах. — Гласность судопроизводства. — Отмена винной монополии. — Упразднение военных поселений. — Улучшение участи защитников отечества. — Уменьшение двадцатипятилетнего срока военной службы. — Улучшение участи нашего духовенства. — Сокращение состава армии для мирного времени.»

[2]) Зачеркнуто: «блудный».

Вот чего тебе мы хотели добывать;
Вот за что твой царь нас велел заковать!

25. Вспомни же ты нас: деток ты не забывай...
Хоть за их любовь иногда их вспоминай!

Требования общества.

Писаны рукой Ф. Ф. Вадковского.

1. Уничтожение самовластия.
2. Освобождение крестьян [1]).
3. Преобразования в войске.
4. Равенство перед законом.
5. Уничтожение телесных наказаний.
6. Гласность судопроизводства.
7. Свобода книгопечатания.
8. Признание народной власти.
9. Палата представителей.
10. Общественная рать или стража.
11. Первоначальное обучение.
12. Уничтожение сословий.

Сообщил *Е. Е. Якушкин.*

Песня декабристов.

Печатаемое ниже стихотворение хранится в семейном архиве Якушкиных в Москве. Оно написано на полулисте белой шероховатой бумаги с водяным знаком 1831 года. Почерк мелкий, красивый; в некоторых местах находятся поправки той же рукой и подчистки. В нашем семейном архиве нет образчиков этого почерка. Автора песни установить мы не могли, так как не имеем для этого данных.

С художественной стороны стихотворение это очень слабо. По содержанию оно интересно: оно показывает, что за десять лет убеждения декабристов не изменились. Все стихотворение проникнуто глубокой любовью к родине и свободе.

Стихотворение печатается по новой орфографии. Разрядкой набраны слова, подчеркнутые в оригинале.

Песня.

(На голос: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».)

Мать ты наша, матушка, православная!
Мать наша родимая, ты святая Русь!
За что, наша матушка, ты прогневалась?
Али мы не кровные все дети твои?
5. Али в ретивом у нас не любовь к тебе?
Али мы неправдою служили тебе?
Как была невзгодушка, помнишь, страшная!
Когда чудь немецкая хлынула на Кремль,
И златые маковки пылали в огне,

10. И тебе осталася одна грудь сынов!
Кого ты вскормила уж из нас деточек,
Те, ведь, не задумались — за тебя горой...
Посмотри-ка на поле Бородинское:
Нашей крови капельки, верно, там найдешь!
Были и под Полоцком, под Тарутиным,
Гнали злого ворона за Березину.
15. Отстояли матушку — ну! других спасать!
И славу родимыя пронесли за Рейн;
Протрубили громкую с Бель-виля в Париж,
Оглушили на веки всех врагов твоих!
Домой воротилися, думали найти

[1]) Крестом отмечено в оригинале, как и в следующих строках.

20. Тебя, нашу родную, в славе и чести,
Свободну и счастливу, как быть надлежит.
Что же очутилося? — тебе ж хуже всех!..
Чужого-то выжили, — свой ворог насел!
Вздумал тебя, милую, запросто душить.
25. Закипело в детушках молодецкое,
Загадали роднушку еще раз спасти!
Смигнулись, стакнулися и стали за одно:
Одно было в помысле, в чувствах и делах.
Не было в дому твоем правды ни на грош;
30. Одни из нас, оставя меч, засели в приказ.
Что могли, то делали, чтобы злу помочь,
Разбудить других сынов от рабского сна.
Не стало вдруг барина, барчук наступил;
Вышли мы «впервые» с самим говорить.
35. Мы ли виноваты в том, что выдали нас? —
Одни нас не поняли, — другие молчок!
С барскими картечами не смогли, как быть!
Первую-то песенку, ведь, зардевшись, спеть.
На площадь Петровскую, на сенат взгляни:
40. Ужли не дымятся там наших кровь-мозги? —
Стены затирали хоть чистой известью;
С площади смывали кровь в ночь из поливней;
Но она не смоется с твоей памяти;
Топором не вырубишь с скрижалей долой.
45. Взгляни-ка: на крепости виселицы нет;
Но пять теней грозных носятся над ней!
А там что, за Киевом? — кровь Черниговцев,
Ипполита юного — не греческого:
Любил тебя, матушка, не как пасынок;
50. Не морское чудище сразило его,
Погубила юношу дума светлая:
«Крепостною мать мою видеть не могу!»
Осмотри-ка «Домик» свой на всем Севере:
Куда наших косточек не закинули? —
55. Томились в железах мы, страдали в тюрьмах,
Гибли в Грузии, в Суздале, на Ленских брегах;
Мели в Чите улицы, засыпали рвы; —
Рвались бы служить тебе, а мелем муку
Жерновами тяжкими вот уж десять лет!
60. На то наши головы обрекла судьба!..
Но чем твои доченьки провинилися,
Что ты позабыла их и не видишь слез?
Посмотри-ка, родная, одной уже нет:
Схоронили милую в дальней стороне!..
65. Нет, нет, наша матушка, не забыла ты;
Только делать нечего тебе, вишь, самой.
Ждешь, наша родимая, поры да чреды,
Кормишь себе деточек новых побойчей.
Есть уж чем утешиться, не долго терпеть,
70. Подрастают молодцы, уж не нам чета!
Пусть их будто учатся — равно трех любить:
Двух старушек хромушек, да девукрасу,
Красавицу девицу — что кровь с молоком!
Какая в Новгороде коли-то была.
75. Не то совсем смекают деточки твои;
Любовь у них тлеется к девице одной.
Дай-ка разгореться ей — старухам не смочь.
Тогда будет жутко ворогам твоим;
Воспокаются, да поздно, во грехах своих! —
Заживешь ты, матушка, тогда барыней.
Тогда-то, родимая, вспомни о нас,
Сгреби наши косточки и поплачь на них!

1 января 1836 г.

Ивану Ивановичу Пущину на память.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Ст. 30—Пущин и Рылеев.

Ст. 48. Ипполит Муравьев-Апостол, младший брат Матвея и Сергея. Ипполит застрелился 3 января 1826 г. во время неудачной битвы под Белой Церковью, когда увидал, что брат его Сергей упал раненым.

Ст. 63—64. Александра Григорьевна Муравьева, жена Никиты Михайловича. Умерла в Петровском Заводе в 1832 году.

Стих. 71 и след. Это место надо, может быть, понимать в связи с лозунгом: православие, самодержавие и народность.

Сообщил *Е. Е. Якушкин*.

Инструкции по Алексеевскому равелину С.-Петербургской (Петропавловской) крепости.

История С.-Петербургской (Петропавловской) крепости, как места заключения государственных преступников, начинается с XVIII века, и с Алексеевским равелином связаны самые интересные ее страницы. Входящий в систему крепостных сооружений и в то же время расположенный вне основных стен, равелин явился чрезвычайно удобным и как будто специально приспособленным местом для заключения особо секретных узников. Алексевский равелин был ближе и поместительнее, тогда как Шлиссельбург в это время требовал серьезного ремонта.

В 1802 году равелин, который до сих пор был, вероятно, в распоряжении уничтоженной тайной экспедиции, вернулся под начало коменданта Петропавловской крепости. Оставить его на одинаковом положении с прочими частями крепости было невозможно по тем функциям, какие равелин должен был выполнять. Необходимо было создать стройную и последовательную организацию надзора за арестантами и строгой дисциплиной обеспечить не только невозможность побега, но и секретность самого заключения. 1 декабря 1808 года, по всеподданнейшему докладу, были «поставлены правила для сохранения внутреннего благоустройства в Алексеевском равелине и в рассуждении содержания заключаемых в оный арестантов».

Но и это положение оказалось неудовлетворительным. В 1812 году последовал новый всеподданнейший доклад, в котором министр полиции и с.-петербургский военный губернатор Балашов объяснял, что «ныне по разным встретившимся, вашему императорскому величеству известным уже, обстоятельствам оказываются необходимы некоторые перемены в сем учреждении, равно как и определение особенного смотрителя, коего доселе не было положено, должность же сия присоединялась мало-по-малу к обязанностям плац-майора». Получив высочайшее утверждение, Балашов назначил смотрителем Лилиенанкера, занимавшего эту должность до 1827 года, — года его смерти, — и при особом отношении дал ему две первых из ниже напечатанных инструкций.

По положению 1812 года, власть коменданта крепости оканчивалась наружным караулом у стен равелина. Порядок этот имел существенные неудобства, поскольку равелин был все же частью Петропавловской крепости, и по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел графа Кочубея в 1820 году было решено «для лучшего удобства в устройстве Алексеевского равелина обратить оный в ведомство» коменданта; последнему предписывалось «относиться к управляющему министерством внутренних дел о всем том, что до арестантов, содержания их и прочего касаться может». Немалое значение в этой перемене, вероятно, имела личность тогдашнего коменданта Петропавловской крепости, Александра Яковлевича Сукина, пользовавшегося большим доверием и оставившего немалый след в истории крепости. С его именем связана эпоха пребывания декабристов в Петропавловской

крепости, и его-то перу принадлежит третий из печатаемых документов.

Положение коменданта в декабре 1825 года было, действительно, трудное. Масса арестантов из рядов гвардейских офицеров, часто влиятельных и чиновных, вызовы на допрос во дворец к самому Николаю I, личные распоряжения его то о заковании в кандалы, то о снятии их, то о каких-нибудь льготах тому или иному арестанту, то, наоборот, об усилении строгости, заседания суда, происходившие в самой крепости, передача писем, одежды, табаку, наконец, свидания,—все это требовало напряженного внимания и осторожности. Озабоченный серьезностью положения, А. Я. Сукин в препроводительной бумаге писал смотрителю равелина Лилиенанкеру: «хотя вашему высокоблагородию известны данные от меня приказания и правила по содержанию арестантов и по всем прочим частям..., но, как важность преступления и число присылаемых ныне по высочайшему повелению в равелин арестантов требуют от каждого чина, в равелине служащего, точнейшего исполнения обязанности, на него возложенной, для того и препровождаю при сем наставление состоящему под начальством вашим обер-офицеру, прикомандированному... с 2-мя унтер-офицерами и 50 рядовыми для караула и надзора за содержащимися в сем равелине арестантами». В этой инструкции особенно интересны меры предосторожности против самоубийства арестантов.

Что они достигали цели,—об этом говорят подробности самоубийства Булатова и неудачных покушений (позднее) Свистунова.

Все три печатаемые инструкции сохранили свою силу до самого конца этой секретнейшей политической тюрьмы в 1884 году.

Два первых документа печатаем по копии 1820 года, присланной коменданту по случаю передачи ему начальства над равелином и находящейся в книге входящих бумаг управления коменданта по Алексеевскому равелину за 1820 г., л. л. 5—10; третий—по копии середины XIX века, так как подлинник не сохранился.

1.

Инструкция смотрителю над Алексеевским равелином.

1812 г., марта.

Вследствие высочайше его императорским величеством конфирмованного доклада назначаетесь вы смотрителем находящегося в Санкт-Петербургской крепости Алексеевского равелина; а дабы вас поставить в полное разумение всей важности возлагаемой на вас обязанности, к непременному исполнению предписывается вам следующее:

1. Вы состоять будете под непосредственным начальством военного губернатора. Вся внутренняя стража Алексеевского равелина, все арестанты и все хозяйственное распоряжение сего равелина поручаются без изъятия в совершенное ведение ваше.

2. Внутренняя стража, имеющая состоять под начальством вашим, заключается из одного обер-офицера, двух унтер-офицеров и пятидесяти рядовых. Обер-офицеру сему, который вам подчиняется для облегчения и точнейшего выполнения налагаемой на вас обязанности, прилагается особенная инструкция. Из положенного же числа рядовых 50 человек назначаются некоторые караульными внутри комнат и у ворот дома, другие для хождения по коридору и исправления тех потребностей, о коих внутренний караульный им объявлять станет, а один для варенья кушанья: все сие по усмотрению вашему с доклада военному губернатору.

3. Сумму на содержание сей команды, на поправку и починку дома, на дрова и свечи, на продовольствие арестантов и на прочие хозяйственные издержки по-

лучать вам от военного губернатора. На записку прихода и расхода сих денег иметь вам особенную книгу и отдавать в них отчет военному губернатору.

4. Строение, в котором содержатся арестанты, во всех его частях, мебели, столовые и кухонные вещи и посуда, а также белье столовое и постельное, вверяясь в особенное попечение ваше, принять и содержать по описи в надлежащем порядке, чистоте и бережливости и смотреть наиприлежнейше, дабы никто из нижних чиновников Алексеевского равелина для себя ничего не употреблял.

5. На ответственности вашей лежит, чтобы отпускаемые деньги по установлению доходили до каждого сполна и покупаемые на продовольствие припасы и питья были свежие и добрые, дабы изготовленная пища была с нужным опрятством и вкусом, кухонная посуда была всегда хорошо вылуженная и посуда с бельем чисто вымытые, а соответственно тому и белье постельное и носильное.

6. Строго наблюдать, чтобы в комнатах, в коридоре и кухне полы мели ежедневно по утру, обметали пыль со стен и мебелей и мели также и в саду дорожки теми солдатами, которые не стоят на часах. Сор в углах не накоплять, а выносить вон ежедневно. Комнаты и коридоры курить можевельником, в хорошую погоду или другое время, когда нужно и удобно будет, отворять для перемены воздуха форточки.

7. Покупку припасов делать всегда повару с унтер-офицером и тут иметь бдительнейший надзор, дабы при выходах из равелина не дать поводу к каким-либо сношениям с арестантами.

8. Вообще иметь строгое бдение за содержащимися, дабы они не могли иметь никакого ни друг с другом, ни с кем посторонним ни словесного, ни письменного сношения; о каждом же вновь заключенном арестанте получить всякий раз от с.-петербургского военного губернатора особенное словесное приказание, как с ним поступать.

9. Иметь крайнюю осторожность и бдение за содержащимися к упреждению и самому недопущению покушения на побег или собственное повреждение, или погубление жизни и для того, при введении арестанта в равелинский дом, чинить ему обыск и отбирать у него все смертоносные вещи и деньги; делать оным записки и докладывать военному губернатору для отдачи к сбережению, куда приказано будет. В сем случае никакое к арестанту снисхождение места иметь не должно, разве будет какое-либо особое по сему обстоятельству приказание от военного губернатора.

10. Арестантов выпускать с караульными по одиночке пройтиться по коридору и в находящийся внутри стен садик, который для этого и в зимнее время от снега очищать. В сие время надлежит иметь ту предосторожность, чтобы прогуливающегося никто из прочих арестантов не видал и караульный о нем никого не извещал, для чего время прогулки назначать вам по усмотрению вашему.

11. Для умаления у содержащихся неразлучной с их положением скуки давать им по их избранию читать книги русские, французские и немецкие, для чего и, приняв в ведение ваше заведенную при доме Алексеевского равелина библиотеку, умножать оную покупкою новых книг.

12. Если приключится кому из содержащихся болезнь, то, осмотрев оного, немедленно донесть имеете военному губернатору и ожидать дальнейшего его приказания.

13. Наконец, иметь вам неослабное наблюдение, дабы находящийся под начальством вашим офицер, по данной ему инструкции, с которой вам прилагается список, выполнял все наложенные на него поручения с точностью и исправностью.

Верно: директор *Фон-Фок*.

2.

Инструкция офицеру при команде Алексеевского равелина.

1812 г., марта.

Поручив по высочайшему повелению Алексеевский С.-Петербургской крепости равелин со всеми содержащимися в нем арестантами в особое ведение смотрителя и подчинив вас со всею вверенною вам командою непосредственному начальству оного, для вящшего руководства вашего поставляю в непременную вам обязанность:

1. Выполнять все, что вам от господина смотрителя приказано будет, с неослабною точностию и исправностию.

2. В воротах дома Алексеевского равелина иметь один пост, на коем часовым денно и ночно иметь смотрение, дабы в оный никто притти не смел и из него не вышел без ведома вашего и смотрителя, что также прикажите унтер-офицерам наблюдать и в самом равелине. Ежели бы кто-либо посторонний пожелал туда войти или каким-либо образом и вошел, то, несмотря ни на какое лицо, часовой должен такового задержать и чрез унтер-офицера уведомить вас, а вы доносите смотрителю.

3. В каждую комнату, где к содержанию помещен будет арестант, поставлять следует караульного солдата без оружия, которого обязанность будет смотреть бдительно, чтобы содержащийся никуда не выходил и не сделал себе вреда, и быть тут со сменою неотлучно день и ночь, наблюдая все его поступки.

Долг его по сему случаю будет доносить о поведении арестанта вам, а вы рапортуете об оном смотрителю каждое утро и вечер.

Сим караульным, между прочим, особенно внушать должно, чтобы они не пересказывали содержащимся никаких вестей и вообще не разговаривали с ними ни об чем, кроме касающегося до их потребности, и никаких записок, ни просьб от них не принимали. А дабы не могло вкрасться и тут злоупотребление, то в случае дозволения отлучиться солдату за надобностью из равелина, о чем, однако же, каждый раз докладывать смотрителю, должно вам его осмотреть, не имеет ли чего от арестанта, и строжайше подтверждать, чтоб по словесным иногда просьбам содержащихся не исполнял ничего, а для лучшей тут осторожности при возвращении к тому уже арестанту не допускать, а наряжать к другому.

4. Все сии посты приказать унтер-офицерам осматривать почасту, особливо же в ночное время, и за малейшее упущение взыскивать. Вам же самим посещать арестантов по несколько раз в сутки, остерегаясь, однако, беспокоить их во время сна, а для того в комнатах и коридорах огонь во всю ночь не погашать.

5. В сих помещениях обязаны вы осведомляться от самих арестантов, не грубил ли им караульный, и нет ли кому в чем надобности, — в зависящем от вас удовлетворить тот час, а о прочих надобностях докладывать смотрителю.

6. Вам, равно и подкомандующим вашим обходиться с содержащимися снисходительно, не причиняя им никаких огорчений или каковых-либо насильств, под опасением строжайшего за то наказания. Естьли же бы стали являться у них какие желания, несогласные с их положением, то осведомлять о сем смотрителя и отказывать с пристойностью и скромностью.

Верно: директор *Ф.-Фок*.

3.

Наставление обер-офицеру, командированному от подвижной инвалидной № 4 роты с 2-мя унтер-офицерами и 50-ю рядовыми в Алексеевский равелин, для караула и надзора за содержащимися в оном арестантами.

1825 г., декабря 31.

О заведывании арестантов. Все арестанты, присылаемые для содержания в Алексеевский равелин, долженствующие быть под надзором сего офицера и вверенной ему команды, состоят в ведении смотрителя того равелина под начальством коменданта С.-Петербургской крепости или того лица, кому они по высочайшему повелению поручены будут; для того и поставляется в непременную обязанность того обер-офицера:

1.

Обязанность офицера по наблюдению за вверенною ему командою. Командированному обер-офицеру, состоя под начальством смотрителя, иметь неослабное наблюдение за порученною ему командою, как за поведением нижних чинов, равномерно и за исполнением в точности возложенного на них присмотра за арестантами, и хотя избираются в оную начальством люди к службе усердные и поведения лучшего, но если бы при исполнении их должностей заметил тот офицер кого-либо из них ненадежным к исправлению оных, о таковых имеет он представлять немедленно смотрителю равелина и доносить в то же время коменданту С.-Петербургской крепости.

2.

О принятии арестанта смотрителем равелина под наблюдение свое и надзор обер-офицера с вверенною ему командою. При предписаниях коменданта к смотрителю Алексеевского равелина присылаемых в оный арестантов офицер по приказанию смотрителя должен принимать под надзор свой и вверенной ему команды и наблюдать неослабно, чтобы оная имела тех арестантов в надлежащем присмотре по нижеследующим правилам:

А. О посажении арестанта в назначенный покой и о осмотре платья его, вещей и бумаг, с ним привезенных. Каждого присланного для содержания в Алексеевском равелине, при посажении его в арестантский покой, смотритель равелина, которому о арестанте от коменданта или от высшего начальства писано будет, приказывает раздеть и надеть на него белье, обувь и всю одежду, для арестантов в равелине имеющуюся, а бывшее на нем платье, белье, парики или накладные волосы и все привезенные с ним вещи отбирает и осматривает или приказывает офицеру осмотреть по надлежащему и все оные, равно деньги, металлические, стеклянные и хрустальные вещи, даже часы, перстни, в особенности же привезенные с ним лекарственные вещества, капли, пилюли, порошки, пластыря, бандажи и бинты, табак курительный и нюхальный, также все смертоносные орудии и шнурки, коими можно себя умертвить, приказывает отобрать и хранить в кладовой при сделанной всему описи [1]), о бумагах же, какие у арестанта найдены

[1]) Таковая опись вещам, арестанту принадлежащим, должна быть подписана самим арестантом тем именем, как ему от смотрителя приказано будет, равномерно и при освобождении его он подписывает получение денег и вещей своих. Впрочем, во все время содержания его без особого повеления арестанту писать

будут, представлять немедленно коменданту реестр и ожидать повеления, куда оные отослать приказано будет. Таким образом, смотритель, отобрав у него все вещи, объявя ему о содержании, какое на него производить велено, и запретя арестанту, чтобы он о себе, кто он таков, и о деле своем никому ничего не объявлял, а говорил только о том, что к содержанию его нужно будет, с чем его и ключ от того покоя, буде по важности арестанта не сочтет за нужное оставить у себя, то и оный до вечерней зари отдает под надзор обер-офицера, который неупустительно наблюдать обязан, чтобы на арестанте и в покое, где он содержится, ничего не было принадлежащего арестанту; если же усмотрит что-либо из вышеупомянутых запрещенных вещей, то оные отбирает и в то же время доводит до сведения смотрителя, и без письменного повеления его ничего подобного у арестанта не оставляет, и если позволено будет иметь табак арестанту, то не иначе, как по осмотре врача и по заверению его о безвредности оного или покупаемой из лавок от купцов по приказанию смотрителя равелина. Наблюдать, чтобы и во время обеда ножей и вилок арестанту не давали, а приносили к нему всегда кушанье разрезанное.

Б. О наблюдении и присмотре за арестантом. Арестанта, содержащегося в доме, состоящем в Алексеевском равелине, сторожа, часовые и унтер-офицеры днем и ночью должны иметь в беспрерывном наблюдении, замечать сквозь небольшое стекло, в двери арестантского покоя имеющееся, все его действия и поступки и доносить об оном чрез своего офицера смотрителю равелина. Арестанта сего никто из посторонних лиц не должен видеть; для того в окнах его покоя нижние стекла должны быть закрашены выше человеческого росту, и арестанта ни за какими естественными надобностями из назначенного ему покоя не выпускать. Сторожу или рядовому, к прислуге в сей покой назначенному, не входить никогда одному к арестанту, как для подавания кушанья или питья, равномерно и для чищения, уборки, топления того покоя, подавания огня и прочих надобностей, но всегда должен входить с ним вместе унтер-офицер или вице-унтер-офицер, равномерно смотритель равелина без офицера или без унтер-офицера, или вице-унтер-офицера, так же, как и офицер, а во время болезни арестанта врач и никто из назначенных в прислугу к арестенту один к нему входить не должен, и только комендант имеет право быть один у арестанта без свидетелей или тот, кому имянно от коменданта позволено будет для отобрания иногда требующихся от арестанта нужных сведений.

В. О обращении офицера и нижних чинов с арестантами. В сих помещениях должно остерегаться, чтобы арестантов во время их сна без нужды не беспокоить; офицер обязан осведомляться от самих арестантов, не грубили ли им сторожа или унтер-офицеры и нет ли кому в чем надобности? В зависящем от офицера удовлетворять тотчас, а о прочих надобностях докладывает смотрителю. Офицер и все нижние чины из команды должны обходиться с содержащимися под их надзором снисходительно, не причиняя им никаких огорчений или каковых-либо насильств, под опасением строжайшего за то взыскания. Если же бы стало у арестантов являться какое-либо желание, не согласное с их положением, то доносить о сем смотрителю и отказывать с пристойностию и скромностию.

Г. О дозволении водить на прогулку и в баню арестантов. С дозволения коменданта можно арестантов водить в баню или в приготовленную для них ванну поодиночке, в каждую неделю по одному разу, а для прогулки в сад выпускать их также поодиночке, сколько раз в неделю погода и число арестантов то позволять будет. В бане при арестанте должны оставаться унтер-офицер или вице-унтер-офицер с рядовыми, а в саду иметь арестанта в наблюдении из окон коридора и сквозь стекло, в воротах вставленное.

запрещается. И книги для чтения ему давать по надлежащем осмотре из имеющихся в равелине с дозволения коменданта, наблюдая, чтобы книги не оставались у него в покое во все время его содержания в равелине.

Д. О карауле, обязанностях часовых, сторожей и рядовых, для прислуги арестантам назначенных, и о наблюдении за ними. Из состоящей при Алексеевском равелине команды от подвижной инвалидной № 4-й роты ежедневно наряжаются в караул при унтер-офицере или при вице-унтер-офицере 1 ефрейтор и 9 рядовых на 3 поста, из числа коих 1-й у ворот дома, в равелине состоящего, с приказанием в оные, кроме коменданта, смотрителя равелина и офицера той команды, никого без особого их приказания не впускать и для того, как только часовой увидит кого-либо, не принадлежащего к равелинной команде, идущего из Васильевских ворот в равелин, останавливает его на мосту и кричит унтер-офицера вон, который докладывает о нем смотрителю и, по приказанию его или офицера той команды, пришедшего пропускает в дом или, в случае сомнения, препровождают его за присмотром к коменданту. 2-й пост на углу дома с приказанием наблюдать тоже, что двум часовым от караула Васильевских ворот поставленным велено: чтобы из окон дома в форточки или в вентиляторы [1]) ничего не было выброшено и чтобы к окнам дома никто близко не подходил. Если же кто часовых в том ослушаться будет, таковых брать под караул и доносить о том коменданту чрез караульного унтер-офицера по команде. 3-й пост внутри коридора у кладовой с приказанием никого не впускать в оную без караульного унтер-офицера, а сей без офицера той команды, у коего хранится ключ от кладовой, и без смотрителя, который имеет за своею печатью кладовую, не впускает никого в оную без его приказания, кроме коменданта. Сверх того, сей часовой имеет приказание наблюдать притом за находящимися близ кладовой арестантскими покоями и содержащимися в оных арестантами со всею точностью, как о сем предписано выше сего, а за точным исполнением нижних чинов всего предписанного обязаны наблюдать неупустительно офицер той команды и смотритель равелина. Сверх вышеозначенных 3 постов, прибавляться могут по назначению коменданта посты в коридоре, по мере надобности, к покоям арестантским с приказанием наблюдать все вышепредписанное часовым, стоящим при арестантских покоях, а чтобы часовые и сторожа днем и ночью могли беспрерывно исполнять их обязанность, для того в покоях у арестантов и в коридоре у часовых во всю ночь должен гореть огонь в ночниках и фонарях и коль скоро погаснет, то по уведомлению часовых немедленно оные зажигают, чтобы во всякое время по обязанности своей смотритель, офицер и унтер-офицеры могли поверять часовых и видеть арестантов.

3.

О рапортах. О благосостоянии находящейся в равелине команды и о содержащихся в оном арестантах обер-офицер доносит ежедневно смотрителю равелина в каждое утро и вечер, о чрезвычайных же происшествиях в то самое время без малейшего промедления; а от смотрителя дневные рапорты о благосостоянии в равелине и прочие рапорты, списки о арестантах и ведомости о денежных суммах, равномерно и о случающихся происшествиях, подаются коменданту по установленному ныне порядку или как о том от коменданта приказано будет. Подлинное подписал комендант генерал-адъютант *Сукин.*

№ 281. В С.-Петербургской крепости. 31 декабря 1825 г.

Сообщил *Н. И. Сидоров.*

---

[1]) В подлинном: «винтерлаторы».

Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости.

Роль Григория Гольденберга в разгроме народовольческих организаций если и была уже не один раз отмечена в историко-революционной литературе, то все же известна лишь по ссылкам на него в опубликованных материалах да по воспоминаниям деятелей этой эпохи. Самые показания печального героя народовольчества ждут до сего времени своей публикации, как и документы, относящиеся к истории самого предательства. А между тем только они одни в полной мере могли бы и вскрыть значение «откровенности» Гольденберга и позволить с точностью уяснить все ужасающие ее последствия.

Но есть и другая сторона в деле Гольденберга, — именно, вопрос, чем вызвана была его «откровенность» и почему крупный партийный работник стал предателем. В лице Гольденберга мы имеем дело не с провокатором: он именно предатель, но и предатель не обычного типа. Это не Окладский, сначала из страха смерти и наказания выдававший своих товарищей, а потом вошедший во вкус «легких хлебов» провокатора; это был человек, поверивший следовательским обольщениям жандарма и поверивший настолько, что когда почувствовал и понял действительность, он покончил жизнь самоубийством. Недаром в одном из писем своих к родным, опубликованным недавно Р. М. Кантором в № 6 (13) журнала «Каторга и ссылка», Гольденберг пишет: «...лечите Ильюшку, дабы фантазия не разыгралась у него, а то беда будет и ему, и другим. О, мамаша, если бы вы знали, сколько вреда приносит фантазия; прежде я чтил людей с богатым воображением, а теперь презираю, также и себя...» [1]).

Эти письма вообще интересны: в них выступает наружу и вся искренность убеждения Гольденберга в исключительном значении его роли, и все тягостные сомнения, которые не могли не зародиться в нем, особенно после того, как завязались сношения с другими народовольцами, сидевшими в крепости [1]).

Правдоподобность созданных фантазий и «надежд на отрадное будущее» поддерживались в Гольденберге и обстановкой его арестантской жизни. Любопытный в этом отношении материал дает сохранившееся в архиве С.-Петербургской (Петропавловской) крепости дело управления коменданта, № 62, «о заключении в крепость государственного преступника купеческого сына Григория Гольденберга», из которого и заимствованы оба напечатанных ниже документа. Дело хранится в 1-м Отделении Политической Секции Ленинградского Отделения Центрархива.

Правительство, действительно, дорожило своим «особо-важным» узником. Уже 10 апреля, за три дня до появления Гольденберга в Петербурге, III отделение извещает коменданта, что прибудет из Одессы «весьма важный» политический преступник Григорий Гольденберг и что главный начальник верховной распорядительной комиссии гр. Лорис-Меликов выразил желание, «чтобы Гольденберг был помещен в С.-Петербургской крепости при условии совершенного отделения его от камер прочих политических арестантов, дабы предупредить этим возможность сообщения его с последними даже посредством постукивания» [2]). В тот же день комендант уведомил о своем предположении поместить Гольденберга в Трубецкой бастион, «в оконечный фас этого здания из 8 нумеров, где он, будучи помещен в нижнем этаже под незанятыми нумерами в последней келии к глухой стене, расстояние от других арестантов на *восемь* пустых нумеров и лестницы» [3]). Едва успели

---

[1]) «Каторга и ссылка», № 6(13), стр. 147.

[1]) Любопытно отметить, что через коменданта крепости прошли 3 письма, адресованные Д. М. Гольденбергу (от 18 апреля, 4 мая и 1 июля), и два письма... начальнику киевского губернского жандармского управления (от 18 мая и 12 июня). — См. дело управления коменданта крепости, № 62, л.л. 12, 16, 26, 31 и 35.

[2]) Л. д. 1.

[3]) Л. д. 2.

привезти Гольденберга в крепость, как товарищ шефа жандармов, не ожидая распоряжения III отделения, собственноручным письмом в тот же день предлагает коменданту снять с арестанта кандалы. «Долгом считаю сообщить вам, милостивый государь, — пишет он, — что Гольденберг — особо-важный преступник, которого раздражать нежелательно, но хранить исключительно зорко необходимо» [1]). Не прошло и нескольких дней, как Гольденбергу были доставлены его собственные вещи, арестантский халат заменился штатским платьем, а на столе в камере появились письменные принадлежности.

Но подошел и час расплаты. В камере Гольденберга появились Плеве, наблюдавший за дознанием, тогда прокурор петербургской судебной палаты, известный полковник Оноприенко, следователь по народовольческим делам, товарищ прокурора одесского окружного суда Добржинский. Начались допросы, и с первых же «бесед» Гольденберг почувствовал беспокойство и всю сомнительность своего положения. Родилась тревога, и с нею вместе закралась мысль об ужасных последствиях, если все радужные перспективы будущего действительно окажутся нелепыми сказками. 5 июня Гольденберг пишет на имя гр. Лорис-Меликова первое прошение о разрешении ему содержаться в одной камере с Зунделевичем, и к этому времени он, вероятно, успел войти в сношения со своими товарищами. Каким способом? Вероятно, тем самым, о котором говорит комендант в своем донесении III отделению от 8 июня: «заведующий арестантскими помещениями крепости полковник Богородский сего числа представил мне шесть записок, написанных на кусочках бумаги из мундштуков папирос, которые вчера были подняты присяжным унтер-офицером Козаковым при жандармском унтер-офицере Тихонове в арестантском саду, непосредственно после прогулки особо-важного политического арестанта Григория Гольденберга... Записки, сколько можно судить по их содержанию, имеют характер преступного сношения со стороны Гольденберга с содержащимися в Трубецком бастионе политическими арестантами, которых он желает успокоить относительно своего поведения на следственном производстве и уверить их в той же преданности, что и прежде... Долгом считая препроводить означенные записки к вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что Гольденберг, по распоряжению производящего дознание полковника корпуса жандармов Оноприенко и товарища прокурора Добржинского, пользуется некоторыми отступлениями от принятого в крепости правила строгого заключения: так, у него постоянно находятся в келии письменные принадлежности, и во время вызова в помещение комиссии предоставляется возможность разговаривать наедине с Зунделевичем, на скромность которого, в виду замеченного за ним желания входить в переговоры с товарищами по заключению посредством стука, трудно положиться» [1]).

Пересылая прошение Гольденберга от 5 июня, комендант указывал, что «камеры в здании Трубецкого бастиона приспособлены для одиночного заключения с прикрепленными к полу железною кроватью и другими принадлежностями на одного человека и что не было примера, чтобы когда-либо арестованные в крепости помещались вдвоем» [2]). Сыграли ли роль доводы коменданта, или для следственной власти все еще было важно не допускать возможности общения Гольденберга с выданными им народовольцами, — остается неизвестным, но Гольденбергу было отказано, и отказано наотрез, как это отмечено и в резолюции коменданта на нижеприведенном прошении от 16 июня.

Сношения Гольденберга со своими товарищами, однако, продолжались: он узнал о последствиях своего предательства, услышал слова осуждения и всеми мерами старался оправдаться. 17 июня комендант письмом на имя

[1]) Л. д. 8.

[1]) Л.л. д. 33—34.

[2]) Л. д. 32. Комендант забыл о декабристах.

управляющего III отделением сообщает: «При пересмотре вчера читанной политическим арестантом Гольденбергом книги из арестантской библиотеки на некоторых буквах оказались знаки, нанесенные чернильными точками. По сгруппировании оказалось следующее: «Друзья, не клеймите меня, поверьте, что я три раза отдавал вам и делу жизнь, верьте,что я тот же честный и искренний Гришка». О чем, в дополнение к заявлениям моим об ухищрениях Гольденберга добиться каким бы то ни было путем сношений с содержащимися в Трубецком бастионе политическими арестантами, имею честь уведомить»... [1]).

Путем такой переписки многого не скажешь, она случайна и заставляет ждать ответа, когда заданный вопрос не допускает промедления. Одиночество становилось невмоготу, и в этом тяжком положении на помощь Гольденбергу пришел прокурор палаты В. К. Плеве, в сочувствие которого Гольденберг, судя по его прошениям, поверил и который, «в виду особых соображений», обещал свою поддержку. Так появились оба печатаемых прошения.

Пересылая прошение на имя прокурора Лорис-Меликову, комендант крепости счел долгом добавить, «что, если, действительно, по каким-либо особым видам просьба названного арестанта может быть уважена, то в крепости не представляется возможности содержать его вдвоем, тем более, что он и Зунделевич ведут себя сомнительно»... [2]) Предстательство Плеве оказалось действительным, и хотя Лорис-Меликов снова отказал в совместном содержании в одной камере, однако, была сделана и уступка в виде допущения свиданий Гольденберга с Зунделевичем «под тем условием, чтобы свидания эти происходили в присутствии или самого прокурора с.-петербургской судебной палаты, или лица, уполномоченного на это последним»... [3]) Свидания окончательно отрезвили Гольденберга и указали ему единственный исход — самоубийство.

[1]) Л. д. 40.
[2]) Л. л. д. 41—42.
[3]) Л. д. 43.

1.

Прошение Г. Д. Гольденберга на имя прокурора с.-п.б. судебной палаты В. К. Плеве об оказании содействия к помещению в одной камере с Зунделевичем [1]).

Его превосходительству господину прокурору санкт-петербургской судебной палаты содержащегося под стражей Григория Гольденберга

Прошение.

С прискорбием прочел я отказ его сиятельства графа Лорис-Меликова на мою известную вашему превосходительству просьбу. Я бы примирился с этой мыслью и не позволил бы себе хлопотать о предоставлении мне каких-либо исключительных льгот, если бы я видел хоть малейшую возможность заменить чем-либо иным это тяжкое и мучительное для меня одиночное заключение, которое подчас и невмоготу становится, но, к сожалению, я этого не вижу. Совместное же пребывание в одной камере с Зунделевичем значительно облегчит одиночное заключение уж по тому одному, что он, как мне известно, более других сочувственно относится ко всему, совершенному мною, — следовательно, не так страшно будет для меня настоящее и не так грозно будущее. Я не позволю себе входить в соображения о том, почему его сиятельству угодно было отказать в моей просьбе, но каковы бы ни были причины отказа, в результате получится только одно: крайне тяжкое и мучительное одиночное заключение со всеми его последствиями, которые для меня в силу известных вам обстоятельств еще более чувствительны. Но, не будучи в состоянии все время находиться под гнетом всевозможных дум и чувств и не желая подвергнуться всем последствиям одиночного заключения, я позволяю себе обратиться к вашему

[1]) Дело, л. 38.

превосходительству с покорнейшей просьбой помочь мне в этом деле и сделать все, от вас зависящее, чтобы моя просьба была удовлетворена. Я позволяю себе беспокоить вас вторично в виду заявления, сделанного мне тов. пр. А. Ф. Добржинским, что как его сиятельство, так и вы лично ничего не имеете против вышеупомянутой моей просьбы и что вообще к вашему превосходительству я могу обращаться в случае надобности и могу вполне надеяться на ваше содействие, если это, конечно, не будет выходить [1]) из пределов возможности. Принимая это во внимание и то еще, что вопрос об одиночном заключении для меня первостепенной важности и что от того или иного решения этого вопроса зависит для меня многое и в будущем, я повторяю свою просьбу, при чем прошу у вашего превосходительства извинения за то, что так часто беспокою вас своими прошениями; повторяю, что одна только крайность вынуждает меня к этому. Льщу себя надеждой, что вы сделаете все, чтобы моя просьба была удовлетворена.

Григорий Гольденберг.

16 июня 1880 года.

Предписываю заведующему арестантскими помещениями объявить политическому арестанту Гольденбергу, что в виду последовавшего со стороны г. главного начальника верховной распорядительной комиссии отказа настоящее прошение, так и следующие о том же просьбы будут оставляемы без внимания. 17 июня 1880 г. Комендант, генерал-адъютант барон *Майдель*.

Согласно надписи на сем прошении арестанту Гольденбергу объявлено сего 17 июня 1880 года. Полковник *Богоровский*.

[1]) «Выходить» написано дважды.

2.

Прошение Г. Д. Гольденберга [1]) на имя коменданта с.-пб. (Петропавловской) крепости о передаче по назначению прошения Гольденберга на имя прокурора с.-п.б. судебной палаты.

Его высокопревосходительству господину коменданту Петропавловской крепости содержащегося под стражей Григория Гольденберга

Прошение.

Честь имею просить ваше высокопревосходительство дать надлежащий ход прошению, посланному мною вчера его превосходительству господину прокурору с.-петербургской судебной палаты, так как вчера я был вызван г. прокурором, который выразил полное согласие свое принять мое прошение, а также ходатайствовать о том, чтобы моя просьба была удовлетворена. Я бы не настаивал на этом и не подал бы вторичного прошения, если бы г. прокурором было заявлено мне, что вопрос об одиночном заключении окончательно решен в том смысле, в каком он решен был на прошлой неделе его сиятельством графом Лорис-Меликовым, но так как решение этого вопроса зависело совершенно от чисто случайных обстоятельств, то посему я могу надеяться, что по устранении этих обстоятельств не представляется никаких причин, чтобы мне отказано было в моей просьбе. Я позволяю себе повторить вашему высокопревосходительству, что г. прокурором было выражено полнейшее согласие принять мое прошение, что, несомнено, уж само собой говорит в пользу того, что вопрос об одиночном заключении решен окончательно не был.

Григорий Гольденберг.

17 июня 1880 года.

Сообщил *Н. И. Сидоров*.

[2]) Дело, л. 39.

Рептильный фонд 1914—1916 г.г.

Записка члена совета главного управления по делам печати Д. М. Потемкина о расходовании в 1914—1916 г.г. секретного (рептильного) фонда, отпущенного в распоряжение министра внутренних дел, по главному управлению по делам печати [1]).

Первоначально, с 1906 года, денежная помощь отвечающим видам правительства повременным и неповременным изданиям оказывалась из сметных кредитов министерства внутренних дел.

Затем, по недостаточности этих ресурсов, на расходы по субсидированию органов печати испрашивались особые ассигнования из 10 миллионного фонда и других источников.

На эти средства содержались и некоторые должностные лица и учреждения, состоящие в ведомстве главного управления по делам печати, штатными кредитами которого нельзя было покрыть издержки по содержанию таких лиц и учреждений.

Выдача субсидий и расходы по содержанию учреждений и лиц производились из кассы главного управления, при чем представителям рептилий деньги высылались и выдавались через посредство бывшего курьера министерства внутренних дел Меньшагина, а в отдельных случаях, по особым указаниям начальника главного управления, заведующим финансовым отделом управления и некоторыми чинами этого отдела непосредственно.

Годовые отчеты о расходовании рептильного фонда, вместе с оправдательными документами, представлялись министру внутренних дел.

Такие документы за 1913, 1914 и 1916 г. г. возвращены министрами для хранения в кладовой кассы главного управления, а документы к отчету за 1915 год остались у министра.

Расходовался в 1914 — 1916 г.г. рептильный фонд по основному плану, составленному начальником главного управления по делам печати по указанию министра внутренних дел еще в 1912 году.

Как довелось составителю настоящей записки слышать от бывшего начальника, ныне покойного, графа Татищева, этот план, сокративший прежнее ассигнование на 83.700 руб., по распоряжению министра внутренних дел был им, графом Татищевым, доложен министру финансов, после чего на 1913—14 г.г. на выдачу субсидий была отпущена испрашивавшаяся уменьшенная сумма—826.300 руб.

Уже в 1914 г., в виду некоторого отклонения от исполнения плана расходов, сказалась недостаточность рептильного кредита, и в распоряжение министра внутренних дел дополнительно переведено было 192.000 руб.

На 1915 год назначена была та же сумма—1.018.300 рублей (826.300 р.+ 192.000 р.).

В потребность же 1916 г. сначала министерством финансов было ассигновано 1.100.000 руб., а затем, по особым ходатайствам министров внутренних дел, дважды отпущено по 300.000 рублей; все ассигнование 1916 г. выразилось в сумме 1.700.000 рублей.

Такой же кредит в 1.700.000 руб. испрашивался министром и на 1917 г., но министр финансов, соглашаясь на отпуск только 1.100.000 руб., фактически выдал в текущем году лишь 300.000 рублей.

Таким образом, в период охваченного настоящею запискою времени министерством финансов всего было отпущено 3.736.600 руб.

Исполнение плана расходов рептильного фонда за трехлетие 1914—1916 г.г. усматривается из нижепомещенных сведений, заимствованных из годовых отчетов и распределенных следующим образом.

---

[1]) Записка составлена членом совета главного управления по делам печати Дмитрием Михайловичем Потемкиным, допрошенным в ЧСК 7 апреля 1917 следов. Спичаковым-Заболотным в качестве свидетеля. — Записку печатаем с копии ее, находящейся в деле ЧСК, — т. 9. стр. 55—65. («Дело о злоупотреблениях А. Д. Протопопова по должности министра внутренних дел»). Копия засвидетельствована следователем Спичаковым-Заболотным.

1914 г.

№№ по порядку [1].	Названия субсидируемых учреждений, лиц и органов печати,	Выдано Руб. К.	Объяснение
1/5	Иностранный отдел. .	48.263 83	Состоящий при главном управлении по делам печати иностранный отдел обследует иностранную и инородческую прессу и составляет по этим обследованиям особые обзоры, представляемые всем министрам и товарищам министров. Отдел существует с 1906 года.
2/3	«Бюро Русских Журналистов»	52.136 27	Информационный орган функционировал с 1912 г. Обслуживал провинциальные органы умеренной и правой печати публицистическими статьями, помещавшимися в особых ежедневных (кроме праздников) бюллетенях, содержавших в себе: передовые и редакционные статьи по вопросам экономической жизни и по внутренней и внешней политике; обзоры военных действий и деятельности законодательных учреждений; обзоры русской и иностранной печати; хронику и фельетон. Подписная плата: 1) при пользовании всем материалом 30 руб. в месяц; 2) при пользовании построчном — от 1 до 3 коп. за строку, и 3) за исключительное право пользования материалом бюллетеней в пределах данного города—по 50 руб. в месяц. В 1916 г. подписчиками состояли 32 редакции провинциальных газет Европейской России, Кавказа, Сибири и Средней Азии. «Бюро» закрыто в марте 1917 года.
3/17	Отпечатание и расклейка по Петрограду военных бюллетеней. . .	12.000 —	С ноября 1914 г. по распоряжению министра внутренних дел на редакцию «Правительственного Вестника» возложена обязанность осведомления петроградского столичного населения о военных событиях.
4/24	Рассылка телеграмм о военных событиях земским учреждениям и некоторым должностным лицам в губерниях. .	10.188 69	По распоряжению того же министра с августа 1914 г. бесплатно рассылались военные телеграммы для распространения среди населения губерний. Показанная сумма уплачена П. Т. Агентству.

[1]) Нижний № в первой графе отвечает № отчета, представленного министру.

5/37	На расходы по отпечатанию военных телеграмм в провинции	5.835 —	По такому же распоряжению, губернаторам Воронежской, Екатеринославской, Могилевской, Пермской, Саратовской, Смоленской, Тамбовской, Тобольской, Тульской и Харьковской губерний и по московскому градоначальству эта сумма высылалась в виде пособия на уплату за бумагу, на которой печатались военные известия, распространяемые среди населения.
6/69	Расходы по военной цензуре	850 89	Эта сумма была отпущена петроградскому комитету по делам печати на усиление средств на канцелярские и хозяйственные расходы, вызванные делопроизводством военной цензуры.
7/68	Составление списков раненых и больных воинов	1.706 80	С ноября 1914 г. эти списки составляются по материалам общества Красного Креста и бесплатно рассылаются волостным правлениям при газете «Сельский Вестник». Указанною суммою оплачен труд канцелярии, приготовившей материал для печатания списков.
8/38	С. Ф. Бельский . . .	5.400 —	Публицистические статьи этого литератора печатались в «Московских Ведомостях» и «Виленском Вестнике» по распоряжению начальника главного управления по делам печати. Труд автора оплачивался помесячно, по 600 руб., по приблизительному расчету из 20 копеек построчного гонорара. С 1916 г. главное управление отказалось от пользования статьями Бельского.
9/21	Бюро Бем	11.400 —	Телеграфная информация умеренных и правых органов печати. Организовано прис. пов. И. И. Бемом, при поддержке националистов.
10/71 и 72	Бюро Петцгольд.	350 —	Ликвидационный расход с этим информационным органом, от услуг которого главное управление отказалось в 1913 году.
11/40	Московская монархическая организация. . .	500 —	Руководимая ранее протоиереем Восторговым, отставным полковником Томилиным и затем статским советником Кельцевым.
12/6	Член Государственной Думы гр. В. А. Бобринский	40.000 —	На пропаганду идеи объединяющей русской государственности среди зарубежных подъяремных славян.
13/47	Волынский архиепископ Антоний	3.000 —	Назначение выданной суммы составителю настоящей записки неизвестно.
14/54	Саратовский епископ Алексей	2.000 —	На покупку книг для местных учреждений попечительства о народной трезвости.

15/51	А. Д. Самарин . . .	3.000 —	Назначение этого расхода неизвестно.
16/70	Старший инспектор типографии и т. п. заведений в Петрограде Бутовский	285 30	Выдан аванс на усиление канцелярских и других расходов.
17/67	Председательствующий в петроградском комитете по делам печати Виссарионов . .	1.500 —	Дополнительное содержание.
18/66	Товарищ председателя комитета народных изданий Тхоржевский . .	3.000 —.	Содержание по названной должности, по 500 руб., с июля 1914 года.
19/73	Почтовые и другие расходы	413 56	Вознаграждение бывш. курьера Меньшагина за доставку денег представителям рептильных изданий и почтовые издержки по пересылке субсидий в провинцию.
20/56	«Вешние Воды» . . .	1.500 —	Студенческий журнал, ежемесячник; издатель-редактор Спасовский. Претежирует солист и основатель великорусского оркестра Андреев. Сотрудники — молодежь; из старых литераторов—Бурнакин, Ковалевский, Меньшиков, Розанов и др. При редакции журнала с 1916 года устраиваются музыкально-литературные заседения; редакцией организовываются для учащейся молодежи экскурсии в местности с историческими памятниками.
21/30	«Виленский Вестник».	7.902 —	Официальный орган печати Северо-Западного края, называвшийся ранее «Литовским Курьером». Газета основана в 1760 году под названием «Litowski Kurier». Пользуется сметною субсидиею по 6.000 руб. в год. Израсходованная в 1914 г. сумма пошла на покрытие долгов по изданию. В августе 1915 г., по случаю эвакуации г. Вильны, издание приостановлено. С 15 октября того же года «Виленский Вестник» вновь стал выходить в гор. Гомеле, а затем издание прекратилось 18 февраля 1916 г. за отсутствием денежных средств.
22/39	«Воин и Пахарь» . .	5.000 —	Иллюстрированный еженедельник, издаваемый в Москве отставными генерал-майором Савостиным.
23/22	«Волга»	10.700 —	Деньги посылались ходатайствовавшему о выдаче субсидии саратовскому губернскому предводителю дворянства Ознобишину.

24/26	«Верность».	9.270	—	Субсидию получал редактор-издатель Плетнев, издававший названный журнал и народные листки.
25/58	«Вестник Студенческой Жизни».	1.000	—	Выдано студенту А. П. Колмакову.
26/32	«Голос Кавказа» . .	6.000	—	Субсидировался по ходатайству наместничества, куда и посылались деньги.
27/7	«Голос Руси»	38.800	—	Основан националистами—членами Государственной Думы Алексеевым, Ветчининым, Дерюгиным.
28/10	«Голос Самары» . . .	16.800	—	Субсидия высылалась руководителю издания Постникову, бывш. земскому начальнику.
29/64	«Gaulois»	303	85	За прекращением издания в Париже журнала «La Revue Russe», получавшего от русского правительства субсидию, по высочайшему повелению главным управлением по делам печати выписывались газеты «Gaulois», «Figaro», сначала по 100 экземпляров каждая, а затем — по 10. С 1916 г. главное управление вовсе прекратило выписку этих изданий.
30/41	«Жизнь Волыни» . .	40.00	—	Субсидия выдавалась отставному генерал-майору Красильникову.
31/2	«Земщина»	144.000	—	Выданы члену Государственной Думы Маркову.
32/59	«Инородческое Обозрение.	1.000	—	Деньги выданы (?) по ходатайству департамента духовных дел.
33/31	«Казанский Телеграф»	6.996	—	Высланы издателю Ильяшенко.
34/4	«Киев»	50.000	—	Деньги высылались члену государственного совета Безаку, одному из основателей этого органа. Позднее субсидия посылалась Стельмашенко.
35/15	«Колокол»	13.000	—	Субсидию получал бывш. чиновник особых поручений при обер-прокуроре св. синода издатель Скворцов.
36/48	«Литовская Русь» . .	3.000	—	Деньги посылались ковенскому губернатору.
37/49	«Могилевский Вестник»	3.000	—	Тоже в Могилев.
38/11	«Московские Ведомости»	16.694	19	Издаются с 1756 г. До 1862 г. газета была в распоряжении университета. С 1862 г. «Московские Ведомости» сдавались в аренду. Арендаторами были: Катков и Леонтьев — с 1862 г. до 1887 г.; Петровский — с 1887 г.; Грингмут с 1896 г. до 1908 г.; Будилович в 1908 г.; Тихомиров — с 1909 г. до 1914 г.; Назаревский с 1914 г. по настоящее время. Кандидатура последнего арендатора выдвинута протоиереем Восторговым и его единомышленниками. Задолженность газеты казне (по главному упра-

				влению по делам печати) выражается в сумме 40.993 р. 56 коп. Тираж издания — 4.000 экземпляров.
39/52	«Нур»	2.000	—	Получил ахун (а ныне оренбургский муфтий) Баязитов. Издание на татарском языке.
40/60	«Олонецкая Неделя». .	1.000	—	Деньги высылались местному губернатору.
41/25	«Орловская Жизнь» . .	9.600	—	Тоже.
42/46	«Отрезвление»	3.500	—	Выданы Плетневу, издателю журнала «Верность». (См. № 24 настоящей записки.)
3/50	«Пензенские Ведомости»	3.000	—	Субсидия выдавалась через местного губернатора, а затем с 1916 г. непосредственно редактору Дормидонову.
44/16	«Подолянин»	12.000	—	Деньги посылались местному губернскому предводителю дворянства Раковичу.
45/61	«Полдень»	1.000	—	Единовременная выдача издателю народной газеты Бурнакину, сотруднику «Нового Времени».
46/9	«Прямой Путь» . . .	29.500	—	Субсидия назначена по ходатайству члена Государственной Думы Пуришкевича. Деньги получал член союза Михаила-архангела Облеухов.
47/33	«Ревельский Вестник» .	6.000	—	Субсидия передавалась через местного губернатора.
48/29	«Рижский Вестник» . .	8.000	—	Деньги вручались инженеру Пиранг и его брату, состоящему при министре внутренних дел, полковнику Пиранг.
49/34	«Родной Край»	6.000	—	Субсидия получалась местным губернатором.
50/1	«Россия»	144.850	24	Официоз. Закрыт с мая 1914 г.
51/42	«Русская Правда» . . .	4.000	—	Деньги получались екатеринославским губернатором.
52/18	«Русская Речь» . . .	12.000	—	Субсидия посылалась одесскому градоначальнику.
53/55	«Русская Старина» . . .	1.800	—	Деньги получал редактор-издатель генерал-лейтенант Воронов.
54/53	«Русский Архив» . . .	2.000	—	Субсидия выдавалась редактору-издателю Бартеневу.
55/27	«Русское Чтение» . . .	9.000	—	Тоже—редактору-издателю генерал-майору Лубенскому.
56/23	«Revue Contemporaine»	10.200	—	Субсидия выдавалась редактору-издателю прис. пов. Башмакову, бывш. главному редактору газеты «Правительственный Вестник».
57/14	«Свобода и Порядок»	14.200	—	Газета для рабочих. Субсидию получала издательница Шабельская.
58/19	«Симбирянин»	12.000	—	Субсидию получал симбирский губернский предводитель дворянства Поливанов, а после его смерти — местный губернатор.

59/65	«Странник».	500	—	Духовно-нравственный журнал для народа. Субсидию получала издательница Артемьева.
60/28	«Северное Слово» . . .	8.400	—	Деньги посылались вятскому губернатору.
61/13	«Сев.-Западная Жизнь»	15.600	—	Тоже—минскому губернатору.
62/62	«СПБ Альманах» . . .	1.000	—	Получивший субсидию Вандерховен так и не издал обещанного «Альманаха».
63/12	«Тамбовский Край» .	15.996	—	Деньги передавались Воейкову, чиновнику особых поручений при министре земледелия.
64/57	«Тверская Газета» .	1.100	—	Субсидию получал редактор-издатель тверского губернского правления, отставной советник Озеров.
65/43	«Томский Вестник» .	4 000	—	Деньги посылались местному губернатору.
66/44	«Уфимский Край» . .	4.000	—	Тоже.
67/63	«Ученик»	1.000	—	Субсидия выдавалась издателю В. Г. Янчевецкому.
68/64	«Figaro».	303	85	За 10 экземпляров газеты. (См. № 29 1914 г. настоящей записки.)
69/20	«Харьковские Ведомости»	12.000	—	Субсидия получена женою профессора Вязигина, состоящего арендатором названной газеты.
70/36	«Холмская Русь» . .	6.000	—	Деньги посылались архиепископу Евлогию.
71/45	«Церковность» . . .	4.000	—	Субсидия получена протоиереем Восторговым.
72/35	«Черниговское Слово»	6.000	—	Деньги высылались местному губернатору.
73/8	«Южное Слово» . . .	31.600	—	Тоже—таврическому губернатору.
	Итого.	.948.376	47	

1905 г. [1]).

10/11	Съезд редакторов «Губернских Ведомостей»	5.000	—	По распоряжению министра внутренних дел, в целях выработки программы, объединяющей местные органы правительственной печати, был созван съезд редакторов «Губернских Ведомостей» под председательством главного редактора «Правительственного Вестника» князя Урусова. Последним был приглашен на этот съезд редактор-издатель «Бюро русских журналистов» Позднеев.

[1]) В 1915 году получали из рептивного фонда, по примеру 1914 г., след. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 68, 70, 71, 72 и 73; поэтому здесь они вычеркнуты.

Прим. ред.

12/13	Гр. А. В. Татищева .	3.000	—	Пособие на погребение мужа, бывшего начальника главного управления по делам печати.
15/17	В. П. Кисловский, член совета главного управления по делам печати.	250	—	Дополнительное содержание за один месяц.
16/18	К. Р. Бойль, цензор центрального комитета цензуры иностранной.	756	93	Содержание по вольному найму.
17/56	Член совета министра внутренних дел Гурлянд	6.750	—	За 9 месяцев по 750 р., за труды по комитету народных изданий в качестве члена этого комитета.
18/19	Член Государственной Думы Замысловский .	5.000	—	Назначение этой суммы составителю записки неизвестно.
19/20	Литератор Плетнев .	1.000	—	Единовременное пособие издателю «Верности». (См. № 24/1914 г.)
20/22	Член Государственной Думы Пуришкевич . .	31.000	—	На организацию и поддержание потребительской лавки, открытой при союзе Михаила-архангела. Деньги получал член союза Облеухов.
21/23	Член Государственной Думы граф Бобринский	2.000	—	Назначение этих денег неизвестно.
22/24	Литератор Сыромятников	8.500	—	По распоряжению министра внутренних дел, согласованному с министром иностранных дел, на путевые издержки по заграничной командировке в Великобританию и Северо-Американские Штаты. Цели этой командировки главному управлению по делам печати неизвестны.
23/81	Осведомительное Бюро.	690	20	Суточные деньги служащих этого бюро.
24/82	На закупку продовольственных продуктов для чинов главного управления по делам печати	3.000	—	Министром внутренних дел назначено 7.000 рублей для взаимообразных операций по продовольственной организации управления и некоторых подведомственных ему учреждений.
34/34	«Дружеские Речи» .	3.000		Еженедельный журнал для народа, издается членом совета министра Бафталовским, которому и выдается субсидия.
39/6	«Книжная Летопись» .	25.384	46	Библиографический орган главного управления по делам печати. Выходит с 1907 г.; до 1914 г. издавался под редакцией газеты «Правительственный Вестник».
41/40	«Кубанский Казачий Вестник»	2.000	—	Выдано издателю Борцу, о котором дан лестный отзыв наказным атаманом Кубанского казачьего войска.
43/42	«Луганский Листок» .	6.000		Субсидия выслана председателю славяносербской земской управы, которым возбуждено ходатайство, поддержанное сенатором Вуичем.
51/50	«Полночь»	1.000	—	Единовременная выдача издательнице журнала Козловской.

52/51	«Эхо Почтово-Телеграфное»	1.000 —	Единовременно, по ходатайству начальника главного управления почт и телеграфов.
56/55	«Россия».	862 10	Ликвидационные расходы. См. № 50 1914 г.
57/57	«Ростовский Листок»	4.800 —	Деньги высланы председателю местного отдела всероссийского национального союза.
65/65	«Сельский Вестник» .	32.000 —	На книгоиздательство и приложение к газете.
68/67	«Студенческий Вестник».	500 —	Деньги выданы чиновнику департамента полиции Кушнырь-Кушнареву.
69/68	«Студенческий Сборник».	900 —	Деньги получены издателем «Вешних Вод», редакцией которого издан этот сборник (№ 26 настоящей записки).
81/16	«Подготовительные расходы по изданию книги» [1]) в русском переводе: «Обвиняю» . . .	5.155 —	Уплачено за перевод иностранному отделу 1.155 р., а 4.000 р. — автору французского издания.
	Итого.	1.068.724 75	

1916 г. [2]).

3/4	«Бюро печати». . . .	27.165 65	С ноября 1915 г. преобразовано из Осведомительного Бюро, с непосредственным подчинением нового бюро министру внутренних дел. В показанную сумму включены расходы по содержанию и суточное довольствие служащих бюро, а также и 20.000 руб., выданные директору-распорядителю этого учреждения.
9/12	«Съезд Редакторов Губернских Ведомостей».	238 —	Дополнительно к 5.000 р., отпущенных в 1915 г. (См. № 10, 1915 г.)
11/14	Ново-Николаевский союз русского народа	8.750 —	Деньги высланы председателю союза (Томской губ.). Ходатайство об ассигновании поддерживалось членом государственного совета Римским-Корсаковым.

[1]) В подлиннике нет названия книги. *Прим. ред.*

[2]) В 1916 г. получали, по примеру 1914 г., след. №№ того года: №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 40, 41, 43, 44, 48, 49, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 63, 64, 65, 66, 70, 71, 72, 73. — По примеру 1915 г. след. №№ того же года; №№ 16, 20, 24, 34, 39, 41, 43, 57, 65, 69. Суммы, как и в 1915 г., так и в 1916 г., были соответственно повышены по сравнению с 1914 г., — все означенные №№ в списке 1916 в. вычеркнуты. *Прим. ред.*

12/21	Гр. А. В. Татищева	1.500 —	Единовременное пособие вдове бывшего начальника главного управления по делам печати.
14/16	Н. И. Левитовский (вместо Виссарионова)	3.000 —	Дополнительное содержание председателя петроградского комитета по делам печати. (См. № 17, 1914 г.)
15/17	В. П. Кисловской .	3.000 —	Дополнительное содержание за весь год. (См. № 15, 1915 г.)
17/19	А. А. Сидоров . . .	952 50	Из этой суммы 900 руб. дополнительного содержания по должности председателя московского комитета по делам печати с июля, по 150 р. в месяц, и 52 р. 50 коп. в возмещение расходов на телефонные переговоры с Петроградом.
18/20	Н. В. Лебедев . . .	130 —	Дополнительное содержание по должности правителя дел за декабрь и нескольких дней ноября 1916 года.
20/23	С. С. Окрейц . . .	500 —	Единовременное пособие бывшему сотруднику субсидировавшейся газеты «Орловская Жизнь».
21/24	Благочинный гарнизона гор. Москвы архимандрит Григорий .	3.000 —	На покрытие некоторых расходов по изданию бесплатных брошюр и листков.
23/26	Член Государственной Думы Ознобишин .	5.000 —	Пособие на издание очерков заграничной поездки парламентской делегации в Англию, Францию и Италию. Деньги Ознобишиным возвращены в казну.
24/27	Профессор Цытович .	300 —	Пособие на служебную поездку из Киева в Петроград.
25/28	Черноморский губернатор	1.000 —	На проектируемое губернатором издание газеты в Новороссийске.
28/30	«Бессарабия» . . .	12.500—	Деньги высылались руководителю газеты священнику Чекану.
31/33	«Витебский Вестник»	2.400—	С июля субсидия переводилась местному губернатору, по 400 р. в месяц.
34/36	«Вера и Жизнь» . .	3.000 —	Субсидию получил протоиерей Вярат, издающий эту газету для православных эстов на эстонском языке.
37/39	«Голос России» . .	15.000 —	Субсидию получил князь Андроников.
40/42	«Двуглавый Орел» и «Копейка»	12.000 —	Деньги высылались начальнику киевского губернского жандармского управления.
41/43	«Домовладелец» . .	30.000 —	Субсидия выдана домовладельцу г. Москвы Котлецову.
49/50	«Козьма Минин» . .	1.500 —	Деньги высылались нижегородскому губернатору.
51/52	«Кореннik»	1.000 —	Журнал московских монархистов, издаваемый Кельцевым, который получил эту субсидию. (См. № 11, 1914 г.)
54/55	«Минская Мысль» . .	8.000 —	Субсидия получена членом Государственной Думы протоиереем Околовичем.

57/58	«Наш Вестник» . . .	10.500	—	Перепечатка издаваемой штабом фронта газеты, для бесплатной рассылки по всем селениям Минской губ. Субсидия выдана местному губернатору.
58/59	«Невельский Листок»	1.000	—	Субсидия выдана невельскому, Витебской губ., уездному предводителю дворянства Сорокину.
60/61	«Орел»	4.664	—	Деньги переведены местному губернатору.
62/63	«Пастырский Собеседник»	7.500	—	Субсидию получил протоиерей Восторгов.
64/65	«Петроград»	3.000	—	Орган печати для рабочих, издаваемой Степановой (Дезорби), которая получила субсидию.
66/67	«Ревельские Известия»	3.000	—	Субсидия выдана по ходатайству морского министра.
70/71	«Русская Жизнь» . .	60.000	—	Субсидия выдана по ходатайству харьковского архиепископа Антония.
74/75	«Русский Рабочий» .	2.000	—	Субсидия назначена по ходатайству Шабельской (см. 57, 1914 г.) и членов Государственной Думы от крестьян Самчука, Москалюка и др. Выдавались деньги Заборовскому, служащему у той же Шабельской по газете «Свобода и Порядок».
75/76	«Русское Дело» . .	26.250	—	Субсидия назначена по ходатайству члена Государственной Думы Замысловского.
76/77	«Русское Знамя» . .	25.000	—	Деньги выданы д-ру Дубровину.
79/80	«Саратовский Голос» .	2.000	—	Эта газета заменила прекратившуюся «Волгу». Одним из инициаторов ее возникновения является губернский предводитель дворянства Ознобишин, получивший субсидию на «Волгу». (См. № 23, 1914 г.).
	Итого.	1.620.286	70	

Член совета главного управления по делам печати

Потемкин.

1914 г.

Сообщил *Ив. Тоболин.*

Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

В статье, напечатанной в т. V «Красного Архива» под заглавием «Верховное командование в первые дни революции», оставлен без освещения вопрос об увольнении Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

Пользуемся случаем восполнить этот пробел и приводим телеграммы, покончившие совершенно нелепое положение, созданное в переходные последние часы прежнего режима, когда во главе армии новой России оказался кандидат в диктаторы реакции 1905-6 г.г.

6 марта 1917 г. Н. Н. Романов выехал из Тифлиса в Ставку для фактического принятия верховного командования. Прибытие к активному посту главнокомандующего человека весьма определенной репутации несколько приподняло подавленное и растерянное настроение Ставки. Вновь на стенах появились портреты «любимого и обожаемого вождя», стали припоминать,

кто из старожилов Ставки служил под командой б. великого князя, загорелись надежды, и... заволновались низы: писаря, обслуживающие команды и пр. «низший» состав, чутко улавливавший перемену настроения высших чинов. Весть о скором приезде докатилась до Временного Правительства (телеграмма Алексеева от 6/III), и министры, видимо, крепко задумались над создавшимся положением. Лишь только 9 марта от Временного Правительства на имя Николая Николаевича было послано письмо следующего содержания:

«Ваше императорское высочество. Временное Правительство, обсудив вопрос о состоявшемся незадолго до отречения бывш. императора назначении вашем на пост верховного главнокомандующего, пришло к заключению, что создавшееся в настоящее время положение делает неизбежным оставление вами этого поста. Народное мнение резко и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых какой-либо государственной должности.

Временное Правительство не считает себя в праве оставаться безучастным к голосу народа, пренебрежение которым может привести к самым серьезным осложнениям.

Временное Правительство убеждено, что вы, во имя блага родины, пойдете навстречу требованию положения и сложите с себя еще до приезда вашего в Ставку звание верховного главнокомандующего. *Кн. Львов*».

Это письмо несколько запоздало в пути и попало в руки адресата, когда он уже прибыл в Могилев. Сложившаяся обстановка в целом была настолько неблагоприятна для нового главковерха, что он с большой поспешностью ответил Временному Правительству следующим письмом 11 марта за № 3180:

«Министру-председателю. В письме вашем от 9 марта от имени Временного Правительства, назначенного Государственной Думой, высказывается мысль о недопустимости занятия членами дома Романовых каких-либо государственных должностей. Правительство выражает уверенность, что во имя блага родины я пойду навстречу требованию положения и сложу с себя до приезда на Ставку звание верховного главнокомандующего.

Рад вновь доказать мою любовь к родине, в чем Россия до сих пор не сомневалась.

Согласно ст. 37 положения о полевом управлении войск, гласящей, что в случае выбытия верх. главнокомандующего во временное исполнение его обязанностей вступает начальник штаба, я сдал сего числа должность генералу Алексееву, впредь до назначения властью Временного Правительства нового верховного главнокомандующего.

Одновременно с сим прошу военного министра об увольнении меня в отставку.

Что касается до пожелания, выраженного правительством, чтобы я сдал верховное командование до приезда на Ставку, то исполнить это не мог, так как прибыл 10 марта, в 16 час., письмо же мною получено 11 марта.

Находясь на территории действующей армии, согласно положению о полевом управлении, буду исполнять распоряжения, переданные мне через вр. исп. обязан. верховного главнокомандующего ген. Алексеева. Сегодня присягу принял. *Николай*».

Никаких распоряжений отставленному главковерху исполнить не пришлось, так как через 3—4 дня он вынужден был покинуть Ставку.

Сообщил *С. Иванов.*

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.
Ответственная редакция: **Вл. Максаков.** **Вяч. Полокский.**

Издания Центрархива РСФСР.

Центрархивом выпущены следующие книги:

1. «Красный Архив», т.т. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10. Под редакцией В. В. Адоратского, В.В. Максакова, М. Н. Покровского, В. И. Полонского и В. М. Фриче.
2. Русско-германские отношения. (Сборник секретных документов.) С предисловием М. Н. Покровского.
3. Ф. М. Достоевский. Исповедь Ставрогина (неизданные главы из громана «Бесы») и житие великого решника. (План романа.) Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.
4. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.
5. Дневник А. Г. Достоевской.
6. Сборник материалов и статей по архивному делу.
7. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакцией и с предисловием Вл. Максакова.
8. И. С. Тургенев. (Новые материалы.)
9. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.
10. «Архивное дело». Выпуски I, II, III—IV и V.
11. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.
12. А. П. Чехов. Неизданная пьеса.
13. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.
14. Политические процессы 60-х годов: вып. I. Под редакцией Б. П. Козьмина.
15. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского.
16. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. С предисловием М. Н. Покровского.
17. Бакунин (материалы для биографии). Под редакцией В. П. Полонского.
18. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. вып. IV. Под редакц. Б. Б. Веселовского, В. М. Фриче и В. И. Пичета.
19. Письма Победоносцева к Александру III, т. I. С предисловием М. Н. Покровского.
20. Южно-русские рабочие союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.
21. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского и с предисловием В. И. Невского.
22. Русско-Японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.
23. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.
24. Царская Россия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.
25. Восстание декабристов. Материалы, т. I. Под редакцией А. А. Покровского, с предисловием М. Н. Покровского.
26. Революция 1848 г. во Франции. Под редакцией и с предисловием С. Красного и Г. Зайделя.
27. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией В. В. Максакова.
28. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.
29. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.

30. Ленские события. Под редакцией А. Лозовского.
31. Восстание декабристов. Т. VIII (Алфавит декабристам). Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.
32. Разложение армии в 1917 г. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.
33. Правила постановки архивной части делопроизводства в государ., профессион. и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР.

Материалы по истории восстания декабря 1825 года.

Под общей редакцией *М. Н. Покровского.*

1. «Восстание декабристов» (Следственное дело). Т. т. I (вышел в свет), II, III, IV, V и VI печатаются.
2. «Русская Правда» П. И. Пестеля. Под редакцией С. С. Мильмана и С. Н. Чернова (печатается.)
3. Восстание декабристов, т. VIII (Алфавит декабристам). Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса (вышел в свет).
4. Восстание Черниговского полка. Под редакцией Ю. Г. Оксмана. (печатается).
5. М. Н. Покровский. Декабристы. Общий очерк.
6. А. Е. Пресняков. «День 14 декабря» (печатается).
7. П. Е. Щеголев. Восстание Черниговского полка.
8. С. С. Мильман. П. И. Пестель.
9. М. В. Нечкина. Общество Соединенных славян.
10. Описи архивных дел по истории декабристов.
11. Библиография. Н. К. Пиксанов и Н. М. Ченцов.
12. Хрестоматия. Сост. Ю. Г. Оксман, при участии Н. Лаврова и Б. Модзалевского (печатается).

1917 г. в документах и материалах.

Под редакцией *М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.*

1. 1-й Съезд Советов.
2. Петроградский Совет Р. и С. Д. 1917 г. (вышла в свет).
3. Аграрное движение в 1917 г.
4. Рабочее движение в 1917 г. (печатается).
5. Движение железнодорожников в 1917 г. (печатается).
6. Разложение армии в 1917 г. (вышла в свет).
7. Материалы II Съезда Советов.
8. Буржуазия перед революцией (печатается).

Материалы по истории рабочего движения в России.

Под общей редакцией *А. Лозовского.*

1. Морозовская стачка. С предисловием В. Н. Невского (вышла в свет).
2. Стачечное движение 90-х годов (печатается).
3. Рабочее движение начала 900-х годов.
4. Стачечное движение 1905 года.
5. Рабочее движение в годы революции.
6. Ленские события (вышла в свет).
7. Рабочее движение в годы войны (печатается).
8. Материалы по истории рабочего законодательства (печатается).

---

1. Пугачевщина, т. I. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского (печатается).
2. Политические процессы 60-х годов. в. II.
3. Политические процессы 70 и 80 г. г. Под редакцией В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева.
4. Крестьянские движения до 60 г. г. XIX стол. (печатаются).
5. Пугачевщина, т. II и III.
6. 1 марта 1887 г. (Дело Александра Ульянова, П. Шевырева и др.) (печатается).
7. Материалы по истории «Народной Воли».
8. Дневник Л. Тихомирова. Под редакцией В. М. Фриче (печатается).
9. Студенческое движение 1905 г.
10. Революционное движение в армии и флоте.
11. Последние дни Колчаковщины. (печатается).
12. Переписка Николая и Александры Романовых. т. т. IV и V (печатается).
13. Письма Победоносцева к Александру III. Т. II (печатается).
14. Дневник Ламздорфа. Под редакцией Ф. А. Ротштейна (печатается).
15. Дневник Е. А. Перетца (печатается).
16. Русско-польские отношения (печатается).
17. Русский империализм на Дальн. Востоке.
18. Наказы депутатам в I Гос. Думу.
19. Письма Ф. М. Достоевского к жене. Под редакцией В. Ф. Переверзева (печатается).
20. Из архива Ф. М. Достоевского. Материал к роману «Идиот». Под редакцией П. Н. Сакулина.
21. Материалы к роману «Преступление и наказание». Под редакцией И. И. Гливенко.
22. Материалы к роману «Бесы». Под редакцией Н. Л. Бродского.
23. Материалы к роману «Подросток». Под редакцией В. Ф. Переверзева.
24. Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакцией П. Н. Сакулина.
25. Европейская биржа и русские финансы во время русско-японской войны. Под ред. Е. А. Преображенского (печатается).
26. 14 декабря 1825 г. в письмах и воспоминаниях царской семьи. Под редакцией Б. Е. Сыроечковского (печатается).
27. Стенографический отчет о работах первого съезда архивных деятелей (печатается).

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ ТОМОВ В ГОД.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Авдеев, Н. Н.; Адоратский, В. В.; Алексеев, В. П.; Алексеев, Мих. П.; Аннинский, С. А.; Бельчиков, Н. Ф.; Богоявленский, С. К.; Бродский, Н. Л.; Валк, С. Н.; Васильева, Е. А.; Вегман, В. Д.; Воинова, К. И.; Гиваргизова, А. П.; Гливенко, И. И.; Голубцов, С. А.; Горбов, Дм. А.; Гордон, Г. О.; Граве, С.; Грузинский, А. Е.; Дубровский, С. М.; Егоров, Д. Н.; Зайончковский, А. М.; Залкинд, С. И.; Захер, Я. М.; Какурин, Н. Е.; Кантор, Р. М.; Клевенский, М. М.; Козьмин, Б. П.; Константинов, М. М.; Котельников, К. Г.; Лавров, Н. Ф.; Левин, Ш. М.; Лелевич, Г.; Любимов, С. В.; Максаков, В. В.; Меллер, В. Л.; Невский, Вл. И.; Нечаева, В. Н.; Николаев, А. С.; Окман, Ю. Г.; Переверзев, Б. Ф.; Переселенков, С. А.; Пионтковский, С. А.; Покровский, А. А.; Покровский, М. Н.; Полонский, В. П.; Полянский, Вал.; Попов, А. Л.; Пушкин, Б. С.; Раскольников, Ф. Ф.; Рафес, М. Г.; Рейснер, М.; Романов, Б. А.; Ротштейн, Ф. А.; Сергеев, А. А.; Сергиевский, Н. Л.; Сидоров, Н. И.; Сыроечковский, Б. Е.; Сыроечковский, В. Е.; Тарле, Е. В.; Татаров, И. Л.; Тоболин, И. И.; Турунов, А. Н.; Флеер, М. Г.; Фриче, В. М.; Фрумкина, М. (Эстер); Цвибак, М.; Чулков, Н. П.; Шилов, А. А.; Шляпников, А. Г.; Щеголев, П. Е.; Яковлев, Я. А.; Якушкин, В. Е.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ:

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.— Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.— Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.— Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и М. В. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910 — 1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.— **Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России. — Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.— Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста**: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“.—Достоевский в Твери.—Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.—Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.—Русско-германский договор 1905 г.—Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка.)—Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.)—Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина.—Письма участников процесса 193-х.—Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату.—С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.—Верховное командование в первые дни революции. Из переписки Николая I в декабре 1825 г.—Письма Д. И. Писарева из крепости.—Два письма П. Ф. Якубовича.—**Из записной книжки архивиста:** Г. В. Плеханов и „шпионские забавы".—Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.—В. Чернов и июльские дни.—Распутин в освещении охранки.—От редакции.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут.—Константинополь и проливы.—Нечаев в Алексеевском равелине.—Из архива Л. Тихомирова.—Временное правительство после Октября.—Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову.—Л. Толстой и помощь голодающим.—**Из записной книжки архивиста:** Два письма Карла Маркса.—Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой.—К иконографии декабристов.—Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Протсмут (окончание).—Константинополь и проливы (окончание).—Из дневника А. Н. Куропаткина.—Автобиографическая записка и письма С. Ширяева.—М. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson".—Достоевский „Преступление и Наказание".—Омские события при Колчаке.—**Из записной книжки архивиста:** Неизданный манифест Исполнительного Комитета „Народной воли".—Неизданные письма Л. Толстого Иславиным.—Стихотворение Я. П. Полонского „Простая быль".

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.—Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г.—Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г.—март 1906 г.).—Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 г.г.).—Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича).—Октябрьский переворот и ставка.—Омские события при Колчаке (окончание).—Указы Пугачева и его коллегии.—Литература 60-х годов по отчетам III отделения.—Ф. М. Решетников и „Северная Пчела". Неизданная сказка А. П. Чехова.—**Из записной книжки архивиста:** Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве.—В годы реакции.—Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову.—Николай Романов 28 февраля—4 марта 1917 г.—Пенсионная практика Временного Правительства.—Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание).—Отражение событий 1905 г. за границей.—Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г.—Крестьянское движение 1905 г. Волнения во флоте в 1915 г.—Из дневника ген. В. И. Селивачева.—Показание А. Д. Протопопова.—Октябрьский переворот и ставка (окончание).—Вокруг Гатчины.—Записка А. К. Бошняка.—Марксисткая периодическая печать 1896—1906 г.г.—**Из записной книжки архивиста:** „План убийства" Вильгельма II.—Письмо Балашова к Столыпину.—Письмо Гапона.—Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г.—Похороны Н. В. Гоголя.

СПИСОК

ЛИЦ, ПОМЕСТИВШИХ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ В 1—10 ТОМАХ ЖУРНАЛА „КРАСНЫЙ АРХИВ".

Н. Н. Авдеев.
Вл. В. Адоратский.
В. Азлецкая.
А. А. Александров.
В. П. Алексеев.
Мих. П. Алексеев.
С. А. Аннинский.
Н. Ф. Бельчиков.
Д. Д. Благой.
С. К. Богоявленский.
Н. Л. Бродский.
С. Н. Валк.
К. И. Виноградов.
К. И. Воинова.
И. И. Гливенко.
С. А. Голубцов.
Д. А. Горбов.
Г. О. Гордон.
А. Е. Грузинский.
В. И. Дзюбинский.
В. И. Дмитриев.
С. М. Дубровский.
Д. Н. Егоров.
А. М. Зайончковский.
С. И. Залкинд.
Я. М. Захер.
Н. Е. Кокурин.
Р. М. Кантор.
Б. П. Козьмин.
М. М. Константинов.
А. С. Кутузов.
Н. Ф. Лавров.
Ш. М. Левин.
Г. Лелевич.
С. В. Любимов.
В. В. Максаков.
В. Л. Меллер.
Вл. И. Невский.
В. С. Нечаева.
А. С. Николаев.
Ю. Г. Оксман.
В. П. Олисов.
В. Ф. Переверзев.
С. А. Переселенков.
С. А. Пионтковский.
В. И. Пичета.
М. Н. Покровский.
В. П. Полонский.
Вал. Полянский.
А. И. Попов.
А. Л. Попов.
Б. С. Пушкин.
Ф. А. Раскольников.
М. Г. Рафес.
М. И. Рейснер.
Б. А. Романов.
Ф. А. Ротштейн.
А. А. Сергеев.
А. Н. Савин.
А. А. Сидоров.
Н. Н. Столов.
Б. Е. Сыроечковский.
Е. В. Тарле.
И. И. Тоболин.
М. Г. Флеер.
В. М. Фриче.
М. Фрумкина (Эстер.)
Н. П. Чулков.
А. Г. Шляпников.
П. Е. Щеголев.
Я. А. Яковлев.
Б. Е. Якушкин.

ПЕЧАТАЕТСЯ
11-12-й ТОМ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА
„КРАСНЫЙ АРХИВ“

Под ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского В. П. Полонского и В. М. Фриче.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Снимок с автографа В. И. Ленина.
2. *М. Н. Покровский.* „1905 г.“
3. 9 января 1905 г. Предисловие и сообщение *Б. А. Романова.*
4. Проект манифеста о событиях 9 января 1905 г. Предисл. *Ванага,* сообщение *А. С. Николаева.*
5. Манифест 17 октября 1905 г. Предисл. и сообщение *И. Л. Татарова.*
6. Из архива С. Ю. Витте.
7. Доклады С. Ю. Витте.
8. Хроника вооруженной борьбы (дек. 1905 г.). Предисл. *В. И. Невского.*
9. Аграрные волнения. Предисловие *С. М. Дубровского.*
10. Флот в 1905 г.:
    а) Восстание на Пруте.
    б) „Георгий Победоносец“.
    в) „Потемкин“ в Румынии.
    г) Волнения в Кронштадте.

    } Предисловия и сообщения *К. И. Воиновой.*
11. Прибалтийский край в 1905 г. Предисл. *т. Стучка.*
12. Движение в войсках на Д. Востоке. Предисл. *Лебергской.*
13. Штурм Пресни.
14. Заем 1906 г. в донесениях русского посла. Статья *А. Л. Попова.*

Из записной книжки архивиста:

1. Николай II в 1905 г. Сообщил *М. Константинов.*
2. Письма Николая II Дубасову. Сообщил *Н. Л. Татаров.*
3. К убийству Н. Баумана. Сообщила *К. И. Воинова.*
4. Подвиги Меллер-Закомельского. Сообщила *К. И. Воинова.*
5. К истории 9 января 1905 г. Сообщил *Н. Ф. Лавров.*
6. Из бумаг ген. Трепова. Сообщил *Ю. Г. Оксман.*

НАХОДИТСЯ В ПЕЧАТИ 13-й ТОМ ЖУРНАЛА
„КРАСНЫЙ АРХИВ“,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ЮБИЛЕЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ 14 дек. 1825 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. П. И. Пестель. Практические принципы политической экономии. Сообщение с пред. *С. С. Мильмана.*
2. Переписка Якушкина и Кочубея об освобождении крестьян. Сообщение с предисл. *Н. Ф. Лаврова.*
3. Записка Н. И. Тургенева. Сообщение с предисл. *Н. Ф. Бельчикова.*
4. М. Ф. Орлов и 14 декабря. Сообщение с предисл. *П. С. Попова.*
5. П. И. Пестель в письмах ко отцу. Сообщение *А. О. Круглого.*
6. Имущественное положение декабристов. Сообщение с предисловием *С. Н. Чернова.*
7. Восстание Черниговского полка в показаниях участников. Сообщение с предисл. *Вл. С. Сыроечковского.*
8. Аресты декабристов (Таблица и комментарий). Сообщение *Б. С. Пушкина.*
9. Отголоски декабрьского восстания. Статья *В. А. Гонцовой.*
10. Зерентуйское восстание. Статья *М. В. Нечкиной.*

Из записной книжки архивиста:

1. Из писем и записок декабр. В. Ф. Раевского. Сообщение *Ю. Г. Оксмана.*
2. Исаакиевские рабочие о 14 декабря 1825 г. Сообщение *Н. Ф. Лаврова.*
3. Никие чины Моск. полка о 14 декабря 1825 г. Сообщение *А. В. Шебалова.*
4. Рассказ Телешова о 14 декабря. Сообщение *Б. Е. Сыроечковского.*
5. К истории казни над декабристами:
    а) Два прошения Е. И. Бибиковой о свидании с братьями. Сообщение *Б. Е. Сыроечковского.*
    б) Казнь моряков-декабристов. Сообщение *А. К. Дрезена.*
6. Заметки Николая в месяцеслове. Сообщение *А. С. Николаева.*

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

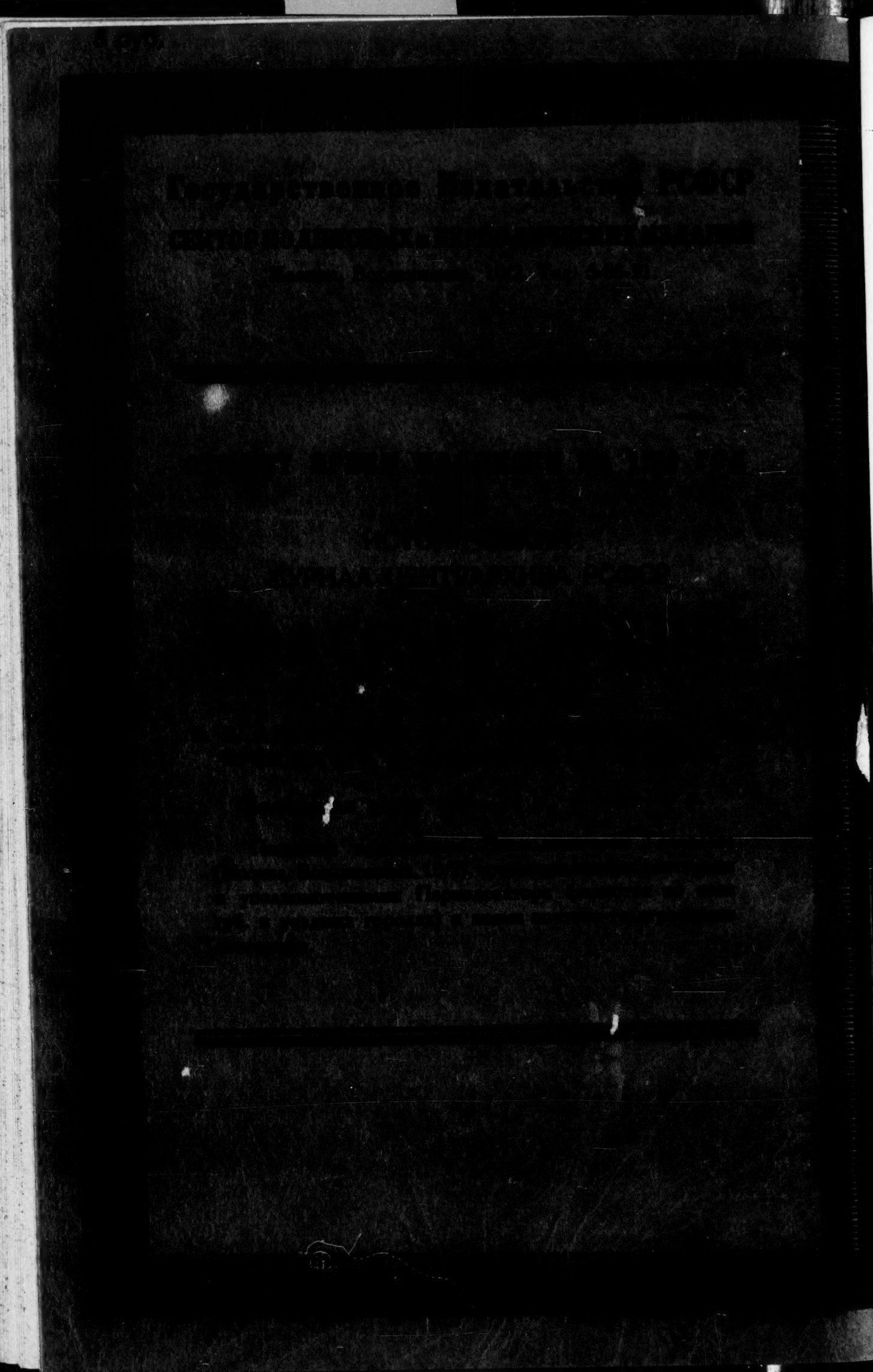
ЦЕНТРАРХИВОМ ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. „Красный Архив", т. т. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.
2. Русско-германские отношения. (Сборник секретных документов.) С предисловием М. Н. Покровского.
3. Ф. М. Достоевский. [illegible]
4. [illegible] Н. К. [illegible]
5. Дневник А. Г. Достоевской.
6. Сборник [illegible]
7. [illegible]
8. [illegible]
9. Крестьянское движение [illegible] Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.
10. „Архив [illegible]" т. I, II и III—IV.
11. [illegible]
12. [illegible]
13. [illegible]
14. [illegible]
15. [illegible]
16. [illegible]
17. М. А. Бакунин. (Материалы для биографии.) Под ред. В. П. Полонского.
18. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. Вып. IV. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. М. Фриче и В. И. Пичета.
19. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисловием М. Н. Покровского.
20. [illegible]
21. [illegible]
22. Русско-японская война. [illegible] А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.
23. Сборник [illegible]
24. [illegible]
25. [illegible] Под ред. [illegible] А. Покровского с предисловием М. Н. Покровского.
26. Переписка [illegible]
27. [illegible]

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ и ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ

[illegible] 1927 г.

Под редакцией М. Н. Покровского.

1. Следственное дело. Т. I [illegible] II, III, IV, V и VI [illegible]
2. „Русская Правда" П. И. Пестеля. Под ред. [illegible]
3. [illegible]
4. Восстание Черниговского полка. Материалы. Под ред. Ю. Г. Оксмана.
5. М. Н. Покровский. Декабристы. Общий очерк.
6. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 г. (Печ.)
7. П. Е. Щеголев. Восстание Черниговского полка.
8. С. С. [illegible] П. И. Пестель.
9. [illegible] Северное общество.
10. [illegible]
11. Декабристы и [illegible] Составили Н. К. Пиксанов и [illegible]
12. [illegible] сост. Ю. Г. Оксман [illegible]

1. [illegible]
2. Армия [illegible] в 1917 г. (Печ.)
3. Рабочее движение в 1917 г.
4. [illegible] в 1917 г. [illegible]
5. [illegible]
6. [illegible]
7. Буржуазия [illegible]